

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30,
кабинет № 126

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

Office number 126,
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 15, № 5
2020

Vol. 15, No. 5
2020

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Филологические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Coционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Тематика журнала связана с *ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры*. Проблематика смысла обнаруживается в вопросах экзистенциального плана, места и роли человека в современном мире, культуре и обществе, трансформации идентичности и эволюции социокультурных средств самосознания человека, кризиса культуры и её ценностных оснований. Согласно актуальному культурно-семантическому подходу любое явление культуры и общества рассматривается в качестве культурного текста, обладающего соответствующей ценностью и кодирующего культурные смыслы с помощью различных знаковых систем.

В контенте номера представлено осмысление социокультурных проблем в рамках русской и зарубежной филологии, аксиологии медиадискурса, языковой картины мира и поэтики текста.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2020

Редактор Е. В. Валюкова, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 20.10.2020. Дата выхода в свет 22.10.2020.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 20111.

Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Philological Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editor

Pimenova, Marina V., Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign languages (St. Petersburg, Russia);

Kulikova, Elena Yu., Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, ArbiCon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The dominant subject matter of the journal is connected with *key meanings, values and artifacts of culture*. The problem of meaning is found in existential issues, questions of place and role of the person in the modern world, culture and society, transformation of identity and evolution of sociocultural means of person's consciousness, crisis of culture and its value foundations. Within the framework of a relevant cultural and semantic approach, any phenomenon of culture and society is considered as a cultural text possessing an appropriate value and coding cultural meanings.

The issue is a collection of original and review scientific papers on the Russian and world philology, axiology, media discourse, linguistic worldview, and text poetics.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2020

Editor E. V. Valyukova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 20.10.2020. Date of publication 22.10.2020.

Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 20111.

Conv. quires 23,0. Ed.-print quires 20,3. Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Игнатович Татьяна Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрон**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Ignatovich, Tatiana Yu.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of History, Anthropology, California State University (California, USA); Alla A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

<i>Васильева Г. М.</i> , Аксиология перевода трагедии «Фауст» в контексте русско-европейских межкультурных связей	8
<i>Куликова Е. Ю.</i> «И снова скальд чужую песню сложит...»: «морские», «шотландские», «майские» и другие балладные стилизации Георгия Иванова	16
<i>Налегач Н. В.</i> Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928)	28
<i>Денисова Е. А.</i> Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов	36
<i>Молькова Е. Б.</i> Ален Роб-Грийе и Натали Саррот: в лабиринтах метафор	44
<i>Пасер-Илич С.</i> «Ничья земля» Десанки Максимович в свете теории интертекстуальности	53

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

<i>Абдолmaleки К. С., Аштиани Н.</i> Концепт «собака» в пословицах и фразеологизмах русского и персидского языков	62
<i>Акматов Б. М.</i> Героический эпос «Манас» и роль Мухтара Ауэзова в его популяризации	70
<i>Фэн Цзунжэнь</i> Картина мира в творчестве художника	79
<i>Кун М.</i> Образ позднесоветского пионерского лагеря в произведениях российской массовой культуры 2010-х годов	85
<i>Хань Бин</i> Возникновение русско-китайского пиджина как рефлексии языковых контактов	94

АКСИОЛОГИЯ МЕДИАТЕКСТА

<i>Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.</i> Лингвистические приёмы антироссийской пропаганды – новый тренд массмедиа Германии	99
<i>Рева Е. К., Межина В. А.</i> Особенности предоставления контента на YouTube об экстремальных ситуациях: жанры и форматы	110
<i>Евсеев А. Ю., Ерофеева И. В.</i> Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской республики как инструмент национальной идентификации	116
<i>Тепляшина А. Н.</i> Динамика аргументации в дискурсе о внутреннем туризме	126

СМИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

<i>Стровский Д. Л., Антошин А. В.</i> Тема репатриации евреев из СССР в советских СМИ как проявление медиапропаганды 1970-х годов (на примере газеты «Известия»)	135
<i>Ахмадулин Е. В.</i> «Новость» как основа журнализма	149
<i>Вырощева Е. В., Индутная Т. А., Симакова С. И.</i> Дизайн как средство создания публицистического образа в инфографике	155
<i>Дементьева К. В.</i> Медиакоммуникации региона в условиях распространения коронавируса: особенности медиаповестки и вовлечённости аудитории	166
<i>Сидоров В. А.</i> Игры как институт культуры «цифрового» пространства	176

УГОЛ ЗРЕНИЯ: РЕЦЕНЗИЯ

<i>Ильченко С. Н.</i> Жестокая реальность фантазмагии	186
<i>Задорина А. О.</i> И ели все, и насытились (рецензия на книгу «Изобилие и аскеза в русской литературе»)	189
<i>Звенящая струна: душа учёного (поэтическая страничка)</i>	192

CONTENTS

POETICS AND HISTORY OF THE TEXT

Vasilyeva G. M. Axiology of Faust: A Tragedy Translation in the Context of Russian-European Intercultural Relations	8
Kulikova E. Yu. “And Again, the Skald Will Add Someone Else’s Song”: “Marine”, “Scottish”, “May” and Other Ballad Stylizations by Georgy Ivanov	16
Nalegach N. V. The Role of the Motive of Reading in K. Paustovsky’s Novel Shining Clouds (1928)	28
Denisova E. A. Poetics of the Story Dere – Water Wedding (1932) in the Context of V. Mart’s Far Eastern Prose of the 1920–1930s	36
Mol’kova E. B. Alain Robbe-Grillet and Nathalie Sarraute: in the Labyrinths of Metaphors	44
Paser Ilic S. “Nobody’s Land” by Desanaka Maksimovic in the Light of the Intertextuality Theory	53

LINGUISTIC AND CONCEPTUAL WORLDVIEW

Abdolmaleki K. S., Ashtiani N. The Concept of “Dog” in Proverbs and Phraseological Units of the Russian and Persian Languages	62
Akmatov B. M. The Heroic Epic of Manas and Mukhtar Auezov’s Role in Its Popularization	70
Feng Zongren Picture of the World in the Artist’s Work	79
Kuhn M. The image of Late Soviet Pioneer Camp in Russian Mass Culture Works of the 2010s	85
Han Bing The Emergence of the Russian-Chinese Pidgin as a Reflection of Language Contacts	94

AXIOLOGY OF MEDIA TEXT

Mel’nik K. S., Misonzhnikov B. Ya. Linguistic Methods of Anti-Russian Propaganda – a New Trend in the German Mass Media	99
Reva E. K., Mezhina V. A. Features of Providing Content on YouTube about Extreme Situations: Genres and Formats	110
Evseev A. Y., Erofeeva I. V. The Media Image of the North Caucasus in the Chechen Republic Mass Media as an Instrument of National Identification	116
Tepliyashina A. N. The Dynamics of Argumentation in the Discourse on Domestic Tourism	126

MEDIA: PAST, PRESENT, FUTURE

Strovsky D. L., Antoshin A. V. The Theme of Repatriation of Jews from the USSR in the Soviet Media as a Manifestation of Media Propaganda in the 1970s (The Case of the Izvestia Newspaper)	136
Akhmadulin E. V. The “News” as the Basis of Journalism	149
Vyrovvtseva E. V., Indutnaya T. A., Simakova S. I. Design as a Means of Creating a Journalistic Image in Infographics	156
Dementieva K. V. Media Communications of the Region in the Context of the Spread of Coronavirus: Features of the Media Agenda and Audience Involvement	166
Sidorov V. A. Games as a Cultural Institute of the “Digital” Space	176

ANGLE OF VIEW: REVIEW

Il’chenko S. N. The Cruel Reality of Phantasmagoria	186
Zadorina A. O. And they All Ate and Were Satisfied: Review of the Book “Abundance and Asceticism in Russian Literature”	189
A Ringing String: the Soul of a Scientist (Poetic Rubric)	192

ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

POETICS AND HISTORY OF THE TEXT

УДК 801.112-2Ге82-2

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-8-15

*Галина Михайловна Васильева,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления
(г. Новосибирск, Россия),
e-mail: vasileva_g.m@mail.ru*

Аксиология перевода трагедии «Фауст» в контексте русско-европейских межкультурных связей

Обращение к проблеме связано с актуализацией концепции всемирной литературы в западной науке. Актуальность темы определяется необходимостью диахронического и синхронического описания переводов трагедии И. Гёте в контексте достижений сопоставительного литературоведения. Учёные-переводеды манифестируют преемственность по отношению к Гёте. История перевода обретает континуальное измерение. В изучении классиком внутренней морфологической структуры перевода выделяют присущий ей экзистенциальный потенциал, ревитализацию текста. Цель исследования – рецепция и филиация идей Гёте о переводе, которая лежит в основе культурной преемственности. Цель предопределила задачи: проанализировать интроспективную интерпретацию Гёте понятия «статус переводчика» с проекцией на читателя, рассмотреть поэтический идиолект и социокультурные основы перевода трагедии. Метод культурного трансфера применяется для анализа изменений в переводе как принимающем произведении; герменевтический метод с элементами тезаурусного и феноменологического подходов помогает постичь архетипы, сохраняющие устойчивость. В статье исследуются переводческие стратегии трагедии в контексте эталонных и «экспертных» представлений Гёте о переводе. Он признавал, что всякий текст переводим на другой язык – приблизительно или точно. В переводе оригинал не только себя воспроизводит, но и «растёт». Гёте считал перевод, воссоздание системы произведения в другом языке регенерацией, усилением. Он рассмотрел целый ряд культурологических, исторических вопросов перевода. Соотношение между переводимым и неперевоаемым особенно непрочно благодаря спонтанности Гёте, художника и мыслителя. В результате текст звучит не как ориентированный в вечность поэтический акт, но неповторимо лично, как высказывание «здесь и теперь». Гёте называл прозаический текст стихотворного произведения «пробудителем голода»: он побуждает читателя к изучению подлинника. Подстрочник, экстенсивный путь следования от фразы к фразе без пропусков подразумевают академическую точность и составляют своего рода семантический эталон Гёте, который приводит в разных сценах одни и те же строки (семантические аксиомы), выделяет слова с «уменьшительной» семантикой. Многие высказывания строятся по законам паремии. Языки, которые не входят в один культурный ареал, дают примеры выразительных расхождений. Подход большинства русских переводчиков можно назвать ассимилирующей стратегией.

Ключевые слова: регенерация текста, диминутивность, императивный контур, экспрессивно-номатопозитическая лексика

*Galina M. Vasilyeva,
Novosibirsk State University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia),
e-mail: vasileva_g.m@mail.ru*

Axiology of Faust: A Tragedy Translation in the Context of Russian-European Intercultural Relations

Appealing to the problem is associated with updating the concept of "world literature" in Western science. The relevance of the topic is determined by the need for a diachronic and synchronous description of the I. Goethe's tragedy translations in the context of the comparative literature achievements. The history of translation takes on a continual dimension. In studying the translation's internal morphological structure by the

© Васильева Г. М., 2020

classic, they highlight the existential potential inherent in it, the revitalization of the text. The purpose of the study is reception and filiation of Goethe's ideas towards translation, which underlies cultural continuity. The goal has predetermined the tasks: to analyze Goethe's introspective interpretation of the concept of "status of a translator" with a projection onto the reader, to consider the poetic idiolect and sociocultural foundations of tragedy translation. The cultural transfer method is used to analyze changes in translation as a receiving work; the hermeneutic method with elements of the thesaurus and phenomenological approaches helps to understand the archetypes that maintain stability. The tragedy translation strategies in the context of Goethe's etalon and "expert" ideas about translation are explored in the article. Goethe acknowledged that we translate every text into another language – approximately or precisely. In translation, the original not only reproduces itself, but also "grows". He considered the translation, the reconstruction of the work system in another language, regeneration, amplification. Goethe examined a number of cultural, historical translation issues. The relationship between translatable and untranslated is especially fragile due to the spontaneity of Goethe, the artist and the thinker. As a result, the text does not sound like an eternity-oriented poetic act, but in inimitably private, like the statement "here and now". Goethe called the prose text of the poetic work "the initiator of hunger": it encourages the reader to study the original. Interlinear, an extensive path from phrase to phrase without omissions, implies academic accuracy and is a kind of semantic standard. Goethe leads in different scenes the same lines (semantic axioms), highlights words with "diminutive" semantics. Many statements are based on the rules of paroemia. Languages that are not within the same cultural range provide examples of expressive discrepancies. The approach of the most Russian translators can be called an assimilating strategy.

Keywords: text regeneration, diminutiveness, imperative outline, expressive onomatopoeitic vocabulary

Введение. Обращение к данной проблеме связано с актуализацией концепции всемирной литературы в западной науке и культуре [8, с. 301; 10]. Об этом свидетельствует филологический роман Ж. Давида «Призраки Гёте: метаморфозы "мировой литературы"» (*Spectres de Goethe: Les métamorphoses de la "littérature mondiale"*, 2011) [11]. Универсальная идея Гёте возникла в Европе, пережившей исторические потрясения [9; 13; 14, с. 15]. Актуальность темы определяется необходимостью диахронического и синхронического описания переводов трагедии в контексте достижений сопоставительного литературоведения. Мы продолжаем традицию сочинений Г. Тури [15] и И. Эвен-Зохара [12], посвящённых понятию переводческих норм: сопоставление генетически родственных текстов, изучение перевода в контексте других переводов, сосуществующих в одном культурно-языковом пространстве. Важно уточнить приёмы лингвопоэтического анализа и критерии переводческой эквивалентности в соотношении с динамикой историко-литературных интересов и норм. Специалисты по теории и прагматике перевода (А. Берман, С. Баснет, Л. Венути, А. Нойберт) – независимо от того, носят их работы канонизирующий или ревизионистский характер, – обычно не прибегают к терминологическим неологизмам. Они обращаются к опыту Гёте, размышляя о диалоге культур, об этноцентричной природе перевода и переводческой этике [16; 17]. Тем самым учёные стараются сохранить возможность исторической, биографической континуализации и создать символическую генеалогию, которая стано-

вится дополнительным легитимирующим аргументом. Приводя общефилософские доводы, они апеллируют к имманентному эмпирическому анализу литературного материала. В работах этих учёных всегда присутствует апофатическая часть: аналитическая рефлексия над тем, что утрачено в переводе. Перевод становится предметом этической рефлексии: художественные амбиции авторов могут привести к эстетическому соблазну.

Цель исследования – рецепция и филиация идей Гёте о переводе, которая лежит в основе культурной преемственности. Цель предопределила задачи: проанализировать интроспективную интерпретацию Гёте понятия «статус переводчика» с проекцией на читателя, рассмотреть поэтический идиомат и социокультурные основы поэтики перевода трагедии «Фауст».

Методология и методы исследования. Метод культурного трансфера применяется для анализа изменений в переводе как принимающем произведении; герменевтический метод с элементами тезаурусного и феноменологического подходов помогает постичь архетипы, сохраняющие устойчивость, несмотря на социокультурные изменения. Они предполагают целостную интерпретацию символического пространства творчества художника.

Мысли Гёте, облечённые в свободную (часто автобиографическую) форму, были созвучны поискам академическим. На взгляд писателя, разложение структуры текста на отдельные элементы (фрагментация) является позитивно маркированной процедурой, связанной со стремлением к ревитализации

текста. Между аналитически разделенными элементами устанавливается морфологическая взаимосвязь. Создавая морфологическую модель перевода, Гёте использует органицистский язык. На уровне оговорок, примеров, повторения образов видно, что за представлением о концепте скрыт живой образ. Прибегая к соматической метафоре, Гёте называл прозаический текст стихотворного произведения “Hungersweckerin” – «пробудителем голода». Он побуждает читателя к изучению подлинника. Органической частью нашего комментария трагедии Гёте стал сделанный нами подстрочник – экстенсивный путь следования от фразы к фразе без пропусков. Он подразумевает академическую точность и составляет своего рода семантический эталон. Текст-подстрочник обретает нейтральный вид, ему присуща языковая «монотонность». Он не вуалирует трудные места, наоборот, помогает понять, в чем состоит их трудность. В данном случае речь идёт о переводе, преследующем экспликативные цели. Он может быть охарактеризован как служебный и в то же время «компромиссный» учебный прозаический подстрочник. Именно буквальный перевод облегчит подступы к интерпретационной части исследования. Следующая ступень, художественный перевод, представляет собой один из вариантов, который постоянно уточняется.

Гёте, подобно многим предшественникам и последователям, писал о переводе как дерзновенном виде языковой практики. Представители классической немецкой филологии XIX века обычно подчёркивали «непонимание» изучаемого текста. Направление научных изысканий Гёте, связанных с переводом, диктовалось прежде всего его эстетическими пристрастиями. Писатель признавал, что всякий текст переводим на другой язык – приблизительно или точно. В переводе оригинал не только себя воспроизводит, но и «растёт». Он считал воссоздание системы произведения в другом языке регенерацией, усилением.

Гёте рассмотрел целый ряд культурологических, исторических вопросов перевода. Требованию писателя в определённой степени отвечает рассуждение Новалиса о «мифотворческих переводах»: «Они передают чистую идеальную сущность индивидуального художественного произведения. <...> Для этого нужен человек, в сознании которого полностью соединились поэзия и философия» [5, с. 105]. По убеждению Гёте, к данному типу приближается «Дон Кихот» в

переводе Л. Тика: точный и воплощающий философско-поэтическую концепцию романа он вызвал одобрение классика.

Гёте следил за переводами «Фауста» на европейские языки. Он порадовался высокой оценке, данной рецензентом, господином Ампером, первому переводу на французский язык драматических произведений немецкого писателя [7, с. 516, 520]. Они были выполнены М. А. Штапфером (1826). В 1828 году Жерар де Нерваль удостоился одобрения автора за первую часть трагедии. Вопреки французской традиции перелагать поэтические тексты прозой, этот третий по счёту перевод во Франции содержал также несколько стихотворных отрывков.

Соотношение между переводимым и непереводаемым особенно непрочно благодаря спонтанности Гёте как художника и мыслителя. В результате текст звучит не как ориентированный в вечность поэтический акт, но неповторимо лично, как стихийное высказывание «здесь и теперь». Творчество поэта проходит почти метафизическое испытание идеей: что же остаётся в поэзии, когда «исчезает» язык. Неудача переводчика становится знаком причастности его к деянию, подобному борьбе Иакова с ангелом. Но «печать», полученная пророком, с неизбежностью выставляет его в комическом свете перед «толпой» и делает объектом осмеяния. В записях “Table-talk” (первая половина 1830-х) А. Пушкин, создавая образ Байрона, прибегает к прямой аллюзии библейской сцены¹. Иаков боролся с Богом и остался хромым (Бт. 32: 25–31). Увечье и сакральная миссия составляют единство в этой мистической борьбе. Русский поэт имеет в виду опыты Байрона – поэму «Манфред» и драму «Преображённый урод», в которых отразилось влияние Гёте. Пушкин символически обыгрывает хромоту Байрона. Она становится в такой же мере знаком избранности пророка, как и знаком тщетности его усилий. Ситуация перевода/переложения воплощает в себе исполнение поэтом-пророком миссии, к которой призывает «божественный глагол», и невозможность её исполнения. Литературно-художественный перевод предполагает единство истории культуры и поэзии².

В. Беньямин в эссе «Задача переводчика» (“Die Aufgabe des Übersetzers”, 1923) цитирует слова философа культуры Р. Панви-

¹ Пушкин А. С. Исторические записки // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. – Л.: Наука, 1978. – С. 67.

² Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 8.

ца: «Принципиальное заблуждение переводящего заключается в том, что он закрепляет случайное состояние собственного языка вместо того чтобы с помощью чужого языка дать ему мощный толчок <...>» [1, с. 44]. В свою очередь, известный переводчик Н. Вильмонт в воспоминаниях о Б. Пастернаке писал о феномене «общечеловека»: «Надо думать: слишком *неразрезанно-почвенное* противоречит полёту духа. <...> Не потому ли это *так*, что всё разрозненно национальное – только яркие ипостаси общечеловека и что “лишь всё человечество в своей совокупности, – по выражению Гёте, – представляет истинного человека”» [3, с. 49–50].

Результаты исследования и их обсуждение. Гёте приводит в разных сценах одни и те же строки (семантические аксиомы). Например, Мефистофель повторяет: “Blut ist ein ganz besonderer Saft” («Кровь – совсем особый сок»)¹. «Кровь – сок совсем особенного свойства»². «Кровь, надо знать, совсем особый сок»³. Согласно мифопоэтической традиции кровь считалась местопребыванием души. Идеально-точная формула не может быть поэтически превзойдена никаким другим стихом.

Писатель выделяет слова с «уменьшительной» семантикой. Суффиксы делают слово конкретным, обусловленным контекстом, однозначным, даже непоэтическим. Диминутивность «разлита» в пространстве трагедии, она определяет её тональность и общий смысловой фон. При переводе необходимо сохранить диминутивные образования. Экспансия уменьшительных суффиксов в речи Мефистофеля производит впечатление неожиданного и алогичного явления (они обычно входят в положительное семантическое поле)⁴. Например, Дьяволу нужны вещественные гарантии: “Blätchen mit einem Tröpfchen” («листочек с капелькой»). “Den Teufel spürt *das Völkchen* nie” («Народец никогда не спугнет Дьявола»; “Ich weiß dir so *ein Schätzchen* auszuspielen” («Я знаю, как выследить для тебя этот кладец»). Набор

диминутивных суффиксов нельзя назвать обширным и разнообразным. В тексте они сочетаются с одним разрядом слов – с именами существительными. Это и собственно диминутивность (малость определяемого объекта, «уменьшаемого» образца), и этикетные употребления. Они связаны с организацией «своего» мира: «собирают» пространство вокруг человека, способствуют созданию близкого, защищающего локуса. В него вовлекаются место, обитатели, объекты. В рамках отношения старший/младший происходит употребление диминутивов в патронимической функции. Уменьшительность (не только ласкательность) разъяснена словами Фауста: “Vor andern fühl ich mich so klein” («Перед другими я чувствую себя таким маленьким»)⁵. Аугментативы уравнивают диминутивы. “Du kannst im *Großen* nichts vernichten / Und fängst es nun im *Kleinen* an”, – говорит Фауст Мефистофелю («Ты не можешь ничто уничтожить в великом / И вот начинаешь с малого»)⁶. С помощью аугментативов выражается мир архетипов, идей, высоких качеств и совершенства.

В трагедии возникают многочисленные модальные логические цепочки. Высказывания имеют характер эпистемологический («знаю», «убежден») или деонтический. Они нуждаются в предпосылках и в этом смысле опираются на онтологическую основу. Глагольные формы служат языковыми манифестациями мотива выбора. Роль глагола соответствует жанру и прагматическому заданию текста. Они выражают модальные категории, «игру» временами и наклонениями. Дается широкий набор глагольных форм с однократно-моментальным значением (*fuh herum, fuhr heraus*). Отчётливо подавленным и периферийным является настоящее время. Ярко отмеченным оказывается будущее. «Сделай – и ты обретешь...» – такова исходная смысловая ситуация трагедии. Время цели и её достижения определяют импера-

¹ Goethe I. W. v. Werke: in 14 Bde. Bd. 3. – München: Verlag C. H. Beck, 1989. – S. 58.

² Гёте И.-В. Фауст / пер. с нем. Н. А. Холодковского. – М.: Дет. лит., 1973. – С. 101.

³ Гёте И.-В. Фауст / пер. с нем. Б. Л. Пастернака // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1976. – С. 62.

⁴ Характерно толкование А. Л. Соколовского с помощью диминутива (№ 130): «В подлиннике Мефистофель говорит, что он является “als edler Junker”. Слово “Junker” значит щёголь-дворянчик». См.: Фауст. Трагедия Гёте / пер. и объяснение А. Л. Соколовского. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1902. – С. 308.

⁵ Ф. Шпильгаген постоянно возвращался к теме «Фауста». Его повесть “Faustulus” переводилась дважды под названиями «Маленький Фауст» и «Современный Фауст». Приведу отрывок из письма Арно к другу Фрицу: «Нет, нет! Во мне сидит другой Фауст! В поэтическом отношении, конечно, ничтожество перед Фаустом Гёте. Но сердце у него другое, и он не станет прятаться за дьявола, а сумеет ответить за то, что сделал: за пятьдесят процентов сделанного добра и за пятьдесят процентов сделанного зла!». См.: Шпильгаген Ф. Современный Фауст // Домашняя библиотека. Новые романы, повести, рассказы и стихотворения русских и иностранных писателей. – СПб.: Высочайше утверждённое Акционерное общество печатного дела «Издатель», 1897. – С. 25.

⁶ Goethe I. W. v. Werke: in 14 Bde. Bd. 3. – München: Verlag C. H. Beck, 1989. – S. 48.

тивный контур, обилие автономных прескрипций. В нем можно ожидать реализацию предполагаемого действия. Медитация об альтернативном жизненном пути образует семантический ореол этих слов. Они оказываются носителями особого медитативного наклонения. Модальные формы заметно преобладают над индикативом. Сослагательное наклонение находит свое место в этой схеме времен. Оно служит для выражения потенциально возможных состояний. К волитивному (волеизъявительному) плану относятся модусы желания, необходимости, допущения. Ирреальность сослагательного наклонения может осмысливаться как неосуществившаяся возможность. Просительно-оптативная, почти молитвенная форма неизбежно предполагает вокатив и императив. Мольба заканчивается на строке интонацией завершения (каденцией), в пунктуации почти всегда обозначаемой восклицательным знаком. Многие фразы употреблены в сослагательном увещательном наклонении (*coniunctivus adhortativus*). В положительно-побудительных наставлениях Дьявола есть отрицательно-угрожающая часть. Императивы заменяются бесстрастно-неотвратимым будущим временем, в котором слышится Судьба.

Апеллятивная функция, выражающаяся грамматически в звательной форме и повелительном наклонении, выглядит несколько гипертрофированной. Текст обретает «императивный» контур (цепь императивных форм от разных глаголов, соседство с вокативом). Речь идёт о языке как силе, созидающей реальность.

Средства выражения модальности в европейских языках не совпадают. В экспрессивно-ономатопоэтическом пласте лексики возможны случайные сходства. И. Кант в «Критике чистого разума» (*Kritik der reinen Vernunft*, 1781) впервые установил шкалу модальностей, охватывающую все промежуточные звенья – от существования до «не-существования» [4, с. 159]. Грамматисты подвергли её значительному «сокращению». Наиболее конденсированной формой проявления экспрессивной модальности являются междометия. Эта часть речи в любом языке отличается полифункциональностью. Рассмотрим в качестве примера смысловую структуру междометия *ach*. Оно употребляется 55 раз и входит в высокочастотный ряд лексических единиц трагедии, используемых для создания эмоционального тона. “*Verklungen, ach! der erste Widerklang*”; “*Ach wenn in unsrer engen Zelle /*

Die Lampe freundlich wieder brennt”; “*Ach, wir Armen!*”; “*Ach Gott!*”; “*Ach daß die Einfalt daß die Unschuld nie / Sich selbst und ihren heiligen Wert erkennt!*”. В словарях отмечены следующие функции слова: возглас, огорчение, удивление, восхищение. Оно довольно точно совпадает по объёму значения с русским «ах» и, как всякое междометие, подчинено контекстуальной, ситуативной обусловленности. Его поддерживают языковые синонимы и другие лексические средства, имплицитные в своем контекстном использовании: печаль, удивление. *Weh, ach* предстают как литании энергии. Частицы, «мыслящие» междометия вносят в общее значение текста элемент подчёркнутости, эмпатичности. В европейских языках можно выделить модальную функцию интонации и внутренней паузы. Ряд модальных слов указывает на ограничительно-уступительный характер высказывания (*хотя, пусть*). Например, в «Посвящении» трагедии поэт обращается к теням ушедших: “*Nun gut, so mögt ihr walten*” («Ну хорошо, пусть будете вы царить»)¹.

И.-В. Гёте делает достаточно строгий отбор грамматических категорий и форм. Они задают структуру отношений, обнаруживающих себя в тексте. Сильная позиция перволичности выражается не только личным местоимением, но возвратными глаголами, автореферентными движениями: постичь себя, испытать себя, проявить себя. Наряду с ней в корпусе речевых партий Фауста и Мефистофеля возникает вполне сознательное ограничение сферы употребления «Я». Перволичность контролируется некой сдерживающей её употребление инстанцией. В трагедии отмеченным является соседство импровизационно-личного и канонически-безличного. Несмотря на личные местоимения (*ich, mein*), даётся «третьеличная» трактовка ситуации.

Ещё один аспект темы связан с интуитивно ощутимыми количественными характеристиками трагедии. Обстоятельность описания действий достигается с помощью слов, указывающих на отношения между предметами (наречия, местоимения, предлоги). Такой акцент на семантической соотношенности описываемых объектов сообщает сценам трагедии качество «связности». Моделируется образ мира, где все предметы находятся в отношении друг к другу.

Многие высказывания в трагедии строятся по законам паремии. Языки, которые не входят в один культурный ареал, дают

¹ Goethe I. W. v. Werke: in 14 Bde. Bd. 3. – München: Verlag C. H. Beck, 1989. – S. 9.

примеры выразительных расхождений. Идиоматические выражения часто имеют для читателя непроницаемую семантическую окраску. Трудно сохранить все примеры фразеологических клише и специфически разговорных словоупотреблений ("Dann habt Ihr sie all unterm Hut" = «И они все будут у вас вокруг шляпы»). Обычно мы отдаём предпочтение описательному, перифрастическому выражению перед более «сжатым» наименованием: "Als ging' mir ein Mühlrad im Kopf herum" («Как будто в голове крутится мельничное колесо») – «голова идёт кругом». Иногда приходится свести перевод к фразеологическому уровню (вместо требуемого лексического уровня). Так, Фауст произносит в сцене «Ночь»: "Es möchte kein Hund so länger leben!" («Не хотела бы ни одна собака так долго жить!»)¹. Русский фразеологизм «собачья жизнь» способен передать двойную актуализацию. Он помогает понять прямое и переносное значение образности. В основе трагедии Гёте лежит зоологическая номенклатура: метонимия пса, метонимическая фигура мира, Дьявола и человека.

В 1859 году появился в отдельном издании перевод Н. П. Грекова, печатавшийся раньше частями в «Отечественных записках». Автор использовал все достижения переводческой техники в передаче содержания и художественного оформления. Он предпочитал точный перевод, образец которого (добросовестный, но несколько тяжеловесный) дал М. П. Вронченко. В буквальности перевода Н. П. Греков превосходит А. Н. Струговщикова и Э. И. Губера.

Подход А. М. Овчинникова, М. Семперверо и автора, скрывшегося под монограммой «Н. Б.»², можно назвать ассимилирующей переводческой стратегией. Они «разъясняют» текст, делают перевод «герменевтическим». При этом генерируют дополнительные смыслы, отсутствующие в оригинале. Отступления, радикальные изменения в ходе сюжета приводят к утрате смыслов, важных для автора. Не выдержана историческая и стилистическая однородность текста. Вступая в сотворчество с Гёте, они соотносили свои тексты с национальной литературной системой. Национальный колорит обретает высокий когнитивный потенциал. Авторы воспроизвели особенные черты разных региональных общностей. В переводе

¹ Goethe I. W. v. Werke: in 14 Bde. Bd. 3. – München: Verlag C. H. Beck, 1989. – S. 20.

² Неизвестный рукописный текст 1880 года найден нами в Научной библиотеке Казанского университета.

трагедии проявилась дифференциация русской культуры на субэтническом уровне. При этом через «дух нации» (*Sinn der Nation*) они выражали всемирное чувство (*Weltsinn*).

История переводов Н. А. Холодковского и Б. Л. Пастернака связана с издательством «Всемирная литература» и серией «Библиотека всемирной литературы», которая наследовала издательству. В нем среди напряженных дискуссий вырабатывались современные критерии перевода: прежде всего, адекватность оригиналу. Издательство выпустило брошюру «Принципы художественного перевода» (1919). Эта сводная работа была посвящена вопросам теории перевода поэзии и прозы. О стиле общения поэта-редактора с переводчиками шла речь в статье К. И. Чуковского «Переводы прозаические». В начале XX века публикации западноевропейских классиков приобретали совершенно иной облик, во многом благодаря усилиям С. А. Венгерова. Он подошёл к выпуску переводной литературы как учёный-филолог и создал прототип современного комментированного издания. В основном тексте он помещал лишь один, безусловно, лучший, перевод и утверждал обязательность единых принципов перевода при издании собрания сочинений писателя.

В 1920 году Блок подготовил для «Всемирной литературы» ряд отзывов. Поэт мотивировал высокую оценку работы Холодковского: она написана «на том русском языке, на каком теперь уже писать несколько разучились»³. Блок неодобрительно отнесся к выполненному молодым Пастернаком переводу «Посвящения» Гёте. Он признавал, что октава – очень трудная форма для перевода, но всё же отмечал искусственность русского языка у Пастернака. Блок даже употребил такие слова, как «что-то кропотливое, домашнее, мало талантливое»⁴. По сути, здесь говорится о тенденциях «перевыражения», чуждых Блоку. Спустя десятилетия Н. Н. Вильмонт напишет о переводе Пастернака: «Но основное давно достигнуто – поэтическая метаморфоза, замечательное по мощи стиха и слога русское перевыражение "Фауста"» [2, с. 29]. Блок допускал значительно меньший «угол отклонения» от подлинника, чем это стало принято в работах переводчиков 1950-х годов. Поэт призывал вернуть русской речи естественные для нее словосочетания и грамматические связи, её природное звучание, мелодику и

³ Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. – М.; Л.: ГИХЛ, 1962. – С. 467.

⁴ Там же. – С. 469.

сохранить при этом образную, метафорическую манеру письма¹.

Считается, что перевод Холодковского более точен, Пастернак же был свободен по отношению к переводимому оригиналу. Он передавал его с мерой буквальности, необходимой для решения своих художественных задач. Однако это утверждение не основано на глубоком текстологическом анализе, на изучении характера отступлений переводчиков от оригинала.

Выводы. Только проследив лингвистические процессы, установив системные связи между единицами, можно исследовать категории символического языка культуры,

сделать аксиологически важные выводы о переводе. Тональность и общий смысловой фон трагедии определяет диминутивность. Нами выделяется особое медитативное наклонение в трагедии, исследуется, с помощью каких грамматических категорий и форм обнаруживает себя в тексте позиция перволичности. Обращение переводоведов к воззрениям И.-В. Гёте, схождения с ним, хронологические переходы позволяют объединить суждения в одно аксиологическое поле. В анализе внутренней морфологической структуры перевода, который предложил классик, учёные выделяют присущий ей экзистенциальный потенциал, ревитализацию текста.

Список литературы

1. Беньямин В. Задача переводчика // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Simposium, 2004. С. 27–47.
2. Вильмонт Н. Н. Гёте и его «Фауст» // Фауст / И.-В. Гёте. М.: Худож. лит., 1969. С. 5–29.
3. Вильмонт Н. Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Сов. писатель, 1989. 224 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 464 с.
5. Новалис. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 94–107.
6. Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М.: Сов. писатель, 1994. 558 с.
7. Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худож. лит., 1986. 669 с.
8. Auerbach E. Philologie der Weltliteratur // Gesammelte Aufsätze zur Romanischen Literatur. Bern; München, 1967. P. 301–310.
9. Brisson E. Faust. Biographie d' un mythe. Paris: Ellipsis, 2013. 360 p.
10. Curtius E-R. Essai sur la France / traduit de l'allemand от J. Benoist-Méchin. Paris: Bernard Grasset, 1932. 334 p.
11. David J. Spectres de Goethe: Les métamorphoses de la "littérature mondiale". Paris: Les prairies ordinaires, 2011. 306 p.
12. Even-Zohar I. The Position of Translated in the Literary Polysystem // The Translation Studies Reader / L. Venuti (ed.). London; New York: Routledge, 2000. P. 192–197.
13. Pizer J. The Idea of World Literature. Baton Rouge: University of Louisiana Press, 2006. 190 p.
14. Safranski R. Goethe: Kunstwerk des Lebens: Biographie. München: Carl Hanser Verlag, 2013. 752 p.
15. Touri G. Rationale for Descriptive Translation Studies // The manipulation of literature Studies in Literary translation / ed. by T. Hermans. London; New York: Routledge, 2014. P. 16–41.
16. Venuti L. Genealogies of translation theory: Schleiermacher // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 1991. Vol. 4, No 2. P. 125–150.
17. Vevar Š. Fenomen Goethe (Njegova estetika in poetika med originalov in slovenskim prevodov). Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2012. 581 p.

Статья поступила в редакцию 22.05.2020; принята к публикации 29.06.2020

Сведения об авторе

Васильева Галина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления; 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская 52/1; e-mail: vasileva_g.m@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>.

Библиографическое описание статьи

Васильева Г. М. Аксиология перевода трагедии «Фауст» в контексте русско-европейских межкультурных связей // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-8-15.

¹ Впрочем, представления о естественной мелодике речи могли отличаться. Ср. запись К. Чуковского от 1 сентября 1956 года о том, как К. Федин «восхищался пастернаковым переводом "Фауста", просторечием этого перевода, его гибкой и богатой фразеологией, "словно он всего В. Даля наизусть выучил" [6, с. 240].

References

1. Ben'yamin, V. The task of the translator. Masks of time. Essays on Culture and Literature. SPb: Simposium, 2004, pp. 27–47. (In Rus.)
2. Vil'mont, N. N. Goethe and his "Faust". Gëte I.-V. Faust. M: Khudozhestvennaya literature Publishing, 1969, pp. 5–29. (In Rus)
3. Vil'mont, N. N. About Boris Pasternak. Memories and thoughts. M: Sovetskii pisatel', 1989. (In Rus)
4. Kant, I. Critique of Pure Reason. SPb: Printing House of M. M. Stasyulevich Publishing, 1907. (In Rus)
5. Novalis. Fragments. Literary Manifests of West European Romantics. M: Moscow University Publishing, 1980, pp. 94–107. (In Rus)
6. Chukovskii, K. I. A diary. 1930–1969. M: Sovetskii pisatel', 1994. (In Rus)
7. Ekkerman, I. P. Conversations with Goethe in the last years of his life. M: Khudozhestvennaya literatura, 1986. (In Rus)
8. Auerbach, E. Philology of world literature. Collection of articles on romance philology. Bern, München, 1967, pp. 301–310. (In German)
9. Brisson, E. Faust. Biographie d' un mythe. Paris: Ellipsis, 2013. (In French)
10. Curtius, E-R. Essay on France. Paris: Bernard Grasset, 1932. (In French)
11. David, J. Goethe's ghosts: Metamorphoses of "World Literature". Paris: Les prairies ordinaires, 2011. (In French)
12. Even-Zohar, I. The Position of Translated in the Literary Polysystem. The Translation Studies Reader. London, New York: Routledge, 2000, pp. 192–197. (In Engl.)
13. Pizer, J. The Idea of World Literature. Baton Rouge: University of Louisiana Press Publishing, 2006. (In Engl.)
14. Safranski, R. Goethe: Artwork of Life: Biography. Munich: Carl Hanser Verlag, 2013. (In German)
15. Touri, G. Rationale for Descriptive Translation Studies. The manipulation of literature Studies in Literary translation. London, New York: Routledge, 2014, pp. 16–41.
16. Venuti, L. Genealogies of translation theory: Schleiermacher. TTR: traduction, terminologie, redaction, vol. 4, no. 2, pp. 125–150, 1991. (In Engl.)
17. Vevar, Š. Fenomen Goethe (Njegova estetika in poetika med originalov in slovenskim prevodov). Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2012. (In Slovenian)

Received: May 22, 2020; accepted for publication June 29, 2020

Information about author

Vasilyeva Galina M., Candidate of Philology, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management; 1 Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia; e-mail: vasileva_g.m@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>.

Reference to the article

Vasilyeva G. M. Axiology of Faust: A Tragedy Translation in the Context of Russian-European Intercultural Relations // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-8-15.

Елена Юрьевна Куликова,
Институт филологии СО РАН
(г. Новосибирск, Россия),
e-mail: kulis@mail.ru

«И снова скальд чужую песню сложит...»: «морские», «шотландские», «майские» и другие балладные стилизации Георгия Иванова

Актуальность исследования заключается в необходимости обнаружить и выявить закономерности трансформации и модификации баллады поэтов Серебряного века. XX век любил стихотворные эксперименты, игру с формой, и в творчестве символистов и особенно акмеистов можно встретить разнообразные жанры: сонеты, рондо, газеллы, пантуны, баллады. Баллады акмеистов открывают часть поэтического мира начала XX века, неся в себе и традиционные элементы жанра, и черты модернизма. В творчестве Георгия Иванова, так называемого «младшего акмеиста», участника петроградского «Цеха поэтов», представлены разнообразные лирические жанры. Цель нашего исследования – рассмотреть баллады и балладные стилизации Г. Иванова. Цель работы определяет её методологическую основу, в качестве которой выступают историко-литературный, феноменологический, типологический и компаративный подходы. Стилизация, присущая всем балладам Иванова («Песня о пирате Оле», «Майская баллада», «Шотландская баллада», «Баллада об издателе») и его балладным стихотворениям, позволяет увидеть жанр в новом аспекте. Поэт соблюдает балладные правила – трагический сюжет, романтические «неясности» повествования, балладные мотивы (зловещего ворона, ночных историй, обращения в прошлое и др.). Однако эти правила нарушены и обыграны. Традиционные балладные сюжеты так усилены, что нагнетание черт производит комический или иронический эффект, многослойной оказывается совокупность мотивов. Г. Иванов создаёт в некоторых случаях пародийную, в некоторых стилизованную балладу. Игра и любовь к стилизации, свойственная Г. Иванову на протяжении его творческой жизни, открывают новый жанр, практически созданный им самим.

Ключевые слова: жанр баллады, Г. Иванов, стилизация, пародийность, мотив, лирический сюжет

Elena Yu. Kulikova,
Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia),
e-mail: kulis@mail.ru

“And Again, the Skald Will Add Someone Else’s Song”: “Marine”, “Scottish”, “May” and Other Ballad Stylizations by Georgy Ivanov

The thematic justification involves demand for detecting and identifying patterns of transformation and modification of ballads by poets of the Silver Age. The twentieth century loved poetry experiments, a game with form, and there are a variety of genres: sonnets, rondos, gazella, pantoons, ballads in the works of symbolists and especially those of the Acmeists. Acmeist ballads reveal a part of the early twentieth century poetic world and contain both the traditional elements of the genre and the features of modernism. The works by Georgy Ivanov, the so-called “youngest acmeist”, who was a member of the Petrograd “Workshop of poets”, presents a variety of lyrical genres. The purpose of our study is to consider the ballads and ballad stylization of G. Ivanov. The purpose of the work determines its methodological basis, which includes the historical and literary, phenomenological, typological and comparative approaches. The stylization which is inherent in all of Ivanov’s ballads (“Song of the Pirate Ola”, “May Ballad”, “Scottish Ballad”, “Ballad about the Publisher”) and his ballad poems, allows to see the genre in a new aspect. The poet observes ballad rules – a tragic plot, romantic “vagueness” of narration, ballad motifs (ominous raven, night stories, turning into the past, etc.). However, these rules are distorted and stylized. Traditional ballad plots are so intensified that forcing the features creates a comic or ironic effect, the combination of motives turns out to be multilayer. G. Ivanov creates a parody in some cases and in some cases, a stylized ballad. The game and the love of stylization which characterize G. Ivanov throughout his creative life open up a new genre that he practically created by himself.

Keywords: ballad genre, G. Ivanov, stylization, parody, motive, lyrical plot

Введение. Жанр баллады, сформированный в XIX веке благодаря В. Жуковскому и его переводам, точнее, переложениям и подражаниям из И. Гёте и Ф. Шиллера, уже во второй половине XIX века обновляется за счёт прозаизации поэтического стиля и

проникновения в поэзию разговорного языка. Однако в конце века поэзия начинает тяготеть к малым лирическим формам, и баллада становится одним из немногих «выживших» жанров. «В. А. Жуковский нередко по сути создавал “балладу баллад”: Гёте и

© Куликова Е. Ю., 2020

Шиллер перерабатывали уже известные баллады, – русский поэт переиначивал баллады, созданные великими немецкими поэтами¹. Однако жанр «не утратил своего значения», хотя и «оказался “лицом вторым”»², не потерял «памяти жанра» (М. М. Бахтин), «жанровой инерции» (С. С. Аверинцев).

Каноны баллады, сформировавшиеся благодаря творчеству В. Жуковского, в конце XIX века «сменяются другими константными структурами, имеющими в разных сублитературах разную степень жёсткости»³. Деканонизация, обновление и реставрация жанра – вот то, что вносит «некалендарный, настоящий двадцатый век». Каждый поэт, ориентированный на классическую традицию, с одной стороны, напоминает читателю об определённых правилах создания баллады, а с другой – творит нечто новое, привносит в жанр свои правила. В. Хинк опирается на мнение И. Гёте, согласно которому, не нужно ограничивать рамки баллады, а необходимо рассмотреть, какие возможности скрыты в ней [15, с. 7].

Баллады символистов имеют мифологическое и мистическое содержание, подчёркивая «бесплотность» бытия, а в акмеистических текстах усилено материальное ощущение мира внутри фантазмагорического сюжета, точность и конкретность описаний, психологизм переживаний. В творчестве А. Ахматовой, Н. Гумилёва, О. Мандельштама, М. Кузмина, а также младших друзей Гумилёва – И. Одоевцевой и Г. Иванова, участвовавших в петроградском «Цехе поэтов», неоднократно встречаются произведения данного жанра: баллада для акмеистов – важная часть их художественного космоса, она вносит нарратологический оттенок во многие сугубо лирические тексты, заставляет поэзию звучать иначе, предметы и вещи оживают и наделяются собственным, порой ирреальным бытием.

В качестве **методологической основы** данной работы выступают историко-литературный, феноменологический, типологический и компаративный подходы. Жанр баллады в лирике Г. Иванова рассматривался с опорой на труды известных ивановедов и теоретиков жанровых структур в лирике поэтов XX века – В. Крейда, А. Арьева, Е. В. Витковского, А. К. Жолковского и Е. Эткинда. В

целом комплексный характер исследования обуславливает и соответствующий подход к материалу, основанный на рассмотрении балладной формы, превратившейся в творчестве Иванова во «вторичный», стилизованный жанр.

Результаты исследования и их об- суждение. XX век любил стихотворные эксперименты, игры с жанровыми формами, поэтому в творчестве поэтов Серебряного века можно встретить и сонеты, и рондо, и рондели, и газэллы, и даже пантуны. Что уж говорить о балладе, которая всегда была популярна в русской литературе после Жуковского!

Лирика Г. Иванова в этом смысле не является исключением: поэт написал четыре текста, которые он назвал балладами – «Песня о пирате Оле. Развинченная баллада» (1910), «Майская баллада» (1911), «Шотландская баллада» (1916), «Баллада об издателе» (1921). Кроме того, поскольку в XX веке жанр «всё более вытесняется на периферию художественной целостности произведения, в конце концов – в его ассоциативное поле, и можно говорить о своеобразном жанровом ореоле произведения, воспринимаемом читателем и обусловленном уже не жанровым подражанием автора, а его жанровой памятью» [5, с. 9], то многие тексты поэтов Серебряного века, оставаясь в рамках лирического стихотворения, несут в себе отчётливое балладное начало, как правило, за счёт ассоциаций с сюжетами и мотивами классических баллад. Такие произведения встречаются и у Г. Иванова («У окна», «Осень пришла», «Весенние аккорды», «Песня кружевницы», «Суженый», «Болтовня зазывающего в балаган», «Поблекшим золотом, холодной синевой...», «Видал сон я...», «Однажды под Пасху» и др.).

В раннем сборнике стихов «Отплыть на о. Цитеру» (Поэзы) Иванов, кажется, задаётся целью представить разнообразные жанры лирики – как европейской, так и восточной, так что Е. Эткинд называет творения Иванова, по аналогии с картиной А. Ватто, «новым рококо... в духе “Галантных празднеств” Верлена» [12, с. 432]. В. Крейд отмечает, что «небольшой, пёстрый по составу сборник... со стихами яркими, как детские рисунки, изобилует эпиграфами, названиями разделов и циклов. Есть ещё пролог, эпилог, посвящения, явные аллюзии, цитаты, вплетенные в стихи. Всего лишь сорок стихотворений, но каких только форм и жанров нет среди них. Здесь романс, сонет, посланье

¹ Пронин В.А. Теория литературных жанров: учеб. пособие. – М.: МГУП, 1999. – С. 59.

² Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. – М.: Высш.шк., 2004. – С. 355.

³ Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: INTRADA, 2008. – С. 90.

ние, баллада, элегия, стансы, акrostих, триолеты, газель (написано, как у Брюсова – “газэлла”). Ни в одном из его последующих сборников не находим такого жанрового фейерверка. Автор увлечённо примерял свой талант к разнообразию поэтических форм» [7, с. 32].

Среди обилия этих поистине «разноцветных» жанров выделяется «развинченная баллада» – «Песня о пирате Оле». В комментариях к собранию стихотворений Иванова в серии «Новая библиотека поэта» А. Арьев отмечает очевидную сюжетную ориентацию текста на «многочисленные вариации легенды о “Летучем голландце”»¹, при этом указывая на «датское» имя героя, возможно, «взятое из Андерсена, популярный персонаж которого – Оле-Лукойе – повелевает не морскими стихиями, но снами»².

Лейтмотив плавания был одним из важнейших для акмеистов, в частности, для друга Иванова – О. Мандельштама, в чьём творчестве водная стихия соединяет разделённые во времени и пространстве культуры, являет прообраз античных плаваний, а корабль (лодка, челнок) прикреплен ко многим ключевым образам цепью ассоциаций. Образ ладьи неоднократно встречается в лирике Мандельштама, особенно раннего («И лодка, волнами шурша, / Как листьями»³); описывая Адмиралтейство, Мандельштам упоминает «ладью воздушную» – образ не классического судна, а, скорее, фантастического, похожего на «Воздушный корабль» Лермонтова – Цейдлица; как ладья мёртвых лодка появляется в стихотворении «Ещё далеко асфodelей...»: «Шуршит песок, кипит волна»⁴ и др..

Не последнюю роль играют морские мотивы и в творчестве Ахматовой («У самого моря», «Сон» и др.). Все акмеисты – это поэты одного города, расположенного рядом с морским берегом. Именно поэтому водные, морские мотивы у акмеистов часто легко накладываются на городские картины, легко контактируются с ними.

В лирику Гумилёва прочно вписана легенда о Летучем Голландце – легенда, которая скрывает особый пространственный континуум – мир призраков и смерти, без погружения в который невозможно ни одно плавание (микроцикл «Капитаны», «Ко-

¹ Иванов Г. Стихотворения / вступ. ст., прим. А. Ю. Арьева. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 506.

² Там же.

³ Мандельштам О. Стихотворения. Проза / сост. Ю. Л. Фрейдин; предисл. и ком. М. Л. Гаспарова; подг. текста С. В. Василенко. – М.: АСТ, 2001. – С. 17.

⁴ Там же. – С. 59.

рабль», «Нас было пять... Мы были капитаны», «Возвращение Одиссея», «Путешествие в Китай», «Пятистопные ямбы», «Заблудившийся трамвай»). Существование призрачного мира обеспечено природой водной стихии, сопричастной довременному хаосу и ритмическому первоначалу мира. О мотивах кораблей-призраков в лирике Гумилёва писали многочисленные критики и исследователи [см. подробнее: 9, с. 10–86].

Г. Иванов в сборнике мемуарных очерков «Китайские тени» писал: «Совсем незадолго до смерти Гумилёва я рассказал ему историю, где-то мною прочитанную, о шхуне, вышедшей из какого-то американского порта и найденной потом в открытом море. Всё было в порядке, спасательные лодки на месте, в столовой стоял сервированный завтрак, вязанье жены капитана лежало на ручке кресла, но весь экипаж и пассажиры пропали неизвестно куда. Гумилёва очень пленила эта тема, он хотел писать на неё роман и придумал несколько вариантов, очень любопытных»⁵.

Характерно то, что Иванов интересовался этой темой, как минимум, через Гумилёва, и сборник «Отплытие на о. Цитеру», в котором подвергаются стилизации и обыгрыванию различные поэтические жанры, отразил в игровой форме сюжетно-мотивные переключки со стихами поэтов Серебряного века.

С самого начала «Песни...» поэт «сбивает» жанр – это не просто баллада, а баллада «развинченная», названная при этом «песней». Во-первых, в чёткие хореические стихи («Солнце ниже, солнце низится, / Солнце низится усталое; / Опустилось в воду сонную, / И темнеют дали алые»⁶ и др.) вторгается трёх-, а порой и четырёхиктный дольник, иногда переходящий в акцентный стих («Кто отплыл ночью в море / С грузом золота и жемчугов»⁷, «Это Оле – властитель моря, / Это Оле – пират»⁸ и др.). Сочетание чистой тоники и силлабо-тоники, маршеобразного хорей и раскачивающегося дольника отражает колебание бурного моря, резкий взлёт и падение бушующих волн, и объясняет «развинченный» стиль баллады.

Во-вторых, рифмы стихотворения тоже движутся наподобие волн: от классически точных (жемчугов – берегов, моря – якоря),

⁵ Иванов Г. Мемуары и рассказы / сост. В. Крейд. – М.: Согласие, 1992. – С. 41–42.

⁶ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 122–123.

⁷ Там же. – С. 122.

⁸ Там же.

бедных глагольных (*засвистали – заглушали*) до сложных ассонансных и диссонансных (*море – якорю, зоркие – золото, ветры – берега*). Практически через весь текст обыгрывается рифмовка слов – *море* и *якорю*: во множественном числе это рифмы точные (*моря – якоря*), в предложном падеже единственного числа (*море – якорю*) – практически диссонансные, поскольку между ними не согласуется даже ударение. Ещё несколько раз слово «море» стоит в конце строки, но во внерифменной позиции (вторая и последняя строфы).

Е. А. Якунова объясняет «развинченность» баллады тем, что «только половина строк в четверостишиях рифмованные – 2-я и 4-я» [13]. Однако это не совсем так: не зарифмованы вторая и четвёртая строки лишь во второй и пятой строфах (несчастье – моря, низится – сонную), в третьей и седьмой строфах рифмовка очевидна (*рядно-алый – сигналы, засвистали – заглушали*), в первой, четвёртой, шестой и восьмой строфах рифмы, как уже было сказано, ассонансные и диссонансные, порой соотносимые только по ударению и аллитерации (*моря – якоря, зоркие – золото, ветры – у берега, несётся [о] – Оле*). Последняя – девятая – строфа выбивается из общего ряда: здесь рифмуются между собой только третья и четвёртая строки: *зори – море*.

Таким образом, ритм и рифмы стихотворения, отражая вздымающиеся и стремительно падающие вниз волны, нарушают традиционный строй классической баллады. В активно используемый поэтами и писателями сюжет о Летучем Голландце вторгается любимый Ивановым мотив отплытия: это и корреляция с названием сборника стихов, и – соответственно – со знаменитой картиной А. Ватто, и отсылка к «Езде во Остров Любви» В. Третьяковского, это и любимое акмеистами плавание (в пушкинской знаменитой «Осени» плавание уподобляется процессу творчества, и многие поэты Серебряного века обыгрывают этот образ – ср., например, произведения Н. Гумилёва, В. Ходасевича, М. Цветаевой, которая, переводя «Le voyage» Ш. Бодлера, даже назвала его «Плаваньем», а не «Путешествием»).

«Отплытье...» для Иванова стало поэтическим плаванием в мир литературы. В его творчестве эмигрантского периода мотив плавания – один из самых частотных. Так, переключаясь со сборником 1912 года («Отплытье на о. Цитеру»), в 1937 году вы-

ходит книга «Отплытие на остров Цитеру», включающая в себя стихи 1916–1936 годов «Непосредственно связанный со структурой топоса и спецификой поэтического сюжета, мотив “отплытия” в петербургских текстах Г. Иванова получает ряд характерных особенностей. “Отплытие” маркирует переход лирического субъекта из сферы действительности в сферу мечты, воспоминаний, снов» [10, с. 9], пишет Т. С. Соколова. Мотив мечты и снов традиционно связан в русской поэзии с мотивами творчества. Иванов, создавая свой «корабль вдохновения», также уходит в новое пространство, напоминающее многоочия «Осени» Пушкина, потому что это топос – одновременно открытый и загадочный, подобный переходу на другую сторону мира.

В стихотворении из «Вереска» («Поблекшим золотом, холодной синевой...») описано именно такое поэтическое путешествие в мир мечты: медлительное (что подчёркивает и шестистопный ямб) погружение бытия в поэзию, совершаемое в сознании лирического героя. В первой строфе лишь введён мотив света, сопряжённый с мотивом вдохновения, во второй строфе душой овладевает гармония «заката блеклого» (и это уже близко к творческому состоянию духа), и в третьей строфе стих рождается в преображённом пространстве.

Мотив воды, один из главных в тексте Иванова («над Невой», «зыблются у набережной барки», «Угрюмый лодочник, оставь свое весло!», «течение несло», «волны плещутся»), словно окружает обыденность мечтой. Если сначала волны Невы и зыблющиеся барки названы «со стороны» – сам лирический герой как будто занимает позицию «внеаходимости», то далее он, сидя в лодке, отдаётся во власть течения. А в финальной строфе вода упомянута лишь в первом стихе («волны плещутся о тёмные борта»), и это может обозначать, что герой погрузился в условный мир мечты и вдохновения, куда принесла его Нева. Петербургское водное пространство становится проводником в поэтический мир.

Так оказывается возможной взаимозамена двух мотивов – воды и творчества. Один зависит от другого, более того, вода рождает вдохновение. Сравнение творческого процесса с движением корабля в неизмеримое, неизведанное пространство, давая линейное направление всему тексту, подчёркивает *выход* за предел, в иные рубежи, в «иные волны».

Именно неопределённо («оставь своё весло!») качающаяся лодка, напоминающая ладью Харона (перевозчик – «угрюмый лодочник», а лодка плывет неизвестно куда), погружает лирического героя в знакомый – и каждый раз открывающийся заново – мир поэзии, что подчёркивает закономерную параллель с образом Орфея, который плыл на ладье Харона к Эвридике в Аид.

Один из основных сюжетных ходов баллады – путь (дорога, иногда стремительное движение, иногда странствие), как правило, в иной мир, в ирреальное пространство. Столкновение мира действительности и мира фантастического, процесс перехода из одного локуса в другой зачастую губит героя/героиню («Ленора» Бюргера, «Людмила» и «Лесной царь» Жуковского, «Морская царевна» Лермонтова и др.). А в стихотворении Иванова «Поблекшим золотом, холодной синевои...» из этого перехода, наоборот, рождается творчество, мир переворачивается и становится иным – озаренным светом поэзии. Трагический сюжет баллады преобразован в креативный: ладья Харона открывает лирическому герою новое пространство. Однако любой переход через границу маркирован смертью, и поэт, как в «Пророке» Пушкина, чтобы создать, должен умереть и воскреснуть вновь.

А. К. Жолковский отмечает стихотворение «Потеряв даже в прошлое веру» («Портрет без сходства», 1950) как один из вариантов «корабельной темы» у Иванова, точнее, как вариант мотива *лодки, барки* – в нем узнаются и «пушкинские *санки*, место которых занимает лодка – распространённая поэтическая реалья», и «блоковская *барка жизни*» [4, с. 187]:

Потеряв даже в прошлое веру,
Став ни это, мой друг, и ни то, –
Уплываем теперь на Цитеру
В синеватом сияньи Ватто...

Грусть любит лунным пейзажем,
Смерть, как парус, шумит за кормой...
...Никому ни о чём не расскажем,
Никогда не вернёмся домой¹.

«Сиянье Ватто» сближается с имплицитным образом Харона («Смерть, как парус, шумит за кормой»), и последнее плавание кажется последним всплеском вдохновения. У Иванова «тема плаванья-отплытия сопровождается многочисленными образами-мифологемами. “Это месяц плывёт по эфиру, / Это лодка скользит по волнам, / Это жизнь приближается к миру, / Это смерть

¹ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 283.

улыбается нам” – благодаря анафоре и грамматическому параллелизму месяц кажется лодкой, скользкой по волнам эфира. Здесь вслед за образом лодки смерти начинает звучать тема забвения (вспоминается мифологический Харон, перевозчик душ умерших через Стикс, и река забвения Лета)», считает О. С. Чигиринская [11].

В «Песне о пирате Оле» любовь Иванова к изобразительному искусству отражается в удивительных колористических образах: поэт перифрастически отмечает пышный закат («Царь вселенной рдяно-алый / Зажёг тверди и моря»²), сияющий цвет брига («Бриг блестит, как золото»³) и его груза (золото и жемчуга), даже сам мёртвый капитан живописен («На носу стоит сам Оле – / Окровавлен и страшен»⁴). Любитель старинных картин, Иванов вводит в свои произведения разнообразные цвета и их оттенки. Но не только тяготение к экфразистическому описанию можно отметить в данном свойстве поэтики. Здесь Иванов идёт вслед за одним из своих любимых поэтов XIX века – М. Лермонтовым, чей поэтический космос ярок, наполнен всеми красками бытия. «Золото» брига из «Песни...» напоминает и о «луче солнца золотом» из «Паруса» (где тоже среди моря плывет одинокий корабль), и о «рыбках златых» из «Русалки» (с аналогией истории о погибшем витязе), и даже «золотую отделку» кинжала (хотя злодея пирата Оле не описаны в балладе, но они подразумеваются, и, безусловно, лермонтовский кинжал очень бы подошёл герою «Песни...»). «Бриг блестит, как золото», омываемый лучами нисходящего солнца, – для Иванова это лермонтовский мотив: помимо «Паруса», сочетание синего и золотого есть и в балладе «Тростник» («сини волны... запад золотой»), и в других текстах поэта.

Однако отметим важную деталь пиратского судна – «Паруса надулись чёрные»⁵. Чёрный цвет контрастирует с яркостью заката, восхода («лишь в небе встанут зори»⁶), пожара («С треском палуба пылала»⁷). Чёрный в то же время – и символ проклятого Богом и людьми корабля. Кроме того, «чёрный парус (знак смерти в кельтской мифологии; интересно также, что у кельтов встречается представление о потустороннем мире

² Там же. – С. 122.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 123.

⁵ Там же. – С. 122.

⁶ Там же. – С. 123.

⁷ Там же.

как об острове со стеклянной башней и, соответственно, попадание туда путём “плавания”), смерть-парус (например, в стихотворении “Потеряв даже в прошлое веру”: “Грусть любуется лунным пейзажем, / Смерть, как парус, шумит за кормой...”») [11].

Цветовые переливы «Песни...», в первых строках которой упоминаются «жемчуга», связаны с одноименным сборником стихов Гумилева 1910 года, причём поэт выделяет там несколько разделов: «Жемчуг чёрный», «Жемчуг серый», «Жемчуг розовый». Эти оттенки не полностью отражены в балладе Иванова, но самый первый, «пиратский» «чёрный жемчуг», несомненно, связан с чёрными парусами корабля пирата Оле, а розовый так или иначе откликается на финальный цвет зари, на фоне которой тонет призрак брига. Однако в «Жемчуг серый» Гумилев поместил два микроцикла стихотворений, связанных с легендой о Летучем Голландце: «Возвращение Одиссея» и «Капитаны», что позволяет отметить влияние данных текстов на «Песню...».

В центре сюжета ивановской баллады – не конфликт между героями, не описание преступлений пирата Оле и его морских странствий. Поэт сосредоточил внимание на отплытии брига и его пути в царство мёртвых, в котором буря губит корабль, бросая его на скалы. Этот эпизод становится вечным, постоянным, повторяющимся бесконечно:

Каждой ночью бриг несётся
На огни маячных башен;
На носу стоит сам Оле –
Окровавлен и страшен.

И дозорные скелеты
Качаются на мачтах.
Но лишь в небе встанут зори,
Призрак брига тонет в море¹.

Последние две строфы открывают иной мир, в который был устремлён герой баллады, но это мир мертвецов, застывающий в своей неподвижности, как на картине.

Особое место в балладе занимает оппозиция горизонтали и вертикали. В начале стихотворения отчётливо явлено горизонтальное движение в ночное пространство, а сам Оле воплощает дьявольскую сущность:

...Это тот, кого несчастье
Помянуть три раза вряд.
Это Оле – властитель моря,
Это Оле – пират...²

¹ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 123.

² Там же. – С. 122.

Далее практически в каждой строфе ощущается вертикальная направленность («И поднялись якоря», «На высоких мачтах», «Паруса надулись чёрные», «Солнце ниже, солнце низится, / Солнце низится усталое; / Опустилось в воду сонную», «И дозорные скелеты / Качаются на мачтах», «Но лишь в небе встанут зори, / Призрак брига тонет в море»), прорезанная горизонтальной линией: «И темнеют дали алые».

Данный сюжет отсылает также к вольному переводу М. Лермонтовым баллады Й. Цейдлица «Корабль призраков». «Воздушный корабль» написан трёхстопным амфибрахийем – балладным и песенным размером, по мнению М. Л. Гаспарова [3, с. 124–129]. Этот размер Иванов использует в своем позднем стихотворении 1952 года. «Мне больше не страшно. Мне томно...» – тексте, для М. Л. Гаспарова имеющем балладный ореол. Отзвуки лирики Лермонтова постоянно встречаются в стихах Иванова, особенно поздних. Но история с кораблём-призраком задана уже в «Отплытие...».

«Воздушный корабль» Лермонтова и «Ночной смотр» Жуковского (оба текста – переводы баллад Й. К. Цейдлица) отзовутся и в стихотворении «Сиянье. В двенадцать часов по ночам...» («Из книги “Ночной смотр”», 1932). Текст Иванова написан чередованием балладных размеров: четырёхстопный усечённый амфибрахий сочетается то с одностопным, то с двустопным, то с трёхстопным амфибрахийем (и усечённым, и нет).

Воспоминания героев баллад Лермонтова и Жуковского преобразуются в общую эмигрантскую тоску:

О, всё это шорох ночных голосов,
О, всё это было когда-то –
Над синими далями русских лесов
В торжественной грусти заката³.

Трёхстопный амфибрахий стихотворения «Мне больше не страшно. Мне томно...» связан не только с «Воздушным кораблём», но и с гораздо более «близким» источником – с «Балладой» (1921) В. Ходасевича, литературного противника Г. Иванова в эмиграции. Цикличность мира, погружённого в быт, задана Ходасевичем на уровне ритма: трёхстопный амфибрахий симметричен, он как будто кружит строку. Д. Бетеа отмечал: “The amphibrachs’ smooth, tidal rhythm seems especially suited to the poem’s chantlike quality, its emphasis on music, and its final allusion

³ Там же. – С. 269.

to Orpheus”¹ [14, с. 242]. Проигранная на различных уровнях кругообразность и замкнутость пространства нарушается как бы извне: стихи лирического героя рождают музыку, пронзающую его. Музыка может быть связана с «высшим» миром ангелов, и в этом случае герой принимает «тяжёлую лиру», подобно пушкинскому Пророку. «Пронзающее лезвие» – характерный образ в лирике Ходасевича². В «Балладе» музыка есть то острое, которое разрушает цикличность бытия. «Баллада» описывает ситуацию обретения поэтом голоса – на грани гибели («Пронзает меня лезвие») и создания нового мира:

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идёт

...И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие чёрные скалы
Стопы опирает – Орфей³.

Балладный конфликт у Ходасевича – это открытие нового мира, который убивает (пронзает насквозь) человека, но рождает поэта. В стихотворении Иванова «Мне больше не страшно. Мне томно...» этот момент – падение в пропасть, которое становится преодолением границы между живым и мёртвым, своим и чужим. «Пропасть» – это иной мир, губительный для поэзии, мир, противоположный прежней, потерянной России, ненавидимой в нынешнем времени: «И вашей России не помню / И помнить её не хочу»⁴. Трёхстопный амфибрахий задаёт балладный тон тексту, превращая его пространство в два оппозиционно очерченных топоса: *Я* (абсолютно одинокий поэт) и *Россия* (синоним: пропасть). И воспоминания о живом, любимом мире вызывают только отчаяние и раздражение.

Г. Иванов, умерший почти через 20 лет после смерти В. Ходасевича, прекратил «литературную войну», как пишет Е. Витковский, и «последнее слово» осталось за ним:

¹ Пер.: «Плавный, волнообразный ритм амфибрахия – будто специально подобран для этого стихотворения, с его распевной мелодикой, чётко выделенной темой музыки и заключительной отсылкой к образу Орфея».

² См.: «Сумерки», «Из дневника», “An Mariechen” (где непосредственно названо это «лезвие» – нож) и другие тексты, в которых центральным является мотив прокалывания.

³ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1 // Полное собрание стихотворений / сост., подг. текста, ком. Дж. Маллстада и Р. Хьюза. – М.: Рус. путь, 2009. – С. 152.

⁴ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 316.

«Меньше чем за год до смерти Иванов, перерабатывая старые стихи для несостоявшегося “Собрания стихотворений”... вместо заголовка к одному из них поставил эпиграф: “Мне ангел лиру подаёт. В. Ходасевич”, и последняя строфа зазвучала совершенно иначе:

И тихо, выступив из тени,
Блестя крылами при луне,
Передо мной склонив колени,
Протянет лиру ангел мне.

Характерно – “мне”, “мне – лиру Ходасевича”... Именно “тяжёлой лире” Ходасевича он должно отдать [2, с. 31]. А. Ю. Арьев, однако, полагает, что в данных строках «смысл противоположный: протянет лиру *мне* (а не Ходасевичу)»⁵. В любом случае, «диалог» поэтов состоялся – балладный налет, принятый Ивановым от Ходасевича, «предопределил» его трёхстопный амфибрахий, придав ему дополнительное звучание.

В сборнике «Вереск» отплытие связано с шотландской темой. В стихотворении «Шотландия, туманный берег твой...» сочетаются общеромантические мотивы байронического, батюшковского, пушкинского и лермонтовского прощания⁶:

Прощай, прощай! О, вереск, о, туман...
Тускнеет даль, и ропщет океан,
И наш корабль уносит, как ладью...
Храни, Господь, Шотландию мою!⁷

Для нас же интересным является выход к данной теме, поскольку он обозначает в том числе связь с жанром английской/шотландской баллады. Вереск, по мнению Е. А. Якуновой, «относится к набору образов, активно используемых романтиками, особенно английскими. Наряду с арфой, туманом, Шотландией, Оссианом, он является знаком печали, одиночества, трагического мироощущения» [13]. Исследовательница упоминает знаменитую балладу Л. Стивенсона «Вересковый мёд» – произведение, которое, вероятно, оказало влияние на введение шотландских мотивов в лирику Г. Иванова.

Кроме того, мандельштамовский манифест «И снова скальд чужую песню сложит / И, как свою, её произнесёт» был абсолютно близок Иванову, не случайно такое обилие стилизаций и реминисценций в его творчестве. И оссианические песни, и шотландские баллады, и мотивы романтического побега оказались для поэта словно слитыми друг с другом, открыли ему тайну творчества: от-

⁵ Там же. – С. 716.

⁶ См. об этом подробнее: Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 529.

⁷ Там же. – С. 165.

плытье в иной – ирреальный – мир, мир вдохновения и чуда. «Корабль сравнивается с ладьей, герой отправляется в плавание. Возникает аналогия с ладьей Харона и последним путешествием по Стиксу. На создание этого стихотворения, особенно на его интонацию прощания с отчизной, могли повлиять произведения Р. Бернса, которые, несомненно, были известны Г. Иванову: «Моя Шотландия, прощай!» [13]. Путь в царство Харона, согласно Иванову, – это путь каждого поэта, который неизбежно нужно пройти (проплыть на ладье). Этот мотив в его лирике делается балладным: путь зачастую заменён отплытием.

Для Иванова на протяжении десятилетий творчества остаётся устойчивым «вкус к культуре Шотландии времени “Оссиана”» [8, с. 121]. Так, в 1916 году по ассоциации с «Беверлеем» В. Скотта создаётся ещё один палимпсест европейской культуры – «Шотландская баллада», в которую включены сюжетные ходы из «Леноры» Бюргера и «Людмилы» В. Жуковского. А. Ю. Арьев полагает, что сюжет мёртвого жениха, многократно использованный романтиками и основанный на распространённом фольклорном мотиве, является у Г. Иванова ведущим, а текст В. Скотта – лишь формальный «шотландский» атрибут¹. Помимо этого, исследователь отмечает прозаический подтекст «Шотландской баллады»: замок Мюсграф может быть связан не только с поэмой В. Скотта «Песнь последнего менестреля», но и с новеллой А. Конан-Дойла «Мюсграфский обряд», где встречаются и замок, и исчезнувшие жених с невестой².

Контаминация сюжета В. Скотта, романтических баллад и детектива А. Конан-Дойла создают сложный и отчасти иронический фон произведения Г. Иванова. Игра с сюжетом, как и в «Песне о пирате Оле», оказывается подчёркнуто шуточной. Можно взять несколько линий, соединить их известными и отработанными в мировой литературе мотивами и написать текст новой баллады. Вопрос в том, почему именно этот жанр становится для Иванова максимально игровым и своего рода «перевернутым». С одной стороны, XX век приносит переосмысление всех канонов и традиций. С другой, оказывается, что жанр баллады не устаревает, не уходит в небытие, а активно используется как символистами, так и акмеистами. И тогда Иванов показывает

¹ См.: Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. С. – 680.

² Там же.

поэтам и читателям, насколько легко на основе классического и «отработанного» жанра написать «вариацию на тему».

В «Шотландской балладе» присутствуют все элементы, свойственные романтическим текстам: «зловещий рог», «ворон под луной», невеста в «фате венчальной», полночь, свечи, таинственные шаги, умирающий жених, наконец, мертвец, который приходит за своей возлюбленной и увозит её на коне (копытом роющим землю!) в семейный склеп, догнать беглецов невозможно, они бесследно исчезают. В отличие от достаточно ясного и поучительного финала «Леноры» Бюргера/«Людмилы» Жуковского, Иванов размывает четкость концовки, создавая максимально таинственную атмосферу, необходимую для баллады: «Искать напрасно зыбкий след, / Петух не пел, и следа нет...»³.

В результате баллада приобретает новые свойства: помимо трагического и напряженного сюжета (едва ли не основного признака жанра), она становится стихотворением с высоким уровнем реминисцентного слоя, сквозь который проглядывает очевидная ирония автора. Поэт смотрит внутрь баллады, преобразует ее, совмещая разнообразные детали и демонстрируя процесс создания текста.

Балладный Жуковский так или иначе «звучит» в лирике Иванова, создавая особый, тихий, но отчётливый фон его произведений. «Ленора» Бюргера/Жуковского отзовется в раннем стихотворении «Прощай, прощай, дорогая!..» и в позднем (1956) – «Закат в полнеба занесён...». Но если в первом из них, помимо немецкой Леноры, слышится и Линор Э. По⁴, то во втором – это сугубо балладный мотив, связанный с вещим сном героини, который оказывается реальностью. «Страшный сон» исчезает, оставляя место страшной действительности. Такова реализация баллады в судьбе Иванова.

Отсылки к балладе Жуковского «Светлана» можно увидеть и в стихотворении «Суженый»⁵: описание многочисленных крещенских гаданий, главным из которых является зеркало, в которое можно увидеть своего будущего жениха. Но Иванов останавливается на счастливом видении («...суженый в шинели, / С перевязанной рукой»⁶) и не

³ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 387.

⁴ См. об этом наблюдения А.Ю. Арьева: Иванов Г. Стихотворения. – СПб.: Акад. проект. – С. 544.

⁵ См. об этом: [6, с. 156–157].

⁶ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 150.

раскрывает присущего классической балладе ужаса. А «Песня кружевницы» из «Памятника славы» варьирует мотивы гибели «милого друга» («Ленора», «Людмила», «Светлана»), но с принципиально иным финалом: героиня отправляется мстить врагам за убитого под Льежем возлюбленного.

Иванов всё более уплотняет художественное пространство текста, используя наиболее яркие балладные особенности, а стилизация выступает как «форма отношений между произведением и жанровым прототипом, не исключающим возможности (и тем она отличается от подражания) модификации исходной модели» [1, с. 25–26].

Гораздо более чем в других произведениях-стилизациях, очевидна ирония в ивановской «Балладе об издателе» – пародии на «Балладу об извозчике» И. Одоевцевой. А. Ю. Арьев отмечает совпадение ритма, использование исключительно мужских рифм, место действия, схожие подробности и финал (жертвы отправляются в рай)¹. Иванов пишет практически кальку с текста Одоевцевой, лишь заменяя трагический сюжет на фарсовый (впрочем, его герой издатель Я. Н. Блох оказывается убийцей, как и положено в традиционной балладе). Характерно, что оба произведения описывают современность – в то время как классическая баллада зачастую обращена в прошлое. Текст Иванова напоминает статью в газету в рубрике «Криминальная хроника» с описанием кровавого происшествия. Однако пародия выглядит ярко и остроумно, не претендуя, впрочем, на иные балладные качества.

Ещё одно очевидно пародийное стихотворение в духе баллады Иванов написал в 1920 году – «Сейчас я поведаю, граждане, вам...». История родилась таким образом: поэт «случайно увидел Николая Гумилёва на Бассейной улице. Гумилёв отчитывал Осипа Мандельштама, который ухаживал за артисткой Арбениной, очередной любовью Гумилёва. Арбенина стояла тут же, испуганная, не в состоянии остановить начавшуюся ссору. Подошедший Георгий Иванов сказал: “Услышал страшное слово «предательство», и это в присутствии нашей бедной Психеи”. В тот же день он сочинил шуточное стихотворение, пародируя распространённый тогда жанр баллад “Сейчас я поведаю, граждане, вам / Без лишних присказов и слов, / О том, как погибли герой Гумилёв / И юный грузин Мандельштам...”» [7, с. 90].

¹ См. об этом: Иванов Г. Стихотворения. – СПб.: М.: Акад. проект, 2010. – С. 693.

Произведение абсолютно комическое, но Иванов с юмором оставил в нём признаки жанра баллады: тайную любовь, «гомерический бой» соперников за сердце красавицы, гибель героев и таинственный финал, оставляющий загадку для читателя: «Кто выиграл, кто пораженье понёс?»².

Среди стихотворений, не вошедших в сборники стихов Иванова, есть менее ироническая, но не менее стилизованная «Майская баллада» 1911 года, которая изящно пародирует символистские, акмеистические и эгофутуристические тексты: это немного мистическая, немного психологическая новелла в стихах с элементами сказки. Самые очевидные источники «Майской баллады» – «Träumerei» И. Анненского из цикла «Трилистник лунный» и «Принцесса» Н. Гумилёва из «Романтических цветов».

Трёхиктный дольник, переходящий иногда в акцентный стих, в балладе Иванова отзывается на подчеркнута сбивчатый ритм «Träumerei» Анненского: от пятистопного хорея до четырёх- и двустопного (с обилием пиррихий, особенно в начале стиха) и превращения его в некоторых местах в трёхиктный дольник («Или сад был одно мечтание»³, «Или сам я лишь тень немая»⁴). Игра Анненского на умножение (удвоение, утроение) звуков, делающих стихи похожими на мелодию («Сливались ли это тени», «Это блики или цветы сирени», «тебя ль / Безумно / И бездумно / Я любил» и т. д.), соответствует и колебанию ритма: музыка стиха словно переливается, качаясь из стороны в сторону, расшатывая линию хорея. В «Прелюдии» («Лунные тени – тени печали...») И. Северянин отозвался на «тени в лунной ночи мая» Анненского, создав свою плывущую и качающуюся лунную ночь: «Многих любовно и нежно качали, / Чутко давали ответ»⁵.

Иванов берёт музыкальное «или» Анненского в финальную строку («Или это шутка Мая»⁶) и выстраивает, как и старший поэт-символист, загадочный сюжет, основанный на этом слове-союзе, разделяющем мечту и действительность. Сюжетом его

² Иванов Г. Стихотворения. – СПб.: М.: Акад. проект, 2010. – С. 432.

³ Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии / вступ. ст., сост., подг. текста, прим. А. В. Федорова. – Л.: Сов. писатель, 1990. – С. 95.

⁴ Там же.

⁵ Северянин И. Громкопящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. – М.: Наука, 2004. – С. 401.

⁶ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.: М.: Акад. проект, 2010. – С. 353.

баллады становится поиск принцессой «дальной музыки» иного мира, куда героиня хочет проникнуть. Но виновата ли в этом болезнь (скарлатина), или же принцесса видит другое пространство («голубые крылья тумана») – остаётся неизвестным.

Принцесса Гумилёва – по-настоящему «балладная», она попадает в странный для неё мир рабочего, в его избушку, где впервые чувствует себя дома. Столкновение двух несоотносимых пространств, проникновение одного в другое – балладный сюжет, который у Гумилёва разрешается не трагически, но печально: принцесса горюет о рабочем и его избушке.

В этом смысле Иванов снимает все отчётливые сюжетные звенья – его принцесса больна скарлатиной, и никаких других событий в «Майской балладе» нет. Возможно, именно болезнь даёт принцессе особое мировидение и чувство бытия: из синевы «золотистого вечера» (поэт вновь использует лермонтовское сочетание синего и золотого) и треска кузнечика в душе героини рождается особое переживание. Она как будто смотрит вглубь «голубых крыльев тумана» и видит неведомое.

Как и в балладе Гумилёва, конфликт остаётся неразрешённым, он только намечен и едва обозначен: «И принцессе было *странно*»¹. «Странность» – черта, присущая балладному жанру, когда герои совершают необъяснимые поступки или же нечто неизведанное принуждает их к этому. Иванов не создаёт возможности разрешения этой «странности», его текст более похож на северянинские «поэзы» с их певучим ритмом и напевным слогом. Однако гумилёвская линия, только без конкретных, «акмеистических» деталей («Кроличьи засушенные лапки, / Брошенные на пол папиросы»²; «лепёшка с горьким салом»³ и т. д.), ведёт повествование. Побег принцессы связан с побегом многих героинь баллад, но в отличие от побега с мёртвым женихом из «Шотландской баллады» Иванова, неожиданность финала заключается в том, что в произведении как раз ничего и не происходит, а объяс-

нением всему становится либо болезнь, либо – шутка Мая. Не случайно *май* у Иванова назван с прописной буквы: этот весенний месяц становится тем неведомым, что пугает и манит героиню классических баллад, своего рода мёртвым женихом, дьяволом или же смелым разбойником/цыганом. И неопределённость вполне соответствует балладной истории: как неизвестно в переводе «Лесного царя» Гёте Жуковским, от чего умер ребёнок – от страха или же он был, действительно, похищен Лесным царем, так и в «Майской балладе» тревога принцессы и её побег – загадка для читателя и для самой героини.

Выводы. Стилизация, присущая всем балладам Г. Иванова («Песня о пирате Оле», «Майская баллада», «Шотландская баллада», «Баллада об издателе») и его балладным стихотворениям, позволяет увидеть жанр в новом аспекте. С одной стороны, поэт строго соблюдает все балладные правила – трагический (драматический, печальный) сюжет, романтические «неясности» повествования, непеременимые балладные мотивы вроде зловещего ворона, ночных историй, обращение в прошлое (здесь исключением становится «Баллада об издателе» по причине её переключки с текстом Одоевцевой). С другой стороны, эти правила нарушены, обыграны, «перешучены» и сдвинуты на девяносто градусов. Традиционные балладные сюжеты так усилены, что нагнетание черт создаёт комический или иронический эффект, совокупность мотивов оказывается слишком многослойной. В результате мы получаем даже не «балладу баллады», а нечто третье – пародийную (где в большей степени, как в «Шотландской балладе» и «Балладе об издателе»; где в меньшей), вторичную балладу. Однако игра и любовь к стилизации, свойственная Г. Иванову на протяжении всей его творческой жизни, открывают жанр баллады, практически созданный им самим, – из прочитанного и горячо любимого к новым берегам, куда поэт отплывает вместе со своими, живущими в его стихах, авторами и героями.

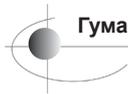
Список литературы

1. Боровская А. А. Эволюция жанровых форм в русской поэзии первой трети XX века. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2009. 260 с.

¹ Иванов Г. Стихотворения. – СПб.; М.: Акад. проект, 2010. – С. 353.

² Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. А. И. Павловского; биогр. очерк В. В. Карпова; сост., подг. текста и прим. М. Д. Эльзона. – Л.: Сов. писатель, 1988. – С. 93.

³ Там же.

2. Витковский Е. В. «Жизнь, которая мне снилась» // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1 / Г. Иванов. М.: Сogласие. 1994. С. 5–40.
3. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М.: РГГУ, 1999. 289 с.
4. Жолковский А. К. Так и этак Георгия Иванова («Луны начищенный пятак») // Звезда. 2007. № 9. С. 185–194.
5. Иванюк Б. П. К проблеме теоретической истории жанра // Автор. Жанр. Сюжет. Калининград: КГУ, 1991. С. 3–10.
6. Кац Е. А. Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2009. 267 с.
7. Крейд В. П. Георгий Иванов. М.: Молод. гвардия, 2007. 430 с.
8. Крейд В. П. Петербургский период Георгия Иванова. Тенафлай: Эрмитаж, 1989. 195 с.
9. Куликова Е. Ю. Дальние небеса Николая Гумилёва. Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск: Сви-
ньин и сыновья, 2015. 272 с.
10. Соколова Т. С. Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова: автореф. дис. ...
канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2009. 18 с.
11. Чигиринская О. С. Мотив отплытия в эмигрантском творчестве Г. Иванова // Знание. Понимание.
Умение. 2008. № 5. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/chigirinskaia/> (дата обращения: 12.04.2020).
12. Эткинд Е. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы: XX век: Серебряный век.
М.: Прогресс-Литера, 1995. С. 430–488.
13. Якунова Е. А. Своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова: автореф.
дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Череповец, 2004. 21 с.
14. Bethea D. M. Khodasevich: His life and art. Princeton: New Jersey, 1983. 372 p.
15. Hinck W. Die deutsche Ballade von Bürger bis Brecht. Göttingen, 1968. 153 p.

Статья поступила в редакцию 29.05.2020; принята к публикации 24.06.2020

Сведения об авторе

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии СО РАН; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: kulis@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>.

Библиографическое описание статьи

Куликова Е. Ю. «И снова скальд чужую песню сложит...»: «морские», «шотландские», «майские» и другие балладные стилизации Георгия Иванова // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 16–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-16-27.

References

1. Borovskaya, A. A. The evolution of genre forms in Russian poetry of the first third of the twentieth century. Astrakhan: Izd. dom "Astrakhanskiy universitet", 2009. (In Rus.)
2. Vitkovskiy, E. V. "The Life I Dreamed". In: Ivanov G. Collected Works: In 3 vols. M.: "Soglasie", 1994. Vol. 1, pp. 5–40. (In Rus.)
3. Gasparov, M. L. Meter and meaning. About one of the mechanisms of cultural memory. M: RGGU, 1999. (In Rus.)
4. Zholkovskiy A. K. Tak and etak of George Ivanov ("The moon polished nickel"). Zvezda, pp. 185–194, no. 9, 2007. (In Rus.)
5. Ivanyuk, B. P. To the problem of the theoretical history of the genre. Author. Genre. Plot. Kaliningrad: KGU, 1991: 3–10. (In Rus.)
6. Kats, E. A. The linguistic personality in the poetic idiol of George Ivanov. Cand. sci. diss. M., 2009. (In Rus.)
7. Kreyd, V. P. George Ivanov. M: Molodaya gvardiya, 2007. (In Rus.)
8. Kreyd, V. P. Petersburg period of George Ivanov. Tenafly: "Ermitazh", 1989. (In Rus.)
9. Kulikova, E. Yu. The Far Heavens of Nikolai Gumilyov: Poetry. Prose. Translations. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 2015. (In Rus.)
10. Sokolova, T. S. The poetics of space and time in the lyrics of George Ivanov. Cand. sci. diss. abstr. Sankt-Peterburg, 2009. (In Rus.)
11. Chigirinskaya O. S. The motive for sailing in the emigrant work of G. Ivanov. Knowledge. Understanding. Skill, no. 5, 2008. Web.12.04.2020. <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/chigirinskaia/> (In Rus.)
12. Etkind, E. The crisis of symbolism and acmeism. History of Russian literature: XX century: Silver age. M: Progress-Litera, 1995: 460–488. (In Rus.)

13. Yakunova, E. A. The peculiarity of the artistic world of the early lyrics of George Ivanov. Cand. sci. diss. abstr. Cherepovets, 2004. (In Rus.)
14. Bethea, D. M. Khodasevich: His life and art. Princeton: New Jersey, 1983. (In Engl.)
15. Hinck, W. Die deutsche Ballade von Bürger bis Brecht. Göttingen, 1968. (In German)

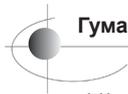
Received: May 29, 2020; accepted for publication June 24, 2020

Information about author

Kulikova Elena Yu., Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: kulis@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>.

Reference to the article

Kulikova E. Yu. "And Again, the Skald Will Add Someone Else's Song": "Marine", "Scottish", "May" and Other Ballad Stylizations by Georgy Ivanov // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 16–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-16-27.

УДК 82.0

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35

Наталья Валерьевна Налегач,
Кемеровский государственный университет
(г. Кемерово, Россия),
e-mail: nalegach@list.ru

Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928)

Статья посвящена рассмотрению художественного функционирования мотива чтения в малоизученном романе К. Г. Паустовского «Блистающие облака» (1928). Предпринятый в работе мотивный анализ позволил выявить значимость читательского кругозора персонажей произведения не только для характеристики их внутреннего мира. В том случае, когда речь идёт о круге чтения главных героев, можно говорить о функциях сюжетного предсказания и создания пафоса романтики. В этой связи примечательны упоминания произведений Дж. Лондона, В. Гюго, Э. Гофмана, О. Генри и др. Так как сюжетосложение в «Блистающих облаках» подчинено жанровому заданию детективно-авантюрного романа, то читательский опыт таких героев, как капитан Кравченко, Батулин и Берг, позволяет актуализировать эту форму, выполняя роль жанрового каркаса в произведении с высоким уровнем лирических отступлений. Особенного внимания заслуживает вставной текст – дневник Нелидова, выступающий одновременно в функции искомого сокровища и собственно текста, в котором органично соединены инженерная мысль и художественные достоинства. В силу такого положения в структуре романа дневник Нелидова вступает в сложные диалогические отношения с другими читаемыми героями произведениями, что побуждает к более пристальному анализу его фрагментов в сопоставлении с произведениями реальных писателей. На первый план в этом сопоставлении выходят стихотворение Л. Мея «Галатея» и травелог А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум», что позволяет увидеть место мотива чтения в мотивно-тематическом комплексе творчества, а также выйти к авторской концепции нового человека, воплощённой в образе Нелидова и выступающей подлинной ценностью, побуждающей героев романа отправиться на «поиски сокровищ».

Ключевые слова: К. Паустовский, мотив, чтение, роман, поэтика

Natalya V. Nalegach,
Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia),
e-mail: nalegach@list.ru

The Role of the Motive of Reading in K. Paustovsky's Novel Shining Clouds (1928)

The article is devoted to the consideration of the artistic functioning of the reading motive in K. G. Paustovsky's little-known novel Shining Clouds (1928). The motivational analysis undertaken in the work revealed the significance of the readers' horizons of the characters of the work, not only for characterizing their inner world. In the case when it comes to the reading circle of the main characters, we can talk about the functions of plot prediction and create the pathos of romance. In this regard, mentioning the works by J. London, V. Hugo, E. T. A. Hoffmann, O. Henry, etc., is noteworthy. Since the plot of Shining Clouds is subordinated to the genre assignment of a detective-adventurous novel, the reading experience of such heroes as captain Kravchenko, Baturin and Berg allows you to actualize this form, performing the role of the genre framework in a work with a high level of lyrical digressions. Of particular note is the insertion text – Nelidov's diary, which simultaneously functions as the sought-after treasure and the actual text, in which engineering and art are organically combined. By virtue of this position in the structure of the novel, Nelidov's diary enters into complex dialogical relations with other works read by heroes, which prompts a closer analysis of its fragments in comparison with the works of real writers. This comparison comes to the fore in the poem Galatea by L. Mei and the travelogue Journey to Arzrum by A. S. Pushkin, which allows you to see the place of the reading motive in the motif-thematic complex of creativity, as well as go to the author's concept of a new person embodied in the image of Nelidov and a genuine value that encourages the heroes of the novel to go on a "treasure hunt".

Keywords: K. Paustovsky, motive, reading, novel, poetics

Введение. Произведение К. Паустовского «Блистающие облака» (1928) относится к раннему периоду творчества, изучение которого обнаруживается в работах Л. С. Ачкасовой, Е. Н. Колесниченко, Л. П. Кременцова, С. А. Мантровой, Е. С. Тереховой, С. Ф. Щелоковой [1; 6–8; 11; 16], и др. Сам

писатель определял жанр «Блистающих облаков» как повесть, но в издательской (во всех собраниях сочинений писателя) и исследовательской традиции он однозначно определяется как роман на основании сложной композиции, параллельности развития сюжетных линий героев, а также вы-

© Налегач Н. В., 2020

являемой ориентации на жанровую модель авантюрно-психологического или приключенческого романа [6, с. 48; 11, с. 22].

В центре системы персонажей оказываются герои, наделенные творческим даром. Капитан Кравченко, ожидая назначения на пароход, занимается переводом книги о безболезненных родах и пишет статьи о своем прошлом, которые Батурин, тоже герой-писатель, пристраивает в морские газеты. Батурин и Берг в прямом смысле слова являются писателями, в их сюжетных линиях основой оказывается мотив становления творческого дара и его воплощения в произведении. Инженер Симбирцев пишет стихи и обсуждает поэзию с Бергом. Лётчик Нелидов оставляет дневник, в котором совмещены научно-технические и литературно-художественные тексты. Его сестра – актриса. Глан – журналист, очеркист и потенциальный писатель. В этом смысле показательны реалии современного К. Г. Паустовскому историко-литературного процесса. Так, его собственное удостоверение о членстве во Всероссийском союзе работников просвещения, в котором он состоял с 1917 года, определяет его специальность как «журналист-литератор» [4, с. 341–342], указывая на совмещение литературного и журналистского творчества в сознании людей постреволюционной эпохи.

Но если образ писателя и мотивно-тематический комплекс литературного творчества закономерно привлекали к себе исследовательское внимание [5], то на важность и необходимость изучения образов героев-читателей, хотя на это и указано в статье Т. И. Шамякиной [14], взаимосвязанный с ним мотивно-тематический комплекс чтения до сих пор практически не исследован. При этом в работе Т. И. Шамякиной в связи с интересом к героям-читателям справедливо делается акцент на том, что в романе «Блистающие облака» обозначение круга чтения персонажа является одним из способов его характеристики. Тем не менее, на наш взгляд, этим художественное функционирование мотива чтения не исчерпывается. Гипотезой предлагаемой статьи выступает тезис о сюжетобразующей роли мотива чтения в романе «Блистающие облака». Актуальность предпринятой работы обусловлена неослабевающим интересом к творческому наследию К. Г. Паустовского. Новизна заключается в изучении художественного функционирования мотива чтения в романе «Блистающие облака».

Методология и методы исследования. Поставленная цель – изучить художественное функционирование мотива чтения в отдельном произведении – диктует обращение к комплексной методологии, основанной на сочетании историко-литературного и структурно-семиотического подходов. Центром их пересечения становится анализ поэтики мотива с опорой на труды И. В. Силантьева [10], В. И. Тюпы [12], Ю. В. Шатина [15] и др. В связи с этим, анализируя роман К. Паустовского, сначала предстоит выявить круг чтения каждого персонажа в романе, затем посредством анализа отсылок к другим произведениям русской и мировой литературы проверить их влияние на сюжетостроение романских линий, наконец, определить, какие из читаемых произведений служат лишь для характеристики героя, а какие имеют сюжетный потенциал.

Результаты исследования и их обсуждение. Уже в первой главе «Истории, рассказанные ночью» появляется описание книг капитана Кравченко, выполняющее не только роль портретной характеристики, подразумевающей и страсть к чтению, и романтичность натуры, но и функцию сюжетного предсказания и, как следствие, жанрового кода, содержащуюся в открытости капитана духу странствий и приключений. Так, среди разного рода специальных изданий упомянут и Джек Лондон. Окружение, в котором появляется американский автор, усиливает потенциальность авантурной интриги: «...Там были лоции, мореходная астрономия, “Азбука коммунизма”, Джек Лондон по-английски, много географических карт и Библия (убеждённый безбожник, он читал Библию исключительно с целью уличить во лжи поповскую клику)»¹. Закономерно, что спор с Симбирцевым и Бергом о лирике, затеянный капитаном, спровоцирует Симбирцева на рассказ о лётчике Нелидове и ценности его дневника, тем самым выступив мотивировкой сюжетной завязки. Более того, сам рассказ о Нелидове в восприятии Батурина вызвал ассоциации с фантастичным миром Гофмана и образом американского писателя Генри, причудливо сочетав их на основе духа романтики, объединившего континенты и времена. Художественность рассказа Симбирцева подчёркнута и противопоставлением уже в восприятии задиристым капитаном услышанного газетной

¹ Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 207.

заметке: «Газетная заметка об этой истории не вызвала бы и тени того волнения, какое появилось на щетинистом лице капитана»¹.

Вторая глава, представляющая, по сути, вставной жанр, который тоже строится как синтез устной (рассказ Симбирцева) и письменной (дневник Нелидова) традиций, обретает своего рода значимость самостоятельного художественного произведения, созданного Симбирцевым в совмещении писательских установок Гофмана и Генри. Примечательно, что в «Литературных портретах» Паустовского позже обнаружится целая серия статей о советских писателях, вышедших из состава литературного объединения «Серрапионовы братья», а в очерке о К. Федине он даже отдельно упомянет о роли этой группы в становлении советской литературы. Можно предположить, что гофмановское начало в рассказе Симбирцева делает его причастным к эстетическим и поэтическим установкам этой литературной группы, для которой очень важно было сочетание реального и фантастического, умение закручивать и развивать сюжетную интригу, свобода творческих исканий. Эти творческие установки отмечаются практически во всех работах, посвящённых изучению деятельности «Серрапионовых братьев» [2; 3; 9]. В контексте ориентации как на поэтику русских «серрапионов», так и немецкого романа логична ситуация рассказывания Симбирцевым новеллистичной по своей жанровой природе истории о лётчике Нелидове. Обращает на себя внимание и тот факт, что если ситуация рассказывания истории Симбирцевым соотносена с поэтикой Гофмана, то имя О. Генри, в первую очередь, связано с образом Нелидова. Так, в начале второй главы Симбирцев упомянет, что в кабине разбившегося самолета Нелидова нашли томик О. Генри с пометками лётчика. Примечателен и тот факт, что Батулин, слушая рассказ инженера, видит Генри на месте Берга, интуитивно соединяя, тем самым судьбы Нелидова и Берга мотивом торжества творческого духа над физической обречённостью, как впоследствии откроется в сюжете произведения. Берг, осознавая смертельный характер своей болезни, не сдаётся и завершает работу над начатым произведением, боясь лишь одного – не успеть воплотить замысел.

Несмотря на устный характер, посредством которого с этой историей ознакоми-

¹ Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 216.

лись капитан, Берг и Батулин, она стала частью их читательского опыта, сподвигнув всех троих на поиски похищенного дневника, тем самым, запустив жанровую парадигму приключенческого романа, несущей конструкцией которой становится авантурный сюжет. Примечательно, что в финале своего повествования Симбирцев в качестве героя-авантюриста отмечает именно капитана:

«– Нелидову надо найти и дневник отобрать. Для этого нужны смелые, ни с чем не связанные люди, *немного авантюристы*.

– Я протестую, – капитан скрипнул стулом.

– Не важно. Обидеться вы успеете всегда. Я говорю о деле, а не о ваших чувствах. <...> Я в этом участвовать не могу, я болен. Это для вас. – *Симбирцев кивнул на капитана*»² (курсив наш – Н. Н.). Протест капитана не играет роли, так как в итоге именно он и оказывается организатором приключения, которое, опять же, спровоцировано литературной природой сокровища, на поиски которого отправятся три товарища. И если для капитана Симбирцев подчёркивает равноценность научной и литературной составляющих дневника Нелидова, то, убеждая Берга и Батулина, он напирал именно на литературную значимость искомого: «Дневник этот – событие в литературе наших дней»³.

Таким образом, в основе сюжетной мотивировки оказывается необходимость вернуть дневник, чтобы представить его читателю, вследствие чего мотив читательского внимания становится способом организации связи разных планов реальности с выходом к мотиву рождения нового мира, обозначенного в читательском опыте капитана. Закономерно, что именно круг чтения и определяет его выход в событие приключения, в основе которого оказывается встреча с социально-исторической реальностью современности уже не только и не столько для капитана, сколько для Батулина и Берга.

Центральное место во второй главе занимает вставной текст – дневник Нелидова, который, с одной стороны, охарактеризован как имеющий собственное художественное значение, поскольку создан новым человеком, творцом и испытателем, с другой, включает в себя читательский опыт погибшего героя. Более того, мотив чтения в дневнике соотносён с творческим откликом на читаемое. Так, Нелидов помимо прочего пишет, по сути, две литературоведческие статьи о поэте Л. Мее и о «сколачивании фразы».

² Там же. – С. 222.

³ Там же.

Первая обнаруживает его интерес к русской поэзии XIX века, вторая вызывает ассоциации с исканиями русских формалистов, вызывая в памяти названия работ Ю. Тынянова «Ритм как конструктивный фактор стиха», Б. Эйхенбаума «Как сделана «Шинель» Гоголя» или В. Шкловского «Развёртывание сюжета» и т. п. Примечательно, что цитата из первой строфы стихотворения Л. А. Мея «Галатее», в основе которого разработка античного мифа о Пигмалионе, почти 30 лет спустя будет включена К. Г. Паустовским и в рассказ «Умолкнувший звук» (1957). Этот факт подчёркивает как важность микроцитаты, акцентирующей взаимопроникновение культурного и природного начал в изображении морского пейзажа, для эстетических взглядов автора, так и актуальность в его творческом сознании поэтической обработки древнегреческого мифа о любви творца к своему творению, увенчавшейся оживлением статуи. Как отмечает Л. А. Ходанен, «причиной неугасающего интереса к мифу в разные эпохи было то, что в нем выражен существенный для искусства комплекс отношений творца и его создания, в котором с тайной творчества соединилась любовь» [13, с. 29].

Примечательно, что у Л. А. Мея Пигмалион вызывает о даровании дыхания жизни статуе к Зевсу, а не к Афродите, как это соответствовало бы античному мифу. Думается, это обусловлено стремлением поэта выразить метафизику взаимосвязи художника и Творца в акте художественного творчества, что подчёркнуто в поэтической интерпретации мифа Л. А. Мея в финале второй части стихотворения, когда ожившая Галатеея озвучивает смысл, воплощённый в ней Пигмалионом:

«Вестницей воли богов предстою я теперь пред тобою.

Жизнь на земле – сотворённому смертной рукою;

Творческой силе – бессмертье у нас в небесах!

...И перед нею, своей воплощённою свыше идею

Перед своей Галатеею,

Пигмалион пал во прах»¹ (курсив Н. Н.).

Выделенные курсивом стихи Л. А. Мея коррелируют с духом эпохи 1920-х годов, с их установкой на жизнестроительство и веру в способность человека созидательно изменить социально-историческую реаль-

ность, создав совершенный новый мир и нового человека. Если вернуться к произведению К. Г. Паустовского, то в ответной речи Нелидова, обращённой к устроившим в его честь банкет жителям Усоляя, прозвучит мотив веры в созидательный гений человечества, восходящий к «Галатее» Мея, процитированной непосредственно перед этой сценкой: «Говорил об авиации, о том, что он счастлив покрывать сотни верст над сплошными лесами, чтобы доставить затерянным в глуши людям возможность радоваться вместе с ним человеческому гению, упорству и смелости»². Примечательно, что в ответ на эту речь к нему обращается юная девушка с просьбой отвезти её в Москву, где она могла бы учиться и тем самым стать новым человеком нового мира. И обещание Нелидова на обратном пути залететь за ней и отвезти в столицу коррелирует с расстановкой образов в мифе о Пигмалионе и Галатее. Только древний Пигмалион создал совершенную женщину из мрамора, а новый Пигмалион создаёт её из «ветхой» человеческой природы, которая взывает к нему ради высвобождения идеала человечности в ней. Эффект мифопоэтической отсылки усилен реакцией девушки на обещание лётчика: «Наташа взглянула на Нелидова так, что он даже подумал: “Не язычники ли они, эти усольцы. Смотрят, как на божка, даже страшно”»³.

Интересно, что именно после этой сцены Нелидов узнаёт о существовании поэта Мея, которому впоследствии посвятит статью. Самоироничное четверостишие поэта читает на том же банкете подвыпивший горбун-почтарь, который и отдаёт Нелидову книжку стихов Мея, заодно рассказав о биографических обстоятельствах создания экспромта. В рассказе почтаря в образе Л. А. Мея соединяется высокое и низкое, когда прекрасный вдохновенный творческий порыв к идеалу разрушительно разрешается темой белой горячки и гибели. С одной стороны, это выстраивает преемственность прежнего мира и будущего, когда порыв к мечте наконец-то разрешится гармонией созидания и высокой культуры человека-творца. С другой стороны, учитывая гибель Нелидова, которая отсылает к мотиву современного Икара, этот рассказ горбуна оказывается своего рода метафоричным предска-

² Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 220–221.

³ Там же. – С. 221.

¹ Мей Л. А. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и прим. К. К. Бухмейер. – Л.: Сов. писатель, 1972. – С. 142.

занием судьбы лётчика. При этом до своей гибели он всё же успевает привезти Наташу в Москву, и она из героини рассказов Нелидова и Симбирцева становится полноценной героиней романа, как бы оживая из двух следующих друг за другом повествований и воплощаясь в реальности основного романного мира, играя в нём важную сюжетную роль. Именно она при встрече рассказывает Бергу подробности исчезновения дневника и Нелидовой из Москвы, тем самым определяя путь странствий трёх героев. Позже она приезжает и в Пушкино, встречаясь с остальными участниками приключения. Тем самым, можно видеть реализацию мотива ожившей Галатеи в судьбе Наташи, ставшей студенткой московского вуза и готовящей себя к жизни врача, что символично воплощает мотив исцеления как необходимого способа соединения прошлого и настоящего ради рождения нового мира. Закономерно, что именно она снабжает героев необходимыми сведениями, выступая персонификацией силы судьбы, отправляющей их в путь, который необратимо изменит каждого.

Привлекает внимание название подмосковного пространства, в котором завязывается сюжет. Это Пушкино. По одной из версий село было названо по имени боярина Григория Пушки, основателя боярского рода Пушкиных, к которому принадлежал и знаменитый русский поэт. Актуальность этой версии происхождения топонима в творческом сознании К. Паустовского поддерживается упоминанием имени Пушкина в первых главах романа. Так, сначала он возникает в ходе спора между капитаном и остальными героями о лирике, того самого спора, который вызвал к жизни рассказ Симбирцева о Нелидове. Причём упоминание имени поэта создаёт комический эффект, так как капитан никак не хочет согласиться с тем, что Пушкин – лирик. И именно невозможность привлечь имя Пушкина как убедительный для капитана аргумент в споре о лирике заставляет Симбирцева упомянуть второе имя – Нелидов. Показательно, что, когда в третьей главе в Пушкино приедет Наташа, Симбирцев и капитан не пойдут с остальными кататься на лыжах, продолжив свой спор о поэзии. И хотя имя Пушкина прямо в этой главе не прозвучит, но косвенно оно возникнет в мотивном комплексе вещего сна и чтения толкования сновидений Мартына Задеки. Так, в пятой главе «Евгения Онегина» Татьяна наутро после «чудного сна» неотрывно читает Мартына Задеку (XXII строфа), а в романе Паустовского после того,

как Наташа достаёт фотографию Нелидовой Батурина невольно отмечает, что видел эту женщину во сне: «Что за чёрт! Эту женщину я сегодня видел во сне. Сны я запоминаю редко. – Начинается чертовщина!»¹. Во-первых, мотив чертовщины объединяет романы Пушкина и Паустовского, достаточно вспомнить демонизм свиты Евгения в сне Татьяны. Во-вторых, как покажет развитие сюжетного действия, в обоих романах сны носят вещий характер, «сбываясь» в судьбах героев и реализуясь в сюжетных ситуациях: метафорично у Пушкина, практически буквально у Паустовского. В-третьих, на реплику Батурина о сне откликается капитан Кравченко, насмешливо предлагая ему купить Мартына Задеку. Примечательно, что свой сон Батурина перескажет во время лыжной прогулки Наташе и Бергу, а капитан и Симбирцев, оставшиеся в доме спорить о лирике, о нём не узнают. Можно видеть, как пушкинский претекст всё больше соотносится с Батуриным и Бергом, видимо, подчёркивая их причастность сфере литературного творчества, а также не только способствует созданию атмосферы литературности происходящего, но и усиливает сюжетообразующий характер мотива чтения.

Тем не менее, упоминание Пушкина в начале романа не становится основой мотива чтения его произведений. Он оформится лишь ближе к финалу, в главе «Голубятня в Сололаках». Здесь разделившиеся герои снова соберутся вместе, причём после долгой разлуки капитан Кравченко на радостях назовёт Батурина Мартыном Задекой, а тот в ответ познакомит его с Нелидовой, что подчеркнёт вещий характер сна, увиденного им накануне приключения. Примечательно, что после воссоединения героев и в преддверии столкновения с похитителем дневника Пиррисоном Берг, находясь в кругу друзей, мечтает перечитать «Путешествие в Эрзрум» (так!) Пушкина. Однако вместо чтения происходит перестрелка Батурина с Пиррисоном, возвращение дневника, впечатлением от чтения которого делится уже капитан Кравченко в палате раненого и только что пришедшего в себя Батурина. Обращает на себя внимание тот факт, что имена Пушкина и Нелидова снова оказываются рядом, и вместо Пушкина капитан читает страницы дневника погибшего лётчика и снова испытывает потрясение.

¹ Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 228.

Думается, это композиционное соседство имен символично. Так, во фрагменте дневника Нелидова, который читает для всех вслух Батури́н, дана зарисовка временной небольшой остановки в полёте из Тифлиса в Москву, отсылающая к травелогу Пушкина, желание перечитать который до того возникло у Берга как раз из-за пребывания в Тифлисе, так как для него пушкинское произведение ассоциировалось с этим пространством. Однако, как показывает чтение Батуриным дневника Нелидова и сюжетное развитие линии раскрытия писательского дара, географической мотивировкой мечта о чтении пушкинского «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» не исчерпывается. Соседство кавказской и французской зарисовок в дневнике Нелидова неявно перекликается с мотивировкой написания «Путешествия в Арзрум», которая в предисловии Пушкина объясняется откликом на французский текст.

Думается, что такое совпадающее соседство топосов не случайно и работает на создание мотива двойничества, повышающего значимость дневника Нелидова как национального сокровища и способствующего созданию образа самого лётчика и писателя как нового человека, реализовавшего в себе гоголевское пророчество из статьи «Несколько слов о Пушкине» о совершенстве будущего русского человека в неразрывной связи с именем великого русского поэта: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»¹.

Интересно, что пушкинский текст перечитывает Берг, а нелидовский – Батури́н. На наш взгляд, это объясняется развитием сюжетных линий этих персонажей. Оба они писатели. Но Берг обращён в прошлое, его замысел уже родился, и он боится не успеть его воплотить, а Батури́н ориентирован в будущее. Непростое путешествие в погоне за дневником Нелидова обернулось для него обретением своего места в мире и раскрытием творческого дара. Если Берг завершает свой роман, то Батури́ну его произведе-

ние ещё предстоит. Но именно Берг в начале романа подтолкнул Батури́на к встрече с современностью, которая и привела героя к раскрытию творческих способностей. Таким образом, пушкинская аллюзия не исчерпывается образом Нелидова и служит неким универсальным символом судьбы подлинного художника слова.

Примечательно, что мотив чтения преобладает в самом начале романа, в первых четырёх его главах, что объясняется его художественным функционированием. С одной стороны, в этих главах вводятся основные герои, с другой – завязывается детективно-приключенческий сюжет. Тем не менее, окончательно он не уходит и актуализируется, когда в повествование вводятся новые персонажи, способствуя прорисовке их образов. Так, в главе «Берг» герой, находясь в Одессе, возобновляет знакомство и пользуется помощью и поддержкой Обручева, который изображен как преданный читатель М. Пруста. В той же главе чтение Бергом стихов Эредиа вновь актуализирует сюжетную функцию, маркируя завершение истории с возвращением девочки: «Стихи он читал редко, только после завершения крупного дела»². А в главах «Беззаботный попутчик» и «Норд-ост» творческая натура Глана раскрывается как целая система читательских предпочтений. Это и «Труженики моря» В. Гюго, и проза Д. Лондона, и знание наизусть многих стихотворений А. Блока и Г. Гейне. Подобный круг чтения как бы сигнализирует читателю, что Глан свой в кругу искателей дневника Нелидова ещё до того, как они получают возможность в этом убедиться с опорой на сюжетное действие.

Выводы. Подводя итог рассмотрению поэтики читательского опыта персонажей произведения К. Паустовского «Блистающие облака», можно сделать вывод не только о функции художественной прорисовки образов героев, но и о сюжетообразующем характере отсылок к произведениям мировой литературы, что, в свою очередь органично сочетается с жанровым заданием, которое предстояло творчески осуществить писателю – создать детективно-приключенческий роман. При этом читательский кругозор второстепенных персонажей, таких как Глан или Обручев, исчерпывается функциями портретной характеристики. Чтение капитана Кравченко, особенно книга Джека

¹ Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Статьи / под общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. – М.: Худ. лит., 1978. – С. 63.

² Паустовский К. Г. Блистающие облака // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Романы и повести / вступ. ст. Г. Трефиловой; прим. Л. Левицкого. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 274.

Лондона на английском, акцентирует приключенческое жанровое задание, влияя на фабульное развитие отправки героев на поиски сокровища, украденного американским шпионом. Чтение Берга и Батурина, особенно пушкинские аллюзии, служат не только для определения их принадлежности к литературе, но и играют важную сюжетообразующую роль, подчёркивающую значимость созидания нового мира и нового человека посредством реализации твор-

ческого дара. В этом смысле закономерно, что искомым сокровищем является дневник лётчика Нелидова, отражающий читательский опыт совершенного героя, нового Икара, а завершение приключения увенчивается возможностью чтения обретенного текста, в центре которого обнаруживается мифологема Галатеи в поэтической переработке Л. Меем предвосхищающая жизнестроительские установки литературы 1920-х годов.

Список литературы

1. Ачкасова Л. С. Раннее творчество К. Г. Паустовского, 1916–1932 годы. Казань: Казан. ун-т, 1960. 56 с.
2. Васильева И. В. Литературное объединение «Серапионовы братья»: немецкая традиция в культуре русского неоромантизма // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 73–80.
3. Данилович Т. В. Идея свободного творчества в декларации «Серапионовых братьев» // Вестник БДПУ. Серия 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. 2010. № 3. С. 71–73.
4. Дормидонтова А. И. Новые поступления в фонды Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 1. С. 332–343.
5. Карпеченко Т. В. Писатель и творчество в эстетической концепции К. Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2000. 24 с.
6. Колесниченко Е. Н. Мотив пути в романе К. Г. Паустовского «Блистающие облака»: к вопросу о романтическом герое в русской прозе XX века // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 47–49.
7. Кременцов Л. П. Проблема творческой эволюции писателя (К. Г. Паустовский): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. М., 1984. 360 с.
8. Мантрова С. А. Человек и природа в прозе К. Г. Паустовского 1910–1940-х годов (типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2011. 24 с.
9. Пономарева Е. В. Творческие эксперименты «Серапионовых братьев» в контексте идей художественного синтеза // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2007. № 8. С. 78–86.
10. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
11. Терехова Е. С. Художественная эволюция К. Г. Паустовского (1910–1920-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2012. 25 с.
12. Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. 1996. № 2. С. 52–55.
13. Ходанен Л. А. «Скульптурный» миф в контексте европейской и русской культуры последней трети XVIII века: миф о Пигмалионе и Галатее // Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст: сб. науч. ст. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2011. С. 29–41.
14. Шамякина Т. И. Герои Константина Паустовского – читатели // София: элект. науч.-просвет. журнал. 2018. № 1. С. 94–99.
15. Шатин Ю. В. Мотив и контекст // Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы. Новосибирск: Ин-т филол., 1995. С. 5–16.
16. Щелокова С. К. Творчество К. Г. Паустовского 20–30-х гг. (к проблеме стиливого многообразия лит. соц. реализма): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.02. Киев, 1975. 25 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2020; принята к публикации 25.07.2020

Сведения об авторе

Налегач Наталья Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: nalegach@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>.

Библиографическое описание статьи

Налегач Н. В. Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 28–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35.

References

1. Achkasova, L. S. The early work by K. G. Paustovsky, 1916–1932. Kazan: Publishing house of Kazan University, 1960. (In Rus.)
2. Vasilieva, I. V. Literary association “Serapion Brothers”: German tradition in the culture of Russian neo-romanticism. *Moscow University Herald*, no. 2, pp. 73–80, 2010. (In Rus.)
3. Danilovich, T. V. The idea of free creativity in the declaration of the “Serapion Brothers”. *Veci BDPU*, vol. 3, pp. 71–73, 2010. (In Rus.)
4. Dormidontova, A. I. New arrivals to the funds of the Moscow literary museum-center K. G. Paustovsky. *Studia Litterarum*, no. 1, pp. 332–343, 2018. (In Rus.)
5. Karpechenko, T. V. Writer and creativity in the aesthetic concept of K. G. Paustovsky. *Cand. sci. diss. abstr.* Moscow, 2000. (In Rus.)
6. Kolesnichenko, E. N. The motive of the path in the novel “Shining clouds” by K. G. Paustovsky: to the question of a romantic hero in Russian prose of the twentieth century. *Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects*, no. 2, pp. 47–49, 2011. (In Rus.)
7. Kremontsov, L. P. The problem of the creative evolution of the writer (K. G. Paustovsky). *Dr. sci. diss.* Moscow, 1984. (In Rus.)
8. Mantrova, S. A. Man and nature in the prose by K. G. Paustovsky in the 1910–1940s (hero typology, specificity of the conflict, the problem of creative evolution). *Cand. sci. diss. abstr.* Tambov, 2011. (In Rus.)
9. Ponomareva, E. V. Creative experiments of the “Serapion Brothers” in the context of the ideas of artistic synthesis. *Bulletin of the South Ural State University*, no. 8, pp. 78–86, 2007. (In Rus.)
10. Silant'ev, I. V. Poetics of motive. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. (In Rus.)
11. Terekhova, E. S. Artistic evolution of K. G. Paustovsky (1910–1920s). *Cand. sci. diss. abstr.* Moscow, 2012. (In Rus.)
12. Tyupa, V. I. Theses to the draft dictionary of motives. *Discourse*, no. 2, pp. 52–55, 1996. (In Rus.)
13. Hodanen, L. A. “Sculptural” myth in the context of European and Russian culture of the last third of the 18th century: the myth of Pygmalion and Galatea. In: *Interactions in the field of culture: continuity, dialogue, intertext, hypertext: a collection of scientific articles.* Kemerovo: Kemerovo State University, 2011: 29–41, (In Rus.)
14. Shamyakina, T. I. Heroes of Konstantin Paustovsky – readers. *Sofia: electronic scientific and educational journal*, no. 1, pp. 94–99, 2018. (In Rus.)
15. Shatin, Yu. V. Motive and context. In: *The role of tradition in the literary life of the era: plots and motives.* Novosibirsk, 1995: 5–16. (In Rus.)
16. Shchelokova, S. K. Creativity of K. G. Paustovsky of the 1920–1930s: (On the problem of stylistic diversity of lit. social. Realism). *Cand. sci. diss. abstr.* Kiev, 1975. (In Rus.)

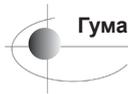
Received: June 1, 2020; accepted for publication July 25, 2020

Information about author

Nalegach Natalya V., Doctor of Philology, Professor, Kemerovo State University; 6 Krasnaya st., Kemerovo, 650000, Russia; e-mail: nalegach@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>.

Reference to the article

Nalegach N. V. The Role of the Motive of Reading in K. Paustovsky's Novel *Shining Clouds* (1928) // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 28–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35.

УДК: 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-36-43

Екатерина Андреевна Денисова,
Сибирское отделение Российской академии наук,
(г. Новосибирск, Россия),
e-mail: etak92@mail.ru

Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов

В статье рассматривается поэтика рассказа Венедикта Марта «Дэрэ – водяная свадьба», в контексте прозы, опубликованной в период с 1924 по 1930 год, посвящённой дальневосточной тематике. Писателя нередко вспоминают как одного из ярких представителей футуризма на Дальнем Востоке, однако, его проза до сих пор остаётся малоизученной. Творчество В. Марта тесно связано с литературным процессом азиатско-тихоокеанского региона, в этой работе отражается проблема потери национальной и культурной идентичности дальневосточного населения, в частности гольдов. Рассказ имеет агитационный и просветительский характер и, вместе с тем, в нём построен оригинальный художественный мир. В статье рассмотрены методы создания сказочного колорита на содержательном и повествовательном уровнях. Цель исследования – выявить особенности поэтики и сюжета, посредством которых автор транслирует сообщение о потере самоидентификации и утрате древних традиций малочисленного дальневосточного народа под влиянием строительства «нового быта». Мы рассматриваем рассказ «Дэрэ – водяная свадьба» как последнее прозаическое произведение В. Марта на дальневосточную тему в контексте других его произведений, чтобы проследить художественные трансформации и изменения в текстах, посвящённых этой тематике. В ходе исследования было выявлено, что к началу 1930-х годов писатель отказывается от футуристических приёмов, использует иронию для создания комического эффекта и возвращается к истокам литературы – сказочному повествованию. Комплексное исследование произведений В. Марта на одну тему позволяет выявить ещё одну особенность его творчества – использование «кочующих» фраз, которые практически дословно повторяются в текстах, опубликованных в разные годы.

Ключевые слова: В. Март, самоидентификация, редкая книга, Дальний Восток, поэтика

Ekaterina A. Denisova,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia),
e-mail: etak92@mail.ru

Poetics of the Story Dere – Water Wedding (1932) in the Context of V. Mart's Far Eastern Prose of the 1920–1930s

The article discusses the poetics of the story Dere – Water Wedding by Venedikt Mart in the context of prose published in the period from 1924 to 1930 devoted to the Far East topics. The writer is often remembered as one of the brightest representatives of futurism in the Far East, however, his prose is still poorly understood. V. Mart's work is closely connected with the literary process of the Asia-Pacific region, this work reflects the problem of the loss of national and cultural identity of the Far Eastern population, in particular the identity of "gol'dy". The story has an educational orientation and, at the same time, has a peculiar artistic world. The article discusses the methods of creating fabulous coloring at the substantive and narrative levels. The purpose of the study is to identify the features of poetics and plot through which the author shows the loss of self-identification and the loss of the ancient traditions of a small Far Eastern people under the influence of the realities of the "new life". We consider the story Dere – Water Wedding as the last prose work by V. Mart on the Far Eastern theme in the context of his other works in order to trace the artistic transformations and changes in texts devoted to this subject. The study revealed that by the beginning of the 1930s, the writer had abandoned futuristic techniques using irony to create a comic effect and returning to the origins of literature – a fairy tale story. A comprehensive study of V. Mart's work on one topic allows us to identify another feature of his work – the use of "nomadic" phrases, which are almost literally repeated in texts published in another years.

Keywords: V. Mart, self-identification, rare book, the Far East, poetics

Введение. Венедикт Март – псевдоним поэта и писателя Венедикта Николаевича Матвеева (1895–1937). Он родился и до 1920 года жил во Владивостоке, где публиковал свои стихотворения в местных газетах и журналах, издавал свои первые

сборники в типографии отца, писателя и краеведа Николая Амурского (Николай Петрович Матвеев) (1865–1941). Большую известность Венедикту Марту принесли его футуристические стихотворения и переводы японской и китайской поэзии [8, с. 49]. В

© Денисова Е. А., 2020

1920 году поэт переезжает в Харбин, в город, который после революции для одних стал более или менее «безопасной гаванью», полустанком, «станцией» на долгом пути эмиграции. Для других – временным местом административной, дипломатической или военной службы [15, с. 402]. Для В. Марта Харбин стал временным местом работы. В 1923 году он возвратился в СССР, где ему с трудом удавалось вписаться в новые рамки советской литературы. Исследовательница А. А. Левченко писала, что «критики отвергали его произведения, многие из них так и остались неопубликованными» [9, с. 285]. Некоторые из произведений писателя не могли быть опубликованы, и В. Март сообщал своему другу И. А. Рязановскому в письме 1927 года, «что в Москве печатается “в тысяче и одном журнальчиках”, однако стихов больше не пишет, публикует очерки, реже – рассказы “преимущественно дальневосточного характера”. “Скоро этак разучусь вовсе писать стихами... Да и к тому же что-то тянет на прозу”» [1, с. 10].

В конце 1920 – начале 1930-х годов В. Март публикует ряд прозаических текстов на дальневосточные темы. Он не единственный писатель, который в этот период перешёл от поэзии к «литературе факта», уделяя особое внимание теме Китая и Дальнего Востока. Например, Марк Гамса посвящает целое исследование такому переходу в творчестве С. Третьякова, упоминая схожесть его литературной судьбы и В. Марта [13, с. 153].

В 1928 году его ссылают в Саратов на три года. Это событие остро повлияло на судьбу всей семьи В. Марта. Его жене сообщили о смерти писателя, после чего она попала в психиатрическую клинику, а сын, будущий поэт Иван Елагин, стал беспризорником [12, с. 525]. Писательская карьера В. Марта закончилась в 1937 году, когда он был арестован во второй раз, а затем расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии [7, с. 31].

В. Март является средним звеном поколения писателей. Несмотря на футуристический опыт, его поэзия ближе к академическим текстам его отца Николая Матвеева, чем к стихотворениям сына, у которого почти полностью отсутствует восточная тема. В этом смысле интересна работа Такаоки Йокота-Мураками, который исследовал взаимодействие национализма и интернационализма в трёх поколениях русских поэтов-эмигрантов с Дальнего Востока: Николая

Матвеева, Венедикта Марта и Ивана Елагина, подмечая разницу в мировосприятии и значении Востока для каждого писателя [14, с. 123].

Рассказ «Дэрэ – водяная свадьба» был издан отдельной книжкой в 1932 году, в киевском издательстве «Коммуна писателей», без предисловия. Он имеет очевидную агитационно-просветительскую направленность. Отношение Марта к своим работам, связанным с «социальным заказом» и «госзаказом», писатель выразил в инскрипте, сделанном на форзаце экземпляра его последней книги «Ударники финансового фронта» (1933), отправленной брату: «Дорогой Зонттик. Посылаю тебе этот пустячок свой – результат подённой газетной работы моей в областной ленинградской финансовой газете “За финплан”. Конечно, не ищи здесь никакого творчества, а сохрани семейной “кунсткамеры” ради. Венедикт Март»¹.

Несмотря на это, рассказ «Дэрэ – водяная свадьба» – художественное произведение, в котором отражена проблема потери национальной и культурной идентичности гольдов². Этот процесс связан со сменой быта после прихода советской власти на Дальний Восток.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей поэтики рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» с помощью анализа повествовательной стратегии автора в этом и в других произведениях, посвящённых дальневосточной теме, чтобы выявить художественные средства, с помощью которых автор транслирует сообщение о потере самоидентификации и утрате древних традиций малочисленного дальневосточного народа под влиянием советской действительности и борьбы за «новый быт».

Изучение проблем, связанных с сохранением национальной и культурной идентичности под воздействием культурных и политических катаклизмов, является важным направлением современного гуманитарного знания. Кроме того, изучение прозы В. Марта помогает реконструировать литературные связи и дополняет историю формирования литературной карты русского Дальнего Востока.

Новизна работы определяется тем, что в статье впервые рассматривается поэтика

¹ Приморская краевая публичная библиотека им. А. М. Горького. Отдел хранения, сектор редкой книги и рукописей. – Ф. 2. – Оп. 19.

² *Гольды* – устаревшее название нанайцев, коренного малочисленного народа Дальнего Востока, проживающего по берегам Амура и его притоков в России и Китае.

рассказа В. Март «Дэрэ – водяная свадьба» и авторские способы выражения проблемы потери национальной и культурной идентификации гольдов.

Методология и методы исследования. Специфика художественного материала и задачи работы предполагают соединение различных методов анализа: историко-литературного (рассмотрение творчества В. Марта в культурно-литературном контексте советской эпохи) и нарративного (выявление особенностей коммуникации между повествователем и читателем). В научном осмыслении творчества В. Марта ориентирами послужили работы А. А. Левченко, Е. В. Витковского, А. Устинова. Этнографический аспект творчества В. Марта рассматривается с опорой на труды А. А. Забияко, И. А. Дябкина.

Результаты исследования и их обсуждение. Для достижения поставленной цели остановимся на анализе отдельных фрагментов текста, а затем проследим эволюцию прозы В. Марта в период с 1924 по 1932 год.

Процесс перехода дальневосточного населения из одной культурной парадигмы в другую В. Март выразил не только на содержательном уровне, но и на стилистическом. Стилистика начала рассказа напоминает стиль повествования литературной сказки, с обилием олицетворений и эпитетов, описывающих пространство дальневосточной тайги.

Сквозь литературную сказку просвечивает память о сказке как о древнейшем жанре устной народной словесности: посредством стилистического приёма В. Март акцентирует внимание читателя на значимости древних традиций и обрядов гольдов.

В этой же части в сжатой форме описывается этап прохождения героем испытаний ради обретения богатства [15, с. 33], чтобы забрать возлюбленную девушку из отцовского дома. *Дэрэ* – это название последнего из четырёх этапов свадебного обряда гольдов¹ – мнимое похищение невесты. Пока главный герой по имени Амба добывал приданное, отец невесты сосватал её старому шаману.

Амба приезжает за возлюбленной и описывает свои испытания отцу несостоявшейся невесты Джябжи; в описании автор

¹ Этапы могут отделяться длительными промежутками. Первая часть, «модэрку», соответствует помолвке. «Токтолку» – вторая часть, соответствует сговору жениха и родителей невесты о размере колыма (тори). «Сарин» – третья часть, в некоторой степени соответствует древнерусскому девичнику.

использует некоторые традиционные для сказки приёмы: ряды перечислений, «волшебное число» три. А затем включает в сюжет «волшебного помощника» («волшебный предмет»), в качестве которого выступает... мотор от лодки, которая есть только у друзей Амбы из Ивановского колхоза. Мотор, «быстрый, как птичьи крылья» – неожиданность для остальных персонажей; он помогает спасти невесту от «лысого, грязного, злого, безносого обманщика-колдуна».

Как и в традиционной сказке, повествование заканчивается счастливой развязкой – главный герой спасает свою невесту. В. Март сознательно показывает в рассказе смешение двух разных миров: сказочного (этнического) и нового, советского, создавая тем самым лёгкий комический эффект:

И древнейший обычай «похищения» девушки, дэрэ, был благополучно завершён в колхозном загсе. Амба и Джябжа – первая таёжная гольдская пара новобрачных, которые в нём расписались².

Комический эффект поддерживается стилистическим контрастом: абзац, завершающий рассказ, написан уже не как сказка, а как заметка из советской газеты. Все попытки старшего поколения соблюсти этапы древнего обряда остаются безуспешными, а счастливую развязку обеспечивает соблюдение новой советской обрядности.

Сказочные мотивы в рассказе нужны для создания иронии, которая транслирует авторское отношение к потере самоидентификации и утрате древних традиций малочисленного дальневосточного народа под воздействием «нового быта». В. Март очень точно ощущал катастрофическое влияние этого процесса, но для советского читателя, постоянно находившегося в большом потоке агитационной литературы, этот подтекст был менее очевиден, чем для современно-го. Такой способ выражения авторской интенции – использование признаков разных жанров в одном произведении – стал следствием его увлечения древними китайскими новеллами. Исследователи А. А. Забияко и А. А. Левченко на примере рассказа «Долг покойника» из сборника «Тигровьи чары» (1920) показали, что «миф, сказка и реальность переплетены в рассказе, как и в традиционной китайской прозе» [6, с. 159].

«Дальневосточное творчество Марта – начальный этап становления его художественной этнографии» [3, с. 296]. В рассказе В. Март выступает не только как писатель,

² Март В. Дэрэ – водяная свадьба. – Киев: Коммуна писателей, 1932. – С. 38.

но и как этнограф, описывая уклад жизни гольдов, в быт которых проникают элементы цивилизации. Юрту украшают плакаты с советскими лозунгами, главный герой Амба везёт в дар отцу невесты неизвестное в мире малочисленного народа изобретение – зубную пасту.

На рубеже XIX и XX веков в сибирской литературе сложилась традиция «рассказа из жизни инородцев»: как правило, такие рассказы демонстрировали бытовой и культурный уклад малочисленных народов, обитающих на окраинах Империи, сквозь призму их мировосприятия и во взаимодействии с русским населением (В. Тан-Богораз, И. Гольдберг, А. Новоселов, Г. Гребенщиков, М. Плотников, А. Сорокин, Вс. Иванов). Особое место в этом ряду занимает иркутский писатель Исаак Гольдберг, издавший в 1914 году книгу «Тунгусских рассказов». К 1930-м годам книжные полки заняли просветительские сочинения-агитки, которые «учили» советского читателя «новому быту». В. Март объединяет эти две тенденции, создавая убедительный образ внедрения новых, уже советских реалий в жизнь национальных меньшинств.

Повествование в рассказе «Дэрэ – водяная свадьба» ведётся от лица автора, просветительская направленность текста поддерживается включением в него слов нанайского языка, значение которых, как правило, толкуется в сносках. Другая составляющая – вплетение в событийную линию описаний традиций гольдов: особенности присвоения имён, детские игры *Джапака чури* и *думхубури*, свадебные и похоронные традиции. Такие включения особенно интересны тем, что, несмотря на экзотичность, в них отображается движение истории цивилизованного мира. Например, в описании погребального обряда: «...В гроб к Оводу мы положили, кроме разной домашней утвари, царские бумажные деньги. Хоть теперь ничего нельзя купить на земле на эти деньги, всё-таки может быть, в подземном царстве они ещё в ходу и пригодятся покойнику...»¹.

В этом есть и некоторая ирония, и, вместе с тем, очевидна заложенная идея погребения самодержавного мира, где царские деньги нужны только покойникам. Ироническая составляющая есть и в художественном переплетении традиционного уклада жизни гольдов и новых советских реалий, описанных в традициях агитационных брошюр за «новый быт». Например, в рассказе

зе о парне Бямби-Бобе, которому в подростковом возрасте шаман сделал густую татуировку между глаз, на лбу и на руках. Повзрослев, Бямби-Боб возит продукты в недавно открывшийся кооператив, и одним из первых гольдов вступает в комсомол, и «работает в Ивановском охотничье-рыбачком колхозе...».

В рассказ о традициях гольдов вплетены не только реалии советского, но и китайского быта: отсюда китайская тушь для татуировок, китайские новогодние ракеты, которыми пользуются во время свадьбы.

Одним из первых прозаических произведений В. Марта на дальневосточную тему стал опубликованный в 1924–1926 годах роман «Жёлтый дьявол» (в 3 томах), который был написан в соавторстве с Н. К. Костаревым. Это произведение стилистически отличается от других произведений В. Марта, в том числе, от рассказа «Дэрэ – водяная свадьба».

Стоит сказать несколько слов о соавторе В. Марта, который сейчас малоизвестен широкому читателю, но который однако оставил заметный след в культурно-литературной процессе первой половины XX века. Н. К. Костарев попал во Владивосток с частями Красной армии во время Гражданской войны, был партизанским командиром. В середине 1930-х годов его поселили в одну из комнат семьи Мандельштамов, заставив предыдущих жильцов ютиться в одной комнате. Неудивительно, что между соседями разыгралась коммунальная война, которая привела к выселению Надежды Яковлевны Мандельштам из её комнаты; Осип Эмильевич к этому времени уже находился под арестом. В своих воспоминаниях Н. Я. Мандельштам даёт крайне отрицательную характеристику Н. К. Костареву и его семье: «н был гнусен, но ещё гнуснее была его унылая жена. Неужели у них такая же дочь – тупая смрадная убийца? ...Она казалась самым обыкновенным ребёнком, и мне любопытно, в гены ли вложена преступность или она развивается воспитанием» [10, с. 689].

В советское время Н. К. Костарев был достаточно известным автором – в качестве первого литературного учителя А. А. Фадеева. В романе «Жёлтый дьявол» его участие заметнее, чем В. Марта. Во-первых, жанр авантюрно-приключенческого романа характерен для прозаического творчества Н. К. Костарева; во-вторых, сюжет романа развивается за счёт диалогов, как в драматургическом тексте. Н. К. Костарев был из

¹ Март В. Дэрэ – водяная свадьба. – Киев: Коммуна писателей, 1932. – С. 11.

вестен не только своими сочинениями в прозе и стихотворениями, но и пьесами, которые ставились в театрах РСФСР. Первая из них, "Idée Fixe", была поставлена в Москве в Первом государственном театре в 1921 году. Однако в романе «Жёлтый дьявол» есть элементы, выдающие стиль Марта, которые будут повторяться в его прозе 1920–1930-х годов. В прозе писателя легко можно найти фразы, практически дословно кочующие из книги в книгу. Например, в романе «Жёлтый дьявол» есть абзац: «За поворотом, небольшой кавалерийский отряд рассыпался, в цепь спешившись – это казаки. Другой двигается в обход... *Слышно, как хрустит валежник...*» [14, с. 72]. Его последнее предложение затем встретится в рассказе «Дэрэ – водяная свадьба»: «Быстрой походкой приближался Амба к большой фанзе. *Под ногами трещал сухой валежник*»¹. Однако различия между произведениями значительны, в романе ещё явно прослеживается футуристическая стилистика, которой почти не останется в его последующих текстах. В первую очередь, обращает на себя внимание графически оформленное обращение к читателю с использованием разных шрифтов и «лесенки», по которой взявшему книгу в руки необходимо читать текст снизу вверх.

Между публикациями романа «Жёлтый дьявол» и рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» у В. Марта вышло ещё несколько книг на дальневосточные темы, две из них были посвящены революционному Китаю: «Логово рыжих дьяволов» (1928) и «Речные люди. Повесть для детей из быта „Современного Китая“» (1930); последняя, по сведениям Е. В. Витковского, была переведена на несколько языков [1, с. 13]. «Начало 1927 года было связано в Советской России с ожиданием китайской революции. <...> Новый советский читатель был захвачен бурными революционными событиями в Китае. <...> Он (Март) начинает следовать общему направлению жизни, новым требованиям к развитию литературы...» [4, с. 300–301].

Повесть «Речные люди» ориентирована на детского читателя, поэтому автор, вводя реалии китайского быта, очень подробно их описывает и объясняет, и в этом ясно читается, как и в рассказе 1932 года, просветительская задача. Книга посвящена приключениям «китайчонка Ку-Сяо», мальчика семи лет; благодаря им В. Март показывает жизнь китайцев с точки зрения беднейших

слоев населения: бродяг, заводских рабочих и «речных людей», у которых нет своего дома на земле, только одна маленькая лодка на большую семью. Мальчик попадает в Шанхай во время шанхайского переворота, где не раз оказывается на волоске от смерти. Его спасают встречающиеся ему на пути люди; одного из спасителей, друга семьи мальчика, автор называет Ван-Веем – именем великого китайского поэта, чьи стихи переводил писатель. Но основной акцент смещён на тему революции, отсюда и появление спасителей-революционеров, выкрикивающих узнаваемые лозунги. Очевидно, что перед автором стояла задача показать всеобъемлющее влияние советской власти и идеи «мировой революции». В каменоломне – тайном привале революционного общества «Красные пики» – был молитвенный уголок: «Возле божков прямо на стене был приклеен большой лубочный портрет белого человека. Белый человек, прищуря умные глаза, казалось, подсмеивался над Сяо, который не понимал: "Зачем белого дьявола повесили в кумирню?" Если бы Сяо был грамотен, то он разобрался бы в иероглифах. Эти иероглифы под портретом лысого белого человека, с хитрецою в улыбке, означали: "Ленин – друг китайского народа"» [13, с. 46].

«Повесть В. Марта написана в традициях "детской литературы", посвящённой Ленину <...>, отсюда непременно сопутствующие образу Ленина героико-романтические черты и особое благоговейное почитание, отражающее квазирелигиозные формы сознания – создание культа "нового бога"» [5, с. 152]. Включать в описание уклада жизни китайцев некоторые сопоставления с советской Россией – характерная особенность книг В. Марта конца 1920-х годов, так, например, автор сравнивает революционный Шанхай с «пролетарским Питером»².

В текстах В. Марта о Китае можно найти едва уловимые отголоски его футуристического творчества. Автор маркирует некоторых персонажей по градации цвета. Известна традиция разделять людей по цвету кожи, но В. Март использует гораздо более широкую палитру, чем простое разделение на белый и жёлтый: «Белый держал за руку девочку в богатом голубом наряде. Голубая девочка забила в ладоши, увидев обезьянку»³.

² Март-Матвеев В. Н. Логово рыжих дьяволов. – М.: Гос. изд-во, 1928. – 16 с.

³ Март-Матвеев В. Речные люди. Повесть для детей из быта «Современного Китая». – М.: Молод. гвардия, 1930. – С. 24.

¹ Март В. Дэрэ – водяная свадьба. – Киев: Коммуна писателей, 1932. – С. 25.

«К концу трудового дня на *зелёных* лицах липла холодная испарина. Вялые движения казались искусственными движениями мёртвых театральных кукол, которых дергают со стороны за ниточку»¹.

«У ворот – круглые сутки страшные *бронзолицые* бородатые люди в оранжевых тюрбанах»².

Как упоминалось ранее, В. Марту свойственно использовать фактически дословно повторяющиеся фразы. Название рассказа «Логово рыжих дьяволов», опубликованного в 1928 году, повторяет название одной из глав повести «Речные люди». Это альтернативное название города Шанхай: «рыжими дьяволами» китайцы окрестили всех европейцев.

В текстах о Китае В. Март транслирует своё отрицательное отношение к наркотикам – опиуму, «яду, который страшней и разрушительней водки»³. Тема наркотиков является лейтмотивом рассказа «Логово рыжих дьяволов», вероятно, потому что для В. Марта это очень личная история: проживая в Харбине, писатель сам пристрастился к морфию и курению опиума [2, с. 268].

Заключение. Рассказ «Дэрэ – водяная свадьба» выделяется среди прочих дальневосточных прозаических произведений В. Марта 1920–1930-х годов. В нём автор окончательно отходит от футуризма, отголоски которого ещё слышны в романе «Жёлтый дьявол». В рассказах «Речные люди» и «Логово рыжих дьяволов» отчётливее просматривается следование традициям агитационной литературы. В них провозглашается величие советской власти и выражаются идеи «мировой революции». В рассказе

«Дэрэ – водяная свадьба», как и в предыдущих двух текстах, видна просветительская направленность и следование «госказу». Однако это произведение содержит в себе больше авторской свободы, которую В. Март выражает через иронию, созданную посредством комбинации различных художественных направлений.

Рассказ «Дэрэ – водяная свадьба» – последнее сочинение В. Марта на дальневосточную тему. В нём писатель окончательно отказался от футуристических приёмов и перешёл к традиционным формам повествования. Рассказ сочетает несколько художественных направлений. Одно из них – это художественная этнография, истоки которой можно найти в сибирской литературе рубежа XIX и XX веков, описывающей быт и культуру малочисленных народов. Отдельные фрагменты текста стилизованы под сказочное повествование. Всё это помогает погрузить читателя в мир древних традиций гольдов. В. Март сталкивает два этих художественных направления с литературой факта, тем самым создавая легкий комический эффект, через который автор выражает катастрофичность процесса потери самоидентификации малочисленного народа под воздействием «нового быта». Воспользовавшись сложившимся институтом издания агитационно-просветительской литературы, В. Март незаметным образом (и чисто художественными средствами) подводит некоторый неутешительный итог: советский быт постепенно внедряется и разрушает традиционные уклады, в частности традиции малочисленного дальневосточного народа – гольдов.

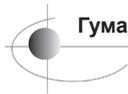
Список литературы

1. Витковский Е. В. Состоявшийся эмигрант // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Согласие, 1998. С. 5–40.
2. Дьяченко Б. Клан Матвеевых // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2003. № 4. С. 265–272.
3. Забияко А. А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. С. 141–359.
4. Забияко А. А. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) // Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Наука, 2016. С. 283–307.
5. Забияко А. А., Дябкин И. А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. // Религиоведение. 2013. № 4. С. 139–156.
6. Забияко А. А., Левченко А. А. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 150–165.
7. Кириллова Е. О. Имажинистские влияния на творчестве Венедикта Марта // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2017. С. 23–32.

¹ Март-Матвеев В. Речные люди. Повесть для детей из быта «Современного Китая». – М.: Молодая гвардия, 1930. – С. 34.

² Там же. – С. 35

³ Там же. – С. 24.

8. Кириллова Е. О. Историко-литературный Владивосток 1917–1922 годов в контексте формирования культурного и поэтического пространства русского зарубежья Дальнего Востока // Проблемы литературы Дальнего Востока: материалы V Междунар. науч. конф. (27 июня – 1 июля 2012 г.): в 3 т. Т. 3 / отв. ред. Е. А. Серебряков, Фудзита Рина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 44–64.
9. Левченко А. А., Дябкин И. А. Социокультурные трансформации 1920–1930 гг. в СССР в восприятии Венидикта Марта: к истории публикации архива писателя // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 283–297.
10. Манделштам Н. Воспоминания. Paris: Ymca-Press, 1983. 724 с.
11. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / сост., науч. ред., текст. ком. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2011. 128 с.
12. Устинов А., Кобринский А. Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: исторический альманах-11. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. С. 417–583.
13. Mark Gamsa Sergei Tret'iakov's Chzhungo: Reportage from China in the 1920s // Russian Literature – Elsevier, 2019. Vol. 103. P. 145–157.
14. Takayuki Yokota-Murakami The Future in the Margin: the National and the International in the Russian Émigré Poetry from the Far East // Primerjalna knjizevnost – Ljuljana. 2009. Vol. 32. P. 123–135.
15. Thomas Lahusen A Place Called Harbin: Reflections on a Centennial // The China Quarterly – Cambridge. 1998. No. 154. P. 400–410.

Статья поступила в редакцию 17.02.2020; принята к публикации 24.03.2020

Сведения об авторе

Денисова Екатерина Андреевна, младший научный сотрудник, Сибирское отделение Российской академии наук; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: etak92@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5763-9409>.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Библиографическое описание статьи

Денисова Е. А. Поэтика рассказа «Дэрэ – водяная свадьба» (1932) в контексте дальневосточной прозы В. Марта 1920–1930-х годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 36–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-36-43.

References

1. Vitkovskiy, E. V. Held emigrant. I. Elagin. Collected works: in 2 volumes. Volume 1. Poems. M: Soglasie, 1998: 5–40. (In Rus.)
2. D'yachenko, B. Clan Matveyev. Boundary. Pacific almanac, no. 4, pp. 265–272, 2003. (In Rus.)
3. Zabayako, A. A. Far Eastern frontier in the artistic consciousness of Russian emigrants. Russian Harbin. Life experience in the Far Eastern frontier. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2015: 141–359. (In Rus.)
4. Zabayako, A. A. From the mysticism of the East to the literature of fact (Venedikt Mart). The mentality of the Far Eastern frontier: Culture and literature of Russian Harbin. Novosibirsk: Novosibirskoe otdelenie izdatel'stva "Nauka", 2016: 283–307. (In Rus.)
5. Zabayako, A. A., Dyabkin, I. A. Transformation of the plots of Chinese mythology in the works of Far Eastern writers of the 1920–40s. Religious studies. Blagoveshchensk: Amur State University. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, no. 4, pp. 139–156, 2013. (In Rus.)
6. Zabayako, A. A., Levchenko A. A. Artistic Ethnography of Venedikt Mart: The Far East Period. Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East, no. 4, pp. 150–165, 2014. (In Rus.)
7. Kirillova, E. O. Imaginistic influences on the work by Venedikt Mart // Literature and journalism of the countries of the Asia-Pacific region in intercultural communication of the XX–XXI centuries. Collection of scientific articles on the materials of the III International scientific-practical conference. Khabarovsk: Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet, 2017: 23–32, (In Rus.)
8. Kirillova, E. O. Historical and literary Vladivostok 1917–1922 in the context of the formation of the cultural and poetic space of the Russian abroad of the Far East. Problems of literature of the Far East. Materials of the V International Scientific Conference. June 27 – July 1, 2012: In 3 volumes. Vol. 3. Sankt-Peterburg: izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2012: 44–64. (In Rus.)
9. Levchenko, A. A., Dyabkin, I. A. Sociocultural transformations of 1920–1930 in the USSR in the perception of Venedikt Mart: on the history of publishing the writer's archive. Bulletin of the archivist. M: Obshcheros-

siiskaya obshchestvennaya organizatsiya «Rossiiskoe obshchestvo istorikov-arkhivistov», no. 2, pp. 283–297, 2016. (In Rus.)

10. Mandel'shtam, N. Memories. Book one. Paris: Ymca-Press, 1983. (In Rus.)

11. Propp, V. Ya. Morphology of a fairy tale / Compilation, scientific edition, textual commentary by I. V. Peshkov. M: Izdatel'stvo "Labirint", 2011. (In Rus.)

12. Ustinov, A., Kobrinskiy A. The Diary of Daniel Harms. Past: Historical Almanac. 11. M.; SPb: Atheneum: M62 Feniks, 1992. (In Rus.)

13. Mark Gamsa Sergei Tret'yakov's Chzhungo: Reportage from China in the 1920s. Russian Literature – Elsevier, 2019: 145–157. (In Engl.)

14. Takayuki Yokota-Murakami The Future in the Margin: the National and the International in the Russian Émigré Poetry from the Far East. Primerjalna knjizevnost – Ljuljana, 2009: 123–135. (In Engl.)

15. Thomas Lahusen A Place Called Harbin: Reflections on a Centennial. The China Quarterly – Cambridge, 1998: 400–410. (In Engl.)

Received: February 17, 2020; accepted for publication March 24, 2020

Information about author

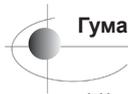
Denisova Ekaterina A., Junior Researcher, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: etak92@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5763-9409>.

Sources of article funding

Research is financially supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 19-18-00127 "Siberia and the Far East of the first half of the XX century as a space for literary transfer".

Reference to the article

Denisova E. A. Poetics of the Story Dere – Water Wedding (1932) in the Context of V. Mart's Far Eastern Prose of the 1920–1930s // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 36–43. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-36-43.

УДК 821.133.1.0

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-44-52

Евгения Борисовна Молькова,
Бюро переводов «Центральное»
(г. Иваново, Россия),
e-mail: ivabelle@list.ru

Ален Роб-Грийе и Натали Саррот: в лабиринтах метафор

Статья посвящена особенностям эстетики и стилистики произведений А. Роб-Грийе и Н. Саррот, известных писателей и теоретиков «нового романа». Это литературное направление продолжает вызывать дискуссии среди зарубежных и отечественных учёных по поводу его интерпретации и окончательной оценки, что свидетельствует об актуальности данной работы. Исследование опирается на критические и художественные произведения, опубликованные писателями в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Анализ литературного контекста и эстетических воззрений авторов позволяет прояснить причины их разногласий, обнаружить сходства и отличия их творческих методов. Толкование произведений в свете использования в них образа лабиринта позволяет по-новому осветить основные черты поэтики Роб-Грийе и Саррот. Использование метафоры является одной из особенностей, объединяющих художественную практику этих авторов. Концепт «лабиринт» обладает комплексом философско-культурных смыслов, и его рассмотрение оказывается плодотворным в целях изучения своеобразия художественного мира «новороманов». Значение образа лабиринта в текстах романов «В лабиринте» и «Планетарий» трактуется про помощи компаративного и герменевтического методов, дефинитивного и контекстуального анализа. У Роб-Грийе лабиринт задаёт логику написания всего романа, у Саррот он включён в описание интерьера и образную структуру произведения. При этом метафора является основой стилистической манеры обоих авторов, несмотря на различия в её функционировании в рассмотренных произведениях. В их текстах в противовес рудиментарным и стереотипным фабуле и персонажам метафора служит средством изображения деятельности человеческой психики. Интерпретация процессов, происходящих в подсознании, становится центральным содержанием произведений французских писателей. Читателю своих книг «новороманов» отводят значительную роль в их истолковании, способствующему не только самопознанию, но и философским размышлениям. Исследование может вызвать интерес специалистов в области филологии, культурологии и философии.

Ключевые слова: «новый роман», метафора, подсознание, образ, интерпретация, фабула, персонаж

Evgeniya B. Mol'kova,
Translation agency "Central"
(Ivanovo, Russia),
e-mail: ivabelle@list.ru

Alain Robbe-Grillet and Nathalie Sarraute: in the Labyrinths of Metaphors

The article deals with aesthetic and stylistic particularities of the works by A. Robbe-Grillet and N. Sarraute, two famous writers and theorists of the Nouveau Roman. This literary movement continues to provoke debates about its interpretation and definitive assessment among foreign and national scientists, indicating the timeliness of the work. The research is based on their criticism and fiction published in the late 1950s – early 1960s. Analysing the literary context and the aesthetic views of the writers allows us to explain causes of their disagreements, to discover similarities and differences between their creative methods. Interpreting the works in the light of the image of labyrinth gives the opportunity to outline the main features of the poetics of Robbe-Grillet and Sarraute from a new angle. The use of metaphor is one of the characteristics that unites the literary practice of these authors. The concept of labyrinth has a number of philosophical and cultural senses, and its consideration is fruitful in order to study the individuality of the nouveaux romanciers' literary world. The meaning of the image of labyrinth in the texts of *Dans le labyrinthe* and *Le Planétarium* is treated with comparative and hermeneutic methods, definitive and contextual analysis. The labyrinth defines the logic of creating the whole novel of Robbe-Grillet; it is involved in the description of interior and the image-bearing structure of Sarraute's work. In addition, the metaphor is the basis of the stylistic manner of both authors, in spite of its different functioning in the considered works. As opposed to rudimentary and stereotypical story and characters, the metaphor in their texts serves to represent psychic activities of any person. Interpreting subconscious processes becomes the central content of the French writers' works. The nouveaux romanciers assign to a reader a significant role in expounding their texts, that triggers self-knowledge, as well as philosophical reflections. The study may be of interest for experts in philology, science of culture and philosophy.

Keywords: Nouveau Roman, metaphor, subconscious, image, interpretation, story, character

© Молькова Е. Б., 2020

Введение. «Новый роман» представляет собой достаточно полемичное литературное явление. Об этом свидетельствуют эффектные высказывания писателей, относимых к направлению, бурные споры критиков в момент его расцвета, в 1950–1960 годах, и сложности в окончательной оценке его значения в литературном процессе.

Единой школы «нового романа» не существует [5, с. 60]: имена А. Роб-Грийе, Н. Саррот, К. Симона, М. Бютора, М. Дюрас, Ж. Рикарду ассоциируются с абсолютно самобытными стилистическими манерами. К этому союзу примкнули литераторы, не вошедшие в число или не закрепившиеся среди писателей, которые печатались в ангажированном «Тан модерн» (*Les Temps modernes*). В разной степени пропагандируя независимость искусства от политики и общественной деятельности, они вступали в противоречие с влиятельным сообществом под руководством Ж.-П. Сартра и были вынуждены держаться заодно, чтобы найти собственный путь в литературе.

Как отмечает Л. Г. Андреев, хотя эти писатели и «отделили художника от гражданина, доверив искусству задачи чисто художественные», историческая действительность подспудно нашла отражение в их произведениях¹. Подобного мнения о гораздо более серьезном месте «нового романа», чем эпатаж или отвлеченное искусство ради себя самого, придерживаются такие отечественные учёные, как М. Н. Ваксмахер, который отмечал его влияние на современную литературу [1, с. 131], и Л. А. Еремеев, уделявший особое внимание литературным и философским связям «нового романа» [4].

Первоначально встретив непонимание литературной критики и читателей, «новый роман» стремился объяснить читающей публике свою точку зрения с помощью критической эссеистики. Созданные эстетические теории (среди них – «Эра подозрения» Саррот, «За новый роман» Роб-Грийе, «Роман как исследование» Бютора, «Проблемы нового романа» и другие работы Рикарду) были восприняты как манифесты нового литературного направления, хотя, по сути, представляли собой лишь размышления «новороманистов» о собственном творчестве. Индивидуальные писательские манеры в составе этой «динамично развивавшейся, диалектически противоречивой целокупности» [2, с. 9] отстоят друг от друга благодаря собствен-

ным художественным приёмам. Как всякая модернистская стилистика, созданные ими модели письма неповторимы. «Тропизмы» Саррот, «шозизмы» и «школа взгляда» Роб-Грийе, «мобили» Бютора ассоциируются с их создателями, воспроизвести их значит создать копию. Однако в их произведениях можно найти гораздо больше сходных черт, чем представляется на первый взгляд.

Целью нашего исследования является сравнение стилистических манер Роб-Грийе и Саррот. В связи с этим ставятся задачи: рассмотреть детально сходства и отличия их эстетических позиций; провести анализ метафорических средств образности на материале произведений, созданных в одно время, – «В лабиринте» (*Dans le labyrinthe*, 1959) и «Планетарий» (*Le Planétarium*, 1959). Для интерпретации привлекается материал культурологической и философской направленности, поэтому работа может найти применение не только при подготовке теоретических курсов по истории зарубежной литературы, но также представлять интерес для специалистов других областей.

Методология и методы исследования. Работа опирается на компаративный метод, используемый в синхронии. Одновременное использование сравнительно-исторического и сравнительно-типологического подходов обусловлено характером взаимосвязей внутри «новороманистского» направления и особенностями эстетики Роб-Грийе и Саррот. При интерпретации текстов находит применение герменевтический метод, символ «лабиринт» истолковывается посредством дефинитивного и контекстуального анализа.

Результаты исследования и их об-суждение. В силу принадлежности к одним интеллектуальным кругам «новороманисты» обнаруживают общность взглядов при пересмотре основных категорий романа в его классическом понимании: неслучайно вслед за Сартром его называли «антироманом». Как пишет Л. А. Черницкая, «новороманисты» занимаются изучением представления о действительности [12, с. 87]. Писателей интересуют устройство сюжета, создание литературного характера и концепция образа автора, которые они трактуют в основных критических работах, объединённых в сборники – «Эра подозрения» (*L'Ere du soupçon*) Н. Саррот и «За новый роман» (*Pour un nouveau roman*) А. Роб-Грийе. Их эссеистика подробно объясняет особенности поэтики «нового реализма» в противовес «реализму» бальзаковского романа.

¹ Бютор М. Изменение. Роб-Грийе А. В лабиринте. Симон К. Дороги Фландрии. Саррот Н. Вы слышите их? / пер. с фр. и предисл. Л. Г. Андреева. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 5.

С высказыванием А. Роб-Грийе: «Каждый романист, каждый роман должен избрести свою собственную форму»¹, – согласились бы все представители направления. Подобные суждения не содержат в себе революционного подхода к роману, поскольку любое значительное литературное произведение являло новизну содержания и формы, но позволяют теоретикам «нового романа» защититься от обвинений в формализме [3, с. 59]. Их отказ изображать типизированных героев и создавать классическую фабулу можно рассматривать и как эпатаж, и как стремление создать новую модель романа.

Отсутствие образов персонажей и фабулы, построенных на принципе реалистического жизнеподобия, которое часто ставилось в упрек «новороманистам» их современниками, Роб-Грийе объясняет следующим образом: «Подобно тому, как не следует делать вывод об отсутствии там человека лишь на том основании, что традиционный персонаж исчез, неверно и отождествлять поиск новых повествовательных структур с желанием исключить всякое событие, всякую страсть, всякое приключение»². В продолжение этой мысли можно процитировать точку зрения Саррот: «А между тем мы видим, что персонажи, как их понимал старый роман (а вместе с ними и весь тот старый аппарат, который служил для придания им ценности), уже не способны вобрать в себя современную психологическую реальность. И вместо того, чтобы раскрывать её, как это было прежде, они её затушёвывают»³. Подобные замечания, призванные уверить читающую публику в необходимости создания новой поэтики, встречаются неоднократно.

Как известно, Роб-Грийе считается основоположником «школы взгляда» и «шо-изма». Он прекрасно поясняет свой метод в статье «Природа, гуманизм, трагедия» (*Nature, humanisme, tragédie*, 1958): «Но вот взгляд этого человека, взгляд настойчивый и твёрдый, начинает останавливаться на вещах: он их видит, но отказывается их присвоить, отказывается от всякого подозрительного взаимопонимания, от всякого сговора с ними; он ничего от них не требует и ничего у них не просит; он не чувствует никакого рода согласия или несогласия с ними»⁴. Отсюда и проистекает обилие описаний предметов, не призванных служить «дополнением» к обра-

¹ Роб-Грийе А. Романески: пер. с фр. – М.: Ладомир, 2005. – С. 531.

² Там же. – С. 542.

³ Саррот Н. Тропизмы. Эра подозрения. – М.: Полиформ-Талбури, 2000. – С. 208–209.

⁴ Роб-Грийе А. Романески: пер. с фр. – М.: Ладомир, 2005. – С. 552.

зу персонажа. В этом коренное отличие цели описания в произведениях Бальзака и Роб-Грийе: у первого окружающая обстановка способствует раскрытию характера героя, у второго описание вещей является нарративной доминантой, исключающей проявления традиционного психологизма. Эту особенность поэтики «новороманиста» можно объяснить кризисом лого- и антропоцентризма, ярко проявившемся с 1950 по 1960 год. Однако неверно было бы считать, что интерес к внутренней жизни личности здесь отсутствует, он лишь приобретает иные формы. Человек не рассматривается как мера всего, его «мир» ограничен пространством его собственного сознания и подсознания. Говоря от своего имени и только про себя, личность не претендует на отражение картины действительности, выходящей за рамки её субъективности.

На самом деле, якобы безучастный взгляд романов Роб-Грийе, скользящий по предметам, связан с чувствами и мыслями смотрящего. «Предметы в наших романах никогда не присутствуют вне человеческого восприятия – реального или воображаемого»⁵, – справедливо заявляет писатель. Таким образом, через описания предметов отражается человеческая сущность. В этом проявляется сходство с творческой установкой Саррот, которая своей целью полагала воссоздание внутреннего мира личности.

Писательница создаёт собственную эстетическую концепцию, опираясь на понятие «тропизм», который в биологии обозначает простейшие реакции растений и животных в ответ на внешние раздражители. В её интерпретации тропизмы – «это необъяснимые, невыразимые душевные движения и действия, которые очень быстро скользят к границам нашего сознания; они лежат в основе наших жестов, нашей речи, в основе выказываемых нами чувств, чувств, которые мы, как мы полагаем, испытываем и которым можно дать определение, можно описать»⁶. Романистка стремится передать эти мимолетные состояния, погружая читателя в глубины психики. В её произведениях отсутствует изображение предметного мира, нет персонажей и фабулы в классическом понимании. Субъект описывается исключительно изнутри, через воссоздание его переживаний и внутреннего монолога особой формы, называемого «под-разговором» (*sous-conversation*). Внешняя речь персонажей в её произведениях предстаёт как

⁵ Там же. – С. 590.

⁶ Саррот Н. Тропизмы. Эра подозрения. – М.: Полиформ-Талбури, 2000. – С. 136.

набор стереотипных фраз, не отражающих движения подсознания. И поскольку в понимании писательницы цельного типического характера не существует, она показывает ту сторону личности, где все «подвижность, возможности, неясные и всеобъемлющие ощущения», которые предшествуют оформленной речи, оказывающей «осушающее и сковывающее действие»¹ на истинные проявления человеческой сущности. Саррот неоднократно подчёркивает, что обращается к близкому ей самой материалу, который вместе с тем отражает психические процессы, общие для всех индивидов. Неслучайно Т. В. Балашова и А. Ф. Строев [11, с. 185, 529] рассматривают литературное наследие писательницы через призму юнгианства.

«Новороманисты» держались в стороне друг от друга и обнаруживали многочисленные разногласия между собой. Так, в Серизи-ла-Салль в 1971 году, где собрались на конференцию все видные представители направления, Саррот выразилась следующим образом: «...Описание, которое составляет самый главный компонент их романов, почти полностью отсутствует в моих»². Несомненно, здесь она подразумевает именно А. Роб-Грийе, в произведениях которого описание предметного мира занимает значительное место. Непосредственное общение между этими писателями действительно происходило не слишком часто, взаимоотношения были противоречивы, в них проскальзывали даже насмешливый тон и соперничество [13, с. 259–260]. Тем интереснее обнаружить, что при отсутствии прямого влияния друг на друга в их художественных методах содержится достаточное количество сходных черт.

Для Саррот и Роб-Грийе характерна, как и для многих других «новороманистов», игра литературными формами. Так, они творчески переосмыслили в своих произведениях форму детектива («Портрет неизвестного» Н. Саррот, 1947; «Резинки» А. Роб-Грийе, 1953) и автобиографии («Детство» Саррот, 1983; «Романески» Роб-Грийе, 1983–1994). Написание нетрадиционной, или «новой», автобиографии укладывается в общий ход развития «нового романа» [10, с. 407]. Показательно, что этапы пересмотра литературной традиции в творчестве этих авторов хронологически совпадают. Но интерес к переоценке литературных жанров – не единственное, что объединяет произведения писателей.

¹ Sarraute N. Œuvres complètes. – Paris: Gallimard, 2001. – P. 1700.

² Ibid. – P. 1695.

Их манера письма метафорична, хотя метафора у этих двух романистов предполагает разную форму обобщения: «Саррот, автор "Золотых плодов" (1963) или "Между жизнью и смертью" (1968), мыслит метафорами как частностями в целом – одним из составляющих „психологической реальности“ её романов. У Роб-Грийе – метафорическое мышление, охватывающее существование в целом, когда метафора – художественная форма „осмысленности“, с которой он, по словам М. Бланшо, „исследует неизвестное“» [9, с. 61]. Иными словами, метафора задаёт всё повествование у Роб-Грийе – от авторского миропонимания до сюжета и архитектоники романа, его образной структуры и строения фразы, что В. А. Пестерев показывает на основе романа «В лабиринте». Представляется интересным пронаблюдать функционирование метафоры в произведениях Саррот и сравнить его с особенностями употребления этого тропа у Роб-Грийе.

Выбранные для анализа романы Роб-Грийе «В лабиринте» и Саррот «Планетарий» отстоят друг от друга с точки зрения композиции и сюжета, но в обоих присутствует мотив кружения на месте или замкнутости в некоем пространстве. У Роб-Грийе читатель следует за рассказчиком и персонажем по запутанному лабиринту улиц города, оказываясь раз за разом то у фонарного столба, то в кафе, то в некоей комнате; у Саррот он «заперт» в квартирах тётушки Берты и Жермены Лемер. И всякий раз нас охватывает головокружение от бесконечной повторяемости пространства, так как хронотоп замыкается сам на себя. «В лабиринте» этот эффект достигается за счёт однообразного повторения примет местности, без выделения единичных черт, так что персонаж как будто постоянно находится в одном и той же точке, даже если совершает перемещения. В «Планетарии», напротив, подробное описание отдельных деталей интерьера (например, двери в квартире тётушки) вместе с порождаемыми ими тропизмами создаёт двойной эффект. С одной стороны, благодаря приметам обстановка представляется индивидуализированной, но с другой стороны, она принадлежит пространству «общих мест», поскольку убранство комнат создано исходя из позиции общепринятого хорошего вкуса.

В тексте Роб-Грийе близость местности неоднократно подчёркивается, в том числе посредством преобладания одинаковых цветов (серого, белого): «*За стеной идёт снег. Ветер гонит на тёмный асфальт тротуара мелкие сухие кристалли-*

ки, и с каждым порывом они оседают белыми полосами – параллельными, раскосыми, спиральными, – подхваченные крутящейся позёмкой, они тут же перестраиваются, замирают, снова образуют какие-то завитки, волнообразные развилки, арабески и тут же перестраиваются заново. Кто-то шагает, ещё ниже пригнув голову, усерднее заслоняя ладонью глаза и потому видя лишь несколько сантиметров асфальта перед собой, несколько сантиметров серого полотна, на котором одна за другой, чередуясь, появляются чьи-то ступни и одна за другой, чередуясь, исчезают»¹.

Описание заснеженного ландшафта повторяется в романе с завидной регулярностью. Достаточно перечислить лишь некоторые аналепсы, в которых приводится практически идентичное описание пространства: «За стеной идёт снег. За стеной шёл снег, шёл и шёл снег, за стеной идёт снег»; «Шёл снег, и он ещё не растаял»; «За окном идёт снег»; «Только снегопад, может быть, самую малость слабее»; «Снег больше не идёт»; «И снова сыплется снег»; «И снова улица, ночь, падает снег»; «Как всегда медленно, мелкими густыми хлопьями сыплется снег»; «Снегопад прекратился»². Общая канва описания остаётся неизменной, вводятся лишь некоторые детали, не вносящие существенных различий в зарисовку городского пейзажа. Повторяемость фрагментов текста создаёт ощущение монотонности и хождения по кругу. Если перемещение по спирали задаёт возвращение к предыдущему на новом уровне, то движение по кругу возвращает в одну в ту же точку, не приводя ни к каким качественным изменениям. Поскольку Роб-Грийе, как и других «новороманов», интересует то, что происходит внутри человеческого сознания и подсознания, то блуждание по кругу – это метафора происходящих там процессов. Рассказчиком управляют мысли, овладевающие им вновь и вновь.

И несмотря на то, что изложение событий и фактов лишено какой-либо эмоциональности, а повествование характеризуется «нулевым уровнем письма», этот нейтральный текст способен вызвать различные эмоциональные состояния у читателя произведения. На протяжении всего романа он пытается разгадать тайну, кто этот солдат, что он ищет и что находится в его

¹ Бютор М. Изменение. Роб-Грийе А. В лабиринте. Симон К. Дороги Фландрии. Саррот Н. Вы слышите их? / пер. с фр. и предисл. Л. Г. Андреева. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 242.

² Там же.

коробке. Ход повествования всё более запутывает того, кто хочет логически объяснить происходящее. На этом этапе возможно формирование тревоги из-за неспособности найти ключ к интерпретации текста. Вместо объяснений читатель довольствуется непрекращающимися описаниями заснеженного города. К концу романа ответы на эти вопросы частично проясняются повествователем, но открывающаяся истина настолько банальна, что вдумчивого читателя способна привести к мысли об утере смыслообразующих нитей произведения. В поисках более глубокого смысла, скрывающегося за этой упрощенной канвой, необходимо обратиться к символу в заглавии романа.

Символ лабиринта чрезвычайно древен и был создан ещё на заре цивилизации, поэтому обладает комплексом смыслов. Этот знак встречается в виде символических выкладок III тысячелетия до н. э. в Северной Европе, наскальных рисунков в Азии и на Северном Кавказе, римских мозаик. К этим артефактам примыкает литературная символика, связанная с лабиринтом. Например, обязательно вспоминается легендарный Критский лабиринт, из которого Тесей вышел благодаря нити Ариадны. Ввиду распространённости символа и его нахождения в особых местах, исследователи делают вывод о большом сакральном значении лабиринта для ушедших цивилизаций, однако устоявшейся гипотезы на этот счёт не существует [6, с. 88–96]. Современное понимание символа восходит к Новому времени, когда появляются парковые лабиринты-путаницы, служащие для развлечений.

Слова *labyrinthe* и *лабиринт* обладают сходным значением, как можно заключить по анализу современных толковых словарей “Larousse”, “Le Petit Robert” (для французского слова) и словарей Т. Ф. Ефремовой и Д. Н. Ушакова (в случае с русской лексемой). Даваемые ими определения практически дословно повторяют друг друга. Если резюмировать, то в качестве основных дефиниций слова можно привести следующие:

- 1) здание со сложными, запутанными ходами, из которых трудно найти выход;
- 2) запутанная сеть дорожек в парке, расположенных так, что оттуда трудно выбраться;
- 3) сложное, запутанное сцепление, переплетение чего-нибудь, запутанное положение, сложные обстоятельства.

Однако французское слово обладает одним дополнительным смыслом, которое в силу различия культур отсутствует в русском. *Labyrinthe* – архитектурный термин

для обозначения узора, выложенного плиткой на полу некоторых средневековых церквей, прохождение которого на коленях приравнивалось к паломничеству верующего в Святую землю.

«Лабиринт» в романе можно интерпретировать несколькими способами. В первую очередь, напрашивается буквальная трактовка лабиринта как запутанной сети дорог, ходов и помещений города, по которому блуждает персонаж. Солдат, постоянно передвигаясь по запутанному хронотопу, так и не находит некоего человека, с которым должен встретиться и которому нужно передать коробку. Нескончаемое путешествие по череде сменяющих друг друга однотипных пространств не приводит его к выходу, то есть цели его странствий. Вместе с тем, и сам повествователь находится в комнате, являющейся продолжением городской сети переплетённых улиц: «...В полумраке, на расстоянии четырёх-пяти метров от пола, виден сначала короткий прямой сегмент длиной менее сантиметра, за ним – мелкие, зубчатые извилины... но всё расплывается в глазах, когда хочешь уточнить очертания этих извилин, так же как и очертания мельчайшего рисунка, украсившего обои на стенах, или нечёткие границы лоснящихся дорожек, проложенных в пыли войлочными тапочками, или, за дверью комнаты, очертания тёмной передней, где к вешалке искоса прислонился зонтик-трость, или – за входной дверью – вереницы длинных коридоров, спиральной лестницы, подъезда с каменной приступкой и города в целом – у меня за спиной»¹. Начинаясь с извивов рисунка обоев, лабиринт разрастается до уровня комнаты с её дорожками на полу, затем – дома с сетью коридоров, далее – всего города-лабиринта. Физически находясь в пространстве лабиринта, повествователь развёртывает линию повествования, как будто Тесея разматывает нить Ариадны. Он создаёт тем самым ещё один лабиринт, но уже метафизический – текст. Читатель в процессе знакомства с текстом наследует роль Тесея и оказывается втянутым в этот текст-лабиринт, из которого он может найти выход, следуя по нити Ариадны, которую для него оставляет рассказчик. В данном случае под «выходом» следует понимать разгадку смысла повествования. Однако рассказчик ходит по кругу или топчется на месте, описывая

¹ Бютор М. Изменение. Роб-Грийе А. В лабиринте. Симон К. Дороги Фландрии. Саррот Н. Вы слышите их? / пер. с фр. и предисл. Л. Г. Андреева. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 352.

повторяющиеся события. Он спутал клубок нитей, а не указал на верный путь, поэтому читателю самостоятельно нужно отыскать ключ к тексту – обрести потерянную и запутанную нить Ариадны. Втянутый в лабиринт текста, читатель должен интерпретировать его, чтобы разгадать смысл романа.

Сам акт толкования текста можно рассмотреть в свете символики лабиринта как странствия в Святую землю. Интерпретатор становится паломником, ищущим света веры и истинного Бога, а трактовка произведения приравнивается к длительному и серьёзному испытанию, основанному на вере, упорстве и стремлении прикоснуться к высшим тайнам. И как искренне верящий богомолец получает за своё паломничество отпущение грехов и, как следствие, райское блаженство, так и интерпретатор способен обрести истинное знание. Однако поскольку сакральность миропонимания в современную эпоху утрачена, то единого знания, ассоциирующегося с Богом-творцом, не существует. Мир погружён в хаос равновеликих возможностей и интерпретаций. Текст становится постмодернистской ризомой. «Ризома так устроена, что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична»². Соответственно, возможности понимания и толкования такого текста также бесконечны, нет единственно верного объяснения. Интерпретатор генерирует многочисленные смыслы, вытекающие один из другого либо взаимосвязанные между собой, порождая новую ризому – лабиринт толкований текста. Таким образом, лабиринт Роб-Грийе разрастается до масштабов герменевтических и бытийных. Весь окружающий Текст задаётся логикой лабиринта, и может быть объяснён только с его помощью.

В романе Саррот этот образ представлен иначе. Если у Роб-Грийе лабиринт – ключевой концепт произведения, обозначенный в заглавии, то в «Планетарии» он включён в описание обстановки и образную структуру. Это объясняется особенностями эстетических взглядов автора и композицией книги.

Персонажи, представленные в романе, наделены именами, речью и даже небольшой предысторией, в нём обозначена интрига, но ни те, ни другие не несут ценности сами по себе. Герои носят чрезвычайно упрощённый характер, являются «бледными тенями» настоящих полнокровных персона-

² Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2007. – С. 63.

жей романа XIX века. Что касается сюжетной составляющей, то созданная рудиментарная история отсылает нас к роману карьеры или роману о семейных отношениях, которыми так знаменита французская литература (вспомним Бальзака, Стендаля, Мопассана), но является лишь их подобием. Эти стереотипные сюжет и персонажи не могут претендовать на самостоятельность или оригинальность и воплощают лишь категории традиционного романа. Таким образом, история создана не ради себя самой, она занимает небольшую долю текста и служит связующим элементом для погружения в глубины человеческой психики. Повествователь как таковой в этом произведении тоже отсутствует, и читатель оказывается погружённым в хор голосов. Об этой особенности художественного мира Саррот – отсутствию «привычного для нас объективирующего взгляда повествователя» – пишет Г. К. Косиков [7, с. 33].

Изображение интерьера не несёт смысловой нагрузки, присущей классическому роману, и предельно скупое. Так, описание квартиры тётки Берты включает в себя следующие характеристики: «овальные двери, имеющие дрянной вид», «анфилада скверных, всегда закрытых комнат», «длинный коридор, как в отеле», «слишком тёмная кухня»¹. С одной стороны, оно отражает психологическое состояние героини, поскольку здесь используются эмоционально окрашенная лексика и усилительные наречия. С другой стороны, за счёт слов «коридор» и «анфилада» это описание выводит нас к образу лабиринта. Место действия, в котором происходят основные сцены произведения, приобретает черты пространства, откуда сложно найти выход. И действительно, эта квартира становится объектом вождения и торга, вызвавшим непонимание между героями. Именно здесь концентрируются сложнейшие переживания и размышления персонажей. Квартиру-лабиринт можно истолковать как запутанную ситуацию, заложниками которой они оказываются. Но кроме того, данное описание помогает интерпретировать значение лабиринта на образном уровне романа.

Метафора играет важную роль в творчестве писательницы уже в её первой книге «Тропизмы» (*Tropismes*, 1939), в последующих произведениях можно говорить о метафорическом стиле изложения [8, с. 50]. Так, в «Планетарии» прямая речь перемежается с внутренней речью героев и с тропизмами, передаваемыми посредством метафориче-

¹ Sarraute N. Œuvres complètes. – Paris: Gallimard, 2001. – P. 488.

ской образности. При воссоздании одного из этих внутренних переживаний Саррот прибегает к развёрнутой метафоре, использующей образ лабиринта. В данном фрагменте рассказывается о треволнениях тётки главного героя. Заказав новую дверь для своей квартиры, она приходит в смятение из-за установленной на неё ручки. Душевные терзания героини не прекращаются и после того, как ручка двери снята, поскольку на деревянной поверхности остаются небольшие отверстия. Одна из исследовательниц творчества Саррот любопытно охарактеризовала роль двери в этом романе, назвав её «транзитным пунктом между внешним и внутренним» [14, с. 84]. Изображая «бурю в стакане воды», разыгравшуюся в подсознании тётки Берты из-за этого предмета интерьера, рассказчик обращается к своим читателям и словно берёт их в свидетели: *«Мы все закрыты здесь с ней, не так ли? Нас влечёт по узкому и тёмному коридору без выхода, мы бесконечно будем переминаться с ноги на ногу, запертые вместе с ней в этом тёмном и закрытом лабиринте, топчась на месте...»*². Реально существующая комната трансформируется в подсознании в мрачный и запутанный лабиринт, из которого нет выхода. Тревожные чувства героини, к которым она возвращается снова и снова, сродни блужданию по тёмным коридорам. В этом случае образ лабиринта можно рассматривать как буквальную интерпретацию метафоры «закоулки человеческой души».

За счёт использования местоимения «мы» читателя исподволь приглашают стать участником этого странствия, и он вместе с персонажем словно оказывается в помещении с запутанными ходами. Этот пространственный аспект путешествия, позволяющий буквально интерпретировать значение слова «лабиринт», дополняется эмоциональной стороной. Читатель вовлекается в переживания персонажа, примеряет их на себя и, согласно замыслу автора, должен переживать аналогичный тропизм. Поскольку эти мельчайшие и мимолетные переживания невозможно точно передать в словесной форме, Саррот пытается воссоздать аналогичные эмоции у читателя с помощью метафорических средств выразительности.

Его «странствие» включает также когнитивный аспект. Непривычный для восприятия стиль писательницы может первоначально привести в замешательство, но также способствовать размышлениям об устройстве произведения. Попытки понять, если ли повествователь в романе и кто гово-

² Ibid. – P. 358.

рит в тот или иной момент, являются основными вопросами для читающего «Планетарий». Кавычки, выделяющие прямую речь, а также наличие имён и родственных связей между героями помогают определить, кто является источником высказывания. Но в тех случаях, когда персонажи взаимодействуют, это сделать затруднительно. На уровне тропизмов герой испытывает собственные переживания, интерпретирует действия, слова и характер других персонажей. Если в сцене присутствует несколько собеседников, то повествовательный фокус перемещается из одного сознания в другое и не всегда с достоверностью можно утверждать, внутри какого сознания мы находимся в данный момент. Акт чтения связан с движением между «пространствами» души, о которых мы имеем лишь смутное представление, и поэтому напоминает блуждание по тёмному лабиринту в поисках выхода.

Возможно ещё одно толкование данной метафоры, если продолжить чтение отрывка. Ниже автор поясняет своему читателю, что тот может закончить эту «игру», «экскурсию» в любой момент по своему желанию, но некто «она» на это не способна: *«Через мгновенье, если вам так хочется, вы снова окажетесь дома, а она слишком слаба, чтобы ускользнуть, и останется здесь навсегда, в этой норе, которую она вырыла, чтобы переминаясь с ноги на ногу, кружиться без конца»*¹. Первоначально напрашивается мысль, что речь идёт о героине, тётушке Берте, поглощённой своими переживаниями и мыслями. Но некоторые детали указывают на другую гипотезу. Следует обратить внимание на изменение хронотопа: лабиринт становится норой, которая создана «ей» самой, а время растягивается на неопределённо долгий срок (о чём свидетельствуют лексемы «навсегда», «без конца»). Как известно, Саррот неоднократно высказывала мысль о том, что целью всего её творчества, начиная с первого произведения, является передача психологических движений. Пояснения касательно метода

их изображения подтверждают идею о том, что в данном случае писательница говорит о себе.

В одном из своих интервью романистка поясняет на примере, что вынуждена разделять ощущения, возникающие в ответ на произнесённую фразу, и трактовать каждое из них с помощью отдельной метафоры. Повторяя несколько раз в тексте фразу, породившую эти психологические движения, Саррот последовательно сопровождает её одной метафорой [15, с. 130]. Таким образом, будучи воссозданным в тексте произведения, пережитое ощущение чрезвычайно растягивается. Этот способ с большой долей уверенности можно сравнить с бесконечным кружением на месте, о котором говорится в анализируемом фрагменте. И блуждание в лабиринте уместно соотносить с анализом и дальнейшим воссозданием тропизмов, которые предпринимает автор.

Заключение. На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что Роб-Грийе и Саррот проповедуют раскрытие человеческой личности посредством изображения её проявлений, будь то взгляд или тропизмы. Объектом у обоих писателей выступают процессы, происходящие в подсознании и сознании человека. Наблюдается общность интерпретации этих явлений в произведениях романистов: ассоциативность психических процессов, их образность, процесс перехода от одного образа к другому художественно переданы в виде блуждания по лабиринту. Возвращения и кружение на одном месте, о которых говорится в их текстах, имитируют процессы, происходящие в подсознании. При переходе на уровень сознания эти образы стереотипизируются, с чем связано присутствие фабулы и персонажей в произведениях. Роб-Грийе и Саррот создают особый тип романа, основной акцент в котором делается на изображение психических процессов метафорическими средствами, и предлагают читателю возможность сотворчества.

Список литературы

1. Ваксмахер М. Н. Французская литература наших дней. Книга очерков. М.: Худож. лит., 1967. 216 с.
2. Вишняков А. Г. Поэтика французского Нового Романа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. М., 2011. 40 с.
3. Воронина Е. Б. Проблема художественного слова в позднем творчестве Натали Саррот: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Иваново, 2013. 185 с.
4. Еремеев Л. А. Французский литературный модернизм. Традиции и современность. Киев: Наук. думка, 1991. 119 с.

¹ Sarraute N. Œuvres complètes. – Paris: Gallimard, 2001. – P. 359.

5. Зонина Л. Тропы времени: Заметки об исканиях французских романистов (60–70-е гг.). М.: Худож. лит., 1984. 263 с.
6. Кодола О. Е., Сочеванов В. Н. Путь лабиринта. СПб.: Менделеев, 2003. 176 с.
7. Косиков Г. К. Проблема личности в романах Натали Саррот // Вестник Московского университета. Серия 10. Филология. 1972. № 2. С. 32–44.
8. Молькова Е. Б. Функции метафоры в художественном тексте (на материале «Тропизмов» Н. Саррот) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 3. С. 48–58.
9. Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 312 с.
10. Французская литература 1945–1990 годов / Н. И. Балашов [и др.]. М.: Наследие, 1995. 928 с.
11. Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века / А. Б. Базилевский [и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 568 с.
12. Черницкая Л. А. Художественная система Натали Саррот как явление литературы авангарда (на материале романа «Портрет неизвестного») // Филологические науки. 1991. № 3. С. 87–95.
13. Jefferson A. Nathalie Sarraute. Paris: Flammarion, 2019. 496 p.
14. Knapp B. Nathalie Sarraute. Amsterdam: Rodopi, 1994. 145 p.
15. Nathalie Sarraute: qui êtes-vous? Conversations avec S. Benmussa. Lyon: La Manufacture, 1987. 223 p.

Статья поступила в редакцию 19.02.2020; принята к публикации 25.03.2020

Сведения об авторе

Молькова Евгения Борисовна, кандидат филологических наук, Бюро переводов «Центральное»; 153000, Россия, г. Иваново, ул. Красной Армии, д. 7А, оф. 206; e-mail: ivabelle@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3295-5093>.

Библиографическое описание статьи

Молькова Е. Б. Ален Роб-Грийе и Натали Саррот: в лабиринтах метафор // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 44–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-44-52.

References

1. Vaksmaher, M. N. French literature of our time. Book of essays. M.: Khudozh. lit., 1967. (In Rus.)
2. Vishnyakov, A. G. Poetics of the French Nouveau Roman. Dr. philol. sci. diss. abstr. M., 2011. (In Rus.)
3. Voronina, E. B. Problem of the literary word in Nathalie Sarraute's later works. Cand. philol. sci. diss. Ivanovo, 2013. (In Rus.)
4. Eremeev, L. A. French literary modernism. Traditions and modernity. Kiev: Nauk. dumka, 1991. (In Rus.)
5. Zonina L. Paths of time: Notes on French novelists' quest ('60-'70s.) M: Khudozh. lit., 1984. (In Rus.)
6. Kodola, O. E., Sochevanov, V. N. Way of labyrinth. SPb.: Mendeleev, 2003. (In Rus.)
7. Kosikov, G. K. Problem of the individual in Nathalie Sarraute's novels. Moscow University Bulletin. Series 10. Philology, no. 2, pp. 32–44, 1972. (In Rus.)
8. Mol'kova, E. B. Functions of metaphor in the literary text (based on Tropisms by N. Sarraute). Modern linguistic and methodical-and-didactic researches, no. 3, pp. 33–42, 2018. (In Rus.)
9. Pesterev, V. A. Modifications of the novelistic form in the Western prose of the second half of the XX century. Volgograd: VoLGU, 1999. (In Rus.)
10. French literature of 1945–1990s. M.: Nasledie, 1995. (In Rus.)
11. Literary landmarks of the world literature of the XX century. M: IMLI RAN, 2002. (In Rus.)
12. Chernitskaya, L. A. Nathalie Sarraute's literary system as a phenomenon of avant-garde literature (based on the novel Portrait d'un inconnu). Philological sciences, no.3, pp. 87–95, 1991. (In Rus.)
13. Jefferson A. Nathalie Sarraute. Paris: Flammarion, 2019. (In Fr.)
14. Knapp B. Nathalie Sarraute. Amsterdam: Rodopi, 1994. (In Fr.)
15. Nathalie Sarraute: qui êtes-vous? Conversations avec S. Benmussa. Lyon: La Manufacture, 1987. (In Fr.)

Received: February 19, 2020; accepted for publication March 25, 2020

Information about author

Mol'kova Evgeniya B., Candidate of Philology, Translation agency "Central"; office 206, 7A Krasnoy Armii st., Ivanovo, Russia, 153000; e-mail: ivabelle@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3295-5093>.

Reference to the article

Mol'kova E. V. Alain Robbe-Grillet and Nathalie Sarraute: in the Labyrinths of Metaphors // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 44–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-44-52.

УДК 81.42

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-53-61

Снежана Пасер-Илич,
Нови-Пазарский университет,
(г. Нови-Пазар, Республика Сербия),
e-mail: snezana131377@gmail.com

«Ничья земля» Десанки Максимович в свете теории интертекстуальности

В статье поднимается вопрос существования устно-поэтического и мифологического фона в стихотворениях сборника «Ничья земля» Десанки Максимович. Задача исследования состоит в рассмотрении особенностей поэтического мира автора этого сборника в контексте устной поэзии и прозы, а также в рамках сербской этномифологии. Особое внимание уделяется анализу хронотопа и переходных обрядов, проиллюстрированных отдельными стихотворениями. Стихотворения сборника предстают перед читателями как многослойная структура, которая благодаря пласту устной традиции ведёт исследователей к глубинам славянской мифологии. Делается вывод, что автор тщательно выбирает те элементы из фольклорного корпуса, которые затем включаются в поэтические произведения. Поэтесса не создаёт свои стихотворения на интерпретации фольклорных элементов, а интегрирует их в новый контекст, развивая их, меняя и расширяя уже сложившиеся в преданиях системы значений. В итоге фольклорные элементы (мотивы, символы, герои, композиционные приёмы) обретают новые коннотации, однако, их понятийное ядро сохраняется. Соответственно, эти стихотворения можно считать новой интерпретацией фольклорного фонда. Методология исследования опирается на интертекстуальный, а прежде всего, на диахронический подход. В статье с помощью метода научного анализа исследуются глубинные структуры образцовых стихотворений сборника «Ничья земля». Данное исследование позволяет прийти к выводу, что этот сборник также проявляет важное качество авторской поэтики: использование фольклорных сербских песен и мифов в качестве толчка к созданию собственных стихотворений.

Ключевые слова: поэзия, фольклорно-мифологическое наследие, хронотоп, переходные обряды, транспозиция, интеграция в новую поэтическую систему, сохранение семантики мифопоэтических мотивов

Snezana Paser Ilic,
State University of Novi Pazar
(Novi Pazar, Republic of Serbia),
e-mail: snezana131377@gmail.com

“Nobody’s Land” by Desanka Maksimovic in the Light of the Intertextuality Theory

The paper examines the question of an oral-poetic and mythological background existence in the poems of the collection Nobody’s Land by Desanka Maksimovich. The objective of the study is to consider the features of the poetic world of this collection’s author in the context of oral poetry and prose, as well as in the framework of Serbian ethnomythology. Particular attention is paid to the analysis of the chronotope and transitional rites, illustrated by individual poems. The poems of the collection appear to readers as a multilayered structure, which due to a layer of oral tradition, leads researchers to the depths of Slavic mythology. It is concluded that the author carefully selects those elements from the folklore corps, which are then included in poetic works. A poetess does not create her poems on their interpretation but integrates them into a new context, developing them, changing and expanding the systems of meanings already established in the traditions. As a result, folklore elements (motifs, symbols, heroes, compositional techniques) gain new connotations but their conceptual core remains. Accordingly, these poems can be considered as a new interpretation of the folklore fund. Desanka Maksimovich becomes a poet reinterpreting and saving the domestic literary and mythological heritage from oblivion. Her attention is focused on those components of folklore and mythological creativity, the meaning of which is firmly preserved in the national as well as in the international corps. Desanka Maksimovich’s poems were created in such a way as to allow the researcher to get to the bottom of their folklore and mythological basis, and this indicates a well-thought-out author’s concept.

Keywords: poetry, folklore and mythological heritage, chronotope, transitional rites, transposition, integration into a new poetic system, preservation of the semantics of mythopoetic motifs

Введение. Поэзия Десанки Максимович вызывала интерес исследователей уже с периода публикации её первых стихов в 20-е годы XX века. С самого начала её поэзию хвалили (Сима Пандурович) или оспаривали (Звонимир Голоб), но в любом слу-

чае её явление в литературе оценивалось высоко критиками. В более позднем периоде её литературное творчество обогащается в плане тематики и жанра, тем самым становясь предметом одной докторской диссертации (Љубица Ђорђевић, «Песничко

© Снежана Пасер Илич, 2020

дело Десанке Максимовић», Београд, 1972). Углублённое изучение творчества поэтессы начинается с 1994 года, благодаря учреждению «Задужбины Десанки Максимович». Её творчество стало всё более привлекательным для исследователей, особенно после применения компаративистских подходов, обоснованных на разных уровнях. С одной стороны её творчество можно связывать с зарубежными произведениями (см. сборники: «Између светова, нови аспекти књижевног дела Десанке Максимовић», редактор Миодраг Сибиновић, 1999; «Дело Десанке Максимовић» у токовима српске и светске књижевности, редактор Слободан Ж. Марковић, 2000), а с другой стороны, в поле зрения исследователей новейшего времени попадает отношение творчества автора и отечественной литературной традиции (сборник: «Традиционално и модерно у стваралаштву Десанке Максимовић», редактор Ана Ћосић-Вукић, 2008). От первоначальных толкований, привязанных к историческому контексту и биографическим фактам из жизни поэтессы, исследователи обращаются к поэтике и структурности её творчества.

Сборник стихотворений «Ничья земля» появился в 1979 году – спустя десятилетие после того, как в академических кругах после появления теории интертекстуальности¹ её изучение стало чётко очерченным и теоретически обоснованным. Тот факт, что Десанка Максимович была предшественницей и современницей рождения и развития теории интертекстуальности, подтолкнул исследователей, объединённых вокруг издательства «Задужбина Десанки Максимович», проследить значение и смысл её текстов, обращаясь к источникам народных преданий. Бросается в глаза, что автор с самого начала своей писательской деятельности обращается к устному народному творчеству. Она это делает, ссылаясь на предания, уже написанные авторские тексты, а именно на их *сильные позиции* (под этим мы понимаем стереотипы, жанровые коды, формулы, картины, мотивы и темы из мифологического корпуса) и не только, расширяя их границы, углубляясь в забытые пласты славянской мифологии.

В этой статье делается обзор стихотворений автора с точки зрения интертекстуальности в расширенном понимании (с

¹ Непосредственное изучение отношения между текстами (интертекстуальность) началось только во второй половине 60-х годов XX века, но представление об их соотношении существует ещё с античных времён. См.: [6, с. 59].

позиций общей интертекстуальности). Посредством устно-поэтического фона можно добраться до глубочайших слоёв сборника, относящихся к миру славянской мифологии. Для понимания стихотворений автора требуются знания о социально-культурном и традиционном дискурсах, – это приём, используемый в рамках общей текстуальности [см.: 6, с. 51–55].

Статья опирается на уже существующие исследования, но тем не менее стремится их дополнить углублённым анализом стихов сборника «Ничья земля». На конкретных примерах мы стремимся показать природу интертекстуальных связей стихов автора с отечественной литературной традицией.

Методология и методы исследования. В данном исследовании используются литературно-исторический, этнографический и мифологический подходы к изучению сборника стихотворений «Ничья земля». На основании изложенного был сделан вывод о богатстве этномифологической основы сборника. Исследуются авторские приёмы создания новых смыслов, задействованные поэтессой при попытке включить традиционный фольклорно-мифологический корпус в поэтический мир своего произведения, сохраняя их исконную семантику.

Результаты исследования и их обсуждение. В начале исследования появилась потребность определить хронотоп сборника, именно он в большей степени определяет его ключевые мотивы, а также их отношение к представлениям, существующим в преданиях. По определению М. М. Бахтина, хронотоп представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе или в литературном произведении» [2, с. 193–194]. В нём происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Там же]. Позиция лирического субъекта в «Ничьей земле», тональность его стиха и репертуар мотивов существенно определяются хронотопом². Пространственно-временной аспект не является всего лишь статичным фоном, на котором разыгрываются «события» в стихотворениях, а закрепляет за собой определённые смыслы, задействованные в процессе их восприятия и толкования.

² Это только подтверждает суждение М.М. Бахтина о значимости хронотопа: «Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [2, с. 194].

Основное разделение пространства в культурах многих народов – разделение на «свое», а именно уютное, дружелюбное пространство безопасного существования, подконтрольное богам-защитникам, и «чужое» – как далёкое, дикое, хаотическое пространство. Образ другого олицетворяет собой пространство неопределённости: какой-то дикий мир. Народ воспринимает его как преддверие мира, где обитают хтонические существа. В нём опасность для человека представляли не только хищники, но и разные демонические создания. Всё же человек не остался полностью закрытым для иного мира, он сумел «придумать (и) привычные формы общения с потусторонним миром: как с покойниками, так и с богами, тем самым позволив человеческому духу объять всю Вселенную» [12, с. 47]. Именно так понимаемое разделение пространства позволило поэтическому субъекту как в народной, так и в художественной литературе пребывать в иномирии и общаться с существами обоих миров.

Пространство «Ничьей земли» семантически и денотативно больше всего напоминает картину «чужого» или «иног» мира, свойственную поэтике сказки. В сказках небесный мир разделяется на «промежуточное пространство» (между небом и землёй; в нём находится башня, крона дерева, крыша дворца, замок) и на небесное царство (золотые дворцы). Промежуточное пространство охарактеризовано неопределённо (мы не знаем, кому оно принадлежит), таинственно (мы не знаем, кто им владеет), с ярко выраженной дихотомией воздушной пропасти и прочной тверди земли. Пространство устной сказки объединяет яркие противоположности: вниз – вверх, земля – воздух, земной – ничей мир [15, с. 173]. Промежуточное пространство приобретает качества потустороннего мира: в нём проживают иномирные существа – дракон, великан, заключённая в башне царевна. Этот мир доступен героям, так как они могут самостоятельно попасть туда, без помощи посредников. Предметы и существа в этом мире те же самые, что и в нижнем – земном мире.

В стихотворениях «Ничьей земли» мы обнаруживаем картину мира, ведущую происхождение от народных преданий, которая получила одну из возможных конкретизаций в устной сказке. Пространство в сборнике – мифическое, помещённое ни на небесах, ни на земле. Следовательно, речь идёт о промежуточном пространстве, о пограничном

междумирии. Известно то, что оно не принадлежит живым. В сборнике оно представлено как преддверие мира мёртвых.

В начале сборника поэтический субъект отзывается из ничьей земли. Он говорит, исходя из нынешней перспективы, чтобы представить пространство, в котором он обитает – мир ничьей земли. Она пустая и мрачная, сулящая несчастье. В ней не слышно солярных птиц, а звучат голоса тех, кто принадлежит хтоническому кругу:

На ничьей земле даже в утреннем гуле¹
Ухают совы,

Этот край не для солнцем зачарованной птицы².

С растительным и животным миром ничьей земли происходит всё с точностью до наоборот по отношению к этому, «привычному» миру:

Что земля тебе эта, где кузнечиков нету,
Где не завяжется маха платочек,
Где не раскроется лилия затемно³.

В этом пространстве всеобщий мор охватил людей. Их жалкое существование представлено с помощью ряда эсхатологических картин: там «не обнимутся лунною ночью», там «утро не станет свадебным», перед уходом они стирают следы своего существования («Где поспешно в дорогу сундуки запирают, / Очаги золой засыпают, / Топят поля, отступая»), ведь ещё при их жизни «Уже подытожены / Сердца удары, шаги и минуты». Очевидно, что в этом мире узнаваемы все ценности нашего мира, но они в нём обретают отрицательные коннотации – всё движется по направлению к упадку, обречённости, не оставив и следа от бодрости и сердечности. Такая семантика мира передаёт образы хтонического мира в народном представлении⁴.

Сиюминутность и смерть, как её спутница, уже овладели ничьей землёй. Стихотворение «Предупреждение» доносит до нас темнейшее, жуткое видение этой земли тишины⁵:

¹ Этот и все последующие отрывки из сборника приводятся со ссылкой на перевод «Ничьей земли» на русский язык. См.: Максимович Д. Слово о любви: стихотворения: пер. с серб.-хорв. / предисл. Н. Кореневской. – М.: Худож. лит., 1988. – 366 с.

² Максимович Д. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Белград: Задужбина Десанки Максимович, 2012. – С. 551.

³ Там же.

⁴ По представлениям народа, иной мир имел иные признаки, отличающиеся от мира живых. Это «перевернутый мир», в котором вступают в силу иные правила развёртывания событий и поведения по отношению к тем, что находится в мире живых.

⁵ Голос в народных поверьях славян является признаком «этого» света. «Тот» свет примечателен отсутствием голоса, то есть тишиной [16, с. 123–124].

Серны живут здесь с испуганным взглядом,
Певчие птицы, чьи сломаны крылья,
Люди живые, чьё вырвано сердце;
Здесь не затянутся раны до смерти¹.

По древним поверьям, серны были способны своим взглядом вернуть воде первоначальную чистоту. Мотив оленя (мужской аналог серны) на источнике – мифологического происхождения – он известен по сербским лирическим песням. Песня из первого сборника Вука Караджича «Ранило² в Вербное воскресенье»³ доносит до нас картину оленя, «рогами мутившего воду, < ... > но очищавшего её глазами»⁴. В пространстве «Ничьей земли» олени потеряли свою магическую способность очищать воду (у них взгляд испуганный), и поэтому всецелого восстановления и очищения не будет. Следовательно, нет никакой возможности для циклического возобновления жизни.

Очевидно, что ничья земля связана со смертью, хотя нигде она не именуется миром мёртвых. Она двойственна: в пространственном смысле может находиться в глубине (в стихотворении «Предупреждение»), а также и в небесной вышине (в стихотворении «Между планетами»). Такое пространственное представление мира мёртвых было знакомо древним народам. Они считали, что нижний мир, то есть мир мёртвых, находится на небесах, ведь туда попадают души покойников, хотя они также знали о распространённом поверье, согласно которому, покойники живут под землёй или на каком-то вымышленном далёком острове [8, с. 348].

Субъект речи не принадлежит полностью тому миру, хотя он ему физически близок. На него наложен определённый запрет

¹ Максимович Д. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Белград: Задужбина Десанки Максимович, 2012. – С. 589.

² Ранило – народный праздник, связанный с древними поверьями, когда молодёжь собиралась под рассвет в Вербное воскресенье и веселилась вокруг костра.

³ Караджич В. С. Сербские народные песни: в 4 т. Т. 2. – Белград: Нолит, 1975. – С. 91.

⁴ В своей трактовке этой караджичевской песни М. Павлович расценивает загрязнение воды (и земли) рогами и очищение оленьими глазами как «аллегория полового акта» или как подготовку к «какому-то колдовству с водой, но колдовство это снова обосновывается картиной творческого действия – подготовкой к появлению на свет человека» [10, с. 52]. Загрязняя рогами воду и землю, олень подготавливает «смесь» для создания человека, и это уже близко к Божьей деятельности. В следующей картине он эту смесь очищает взглядом именно так, как Творец оживляет её своим дыханием. Если славянское верховное божество Вид, как предполагает М. Павлович, имело способность это сделать одним взглядом, тогда «олень в этом деле – всего лишь разновидность Вида (гипостаза)» [Там же].

на принадлежность и этому миру: «Только мне запрещается сорвать / звёзды и планеты, / Как Еве яблоко» («Между планетами»). Кажется, что субъект застрял в этом промежуточном пространстве, как царевна в народной сказке «Башня ни на небе, ни на земле». Поэтому субъект речи говорит про себя: «Я стою на башне: ни на небе, ни на земле». Отсюда невозможно самостоятельно освободиться: «Без крыльев, чтобы в небо улететь, / Без силы, чтобы в пропасть броситься». Возможность спасения есть, но не как в сказке в виде возвращения на землю при помощи спасателя – младшего брата, а как возможный уход в верхнее пространство неба (верхнее небо) при помощи спасателя, приходящего именно из «неба вселенского здания» (приведены строки из стихотворения «Башня ни на небе, ни на земле», о котором мы поговорим чуть позже). Итак, жизнь на земле субъекту речи не представляется возможной. Населяющий это пространство субъект речи ещё называет его «землёй невозврата».

Перед дверью ничьей земли ждёт «толпа людей, женщин, детей, птиц, зверей». Спокойствие, с которым они ждут, чтобы дверь для них распахнулась, с тем, чтобы шагнуть в ничью землю, говорит о ней как о неминуемости предпоследней остановки всех живых существ. Человеческое сердце как символ чувств, раньше когда-то служившее «топливом» и двигателем любви, в ничьей земле стало «Душераздирающей драмой, / Стало мокрой веткой, / Не загорающейся пламенем». Оно превратилось в камень, а после уже полностью утратило способность выражать эмоции, став землёй, глиной («Человеческое сердце»).

В аспекте хронотопа в сборнике «Ничья земля», помимо его пространственного значения, можно ещё определить и положение субъекта речи во времени. С точки зрения пространства, он очень статичный, чего нельзя сказать о временных перспективах, охватываемых им. Субъект речи говорит из нынешней перспективы. Высказываясь о прошлом, он имеет в виду воспоминания о любимом человеке («И здесь», «Видение»), дорогих сердцу умерших («Когда уйдут матери наших матерей»), угасших чувствах («Человеческое сердце»). Когда он рассуждает о будущем, то оно предстает в необычном виде – как потусторонне-хтоническое будущее, являющееся отправной точкой и целью его стихотворчества и бытия («Реквием», «Башня...»).

Основным временем событий в стихотворениях, когда об этом заявлено прямо, является ночь («Ночь ни то светла, ни то темна», «Призраки»; «К полуночи прилетает змей огненный / <...> / И принуждает меня, чтобы от метеоров и молний / Избавить его заплетённые волосы», «Башня...»); «Ты пляшешь рядом со мною, / Бледным из-за лунного света и боли», «Змея-жених». Действие начинается и разворачивается ночью, а заканчивается под утро, на рассвете: «Когда луна скроется, / Мы со свадьбы вернёмся домой / Сквозь тёмный-тёмный лес», «Змея-жених»; «Я проводила месяц / До последнего поворота / <...> / Дождалась, когда звонницы птички / Зазвонят к завтрашней новой, / Вспыхнут утренние мгновенья / <...> / И теперь / Здесь мне нечего больше делать», «Дела закончены»). Окончание действия к заре, когда просыпается подлунный мир, намекает на направление движения и на принадлежность поэтического субъекта «тому» свету. Как будто даже сам субъект обитает на ничьей земле по пути к другому миру, куда ушёл любимый человек и все близкие ему люди: «Встречи забытые, / Друзья невозвратные, / Похороны сестры и брата, / Смерть матери» («В бессонницу»).

С точки зрения этнологии, поэтический субъект находится на лиминарном этапе перехода¹, то есть в «промежуточном пространстве». В таком переходном состоянии личность «за (не)долгий срок отторгается от своей среды», его место на обочине (*marge* – маргине, фр. – край, граница), изолированной, временно отторгнутой от сообщества людей, после чего последует приём в новую социальную среду [3, с. 21]. Ван Геннепу можно поставить в заслугу то, что он подчеркнул значимость именно этого связующего звена в цепи обрядов перехода. С этой переходной, «лиминарной» позиции написаны все стихотворения сборника.

Следующим значимым этапом в интертекстуальном изучении является анализ переходных обрядов в стихотворениях «Ничьей земли», а также их отношения к мифу и фольклору. Стихотворения сборника в глубочайшем слое смыслов уходят корнями в мифологию. В стихотворениях содержатся важные элементы обрядов перехода, свойственные мифологическому сознанию: рождение, бракосочетание и смерть [3, с. 21].

Поскольку Десанка Максимович является автором преимущественно лирических

¹ По Ван Геннепу, структура у всех обрядов перехода трёхчленная. Она состоит из прелиминарного, лиминарного и постлиминарного этапов [2].

стихотворений, она посвящает ключевые стихотворения «Ничьей земли» мотиву любви (отображённом в обряде обручения и бракосочетания). Любовь в мире сборника рисуется на мифологическо-фольклорной основе. Так как один из любовников является демоническим существом, любовные отношения полностью приобретают хтонические признаки. В роли любовника в «Ничьей стране» выступает змей, похожий на двойника из народной сказки «Башня ни на небе, ни на земле»; у поэтессы в позицию жениха становится змея, подобно мотивам из народной сказки и стихотворения «Змея-жених». Любовный мотив раскрывается в нескольких стихотворениях сборника. Эти стихотворения служат иллюстрацией отдельных этапов свадебного обряда, начиная с обручения, то есть одаривания молодых (в стихотворении «Дары»), вплоть до свадьбы и первой брачной ночи (в стихотворении «Змея-жених»).

Название стихотворения «Башня ни на небе, ни на земле» тождественно названию народной сказки², где присутствует мотив змея-любовника в подтексте. Это вид рассказа о третьем брате, спасающем сестру от змея-похитителя. Речь идёт об устной сказке, «связывающей между собой впечатляющие картины перемещения героя из этого в тот свет, представленный витающей в облаках башней» [11, с. 52]. В этом стихотворении субъект повествования определяет себя в «грозовом и покрытом облаками» пространстве, а значит, в воздушной сфере, там, где находится башня в упомянутой сказке. В народной сказке рисуется картина благополучной жизни. В отличие от сказки, в стихотворении поэтическое пространство не отличается идиллией и спокойствием. Даже наоборот: «Я стою на башне ни на небе, ни на земле, / там, где грозы и облака». Трагизм поэтического субъекта, его непринадлежность этому миру выражены желанием убежать прочь («взлететь в небо» или «броситься в пропасть»).

Затем следуют стихи с мотивом прихода змея-любовника. Женщину посещает змей («к полуночи прилетает змей огненный»), портретируемый в духе народных преданий как сочетание неоднородных элементов («наполовину вихрь, наполовину человек и пламя»). Он заставляет её подчиниться ему и заплести его волосы («И принуждает, чтобы от метеоров и молний / Избавила его

² См.: Караджич В. С. Сербские народные рассказы. – Белград: Нолит, 1975. – С. 11.

заплетённые волосы»¹). Мотив перебирания волос змея появляется ещё в народной сказке. После нежданного ночного визита змея-женщина чувствует себя бессильной, неготовой к действию («Без крыльев, чтобы в небо взлететь / Без воли, чтобы в пропасть броситься»).

Очевидно, что вводная часть стихотворения содержит в себе уже известные элементы сербской мифологии, касающиеся змеев как солярных божеств. Всем известно, что змеи живут в облаках или в горах; что они охотно берут в любовницы красивых и молодых женщин, которых навещают по ночам; что они, как правило, истощают силы женщин, после чего женщина становится «тоскливой, унылой, бледного и нахмуренного лица» («Царица Милица и Ястребацкий Змей»²). Вступление в любовную связь змея с женщинами может происходить по эротическим соображениям или, чаще, по причинам высшего промысла – с целью рождения героя со сверхчеловеческой силой.

Перелагая миф о змее-любовнике, Десанка Максимович в своём стихотворении отклоняется от эротического мотива, возникающего между змеем и женщиной. Эротизм женского поэтического субъекта направлен к уже знакомому мужчине. В последней строфе она позиционирует его как своего спасателя:

Ты, пребывающий теперь в небе,
В каком-то вселенном здании,
Если ты меня до сих пор помнишь,
Прилетай на заре
И укради меня с башни³.

Функцию младшего брата-спасателя из народной сказки «Башня...» здесь исполняет безымянный мужчина, пришедший не с земли, а с небесной сферы. Будучи таким, он не является простым человеком, то есть он не живой. Таким образом, эротический мотив сублимируется в мотив грусти женщины по мёртвому возлюбленному.

Вызволнение девушки из плена в сказке ведёт к осмыслению жизни в любви, то есть в браке между спасателем и любимой женщиной. Заточение девушки в башню, чердак или клетку можно считать обрядом инициации, ведь её жизнь в плену представляет

собой своего рода форму подготовки невесты к браку. В этой башне/чердаке/клетке девушка временно проживает до тех пор, пока не явится жених, чтобы брать её замуж и увести её из дома [15, с. 174].

Свадьбе как центральной части одноимённого обряда предшествует одаривание невесты, и это является ключевым мотивом стихотворения «Дары». Женский субъект обращается к дорогому, любимому человеку, который навещает её не в светлое время суток, а по ночам. По народным поверьям, ночь – время передвижения демонов и душ умерших, поэтому время визита любимого указывает на его хтонические черты. Цель его визита – одаривание, и это является хорошо известным мотивом из народных преданий в связи со свадебным обрядом. Вместо яблока⁴ любимый здесь одаривает свою избранницу даром, вынутым «из-за пазухи»:

Несколько Вечерниц,
Пучок Млечного Пути
И веточку Волосынь⁵.

Вечерница – народное название планеты Венеры. Здесь подчёркнута её связь с вечером, то есть преддверием ночи. В этномифологии Млечный Путь – дорога, по которой святой Иоанн, крёстный отец Иисуса, провожает души на тот свет. Н. Нодилю [9] привязывает Волосыни к славянскому богу скота Велесу, который также был богом душ. Итак, у всех даров ярко выражена хтоническая символика. Такая особенность даров соответствует главенствующему в мире сборника хтоническому принципу.

Стихотворение «Змея-жених» рисует свадебный обряд. Речь идёт о широко известном мотиве заключения брака со сверхъестественным существом, описанию которого посвящена обширная научная литература [8, с. 76–101]. У всех народов ещё во времена средневековья появились разновидности сказок о браке с существом, у которого ночью один вид, а днём – уже другой. Помимо сказок, такой мотив проявляется в песнях [7, с. 628]. Фабула народной песни в своих главных чертах совпадает

⁴ «Яблоко из-за пазухи» в преданиях южных славян считается знаком любви: парень и девушка, обменявшиеся яблоками, таким образом проявляют взаимосимпатию. Яблоко играло значимую роль в свадебных обрядах славян. Будущий жених был должен неоднократно одаривать девушку яблоком: в первый раз при сватании, а во второй раз одаривал её вместе с монеткой при обручении. Обручение ещё называли «яблоком». Предложенное девушке яблоко становилось гарантией её согласия на брак.

⁵ Максимович Д. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Белград: Задужбина Десанки Максимович, 2012. – С. 561.

¹ По народному поверью, змей, когда летает ночью, оставляет за собой огненный след в небе («когда летает, из него сыпется огонь» и «от его кожи сверкают искорки»). См.: [1, с. 59].

² См.: Караджич В. С. Сербские народные песни: в 4 т. Т. 2. – Белград: Нолит, 1975. – С. 162.

³ Максимович Д. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Белград: Задужбина Десанки Максимович, 2012. – С. 552.

с народной сказкой (желание родителей иметь потомство; рождение змеи, её взросление; желание змеи жениться; сватание; появление заданий-препятствий для змеи; свадьба; первая брачная ночь и превращение змеи в прекрасного молодого человека, попытка матери расколдовать жениха путём сожжения чешуи), за исключением завершительной части. Стихотворение заканчивается трагично: смертью жениха; сказка же имеет счастливый конец, и это соответствует законам жанра.

Десанка Максимович не восстановила известный фольклорный сюжет, а отдельные его мотивы она транспонировала в оригинальное лирическое стихотворение. Её стихотворение начинается под знаком мотивов, присущих и народной песне, и рассказу: змея-жених ночью превращается в любимого:

Ночью змея-жених
С двумя ледяными зеницами
Гнездится в моём сердце;
Но вдруг откуда-то от лучины
Сверкнёт лёгонькая искорка
И сожжёт змеиную чешую,
Чтобы рядом со мной ты заменил её¹.

Последующие стихи доносят до нас мотив свадьбы, известный также в народных творчески осмысленных вариантах темы змеи-жениха. Свадьба в сербских народных песнях² и рассказах³ представлена лаконично, а значит, там не показаны некоторые элементы обряда. Мотив свадьбы в «Змея-женихе» Десанки Максимович не имеет своего подтекста, но имеет его в сербской этномифологии. Здесь речь идёт о свадьбе, более известной в народе как «свадьба мертвецов». По народным поверьям, тот покойник, который не успел выполнить все предусмотренные обществом обязательства, в том числе и заключение брака, выполняет это обязательство условно: с помощью ритуала свадьбы мертвецов. Только по совершении этого ритуала его душа сможет спокойно перейти в хтонический мир. По аналогии с этим народным поверьем, мотив свадьбы в стихотворении обретает ярко выраженные хтонические черты – вместо дня обряд совершается ночью:

Ты берёшь меня ласково за руку,
И словно лунатики мы идём

¹ Максимович Д. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Белград: Задужбина Десанки Максимович, 2012. – С. 558.

² См.: Караджич В. С. Сербские народные песни: в 4 т. Т. 2. – Белград: Нолит, 1975. – С. 35, 41.

³ См.: Караджич В. С. Сербские народные рассказы. – Белград: Нолит, 1975. – С. 46, 48.

На свадьбу⁴.

Все этапы свадебного ритуала по отношению к обычаям, действующим в подлунном мире, следует принимать со знаком минус. Свадьба происходит в демоническом хронотопе – в тёмном-тёмном лесу⁵. Немым свидетелем свадебного ритуала становится луна, в мифологии часто символизирующая умерших. Свадебный хоровод имеет хтонический признак: его водят «ночные птицы и змеи-женихи». Сам жених обладает ужасающими чертами («Ты пляшешь рядом со мною, / Бледной от луны и боли»⁶).

В отличие от народной сказки, у которой счастливый конец, а также и от народных песен с трагическим финалом, в творческой транспозиции Десанки Максимович по приходу домой жених, перешагнув порог, снова реинкарнируется в змею:

Но ты так же, как и вчера,
Сделав только первый шаг у порога,
Превращаешься в змею-жениха⁷.

Если смотреть в аспекте литературной традиции, такой финал совпал бы с отправной точкой демонологических преданий, по законам жанра которых за демоном всегда сохраняется преимущество, а человек неминуемо остаётся в проигрыше. Повторным превращением жениха в змею он ещё раз подтверждает свою принадлежность хтоническому миру⁸. Стихотворение заканчивается той же картиной, с которой оно и началось. Её кольцевая композиция подтверждает безысходное положение, вечное застревание женского субъекта в промежуточном пространстве, и об этом многие стихотворения сборника.

Смерть как очередной этап в ряде обрядов перехода появляется в нескольких стихотворениях сборника. Здесь так же задействован мифологический мотив жертвоприношения, связанный с культом мёртвых. Его можно найти в подтексте нескольких стихотворений сборника. К этому аспекту

⁴ Максимович Д. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Белград: Задужбина Десанки Максимович, 2012. – С. 558.

⁵ Символика горы/леса как топоса в народной поэзии чётко зафиксирована. Гора – хтоническое пространство и естественный театр действий для бесов. См.: [3, с. 54].

⁶ Максимович Д. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. – Белград: Задужбина Десанки Максимович, 2012. – С. 558.

⁷ Там же.

⁸ Преображение жениха происходит на пороге дома – своеобразной границе между двумя мирами. По поверьям сербов, порог дома является местом, где обитают души покойников.

исследования подходит стихотворение «Видение». Оно содержит известные в народных преданиях элементы культа мёртвых. Там покойник похоронен сходным с египетскими фараонами образом – вместе со всеми атрибутами, которыми он владел на этом свете. Ему в могилу укладывали все необходимое: еду, напитки, предметы; ведь в них покойник, согласно поверьям, больше всего нуждается. Кроме перечисленного, «возле головы» положили его «любимую птицу», которая встретит его в том свете со своим причитанием. Речь идёт о «чёрной птице-певице», что соответствует данным из древних сербских грамот, согласно которым, хтоническим демонам приносили в жертву животных и птиц, преимущественно чёрного цвета [14, с. 138]. «Хрустальный свадебный бокал», который в стихотворении использован в качестве предмета, принесённого в жертву, для его владельца имеет сакральный характер. По своему назначению он напоминает «молитвенную чашу», используемую при свадебных ритуалах у сербов. Формально говоря, это стихотворение спето от второго лица в виде прямого обращения к покойнику так же, как и в случае с народным причитанием.

Рождению как очередному в ряде обрядов перехода посвящается произведение говорящего названия – «Рождение стихотворения». Рождение стихотворения – долгий и трудоёмкий процесс, и в этом оно похоже на этап отделения (сепарации) во всех обрядах перехода («Не родится никак стихотворенье, / Хоть и вышли сроки / От сердца ему оторваться»). «От сердца» в фольклоре ведут происхождение только высшие ценности. Как только оно оторвётся от своего автора, судьба стихотворения становится совсем непредсказуемой: «Как будто при рождении ребёнка / Одновременно / Богиня Жива и Парки слетаются к роженице». Славянская богиня плодородия и весны Жива вместе с античными Парками, прилетающими по поводу рождения ребёнка, чтобы определить его судьбу, здесь играют роль мифических

Мойр или некоего Усуда¹ из народных преданий.

Заключение. В статье мы пришли к выводу, что интертекстуальная связь стихов сборника с традицией очень сильная. На глубинную структуру стихотворений сказываются мотивы, представления и герои, известные сербскому фольклору. Пространство «Ничьей земли» равняется существующему в народных сказках пространству. В нём жизнь происходит по правилам хтонического мира, каким его видит славянская мифология. В отдельных стихотворениях сборника («Предупреждение») можно узнать мотивы народных лирических песен, записанных Вуком Караджичем. По народным сказкам, балладам и сербским былинам мы знакомимся с мотивами змея-любownika и змея-жениха, автором стилизованными и согласованными с концепцией своего сборника (см. стихотворения «Змея-жених», «Башня ни на небе, ни на земле»). Отдельные этапы свадебного, похоронного и родильного обрядов, известные в сербской мифологии и народных обрядово-бытовых песен, нашли своё отражение в стихотворениях этого сборника (см. стихотворения «Дары», «Видение», «Рождение стихотворения»). Спокойствие и стоицизм лирического субъекта в отношении к смерти соответствует народным традициям, связанным со сменой мира обитания как продолжением жизни, только в другой форме².

Подводя итоги исследования, приходим к выводу, что сборник «Ничья земля» можно читать как палимпсест. Предания (фольклор, миф) послужили Десанке Максимович уникальным поэтическим тезаурусом, из которого она черпала темы, мотивы, картины сообразно целям своих текстов. Её литературный труд можно трактовать как новую интерпретацию фольклорного наследия. Поэтесса оставляет в литературе узнаваемый след как автор реинтерпретирующий, ресемантизирующий, сохраняющий отечественную литературную связь времён и спасающий народную мифологическую традицию.

Список литературы

1. Антологија говорних народних умотворина / ред. М. В. Кнежевић. Нови Сад; Београд: Матица српска-СКЗ, 1972. 320 с.
2. Бахтин М. О роману / пер. Александар Бадњаревић. Београд: Нолит, 1989. 476 с.
3. Ван Генеп А. Обреди прелаза. Систематско изучавање ритуала / пер. Јелена Лома. Београд: СКЗ, 2005. XL, 241 с.

¹ В сербском языке усуд – судьба, рок, участь

² «Иной свет в сербских поверьях служил отражением событий в этом свете. Смерть означала всего лишь смену места проживания и уход в какой-то другой мир, похожий на этот. Особенного страха от смерти не было, потому что человек считал её неминуемой, которая придёт к каждому. Уход в смерть протекал спокойно, особенно если она была лёгкой. Лёгкий переход в мир вечности был даже желателен». См.: [4, с. 168].

4. Детелић М. Урок и невеста. Београд: САНУ, 1996. 232 с.
5. Зечевић С. Српска етномиологија. Београд: Службени гласник, 2008. 1078 с.
6. Јуван М. Интертекстуалност. Нови Сад: Академска књига, 2013. 323 с.
7. Крстић Б. Индекс мотива народних песама балканских Словена. Београд: САНУ, 1984. XXL, 672 с.
8. Милошевић-Ђорђевић Н. Заједничка тематско-сижејна основа српскохрватских неисторијских епских песама и прозне традиције. Београд: Филолошки факултет, 1971. 396 с.
9. Нодило Н. Стара вјера Срба и Хрвата. Београд: Тодра, 2003. 346 с.
10. Павловић М. Огледи о народној и старој српској поезији. Београд: СКЗ, 1993. 288 с.
11. Пешић Р., Милошевић-Ђорђевић Н. Народна књижевност. Београд: ИРО «Вук Караџић», 1984. 298 с.
12. Раденковић Љ. Символика света у народној магији Јужних Словена. Београд: САНУ, 1996. 386 с.
13. Самарџија С. Поетика усмених прозних облика. Београд: Народна књига, 1997. 249 с.
14. Српски митолошки речник / Ш. Кулишић [и др.] Београд: Нолит, 1970. XXI, 317 с.
15. Станковић-Шошо Н. Топос пута у српској народној бајци. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2006. 293 с.
16. Толстој С. М., Раденковић Љ. Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд: Zepter Book World, 2001. XXXV, 593 с.

Статья поступила в редакцию 28.04.2020; принята к публикации 15.06.2020

Сведения об авторе

Снежана Пасер-Илич, старши преподаватељ, асистент, Нови-Пазарски универзитет; 36300, Србија, г. Нови-Пазар, ул. Вука Караџића б/н; е-mail: snezana131377@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1645-9580>.

Библиографическое описание статьи

Снежана Пасер-Илич. «Ничья земля» Десанки Максимович в свете теории интертекстуальности // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 53–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-53-61.

References

1. Knezevic, M. V., editor. The Anthology of Oral Folk Wisdoms, Novi Sad, Belgrade: Matica Srpska-SKZ, 1972. (In Serb.)
2. Bakhtin, M. About the Novel, translated by Aleksandar Badnjarevic. Belgrade: Nolit, 1989. (In Serb.)
3. Van Genep, A. Rituals of Transition. Systematic Study of Ritual, translated by Jelena Loma. Belgrade: SKZ, 2005. (In Serb.)
4. Deletic, M. The Spell and the Bride. Belgrade: SANU, 1996. (In Serb.)
5. Zecevic, S. The Serbian Mythology. Belgrade: Sluzbeni Glasnik, 2008. (In Serb.)
6. Juvan, M. Intertextuality. Novi Sad: Akademska knjiga, 2013. (In Serb.)
7. Krstic, B. Index of Motives in Balkan Slavic Folk Poems, Belgrade: SANU, 1984. (In Serb.)
8. Milosevic-Djordjevic, N. Common Thematic-Contents Basis of the Serbian-Croatian Non-historical Epic Poems and Prose Tradition. Belgrade: Faculty of Filology, 1971. (In Serb.)
9. Nodilo, N. The Old Religion of Serbs and Croats. Belgrade: Todra, 2003. (In Serb.)
10. Pavlovic, M. "The Dear Stired the Water". Essays On Folk And Old Serbian Poetry. Belgrade: SKZ, 1993. (In Serb.)
11. Pesic, R., Milosevic-Djordjevic N. Folk Literature. Belgrade: IRO "Vuk Karadzic", 1984. (In Serb.)
12. Samardzija, S. Poetics of Oral Prose Forms. Belgrade: Narodna knjiga, 1997. (In Serb.)
13. Stankovic-Soso, N. The Topo of The Road in Serbian Folk Fairy Tale. Belgrade: Society of Serbian Language and Literature, 2006. (In Serb.)
14. Kulisic, S. et al. Dictionary of Serbian Mythology. Belgrade: Nolit, 1970. (In Serb.)
15. Tolstoj, S. M., Radenkovic, Lj. Slavic Mythology. The Encyclopedic Dictionary. Belgrade: Zepter Book World, 2001. (In Serb.)

Received: April 28, 2020; accepted for publication June 15, 2020

Information about author

Snezana Paser Ilic, senior teacher, assistant, State University of Novi Pazar; b/n st. Vuk Karadzic, Novi Pazar, 36300, Serbia; e-mail: snezana131377@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1645-9580>.

Reference to the article

Snezana Paser Ilic. "Nobody's Land" by Desanaka Maksimovic in the Light of the Intertextuality Theory // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 53–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-53-61.

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

LINGUISTIC AND CONCEPTUAL WORLDVIEW

УДК 1751

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-62-69

Косар Салими Абдолмалеки,
Боджнордский университет
(г. Боджнорд, Иран),
e-mail: k.salimi@ub.ac.ir

Наргес Аштиани,
кандидат филологических наук,
Университет им. Алламе Табатабаи
(г. Тегеран, Иран)
e-mail: ashtianinarges60@gmail.com

Концепт «собака» в пословицах и фразеологизмах русского и персидского языков

В данной работе изучаются способы актуализации концепта «собака» в русской и персидской языковых картинах мира, в том числе в аспектах лексической, культурной, метафорической и религиозной актуальности зооморфизма «собака» в русской и иранской лингвокультурах. Цель работы – сравнить признаки концепта «собака» в русской и персидской языковых картинах мира. В задачи исследования входит обобщение данные о репрезентации и дефинициях слова «собака» в толковых словарях изучаемых языков; анализ образа собаки в русских и персидских пословицах и фразеологизмах. Актуальность работы состоит в обращении к этому зооморфному концепту с позиций сравнения и определения принципов актуализации когнитивных признаков концепта «собака» в пословицах и фразеологизмах в русском и персидском языках, рассмотрении общих и специфических характеристик этого концепта, а также взглядов русского и иранского народов на это животное в двух лингвокультурах. Предметом исследования избраны пословицы и фразеологизмы русского и персидского языков с компонентом «собака». Объект исследования – концепт «собака» в русском и персидском языках. Языковой материал для исследования был собран из толковых словарей и сборников паремий. Каждая пословица и фразеологизм подвергается тщательному разбору, проводится их классификация. Научная новизна исследования заключается в сопоставительном изучении концепта «собака» в двух лингвокультурах: русской и персидской. В современной лингвистической литературе подобных исследований ещё не проводилось. В результате проведённого анализа было отмечено как положительное, так и негативное отношение к собакам в обеих лингвокультурах. Человек наделяет собаку качествами верности и преданности, с другой стороны – агрессивности и малоценности. В двух культурах – русской и иранской – существуют разные суеверия, поверия и предрассудки, связанные с этим животным. Полученные результаты исследования имеют прикладное значение. Они могут найти применение в лингводидактике, в частности при преподавании русского языка как иностранного в вузах Ирана, а также в курсах лексикологии и лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт, пословица, фразеологизм, лингвокультура, компаративистика, языковая картина мира

© Абдолмалеки К. С., Аштиани Н., 2020

Kosar Salimi Abdolmaleki,
University of Bojnord
(Bojnord, Iran),
e-mail: k.salimi@ub.ac.ir

Narges Ashtiani,
Allameh Tabataba'i University
(Tehran, Iran),
e-mail: ashtianinarges60@gmail.com

The Concept of “Dog” in Proverbs and Phraseological Units of the Russian and Persian Languages

This study examines some ways to actualize the concept of “dog” in Russian and Persian language pictures of the world, including the aspects of lexical, cultural, metaphorical and religious relevance of zoomorphism “dog” in Russian and Iranian linguistic cultures. The goal of investigation is to compare the features of the concept of “dog” in Russian and Persian language pictures of the world. Research objectives: 1) to summarize data on the representation and interpretation of the word “dog” in the explanatory dictionaries of the languages studied; 2) to analyze the images of the dog in Russian and Persian proverbs and phraseological units. The relevance of the work consists in referring to this zoomorphic concept from the standpoint of comparing and defining the principles of updating the cognitive characteristics of the concept of “dog” in proverbs and phraseologisms in Russian and Persian, examining the general and specific characteristics of this concept, as well as the views of Russian and Iranian people in relation to this animal in two linguistic cultures. Chosen proverbs and phraseological units of the Russian and Persian languages with the “dog” component are the subject of the study. The object of study is the concept of “dog” in Russian and Persian.

The language material for the study was compiled from explanatory dictionaries and collections of proverbs. Each proverb and phraseological unit is subjected to careful analysis, their classification is carried out. The scientific novelty of the study is a comparative study of the concept of “dog” in two linguistic cultures: Russian and Persian. Such studies have not yet been conducted in modern linguistic literature. As a result of the analysis, both a positive and negative attitude towards dogs was noted in both linguistic cultures. On the one hand, a person endows the dog with the positive qualities of fidelity and devotion, on the other hand, with aggressiveness and low value. In two cultures – Russian and Iranian – there are different superstitions, beliefs and prejudices associated with this animal. The obtained research results are of applied value. They can find application in linguodidactics, in particular, when teaching Russian as a foreign language at Iranian universities, as well as in lexicology and linguocultural courses.

Keywords: concept, proverb, phraseologism, linguistic culture, comparative studies, linguistic picture of the world

Введение. Концепт является предметом изучения разных наук: философии, логики, психологии, социологии, лингвистики и др. В русской лингвистической школе термин «концепт» является ключевым с начала XX века. С. А. Аскольдов-Алексеев в своей статье описывает концепт так: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода. <...> Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий» [1, с. 30–31]. Исследование концептов привело к появлению отдельного лингвистического направления в лингвистике – лингвокультурологии. Лингвокультурология, по определению В. Н. Телия, это «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [14, с. 217].

Концепты сосредоточены в сознании человека, они аккумулируют универсалии и общие идеи, сохраняют элементы языковой

картины мира, в них отображается мораль и этика разных этносов. В структуре любого концепта существует граница, внутри которой находится множество накопленных в памяти ассоциаций как обобщение личного, научного, социального, исторического опыта человека. В. И. Карасик рассматривает концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [8, с. 59]. Концепт – это «квант переживаемого знания» [Там же, с. 361].

Пословицы и фразеологизмы – квинт-эссенция знаний народа о мире, в котором он живет. Знакомство с пословицами любого народа помогает не только хорошо овладеть иностранным языком, но и лучше понимать особенности мышления и черты характера народа. Пословицы и фразеологизмы всегда играли важную роль в речи. Они делают речь выразительной и яркой. По словам В. О. Ключевского, «паремия – это бытовая логика народа. Паремия касается крестьян-

ского мировоззрения и труда, который сопровождается обильным цитированием» [9, с. 56]. Паремнологический фонд языка – кладезь мудрости народа. «Содержание пословиц и поговорок специфично, так как они реагируют на все явления действительности, отражая жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, передавая социальные, философские, бытовые, религиозные, морально-этические и эстетические народные взгляды» [2, с. 22]. Паремии позволяют точнее и детальнее описать языковую картину мира. Каждая паремия была создана на основе конкретного события и их выбор является целенаправленным и в соответствии с вербальным и невербальным контекстом, поэтому они также различаются по предмету. М. Моиноддини пишет: «В общей классификации пословицы могут быть классифицированы в зависимости от предмета следующим образом: религия, образование и обучение, религия, политика, властолюбие, эмоция, мораль, семья, общество и т. д.» [10, с. 38]

Под языковой картиной мира понимается зафиксированная специфическая в языке и для данного языкового коллектива схема восприятия действительности [20]. В исследовании языковой картины мира объектом изучения выступают разные языковые средства: как лексические, словообразовательные, грамматические, так и фразеологизмы и пословицы. «Языковая картина мира характеризуется тем, что способ концептуализации действительности включает как универсальные, так и национально-специфические для каждого языка компоненты» [3, с. 350–351].

Фразеологические единицы являются одним из манифестантов национально-го сознания в языковой картине мира, они привлекают внимание лингвистов с точки зрения лингвокультурологии [5; 7; 12; 16; 17]. Обращение к фразеологизмам и пословицам позволяет заметить стереотипы относительно определённых фрагментов мира.

Пословицы и фразеологизмы с зоонимическим компонентом ярко представляют номинативные и метафорические значения. По словам Э. Л. Тауковой, «являясь экстралингвистической базой лексикологического анализа, фауна находит, таким образом, свое специфическое отражение в языке, формируя его фаунистическую (зоосемическую) лексическую подсистему» [13, с. 1]. В своей работе «Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование» А. А. Ги-

мадеева пишет, что между неродственными языками тоже существует общие моменты в функционировании фразеологизмов и пословиц, в связи с чем «во фразеографии татарского и английского языков наблюдаются общие тенденции лексикографического описания фразеологических единиц с компонентом-зоонимом. В частности наблюдается схожая дефиниционная презентация их значения» [6, с. 33]. В современной научной литературе большое количество исследований посвящено наблюдению человека за животными и мультифункциональностью образов представителей животного мира [3, с. 203]. Например, в Коране есть в 194 стихах и 57 сурах упоминание 40 животных, в Евангелии от Матфея 16 раз и в Евангелии от Иоанна 7 раз называются чаще овцы, рыбы, волки, ослы [19, с. 26].

Ванг Зан Рунг в своей работе «животные в персидских и китайских пословицах» пишет: «Пословицы являются одной из форм языка, которые несут не только исторические истории и древние мифы, также отражают обычаи, религии и образ мышления нации. Люди двух стран, не имеющие базовых знаний и не знакомых с культурой друг друга, с трудом понимают литературные произведения друг друга и тяжело общаются с людьми другой страны» [4, с. 27]. Далее автор исследуя китайские и персидские пословицы, особенно некоторые случаи, связанные с животными, выявляет причину различия в прикладном значении животных в двух культурах: «Первая группа – животные, которые живут в реальном мире, как змеи, тигры, львы и лошади; вторая группа – животные, которые в природе нет их, и только воображение людей древних времён создало их; как дракон» [Там же].

Методология и методы исследования. Избранный для анализа предмет исследования предполагает использование дескриптивного, концептуального, сопоставительного методов исследования пословиц и фразеологизмов русского и персидского языков с компонентом «собака».

Предваряя анализ языкового материала, обратимся к толковым словарям. В русском языке у лексемы «собака» отмечены переносные значения: «о злом, грубом человеке (*разг.*)» и «знаток, ловкий в каком-нибудь деле человек (*прост.*)»¹. В «Словаре русской ментальности» относительно этого

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка – URL: Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29534> (дата обращения 13.05.2020). – Текст: электронный.

животного указывается следующее: «служебное домашнее животное, годное для охраны, охоты и развлечений, как символ верного друга и одновременно нечистого изгоя. Собака олицетворяет такие добродетели человека, как верность, бдительность, привязанность, искренность и послушание; в то же время может обернуться псом и проявить злость (*собачиться*), жёсткость, мстительность, похоть – то есть дикие, звериные качества своего предка, волка»¹. По мнению А. Шарифмогадда, «собака в ларийском диалекте, который является одним из иранских диалектов, обозначает нечистоту, подлость, бесстыдного человека, бездельника, дармоедство и верность». Интресено, что наряду много негативных характеров существует только один положительный характер [18, с.147].

Материал данного исследования был отобран путём сплошной выборки из словарей пословиц и поговорок персидского и русского языков². Количество пословиц с лексемами «собака» и «пёс» в русском языке – 36 единиц (например: *Собака лает – ветер носит; Как собака голоден*) и в персидском языке – 90 единиц. Как видно из приведенных показателей, в персидских пословицах и фразеологизмах образ собаки более распространён и чаще он негативен: *پسته سگ به روی کتک شایور لب گس تسوپ* (puste sag be ruwash keshide, дословно – «Собачью шкуру на лицо надел», что говорит об отсутствии стыда и совести у кого-либо); *منال لب ددام گس* (sage madde be lane shir ast, дословно – «Сука в своей конуре – лев», что означает: каждый человек в своей доме считается хозяином) и др.

Причина наличия большого количества пословиц и фразеологизмов с компонентом «собака» в исследуемых языках объясняется тем, что собака считается первым животным, которое приручили люди. Долгие века собака живет по соседству с человеком, охраняя его дом, защищая его семью, помогая ему в охоте, то есть является истинным его попутчиком в жизни, играющим важную роль в быту и промыслах.

О. Н. Трубачев в работе «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» отмечает, что «собака» является почти везде первым древнейшим домашним животным», она «сблизилась с челове-

ком как паразит, поедавший отбросы около человеческих стоянок. Таково было начало взаимоотношений человека с собакой. Но у индоевропейцев сохранились также вплоть до появления письменных памятников, а в ряде случаев до наших дней ясные следы религиозной роли собаки как животного, окружаемого высокими почестями, неприкосновенного, наделенного божественной силой» [15, с. 5]

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Анализ лексико-семантических и лингвокультурных особенностей пословиц и фразеологизмов с компонентом «собака» в русском и персидском языках привел к следующим результатам:

1. Лексема *собака* используется для актуализации признаков человеческих качеств и морали. Первые ассоциации при слове «собака», которые возникают у иранцев, связаны с низкими поступками, конфликтами, ссорами, раздорами и т. д. Например, в персидском языке о людях, с дурным характером и всегда раздражённых, говорят: *راه گس لشم* (mesle sage har), что дословно означает «как бешеная собака», так говорят о злом человеке. В русском языке, давая характеристику качества общения с человеком, который ссорится, раздражённо общается, используют глаголы (*об)лаять, свариться*, предполагающие сему «собака».

Человек зачастую не объективно характеризует тех, что всегда ему помогает: «Самые обидные характеристики люди выбирают из числа названий домашних животных, покорно и преданно служащих человеку тысячелетия. Наверное, самые существенные недостатки лучше всего познаются тогда, когда с живым существом – безразлично, животным или человеком, – живёшь и трудишься бок о бок» [11, с. 108]. Примером из русского языка может служить фразеологизм *Вешать собак (на кого-либо)*, который означает «возводить необоснованные обвинения, клеветать, перекладывать вину на кого-либо».

Большинство русских и персидских пословиц и фразеологизмов с ключевым компонентом «собака» выражают негативные особенности человека, такие как жадность, зависть, скупость. Рассмотрим некоторые русские пословицы, в которых отражаются эти смыслы: *Богат, как Крез, а живёт, как пёс; Как собака на сене лежит: и сама не ест и другим не даёт*. Эквивалентом этого фразеологизма в персидском языке явля-

¹ Колесов В. В., Колесова, Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности, гл. ред. А. В. Голубева. – СПб.: Златоуст, 2014. – С. 279.

² Курогли Х. Персидско-русский словарь пословиц и поговорок. – Тегеран: Гутенберг, 1992. – 615 с.

ется *دندروخ نارگی درازیم من، دروخ یم شدوخ من* (na khodash mikhorad, na mizare digaran bokhorand), который дословно совпадает с русским вариантом: «И сама не ест и другим не даёт». Следует обратить внимания на то, что в персидском варианте слово «собака» не используется, а смысл передаётся через сочетание других лексем.

2. Лексема *собака* встречается в собранном материале для обозначения человека, который приобрёл большой опыт, основательные знания в чем-либо, стал мастером в каком-либо деле. У русского народа есть фразеологизм *Собаку съел*, которое обозначает «приобрести большое искусство, значительный опыт в чём-нибудь; быть мастером чего-либо». Иранцы в этом случае говорят *مدش ی عفا ات دروخ رام ردقن آ* (anghadar mar khorde ta afiee shode), что дословно означает: «Столько змей проглотил, что сам уже дракон» и несёт в себе отрицательную коннотацию. Здесь так же отсутствует лексема «собака», а смысл выражается с помощью других слов.

3. Во фразеологизмах, компонентом которых является сравнительная конструкция *как собака*, выражается усиление качества или свойства, которое сопровождает такое сравнение. Сравнение с собакой актуализируется разными глаголами, существительными и прилагательными, что показывает образ завершения дела или означает «сильно, абсолютно». Например: *Устал как собака* означает «очень сильно устать, до изнеможения»; *Голоден как собака* – «очень сильно проголодался», *Злой как собака* – «вредный, злобный».

В персидском языке существует большое количество фразеологизмов со сравнительным сочетанием *как собака*. Например: фразеологизм *زندنک ناج گس لشم* (mesle sag jan kandan), который буквально значит «надирать, как собака» и используется в значении «переносить тяжёлые муки». Близкий, но не идентичный смысл в русской картинной мире передаётся фразеологизмом *с собаками не сыщешь*, который говорит «о трудности в выполнении действия».

В фарси есть выражение *نسح گس لشم* (mesle sage hasan dale), которое дословно означает «как собака Хасана-Дале» (букв. Дале – бесцеремонный, наглый), так описываются: 1) «человек, сующий нос в чужие дела»; 2) «человек, который приходит без приглашения, бесцеремонный, нахальный».

Третий пример – фразеологизм *گس لشم* (mesle sage suzan khorde), бук-

вальное значение его «как собака, проглотившая иголку». Так говорится: 1) о беспокойных людях; 2) о человеке, которого мучит икота.

4. На общем фонде пословиц и фразеологизмов каждого народа сказывается влияние религии. В сравнении с Россией, в Иране существует отрицательное отношение к собакам. Её считают нежелательным и опасным существом. Истоком таких представлений является ислам. В Коране утверждается, что собака – нечистое животное. Имам Али (дбм) отмечал: «Нет ничего хорошего в содержании собаки, кроме овчарки, которая служит для охраны». Пророк ислама Мухаммад (дбмн) сказал: «В дом, где есть собака, не войдут ангелы». Высказанное авторитетное мнение отражается на культуре и образе жизни и представлениях определённого народа (здесь мы говорим об иранцах). Например, в Иране бытует пословица: *دوشن سجن گس ناهد مې اىرد بآ* (abe darya be dahane sag najes nashavad), которая буквально означает: «Море плевком собаки не станет грязным». Она используется в ситуациях, когда кто-то о других высказывается плохо.

5. Анализ пословиц и фразеологизмов двух языков показывает, что между ними есть и общие характеристики собаки: она кусает, считается символом свирепости, воплощённым образом гнева и агрессии. Например: *Бешеная собака и хозяина кусает; Ближняя собака скорее укусит; Не будите спящую собаку; Собака кусает не из корысти, а из злости*.

II. В ходе исследования были отмечены некоторые семантические особенности русских и персидских пословиц и фразеологизмов с компонентом «собака», которые зафиксированы в одной из языковых картин мира, а в другой – отсутствуют:

1. *Персидские паремии, не имеющие русских соответствий*: в персидской лингвокультуре при проявлении недостойным человеком щедрости или великодушия говорят *دشاب هچ شمشپ مک نس ی چ گس* (sag chist ke pashmash che bashad), что дословно означает: «Собака сама ничего не стоит, а шерсть её и подавно». Ещё одна пословица гласит: *دی آ وت یپ ات راد ه نسرگ ار دوخ گس* (sage khod ra gorosne dar ta peye to ayad), её буквальное значение: «Держи свою собаку голодной, чтобы она шла за тобой». Эта пословица используется в ситуации, когда кто-то жалуется на непослушание слуг или детей. Похожих пословиц в русском языке не отмечено.

2. *Персидские паремии, имеющие полные эквиваленты в русском языке*: русское выражение *жить как кошка с собакой* имеет семантический коррелят в персидском языке *مېرگ و گس لېشم* (*mesle sag va gorbe*) и отражает неуживчивость и нетерпимость двух человек.

3. *Паремии, сходные по значению, но передаются другими способами в русском и персидском языках*: персидская пословица *تسا لاغش ردارب درز گس* (*sage zard baradare shoghal ast*) дословно означает «жёлтая собака – шакалу брат», её применяют в ситуации описании кого-либо похожего на другого по каким-либо качествам, свойствам, положению. Русский фразеологизм *Два сапога – пара* передаёт такое значение, однако в составе фразеологизма лексема *собака* отсутствует. Русская пословица *С лихой (паршивой) собаки хоть шерсти клок* описывает ситуацию, когда тяжело от кого-либо получить многое и человек соглашается на получение хотя бы незначительного количества от ожидаемого. На фарси для выражения этого значения говорят *ندنک وم کى سرخ زا* (*az khers yek mu kandan ham kafi ast*), что дословно означает: «Из медведя даже волос добыча».

В русской языковой картине мира собака занимает значимое место и это обусловлено повседневной жизнью людей. В картине мира фарси собаке такого места не отведено.

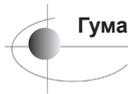
III. В русской лингвокультуре с собаками связано большое количество ассоциаций, которых в языковой картине мире фарси нет. Напомним некоторые случаи: 1) собака является символом свободы, беззаботности: *Вольно собаке на небо лаять*; 2) собакой называется жадный и скаредный человек: *Собака хватает, а сыта не бывает*; 3) собака – символ благополучной и гарантированной жизни: *Брось псу кусок, так и не лает; Собака достойна корму, какова псу кормля,*

такова его и ловля; 4) с собаками связаны некоторые суеверия: *Чёрная собака, чёрная кошка и чёрный петух в доме спасают от грозы и от вора*; 5) собака считается признаком горя, беды и огорчения: *Попала собака блохе на зуб*; 6) собака – символ счастья и удачи: *Собака есть, так палки нет, палка есть – собаки нет*; 7) собака ассоциируется с признаками молодости и старости: *Старый пёс – ни волк, ни батька, а всё тот же пёс*; 8) собака воспринимается как друг или недруг: *Волка на собак в помощь не зови; С собакой ляжешь, с блохами встанешь*; 9) соответствующее поведение собака в пословицах является предзнаменованием появления гостя (такие выражения очень похожи на народные приметы): *Куда взлаяла собака – оттуда гости; Собака перед домом катается – гости будут*.

Заключение. Таким образом, анализ русских и персидских пословиц и фразеологизмов с компонентом «собака» привел к следующим выводам: Во-первых, пословицы в обоих языках отражают разные характеристики этого животного. Например: собака лает и кусает, она жадная, неаккуратная, при этом она верный друг своего хозяина. Во-вторых, пословицы и фразеологизмы русского и персидского языков показывают общие и специфические реакции народов в отношении собаки. Во-третьих, существует множество выражений со словом *собака*, содержащих отрицательную коннотацию: собака ассоциируется с бесстыдством, неуживчивостью, нетерпимостью. В-четвёртых, слово «собака» выражает значение тяжёлых, бессмысленных и безрезультатных поступков. В-пятых, собака наряду с отрицательными коннотациями, отмеченными в русской лингвокультуре, имеет и положительные оценки, которые передаются в пословицах и фразеологизмах, описывающих человека. В таких паремиях человек предстает как умный, ловкий и знающий.

Список литературы

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. 1928. Вып. 2. С. 28–34.
2. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. М.: Академия, 2006. 367 с.
3. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
4. Ванг Зан Р. Животные в персидских и китайских пословицах // Журнал критических исследований литературы. 2014. Вып. 2. С. 11–30.
5. Воробьева Л. Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: специфика образности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Псков, 2002. 251 с.
6. Гимадеева А. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20. Казань, 2011. 243 с.
7. Го Синь И. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. М., 2004. 187 с.

8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Ключевский В. О. Записные книжки. СПб.: Пропаганда, 2003. 157 с.
10. Моиноддини М. Анализ социальных тем пословиц в Кермане. Керман: Центр кермановедения, 2002. 164 с.
11. Мокиенко В. М. Вглубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М.: Азбука-классика: Авалонь, 2005. 256 с.
12. Сунь И. Синонимия русских фразеологизмов в сопоставлении с семантическими аналогами китайского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1998. 189 с.
13. Таукова Э. Л. Сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и английского языков в функционально-параметрическом отображении (на материале анималистической фразеологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2004. 15 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
15. Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: АН СССР, 1960. 116 с.
16. Тянь Ц. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2001. 214 с.
17. Чжэн Г. Фразеология тела в русском языке глазами носителя китайской лингвокультуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2013. 178 с.
18. Шарифмогаддам А., Надими Н. Семантический анализ использования названий животных в пословицах диалекта лар // Академическое письмо. 2013. Вып. 2. С. 137–159.
19. Шарифмогаддам А., Назари Робати Ф. Сравнение семантической роли животных в священных книгах Корана и Евангелия от Матфея и Иоанна с акцентом на «значимость» и «субъективность» // Знание религий. 2018. Вып. 4. С. 25–41.
20. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1/3. С. 34–48.

Статья поступила в редакцию 04.03.2020; принята к публикации 10.05.2020

Сведения об авторах

Косар Салими Абдолмалеки, кандидат филологических наук, Боджнордский университет; 9453155111, Иран, Хорасан Шомали, г. Боджнорд; e-mail: k.salimi@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>.

Аштиани Маджабади Кохнех Наргес, кандидат филологических наук, Исламский университет «Азад»; 14676, Иран, г. Тегеран, площадь Санат, улица Симайе Иран; e-mail: ashtianinarges60@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4446-040X>.

Вклад авторов в статью

Салими К. Абдолмалеки – основной автор, является организатором исследования: формулировка выводов и обобщение итогов реализации коллективного проекта.

Н. Аштиани – систематизация и анализ материала исследования.

Библиографическое описание статьи

Салими Абдолмалеки К., Аштиани Н. Концепт «собака» в пословицах и фразеологизмах русского и персидского языков // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 62–69. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-62-69.

References

1. Askoldov-Alekseev S. A. Concept and word. Russian speech. New episode, issue II, pp.28–34, 1928. (In Rus.)
2. Alefirenko, N. F. Theory of language. Introductory course. M: Academia, 2006. (In Rus.)
3. Apresyan, U. D. Integral language description and systemic lexicography. Izbrannie trudi: in 2 vol. Vol. 2. M: Shkola "Yaziki russkoi kulturi", 1995. (In Rus.)
4. Vang Zan R. Animals in Persian and Chinese Proverbs. Journal of Critical Literature Studies, issue 2, pp. 11–30, 2014. (In Persian)
5. Vorob'eva L. B. Russian stable comparisons in comparison with Lithuanian (specificity of imagery). Cand. sci. diss. Pskov, 2002. (In Rus.)
6. Gimadeyeva, A. A. Phraseological units with a component-names of animals in the Tatar and Russian languages and their lexicography. Cand. sci. diss. Kazan, 2011. (In Rus.)
7. Go Sin E. The corporal code in Chinese phraseology and its Russian correspondence. Cand. sci. diss. Moscow, 2004. (In Rus.)

8. Karasik, V. E. Language circle: personality, concepts, discourse. M: Gnozis, 2004. (In Rus.)
9. Kliuchevski V. O. Notebooks. Saint Peterburg: Propaganda, 2003. (In Rus.)
10. Moienoddini, M. Analysis of social themes of proverbs in Kerman. Kerman: Kerman Studies Center, 2002. (In Persian)
11. Mokienko, V. M. Stories about the origin of winged words and figurative expressions. M: ABC-classic; Avalon, 2005. (In Rus.)
12. Sun E. The synonymy of Russian phraseological units in comparison with the semantic analogues of the Chinese language. Cand. sci. diss. Moscow, 1998. (in Rus.)
13. Taukova, E. L. Comparative analysis of phraseological units of the Russian and English languages in functional-parametric mapping (based on animalistic phraseology). Cand. sci. diss. Moscow, 2004. (In Rus.)
14. Telia, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. M: Shkola "Yaziki russkoi kulturi", 1996. (In Rus.)
15. Trubachev, O. N. The origin of the names of pets in Slavic languages. M: AN SSSR, 1960. (In Rus.)
16. Tian, Ts. Structural and semantic features of somatic phraseological units in Russian and Chinese. Cand. sci. diss. Volgograd, 2013. (In Rus.)
17. Zheng, G. Phraseology of the body in Russian through the eyes of a carrier of the Chinese linguistic culture. Cand. sci. diss. Moscow, 2013. (In Rus.)
18. Yakovleva, E. C. To the description of the Russian language picture of the world. Russian language abroad, pp.34–48, no. 1/3, 1996. (In Rus.)
19. Sharifmogaddam, A., Nadimi, N. Semantic analysis of the use of animal names in the proverbs of the Lar dialect. Academic letter, issue 2, pp. 137–159, 2013. (In Persian)
20. Sharifmogaddam, A., Nazari Robati F. Comparison of the semantic role of animals in the sacred books of the Koran and the Gospel of Matthew and John with an emphasis on "significance" and "subjectivity". Knowledge of religions, pp. 25–41, no. 4, 2018. (In Persian)

Received: March 3, 2020; accepted for publication May 10, 2020

Information about author

Kosar Salimi Abdolmaleki, Candidate of Philology, Assistant Professor, University of Bojnord; Khorasan Shomali, Bojnord, 9453155111, Iran; e-mail: k.salimi@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-6079-0524>.

Ashtiani Majdabadi Kohneh Narges, Candidate of Philology, Islamic University "Azad"; Simaye Street Iran, Sanat Square, Tehran, 14676, Iran; e-mail: ashtianinarges60@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4446-040X>.

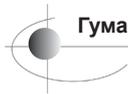
Contribution of authors to the article

K. Salimi Abdolmaleki – the main author, the organizer of the study: formulation of conclusions and generalization of the results of the implementation of the collective project.

N. Ashtiani – systematization and analysis of research material.

Reference to the article

Salimi Abdolmaleki K., Ashtiani N. The Concept of "Dog" in Proverbs and Phraseological Units of the Russian and Persian Languages // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 62–69. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-62-70.

УДК 821.512.154

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-70-78

Болотбек Мекенович Акматов,
Бишкекский гуманитарный университет
им. К. Карасаева
(г. Бишкек, Республика Кыргызстан),
e-mail: nazik131090@gmail.com

Героический эпос «Манас» и роль Мухтара Ауэзова в его популяризации

В статье описывается вклад Мухтара Омархановича Ауэзова в популяризацию кыргызского героического эпоса «Манас» и публикацию его частей в XX веке. Цель статьи – определить место известной монографии М. О. Ауэзова «Киргизский героический эпос “Манас”» в ряду работ по эпосоведению. Задачи статьи: описать исследование М. О. Ауэзова, посвященное кыргызскому эпосу «Манас» с позиций определения функций манасчи (сказитель, поэт, шаман), и сохранившийся доисламский культ предков у кыргызов; обосновать новаторство М. О. Ауэзова в аспекте кыргызоведения и манасоведения.

Актуальность работы состоит в обобщении вклада М. О. Ауэзова в кыргызоведение и манасоведение в связи с новыми тенденциями в области образования в Республике Кыргызстан, вызванными принятием в 2011 году закона «Об эпосе “Манас”». Научная новизна работы заключается в новом подходе к осмыслению трудов М. О. Ауэзова в аспекте теории ментальности, которые в литературоведческой практике мало задействованы. М. О. Ауэзову принадлежит введение в научный оборот терминов, связанных с исполнителями эпоса, – ырчи, жомокчу. Он первым описал историю кыргызских манасчи – сказителей: от современника Манаса Кельдибека до Сагымбая Орозбакова – современника М. О. Ауэзова. М. О. Ауэзов обобщил данные о манасчи и выделил их основные функции: сказитель, поэт, шаман. Учёный указал на дошедший до нас доисламский культ предков у кыргызского народа.

Ключевые слова: эпос «Манас», манасчи, доисламская тюркская духовная культура, творчество М. О. Ауэзова, ментальность, миф, тенгрианство, культ предков, кыргызская языковая картина мира

Bolotbek M. Akmatov,
Karasaev Bishkek Humanities University
(Bishkek, Republic of Kyrgyzstan),
e-mail: nazik131090@gmail.com

The Heroic Epic of Manas and Mukhtar Auevov's Role in Its Popularization

The article describes the contribution of Mukhtar Omarkhanovich Auevov to the popularization of the Kyrgyz heroic epic of Manas and the publication of its parts in the twentieth century. The purpose of the article is to determine the place of the famous monograph “The Kyrgyz heroic epic of Manas” by M. O. Auevov in a series of works on epic studies. Objectives of the article: to describe M. O. Auevov's research dedicated to the Kyrgyz epic of Manas from the standpoint of defining the functions of manaschi (storyteller, poet, shaman) and the preserved pre-Islamic cult of ancestors among the Kyrgyz; to substantiate M. O. Auevov in the aspect of Kyrgyz studies and Manas studies. The relevance of the work consists in summarizing the contribution of M. O. Auevov to Kyrgyz and Manas Studies in connection with new trends in education in the Republic of Kyrgyzstan, caused by the adoption of the Law “On the Manas Epic” in 2011. The scientific novelty of the work lies in a new approach to understanding the works by M. O. Auevov in the aspect of theory of mentality, that is practically not involved in literary practice. M. O. Auevov introduced into scientific circulation the terms associated with the performers of the epic, ырчи and zhomokchi. He was the first to describe the history of Kyrgyz manaschi – storytellers: from a contemporary of Manas Keldibek to Sagymbay Orozbekov, a contemporary of M. O. Auevov. Manas himself chooses those who will perform the epic dedicated to him. The text of the epic keeps the spirit of the people, i. e. the heroic epic of Manas contains the spiritual basis of Kyrgyz culture, its mentality. M. O. Auevov summarized the data on manaschi and outlined their main functions: a storyteller, a poet, a shaman. The scientist pointed to the pre-Islamic cult of ancestors that has come down to us among the Kyrgyz people.

Keywords: the epic of Manas, manaschi, pre-Islamic Turkic spiritual culture, works by M. O. Auevov, mentality, myth, Tengrism, cult of ancestors, the Kyrgyz language picture of the world

Введение. В истории разных народов есть имена, которые сохраняются в памяти народа целые века. Имя Мухтара Омархановича Ауэзова (Мұхтар Омарханұлы Әуезов) относится к такому явлению в истории народов Средней Азии. Имя этого писателя

знаменует целую эпоху в истории развития тюркской духовной культуры, как казахской, так и кыргызской и узбекской [4; 24; 25].

Методология и методы исследования. Основными методами исследования являются описательный, интерпретативный

© Акматов Б. М., 2020

и аналитический. Методология изучения вопроса опирается на теорию ментальности.

Духовная сторона культуры в современных исследованиях рассматривается с позиций теории ментальности, появившейся в XX веке. Эта теория применяется как среди политиков, так и обществоведов, культурологов, психологов, лингвистов. Фольклористы только начинают обращаться к этой теории, хотя именно она наиболее ярко отображает суть устного народного творчества. По определению В. В. Колесова, «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. <...> Ментальные архетипы складывались исторически, по определённым, генетически важным принципам, которые и следует описать» [14, с. 15].

Термин *ментальность* иноязычный. «Для этого слова чрезвычайно сложно подобрать эквиваленты в других языках: ментальность – это особое свойство того, что называется *духовностью* народа» [17, с. 13]. Ментальность означает «концептуализацию и категоризацию материальной культуры народа, к которой относятся предметы быта, с другой стороны – духовной культуры народа (уклад жизни и религия, язык, классическая литература), то есть проявления материальной и нематериальной культуры. Ментальность и культура народа – неразрывные понятия» [17, с. 13].

М. О. Ауэзова помнят благодаря многим его литературным трудам. Одной из самых важных для исторического прошлого тюркских народов является его монография, посвящённая кыргызскому эпосу «Манас». Совершившему научный подвиг писателю в Бишкеке воздвигнут памятник.

Результаты исследования и их об- суждение. Мухтар Омарханович Ауэзов обратился к эпосу «Манас» в 20-е годы XX века. До него отрывки этого эпоса были записаны в разное время Ч. Ч. Валихановым и В. В. Радловым. М. О. Ауэзову были известны только записи В. В. Радлова, как видно из его рукописи, дошедшей до наших времён [3].

Ч. Ч. Валиханов (1835–1865) был российским офицером, изучавшим историю

и культуру кыргызов. В 1856 году во время военно-научной экспедиции на озеро Иссык-Куль под руководством полковника М. М. Хоментовского им был записан отрывок из эпоса «Манас» (в частности, крупный эпизод, вошедший в эпос под названием «Поминки по Кокетею») от неизвестного манасчи – сказителя эпоса. Во всех своих последующих трудах Ч. Ч. Валиханов, описывая язык, культуру, традиции кыргызов, обращается к записанным им отрывкам из эпоса «Манас» [8].

Эпос «Манас» был опубликован в 1885 году благодаря тюркологу В. В. Радлову (5 января 1837 – 12 мая 1918) – выходцу из Германии, закончившему Берлинский университет, работавшему в России с 1858 года Василий Васильевич Радлов¹ отправлялся в Кыргызстан дважды – в 1862 году он был на Текесе у бугинцев, в 1869 году – на озере Иссык-Куль и на юго-востоке от города Токмок (точное местопребывание его неизвестно). Цель этих экспедиций заключалась в сборе лингвистических, этнографических и фольклорных сведений о тюркских народах Алтая и Западной Сибири. Имя В. В. Радлова вошло в историю кыргызоведения как научного деятеля, начавшего восстанавливать историческую память доисламского прошлого кыргызов и других тюркских народов, включая забытую к тому времени письменную культуру.

Записанный им кыргызский фольклор В. В. Радлов разделил на четыре части: 1) эпос «Манас»; 2) сказание «Жолой хан»; 3) сказание «Эр Тоштюк»; 4) причитания (кошоктор). Это было условное разделение зафиксированных фольклорных памятников. В. В. Радлов по этому поводу заметил: «Эпические песни приведены мною под тремя заглавиями: Манас, Жолой и Тоштюк, но не нужно думать, что это три отдельных эпоса» [19, с. 33].

Эпос «Манас» в редакции В. В. Радлова был издан в Санкт-Петербурге в 1885 году на кыргызском языке в русской транскрипции. В

¹ Перу В. В. Радлова принадлежат работы по кыргызоведению и тюркологии («Образцы народной литературы тюркских племён», «Из Сибири», «Опыт словаря тюркских наречий»). За время своих путешествий 1861–1862 и 1868–1869 годов он побывал в Северном Кыргызстане и Юго-Восточном Казахстане. В. В. Радлов известен как популяризатор работ Жусупа Баласагына, благодаря ему был опубликован труд «Кутадгу билиг» XI века. В. В. Радлову принадлежит дешифровка 14 букв орхоно-енисейской письменности: эта работа шла параллельно с работой датского языковеда Вильгельма Людвиг Петера Томсена (Vilhelm Ludwig Peter Thomsen). В. Л. П. Томсену удалось первому расшифровать орхонские надписи в ноябре 1893 года.

этом же году был опубликован немецкий перевод, изданный в Лейпциге. Эпос не имел в то время законченного вида. Выход из печати эпоса «Манас» в записи В. В. Радлова почти на 20 лет опередил русскоязычный перевод, сделанный по записи Ч. Ч. Валиханова, увидевшей свет только в 1904 году [9].

Мухтар Омарханович Ауэзов (1897–1961) обращается к записи «Манаса», сделанного сначала Каюмом Мифтаховым, а потом и Ибрагимом Абдрахмановым, который почти пять лет работал с манасчи Сагымбаем Оразбаковым (с 1922 по 1926)¹. Работа М. О. Ауэзовым велась по поручению Туркестанской научной комиссии, а впоследствии по поручению Наркомпресса Киргизской АССР.

Рукопись, с которой работал М. О. Ауэзов, впечатляет своим объемом: 10 тетрадей по 500 страниц. На каждой странице было примерно 12 четверостиший. Всего в записи насчитывается почти 60 000 строф.

Первая часть рукописи посвящена Манасу (примерно 60 000 строф, 240 000 стихов). Именно эта часть была записана со слов Сагымбая Орозбакова. Вторая часть (примерно 500 страниц текста) описывает сына Манаса – Семетея. Эта часть была записана в 1929 году со слов манасчи Жакшылыка Сарыкова (1880–1934). В третьей часть вошел текст о Сейтеке – сыне Манаса (примерно 500 страниц). Работа по её фиксации шла с 1932 по 1937 год. Источником текста был Саякбай Каралаев. Объем текста третьей части составил 83 830 стихотворных строк. Запись второй и третьей частей М. О. Ауэзовым практически не использовалась.

М. О. Ауэзов пишет введение к первой части – той, что относится к самому Манасу. Он называет сказание «киргизской героиче-

ской эпопеей», «океаном поэзии», «поскольку на всем протяжении мерная речь ни разу не обрывается прозаическим повествованием» [3, с. 2]. Высокая оценка героического эпоса сподвигла Мухтара Омархановича на долгий и плодотворный труд.

Историко-литературным фактом является то, что в самом эпосе «Манас» ни разу не говорится о манасчи – сказителях, донесших до нас этот шедевр народного творчества. Нет сведений, как слагался этот эпос, когда он появился, кто был инициатором его создания. Сагымбай Орозбаков во втором томе, правда, упоминает дружинника Жайсан-ырчи, который:

Жалан уйдун борымын,
Жарым кундей ырдаган
(Одно украшение юрты воспевал полдня).

Имя Жайсан по-казахски означает «богатство, обилие, величие». М. О. Ауэзов предполагает, что это могло быть нарицательное имя сказителя, помнившего большой объем текста о Манасе. Это единственное упоминание о сказителе-поэте, скорее всего, современнике Манаса. Если в различных национальных традициях встречаются имена сказителей (Боян в «Слове о полку Игореве», Асан-Кайгы у казахов, Кокыт – **Коркут** в тюркском эпосе), то у кыргызов традиция иная: «Здесь, наоборот, каждый певец как будто бы сознательно замалчивает вопросы творческой истории исполняемой им песни» [3, с. 4]. Эпический жанр не предполагает автора – таков закон этого жанра. М. О. Ауэзов отмечает: «Эпическая песня, устный сказ всегда ведется от анонимного рассказчика» [Там же].

Т. А. Бакчиев полагает, что *ислам* кыргызы приняли поздно – в XVI–XVII веках. По мнению ученого, кыргызов сложно назвать истинными приверженцами ислама, так как в их духовном пространстве наблюдаются древнейшие религиозные культы Тенгир; матери Умай; природы; умерших и предков, а также реликты тотемистических представлений [7, с. 59].

У кыргызов существует вера в духов: духи – это и умершие, и предки. Считалось, что у манасчи бывает наитие от духов-предков. Манасчи исполняет сказание от наития. Это объясняет возникновение нескольких вариантов эпоса. М. О. Ауэзов считал: «В среде киргизских жомокчу существовала внушенная даже и массам слушателей вера в наитие (дарыган). Поэтому настоящие исполнители “Манаса” свой вариант выдавали как от начала и до конца

¹ В 1922 году учитель сельской школы К. Мифтаков (1882–1949) стал инициатором записи кыргызского фольклора. В советское время именно его записи эпоса «Манас» были первыми. Позже эту работу продолжил его ученик И. Абдрахманов (1888–1967). Вариант трилогии «Манас», им зафиксированный, состоит из 180 000 стихотворных строк. И. Абдрахманов был активным участником записи вариантов других манасчи – Акмата Ырысмендеева (1891–1966), Тоголока Молдо (Байымбета Абдрахманова) (1860–1942), Саякбая Каралаева (1894–1971). Ни К. Мифтакову, ни И. Абдрахманову не было оказано государственной поддержки в этой культурно-просветительской деятельности из-за того, что в текстах содержались религиозные и мифологические элементы чуждые советской идеологии. Перед началом Великой Отечественной войны были записаны варианты «Манаса» таких сказителей, как Жаныбай Кожеков (1869–1942), Багыш Сазанов (1878–1958), Шапак Ырысмендеев (1863–1956), Актан Тыныбеков (1888–1951) и др.

внушенный ему свыше. <...> Неимоверный объём “Манаса” способствовал распространению и укреплению этой веры и в среде слушателей» [3, с. 5].

Как становились манасчи, М. О. Ауэзов рассказывает на примере Тыныбека – предшественника Сагымбая Орозбакова. Тыныбек был аульным старшиной. Он отправился в Каракол (в советское время г. Пржевальск), чтобы заплатить покибитный налог. На обратной дороге он остановился в урочище Тосор на ночлег. Во сне он видел, как к этому месту подъехала группа всадников – это был Манас на светло-саврасом коне со своими соратниками – Кырк-Чоро. Спешившись, всадники решили отдохнуть, подкрепиться. По приказу Манаса его спутники накормили мёдом Тыныбека, который ранее мёд не пробовал никогда. Тыныбек пытался приблизиться к всадникам, но они снялись с места и стали быстро удаляться. Тыныбек бросился за ними, но так и не догнал. Во время своей погони Тыныбек начал петь о Манасе. Проснувшись, обновлённый Тыныбек обнаружил, что знает много песен о Манасе: всю дорогу до дома он пел, он пел целый день и целую ночь. Так в него вселился «дивный дар песнопения» [Там же, с. 14].

Здесь мы замечаем параллели со сравнительной мифологией и символикой разных народов. Мёд поэзии обрёл Один взамен своих жертв в скандинавском эпосе. Нектар Парнаса Древней Греции, который пил Аполлон, тоже напоминает нам о мёде. *Сладкозвучие песен* манасчи содержит в себе метафору мёда. Воссоздание кыргызской языковой картины мира в метафорах, образах и символах прошлых веков – предстоящая задача филологов.

Сюжет освоения эпоса «Манас» чётко прослеживается в ряде версий. Миф о чудесном даре поддерживает версию сна, застигнутого будущего манасчи в грозном ущелье – прибежище духов, в чужой юрте, около мавзолея Манаса, где оказывается путник – будущий манасчи. Есть и иные случаи: путник почувствовал себя больным и упал с коня без сознания. О Сагымбае известно, что он, заболев оспой, в бреду увидел Манаса [18, с. 49]. Сагымбай, «сидя в кругу мирно беседующих людей, иногда вдруг начинал галлюцинировать, говоря, что он видит перед собой Манаса и его спутников» [20, с. 93–94]. К. Рахматуллин относит наитие манасчи к «пассивному виду избранничества» [Там же, с. 95–96].

Многие учёные обращались к теме заучивания больших текстов сказителями, пытаясь объяснить факт уникальной способности запоминания таких объёмов. Б. Н. Путилов объясняет это явление фактом «вживания в эпос» [18, с. 44]. К. Рахматуллин по этому поводу замечает, что до исполнения эпоса «Манас» «сказитель проходил долгий и мучительный путь освоения сюжета эпоса» [20, с. 40]. Определяющим фактором Б. Н. Путилов считает «приобретённое исподволь эпическое знание: певец мог пропеть эпос потому, что вошёл в его мир и овладел его языком» [18, с. 45].

Другими словами, манасчи были способны проникаться ментальностью своих предков, осваивая их архаический мир через язык, то есть, используя этнокультурные факторы. Ментальность народа – это, по сути, то, что В. фон Гумбольдт называл «духом народа». Чтобы стать частью культуры. Необходимо, чтобы дух предков стал частью манасчи – медиатора между ушедшими в другой мир предками и живущими на земле людьми. «У киргизских сказителей вера в наитие прочно связана с особенной ролью Манаса и его соратников. В сновидениях будущих манасчи эпические герои оживают, сходят с стихов эпоса в повседневный быт и совершают чудо» [Там же, с. 48].

М. О. Ауэзову были известны несколько имён манасчи. В тех вариантах «Манаса», которые воспроизводили три его современника, были общие места. Он пишет: «Хотя общие места в исполнении Сагымбая, Тыныбека и Анылбека устанавливались всегда, всё же каждый из сказителей “Манаса” утверждал, что его вариант самостоятельный, что ему диктуется так свыше» [3, с. 6].

Среди других имён манасчи М. О. Ауэзов упоминает Кельдибека из рода Асык (он родился в 50-е годы XVIII столетия). Народная память не сохранила имён манасчи, живших до Кельдибека. «Рассказывают, что исполняли его во времена набегов киргиз-казахского (так написано в рукописи. – Б. А.) хана Аблая. Это событие происходило в 1776 году» [Там же, с. 7].

Духи-предки посещали своих соплеменников во время исполнения эпоса. Духи следили, согласно народным поверьям, за манасчи и правильным исполнением эпоса: «Для нас важен факт веры в сверхъестественное. Она и исключила возможность упоминания имён поэта» [Там же, с. 6].

Духи-предки приходили к манасчи. Мухтар Омарханович описывает это явление

так: «Говорят, что когда пел Кельдибек, то дрожала юрта, в которой он сидел, силой своего пения он потрясал стихи, и на аул неожиданно как будто налетал ураган, и среди этой бушующей стихии наезжали неведомые всадники, и от топота их коней содрогалась земля. Напоминание о всадниках неслучайно. Эти всадники не кто иной, как Кырк-Чоро (сорок соратников). Это намёк на высокое покровительство самого Манаса, который, по верованиям всех жомокчу, сам избирает певцов, являясь к ним во сне и требуя распространения песни о нём среди потомства» [3, с. 8]. Манас доносит свою волю до будущего манасчи во сне, добиваясь исполнения наказа, и избранному манасчи ничего не остаётся, как только подчиниться требованию предка. В ментальности кыргызов закон почитания старших отражает забытый доисламский культ предков.

Ещё одно имя манасчи, дошедшее до нас благодаря М. О. Ауэзову – Балык. Балык жил в первой половине XIX века. М. О. Ауэзов считал Балыка восприемником Кельдибека. Позже сын Балыка – Найманбек подхватил традицию и тоже стал манасчи.

Далее история передачи эпоса «Манас» прерывается на определённый период. «Мы не знаем, какие родственные связи были между остальными киргизскими поэтами, жившими после Балыка, Найманбая, Арыстамбека, Акылбека, Тыныбека, но факт тот, что кое-кто из них – современники Найманбая; остальные люди последующего поколения жили почти все в одно и то же время» [Там же, с. 10]. О Тыныбеке есть некоторые сведения: первое время исполнял «Манас» в уединении: «Узнав об этом, отец Тыныбека зарезал барана, пригласил стариков и заставил сына петь перед ними, а затем отдал его на выучку известному манасчи Чонбашу, у которого Тыныбек в течение многих лет готовился к роли сказителя» [20, с. 82].

Записи, которыми пользовался М. О. Ауэзов, повторим, были сделаны от манасчи Сагымбая Оразбакова. Свой дар он перенял от старшего брата Али-Шера. Как видим, история исполнения эпоса «Манас» практически по тончайшим деталям восстановлена Мухтаром Омархановичем Ауэзовым.

Народы мира имеют *собственные сказания и мифы*. У кыргызов есть своя классификация народных сказителей: жомокчу – аэд; ырчи – рапсод. Ч. Ч. Валиханов пишет: «Поэтические произведения киргиз: эпосы, похвальные оды, плач <...> передаются род в род, из поколения в поколение особым способом певцов ахунов, как в Древней Гре-

ции передавались песни Гомера рапсодами; ахуны эти пользуются особым уважением народа...» [9, с. 230]. Как и древнегреческие поэты, кыргызские сказители заучивали какие-то отрывки наизусть, этим объясняются общие места, встречаемые у разных манасчи. Другие отрывки эпоса дополнялись, переделывались, сокращались сказителями из-за настроения или выделенного на воспроизведение эпоса времени. В целом, манасчи сохраняли общую канву повествования – в разных вариантах «Манаса» одинаковые имена персонажей, общие мотивы и сюжеты. «Во всех эпизодах поэмы участвовали одни и те же герои в одних и тех же ролях с приблизительно общей характеристикой их личности и всех их деяний. Поэтому-то и свидетельствуют старики, слушавшие различных жомокчу, что у ранних и у позднейших поэтов они слышали одно и то же» [3, с. 11].

Элиас Лённрот, записавший карело-финский эпос «Калевала», так характеризовал воспроизведение рун: «Певец запоминает сущность содержания, прежде чем её дословный текст. Те места, которые он не помнит дословно, он исполнит своими словами» [15, с. 352].

Известно, что любой эпос заучивается. Об этой практике Б. Н. Путилов отзывался таким образом: «Киргизский певец Джусу Мама начал учить «Манас» с восьми лет под наблюдением отца и старшего брата. Когда он заучивал очередные куски эпопеи, отец и брат проверял его, чтоб было «без ошибок». Мальчик, «кроме еды и сна, ничего не делал, только учил и запоминал» [18, с. 28].

Ырчи – это исполнитель, у рапсода особый статус: «Рапсод является, в сущности, лишь особым видом шамана», его устами поют сами герои, «те или иные духи овладевают сознанием рапсода: в этом сущность его экстаза. Вот почему рапсоду нельзя ничего от себя ни прибавить, ни убавить, ибо за такое своеволие он, по всеобщему убеждению, расплачивался своею душою, так же, как и шаман, неправильно совершивший свое камлание или спутавший текст какого-нибудь призывания или гимна» [2, с. 21].

У кыргызов сказитель был чем-то вроде шамана, «посещал больных, особенно женщин после родов, пел им отдельные эпизоды “Манаса”, и этот ритуал имел целебные свойства» [20, с.80].

В. М. Жирмунский суммирует факты из разных эпических традиций, свидетельствующих о древних связях сказителя и шамана [13, с. 401–407]. Объединение в прошлом в

одном лице двух культурных типов он усматривает в средневековой тюркской легенде о деде Коркуте: «Патриарх племени, прорицатель и шаман, в то же время создатель и хранитель народного эпического предания, Коркут носит яркие следы того древнего синкретического типа народного певца, из которого в дальнейшем дифференцируется профессиональный сказитель богатырского эпоса» [13, с. 404–405].

Опыт сопоставления эпоса «Манас» с эпическими сказаниями других народов указывает на общность функций, которые выполняли сказители-манасчи. «Лингвистические реконструкции, изучение функциональных, психологических, декламационных особенностей поэтического творчества у самых разных народов привело учёных к важным выводам о существовании в древности синкретического образа шамана-поэта-сказителя и об уподоблении их друг другу» [21, с. 36]. Шаманизм – важная составляющая тенгрианства. Тенгрианство сохраняет связь с духами, в том числе с духами-предками. Манас является воплощением такого родового духа.

Тенгрианство кыргызов прямо указывает на родственные связи с тюркскими народами Алтая и Сибири. «Сказители в большей степени, нежели шаманы, были причастны к созданию общеэтнического фонда культуры тюрков Алтая», «сказительская традиция играла видную роль в процессе вхождения инноваций в традиционную культуру алтайцев», «она (в наиболее развитых формах) оказывалась всё более созвучной процессам внутриэтнической консолидации» [22, с. 56]. В самом эпосе «Манас» описывается путь главного героя на Алтай.

Исследование эпоса «Манас» в Республике Кыргызстан претерпело несколько этапов. Первый этап: время Российской империи. В этот период появляются труды Ч. Ч. Валиханова и В. В. Радлова.

Второй этап: советский период. Здесь проводится работа по записи эпоса «Манас», обработка записей. Организуется первая Всесоюзная конференция, темой которой стал эпос «Манас»: она была проведена в Бишкеке в 1935 году. На ней было озвучено три основных доклада: профессором К. Тыныстановом (1901–1938), Е. Д. Поливановым (1891–1937) и М. О. Ауэзовым. К. Тыныстанов представил основные проблемы манасоведения. Е. Д. Поливанов и М. О. Ауэзов предьявили результаты своих исследо-

ваний эпоса «Манас», опираясь на работы Ч. Ч. Валиханова и В. В. Радлова.

Четвёртый этап: период китайской революции и налаживания советско-китайских отношений. Через полтора десятка лет после проведения конференции в Бишкеке, посвящённой эпосу «Манас», отношение к нему изменилось. 27 июня 1952 года было принято решение Бюро ЦК Компартии Кыргызстана об изъятии из обращения «антинародных книг»: «Манас» (1941 года издания), «Великий поход» (1946 года издания), «Манас Великодушный» (1948 года издания). А. А. Акаев предполагает, что после революции 1949 года в Китае новое правительство установило с Россией дружеские отношения: «В этой связи упоминания в эпосе о победоносной войне кыргызов с китайцами могли быть восприняты как вызов партийной линии» [1, с. 65].

Пятый этап: современный. XXI век приносит обновление в культуру кыргызского народа. Вновь проводятся научные конференции, посвящённые «Манасу» (Бишкек, 16 декабря 2016). Публикуются статьи [5–7; 11; 23], издаются учебные пособия на разных языках¹, защищаются диссертации [12], переиздаются отдельные отрывки эпоса «Манас» [16]. Наша цель – сохранить эпос «Манас», передать его последующим поколениям, учесть те ценности, которые в этом эпосе донесли до нас наши предки.

Выводы. Эпос «Манас» – особый тип богатырского героического текста, который представляет кыргызскую языковую картину мира времён предков. Манасчи, по М. О. Ауэзову, это и певец-исполнитель, и сказитель-шаман, в которого вошёл дух предков, эту способность манасчи в народе называют «дарыган». Проникновение в духовное пространство языка эпоса представляет собой суть медиативной связи сказителя между мирами – миром живых и миром умерших. Манасчи становится и проводником между этими двумя мирами, и хранителем духовной культуры, и правопреемником духовной силы, заключающейся в эпосе «Манас». М. О. Ауэзов ввёл в научный и образовательный процесс Кыргызстана эпос «Манас», в котором объединилось прошлое и настоящее кыргызского народа. Эпос показал богатство духовной культуры

¹ Бакчиев Т.А. Введение в манасоведение: краткий курс лекций / КГТУ им. И. Раззакова. – Бишкек: Техник, 2018. – 104 с.; Укуева Б.К. Манасоведение: учебник для ссузов. – Бишкек: ОшГУ, 2017. – 141 с.; Бакчиев Т. А. Манастаануу: Жогорку окуу жайлары үчүн окуу куралы / Үчүнчү толукталган басылышы. – Бишкек: Улуу Тоолор, 2018. – 192 с.

кыргызов. Благодаря М. О. Ауэзову современный мир познакомился с ещё одним богатырским эпосом.

М. О. Ауэзов первым в манасоведении обратил внимание на нехарактерный для советского периода подход к обучению будущих манасчи, когда в народе бытовала вера в наитие от духов-предков (дарыган), от которых зависел дар сказителя запоминать большие объёмы устного текста и умение их воспроизводить. Ментальность кыргызского народа отображена в тексте эпоса «Манас». Манас – первопредок – защитник и охранитель рода кыргызов, исторический герой, в его честь назван эпос. Пока народ помнит о своём герое – народ остаётся под его покровительством.

Манас сам избирает тех, кто будет исполнять эпос, посвящённый ему. Текст эпоса хранит в себе дух народа, то есть в героическом эпосе «Манас» заключена духовная основа кыргызской культуры, его ментальность.

Заключение. Смена эпох привела к тому, что эпос «Манас» занял, наконец, подобающее место в кругу других национальных эпосов. Республика Кыргызстан прошла несколько исторических этапов. Такие же исторические этапы пережил вместе со своим народом эпос «Манас». Советский период жизни страны выдвинул на первый план выдающихся деятелей культуры, среди которых достойное место занимает Мух-

тар Омарханови Ауэзов, внесший неоценимый вклад в популяризацию и внедрение в научный оборот эпос «Манас». Усилиями М. О. Ауэзова была издана первая часть трилогии эпоса, описывающая героя кыргызского народа, предка-покровителя богатыря Манаса.

Если говорить о Республике Кыргызстан, то внимание к этому эпосу в ней было всегда. Народ на праздниках привык слушать отрывки из «Манаса». Однако политические деятели и научная общественность по-разному относились к культурному достоянию кыргызского народа. Когда в культуру вмешивается идеология и политика, страдает культура.

Переживший века эпос «Манас» дошёл до наших современников в нескольких вариантах. М. О. Ауэзов выдвинул ряд предположений об обоснованности вариативности текста «Манаса», описал историю манасчи – исполнителей эпоса, дал их классификацию, определил истинные функции манасчи (сказитель, поэт, шаман), указал на сохранившийся доисламский культ предков у кыргызов. Новаторский труд М. О. Ауэзова «Киргизский героический эпос “Манас”» представил один из наиболее полных текстов эпоса по варианту сказителя Сагымбая Орозбакова. Вклад М. О. Ауэзова в кыргызоведение и Манасоведение трудно переоценить. Имя Мухтара Омархановича Ауэзова вошло в анналы истории и культуры Кыргызстана.

Список литературы

1. Акаев А. А. История, прошедшая через моё сердце. М.; Бишкек: Дизайн. Информация. Картография: Илим, 2003. 287 с.
2. Аламжи Мерген. Бурятский эпос / под общ. ред. Ю. М. Соколова; стих. пер. И. А. Новикова; введ. ст. и ком. Г. Д. Санжеева. М.; Л.: Академия, 1936. 274 с.
3. Ауэзов М. Киргизский героический эпос «Манас» (по варианту сказителя Сагымбая). Сказители «Манаса» и слушательская среда. URL: <https://manuscript.lib.kg/рукопись/Киргизский-героический-эпос-Манас/> (дата обращения: 08.05.2020). Текст: электронный.
4. Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959. 554 с.
5. Бакиров А. А. Эпос «Манас» – бесценная сокровищница исторической памяти кыргызского народа // Эпос «Манас»: история и культура: материалы науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 16 декабря 2016 г.). Бишкек: КРСУ, 2017. С. 93–106.
6. Бакиров А. А. Исторические этапы развития эпоса «Манас». Текст: электронный // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2019. № 2. URL: <https://epossvfu.ru/index.php/epos/article/view/225> (дата обращения: 05.05.2020).
7. Бакчиев Б. Т. Роль эпоса «Манас» в современном обществе // Эпос «Манас»: история и культура: материалы науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 16 декабря 2016 г.). Бишкек: КРСУ, 2017. С. 78–92.
8. Валиханов Ч. Заметки по истории южносибирских племён // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1/2. Алма-Ата: Казах. ун-т, 1984.
9. Валиханов Ч. Сочинения. СПб.: Тип. гл. упр. делов, 1904. 624 с.
10. Виноградов В. Киргизская народная музыка. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958. 334 с.
11. Зулпуев А. З. Об уникальности и природе сказителей эпоса «Манас» в освоении курса «Манасоведение» // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 5. С. 539–542.
12. Зулпуев А. З. Научно-методические основы обучения курсу «Манасоведение» в высших учебных заведениях: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Бишкек, 2020. 46 с.

13. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад // Избранные труды. Л.: Наука, 1979. 493 с.
14. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
15. Лённрот Э. Калевала. Поэма. Вита-Нова, 2010. С. 352.
16. «Манас». Великий поход («Чон-Газат»). Начальный отрывок «Великого похода» (начало главы «Заговор семи ханов против Манаса») // Литературный Узбекистан. 1936. Кн. 4. С. 48–53.
17. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ВИ ЖДВиВОСО, 2015. 288 с.
18. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М.: Вост. лит. РАН, 1997. 295 с.
19. Радлов В. В. Предисловие // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек: Мурас, 1995. С. 25–42.
20. Рахматуллин К. Творчество манасчи // «Манас» – героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968. С. 75–147.
21. Ревуненкова Е. В. О некоторых истоках поэтического творчества в Индонезии (шаман-певец-сказитель) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 35–41.
22. Сагалаев А. М. Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, филология и философия». Новосибирск, 1985. Вып. 2. С. 152–165.
23. Садыков К. Ж. «Манас» и теория этнокультурогенеза // Эпос «Манас»: история и культура: материалы науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 16 декабря 2016 г.). Бишкек: КРСУ, 2017. С. 4–13.
24. Мамыров М. Ч. «Манас» эпосунун калыптаныш тарыхы. Бишкек: Бийиктик, 2005. 272 б. (на кыргыз. яз.).
25. Van der Heide N. Spirited Performance: The Manas Epic and Society in Kyrgyzstan. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2008.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020; принята к публикации 22.06.2020

Сведения об авторе

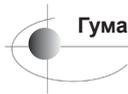
Акматов Болотбек Мекенович, доктор педагогических наук, доцент, Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева; 720044, Республика Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Мира, 27; e-mail: nazik131090@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3564-7045>.

Библиографическое описание статьи

Акматов Б. М. Героический эпос «Манас» и Мухтар Ауэзов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 70–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-70-78.

References

1. Akaev, A. A. The story that went through my heart. Moscow-Bishkek: CPI Design. Information. Cartography, Ilim, 2003. (In Rus.)
2. Alamzhi, Mergen. Buryat epic / ed. by M. Sokolov. Poetic translation by I. A. Novikova. Introductory article and commentary by G. D. Sanzheeva. Illustrated and designed by V. P. Belyaeva. M.-L.: Academy, 1936. (In Rus.)
3. Auezov, M. The Kirghiz heroic epos of Manas (according to the version of the narrator Sagimbay). Narrators of the Manas and the listening environment. Frunze. Web: 08.05.2020. <https://www.manuscript.lib.kg/manuscript/Kyrgyz-heroic-epic-Manas/> (In Rus.)
4. Auezov, M. Thoughts of different years. Alma-Ata: Kazgoslitizdat, 1959. (In Rus.)
5. Bakirov, A. A. (2017). The epos of Manas is an invaluable treasury of the historical memory of the Kyrgyz people. The epos of Manas: history and culture: materials of a scientific and practical conference (Bishkek, December 16, 2016). Bishkek: KRSU, 2017: 93–106. (In Rus.)
6. Bakirov, A. A. The historical stages of the development of the epic of Manas. Bulletin of the North-East Federal University named after M. K. Ammosov, no. 2, 2019. Web: 05.05.2020. <https://www.epossvf.ru/index.php/epos/article/view/225>. (In Rus.)
7. Bakchiev, B. T. The role of the epic of Manas in modern society. The epic of Manas: history and culture: materials of a scientific and practical conference (Bishkek, December 16, 2016). Bishkek: KRSU, 2017: 78–92. (In Rus.)
8. Valikhanov, Ch. Notes on the history of South Siberian tribes. Sobr. Op. in 5 vols. T.1/2. Alma-Ata, 1984. (In Rus.)
9. Valikhanov, Ch. Works. SPb., 1904. (In Rus.)
10. Vinogradov, V. Kyrgyz folk music. Frunze: Kyrgyz State Publishing House, 1958. (In Rus.)

11. Zulpuev, A. About the Uniqueness and the Nature of Storytellers Epic of Manas in the Development of the Course Manas-study. *Bulletin of Science and Practice*, no. 5, 539–542, 2019. (In Rus.)
 12. Zulpuev, A. Z. Scientific and methodological foundations of teaching the course “Manasology” in higher educational institutions. Dr. sci. diss. abstr. Bishkek, 2020. (In Rus.)
 13. Zhirmunsky, V. M. *Comparative Literature: East and West. Selected Works*. L: Nauka, 1979. (In Rus.)
 14. Kolesov, V. V. Mental characteristics of the Russian word in language and in philosophical intuition. *Language and ethnic mentality*. Petrozavodsk: PSU, 1995:13–24. (In Rus.)
 15. Lönnrot, E. Kalevala. Poem. In 2 books. Vita Nova, 2010. (In Rus.)
 16. “Manas” Great campaign (“Chon-Gazat”). The initial passage of the Great Campaign (the beginning of the chapter “The Conspiracy of the Seven Khans Against Manas”). *Literary Uzbekistan*. Book. 4, pp. 48–53. Reprint: *Russian language and literature in schools in Kyrgyzstan*, pp. 71–73, no. 1, 2016. (In Rus.)
 17. Pimenova, M. V. *Ethnohermeneutics of a Russian fairy tale: monograph*. Ed. 2nd, rev. and add. St. Petersburg, 2015. (In Rus.)
 18. Putilov, B. N. *Epic Storytelling: Typology and Ethnicity*. M.: Publishing company “Eastern Literature” RAS, 1997. (In Rus.)
 19. Radlov, V. V. Preface. *Encyclopedic phenomenon of the epos of Manas*. Bishkek: Muras, 1995: 25–42. (In Rus.)
 20. Rakhmatullin, K. *Creativity manaschi. “Manas” – the heroic epic of the Kyrgyz people*. Frunze, 1968: 75–147. (In Rus.)
 21. Revunenokova, E. V. (1984). About some sources of poetic creativity in Indonesia: (shaman – singer – storyteller). *Folklore and ethnography: at the ethnographic sources of folklore plots and images*. L: 1984: 35–41. (In Rus.)
 22. Sagalaev, A. M. Narrator and shaman in the traditional culture of Altai people. *Izv. Sib. Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Ser. history, philology and philosophy*, issue. 2, pp. 152–165, 1985. (In Rus.)
 23. Sadykov, K. Zh. “Manas” and the theory of ethnocultural genesis. *Epos “Manas”: history and culture: materials of a scientific and practical conference* (Bishkek, December 16, 2016). Bishkek: KRSU, 2017: 4–13. (In Rus.)
 24. Mamyrov, M.Ch. “Manas” eposunun kalyptanysh tarykhs. Bishkek: Biyiktik, 2005. (In Kyrgyz)
- van der Heide N. *Spirited Performance: The Manas Epic and Society in Kyrgyzstan*. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2008. (In English)

Received: May 15, 2020; accepted for publication June 22, 2020

Information about author

Bolotbek M. Akmatov, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Karasaev Bishkek Humanities University; 27 Mira ave., Bishkek, 720044, Republic of Kyrgyzstan; e-mail: nazik131090@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3564-7045>.

Reference to the article

Akmatov B. M. The Heroic Epic of Manas and Mukhtar Auevov’s Role in Its Popularization // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 70–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-70-78.

УДК 708

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-79-84

Фэн Цзунжэнь,
Хулунбуирский университет
(г. Хулунбуир, КНР),
e-mail: fengzr@mail.ru

Картина мира в творчестве художника

В последнее время исследователи разных областей научного знания активно обратились к анализу общественного развития в рамках картины мира как его специфического конструкта, механизма взаимодействия человека и социума. Теоретическими основами изысканий современных учёных в области исследований являются работы классиков философии, социологии, естественных наук и др. В. фон Гумбольдт создал концепцию картины мира, на основе введения таких понятий как «внутренняя форма» и «дух народа». В настоящее время в науке нет общепринятого определения понятия «картина мира», что объясняется динамичностью современной действительности, многозначностью самого понятия, её противоречивостью. Картина мира в статье понимается как обобщённый образ окружающей действительности, созданный в процессе восприятия мира человеком и существующий в форме научных знаний, концепций, законов и обыденного сознания. Картина мира – это объективный мир, гносеологический конструкт. В статье даётся оценка различных подходов к исследованию картины мира в современном научном знании: философского, социологического, естественно-научного и др. Выделяются уровни картины мира: научный и обыденный, описываются их особенности. Анализ концепта «картина мира» в трудах современных учёных является теоретико-методологическим основанием исследования картины мира в художественном творчестве, имеющей свою специфику и рефлексивную природу. Создание картины мира в художественном творчестве – это осмысление окружающего мира в индивидуальном сознании. Концепт «картина мира в творчестве художника» раскрывается на примере анализа произведений китайского живописца Хай Жи Ханя, члена союза китайских художников, преподавателя педагогического университета Внутренней Монголии.

Ключевые слова: картина мира, восприятие, творец, картина мира в творчестве художника, научная картина мира, уровни картины мира, живопись, произведения, антирациональность, антисовременность, экспрессионизм

Feng Zongren,
Hulunbuir University
(Hulunbuir, China),
e-mail: fengzr@mail.ru

Picture of the World in the Artist's Work

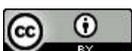
Recently, scientists from different fields of scientific knowledge have actively turned to the analysis of social development within the framework of the picture of the world as its specific construct, the mechanism of interaction between man and society. The theoretical foundations of the research of modern scientists in the field of research are the work of the classics of philosophy, sociology, natural sciences, etc. V. von Humboldt created the concept of a picture of the world, based on the introduction of such concepts as "internal form" and "spirit of the people". At present, in science, there is no universally accepted definition of the concept of "picture of the world," which is explained by the dynamism of modern reality, the polysemy of the concept itself, and its inconsistency. The picture of the world in the article is understood as a generalized image of the surrounding reality, created in the process of human perception of the world and existing in the form of scientific knowledge, concepts, laws, and everyday consciousness. The picture of the world is an objective world of two, an epistemological construct. The article assesses various approaches to the study of the picture of the world in modern scientific knowledge: philosophical, sociological, natural – scientific, etc. The levels of the picture of the world are distinguished: scientific and ordinary, their features are described. The analysis of the concept "picture of the world" in the works of modern scientists is the theoretical and methodological basis for the study of the picture of the world in art, which has its specificity and reflects the world in the minds of the creator. Creating a picture of the world in artistic creativity represents an understanding of the world around us in individual consciousness. The concept of "a picture of the world in the artist's work" is revealed by the example of an analysis of the works of a Chinese painter Hai Zhi Han, a member of the Union of Chinese artists, a teacher at the Inner Mongolia Pedagogical University.

Keywords: picture of the world, perception, creator, picture of the world in the artist's work, scientific picture of the world, levels of the picture of the world, painting, works, anti-rationality, anti-modernity, expressionism

Введение. Понятие «картина мира» сегодня активно используется в различных сферах научного знания. Картина мира яв-

ляется отражением всех процессов, явлений, имеющих место в социуме. Картина мира, создаваемая самим человеком, де-

© Фэн Цзунжэнь, 2020

терминирует его отношение к окружающему социальному пространству, формирует мировоззрение, ценностные ориентации, традиции. Каждая эпоха создаёт свою картину миру, куда вписывается сам человека и как объект, и как субъект социальных отношений, технологии, обеспечивающие его жизнедеятельность во всех сферах, в его творческой и познавательной деятельности. По своему содержанию картина мира есть совокупность представлений о мире, его устройстве, законах и движущих силах развития, создаваемых на каждом этапе развития социума и зависимых от уровня развития научного знания, существующих средств и методов познания. Как модель действительности понимал картину мира Л. Витгенштейн, с именем которого связывают введение в научное знание данной категории. Учёный обращал внимание на метафоричность и синонимичность термина «образ мира» [2]. Актуальность исследования картины мира, её различных видов детерминруется тем фактом, что существующие картины мира во многом помогают понятия проблемы развития общества, дать им оценку в рамках существующих парадигм, разработать прогнозы. Значимым является исследование картин мира не только в рамках эволюции общественных отношений, но и в контексте развития самого научного знания. Так, в частности С. И. Григорьев рассматривает современное состояние, её дискуссионные позиции в рамках существующих картин мира¹. Важным аспектом исследования картины мира является её восприятие в творчестве художника как особой формы отражения действительности. Все перечисленные аспекты актуализируют исследование концепта «картина мира», создание картины мира в творчестве художника.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют: социально-конструктивистский подход, позволяющий рассматривать картину мира как своеобразный конструкт, созданный в процессе миропонимания человеком окружающего природного и социального пространства; культурологический подход, использованный в процессе анализа творчества китайского живописца Хай Жи Хань и давший возможность описать индивидуальную картину мира, выделить её особенности. Картина мира была рассмотрена как динамическое образование, взаимодей-

ствующее с человеком через познание объективной реальности в рамках диалектического подхода.

Результаты исследования и их об- суждение. Картина мира – сложное, многоуровневое, многоаспектное образование, имеющее огромный познавательный, прогностический потенциал, и это порождает различные трактовки в её понимании. Так, в частности В. С. Жидкова трактует картину мира в рамках структурного подхода, выделяя такие её составляющие элементы, как: «...мировоззрение, мировосприятие и мироощущение. Эти компоненты объединены специфическим для данной эпохи, этноса или субкультуры образом» [5, с. 56]. В определении картины мира в исследованиях Г. В. Драча сделан акцент на представлениях человека о своем месте в окружающем мире. А. Гуревич рассматривает картину мира как «сетку координат» [3], благодаря которой человека воспринимает окружающий мир и формирует индивидуальный субъективный образ мира [7, с. 134].

В приведённых определениях картина мира понимается как технология, обеспечивающая жизнедеятельность человека в социальном и природном пространстве.

Картину мира как механизм воспроизводства личностью окружающего её мира, основой которого является индивидуальный опыт человека, представления, мотивы, ценности, существующие в виде образов, символов, моделей, определяет М. Хайдеггер. «Картина мира, сущностно понята, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берётся теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальные решения относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [5, с. 104].

В работе «Бытие и сознание. Человек и мир» С. Л. Рубинштейн актуализирует мысль о том, что «центральной составной частью картины мира» [8, с. 123] является мировосприятие. Как результат мировосприятия рассматривает картину мира М. М. Бахтин [1]. Согласно позиции учёного, человек, воспринимая окружающий его мир, создаёт картину мира. Этой же позиции придерживается и И. В. Егоров, рассматривая мировосприятие как инструмент, который формирует картину мира [4]. Складывается своеобразная цепочка: бытие – мировоспри-

¹ Григорьев С. И., Растов Ю. Е. Основы современной социологии: учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – 136 с.

ятие человеком бытия – создание картины мира – восприятие картины мира человеком и формирование отношение к окружающему пространству, определение своего места в нём. В процессе познания объективной реальности создаётся образ мира, существующий в различных формах общественного сознания.

Долгое время среди учёных существовала позиция, согласно которой, есть единая картина мира, рефлексировавшая в своём содержании совокупность различных образов, законов, теорий, обыденных представлений. В действительности же, эта позиция оказалась нежизнеспособной. В рамках единой картины мира могут существовать и существуют самые различные представления о мире, законах его эволюции, в частности религиозные, обыденные, научные и др. Е. С. Кубрякова отмечает, что «человеческое знание и процессы познания слишком сложны, чтобы обеспечить их описание в рамках какой-либо одной науки» [6]. Кроме того, следует обратить внимание при анализе картины мира на следующий момент: основным принципом существования любой картины мира является плюрализм.

О значимости картины мира в жизнедеятельности человека и общества писал Э. Фромм, указывая на то, что «без определённым образом организованной и внутренне связанной картины мира, нашего места в ней люди просто растерялись бы и не были бы способны к целенаправленным и последовательным действиям, ибо без неё невозможно было бы ориентироваться... Знаменательно, что не было обнаружено ни одной культуры, в которой не существовала бы такая система ориентаций» [11, с. 142–143].

Отдельные учёные считают, что картина мира есть совокупность различных типов картин (научной, философской, социологической, художественной, религиозной и т. д.). Другая группа исследователей придерживается точки зрения, согласно которой, существуют различные картины мира, фиксирующие разные стороны как объективного, так и субъективного бытия, существующие независимо друг от друга, в то же время, находясь во взаимодействии. В данном случае, если опираться на концепцию В. С. Степина о типах картин мира, то речь идёт о третьем этапе, где создаётся картина отдельной реальности в строго определённой области [9].

Многоаспектность картины мира обуславливает наличие различных подходов к её трактовке, содержанию, функциональным особенностям: философский, социологический, экологический, культурологический в рамках различных областей знания и др. Существование этих подходов детерминировано профессиональной сферой ученого, его мировоззрением, принадлежностью к тому или иному научному сообществу, существующей научной парадигмой, а также уровнем развития научного знания. Так, в рамках философского знания картина мира понимается как отражение взаимоотношения между человеком и окружающей его действительности и как способ её восприятия человеком в различных аспектах: онтологическом, гносеологическом, эстетическом, этическом, логическом и др. Философская картина мира – это теоретическая модель бытия, включающая человека в различных видах его жизнедеятельности. Философская картина мира описывает мир, используя различные философские категории (материя, движение, сознание, пространство, время и др.), законы, закономерности, парадигмы.

В естественно-научном знании картина мира понимается как общее знание о природе, взаимодействии человека с природным пространством, которое формируется на основе фундаментальных открытий.

Картина мира в социологии – это отражение социальной жизни общества, объективных законов её развития, через деятельность людей в классических, неклассических и постнеклассических социологических концепциях и теориях.

В рамках социологической науки выделяется ряд картин мира, соответствующих этапам развития общества. В частности С. И. Григорьев, характеризуя развития социологии, обращает внимание на пять картин мира, которые создаются в социологическом знании, детерминируя её развитие в будущем. Характеризуя современную социологию, он связывает её проблемы с существующими картинами мира, обращая внимание на то, что, предыдущая картина мира не исчезает, а сохраняется в изменённом виде в предшествующих картинах мира. С. И. Григорьев, выделяет следующие картины мира: схоластическую, механистическую, статистическую, системную, диатропическую, синергетическую.

В основе содержания схоластической картины мира мир лежит представление

о том, что мир – это шифр, текст, который поддается прочтению и расшифровке; в основе механистической – природа и общество – это механизм, машина, все детали которой выполняют строго предназначенные для них функции; в основе статистической – общество и природа есть баланс, равнодействующая различных сил (природных, культурных, экономических, политических, социально-бытовых, общественных и личностно-индивидуальных, групповых); в основе системной – природа и общество – организованные системы, подсистемы, состоящие из элементов, способных к изменению, но обеспечивающих целостность и жизнестойкость как подсистем, так и больших систем; в основе диатропической – реальность представляет собой ярмарку, сад, где возникающие флуктуации, объединения сил, образующие ряды тропов, признаков сущего, позволяют видеть мир многомерно, полицентрично, изменчиво; в основе синергетической – реальность есть результат согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого¹.

Исследователями выделяются два уровня создания картины мира: теоретический, который создаётся учёными, и в данном случае речь идёт о научной картине мира. Содержание научной картины мира носит объективный характер, не зависит от субъекта познания. В. С. Степин описывает формирования научной картины мира как процесс «синтеза знаний, получаемых в различных науках, и содержит общие представления о мире, вырабатываемые на соответствующих стадиях их исторического развития. В этом значении её именуют научной картиной мира, которая включает представления как о природе, так и о жизни общества» [10, с. 11].

Научная картина мира была объектом научных исследований в научном творчестве таких учёных, как Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулман, Дж. Холтон, В. С. Степин и др. По мнению В. С. Степина, научная картина мира является основаниям науки. «В качестве важнейших компонентов, образующих основания науки можно выделить: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы научного познания; 3) философские основания науки» [5, с. 188].

Обыденная картина мира создаётся людьми в процессе повседневной жизни,

отражает её и формирует жизненную стратегию личности.

Обсуждение проблем концептуализации понятия «картина мира» открывает широкие возможности для описания картины мира, создаваемой в творчестве художника как отражение реальности в субъективном образе творца. Картина мира в творчестве художника формируется на личностном уровне, детерминирована его мировоззрением, ценностями, трендами развития эпохи. Картина мира в творчестве художника обеспечивает взаимодействие человека с миром на двух уровнях: личность творца и его связь с существующей реальностью; индивид и воспринимаемый мир через созданный творцом образ, который он отвергает или принимает. В данном аспекте важным становится исследование точек соприкосновения мира, творца и личности, что можно проследить на примере художественного творчества Хай Жи Ханя.

Хай Жи Хань (1958) – полумонах, монгол местности Джурад во внутренней Монголии [13]. Он является заместителем профессора в педагогическом университете Внутренней Монголии, членом союза китайских художников. После окончания университета в 1982 году работал в Пекинском национальном дворце культуры, в 1983 году был переведен на факультет искусств Педагогического университета Внутренней Монголии, став преподавателем.

Картина мира в творчестве Хай Жи Ханя весьма необычна. Ни в западных, ни в китайских традиционных художественных трудах нет такого построения. Это определяет высокий уровень сложности понимания его творчества [15]. Может показаться, что его творчество по сути весьма простое, не имеет глубоких идей, и не несёт никакой философской нагрузки. Однако это не так. Его творчество основывается на первоначале жизни. Произведения последних лет эволюционировали от настенных изображений секты Мантры и посвящены «другому миру», существующего за пределами человеческого мира [12]. Образы художника далеки от социума, близки к природе и первобытности, указывают на тесную связь между человеком и природой, призывая людей любить природу.

В творчестве Хай Жи Ханя явно выражены оттенки антирациональности и антисовременности [13]. Оно отражает своего рода душевные переживания современного человека, получающего удобства от совре-

¹ Григорьев С. И., Растов Ю. Е. Основы современной социологии: учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 50–51.

менности и в то же время страдающего в этом современном обществе.

Хай Жи Хань отказался от современной цивилизации, обратившись к природе. Будучи одним из потомков охотничьего кочевого народа, он направил своё внимание на первобытную форму существования в гармонии с природой, обратившись к историческим фактам суровых условий существования низших слоёв монгольского народа.

Если рассматривать экспрессионизм Хай Жи Ханя, то можно отметить, что он высказывает идею о том, что столкновение миров абсолютно сходно со столкновением форм идеологии [13]. Данная идея напрямую повлияла на политику принятия собственной национальной культуры, при необходимости отказа от западной культуры.

Творчество Хай Жи Ханя не является традиционным [14]. Выбираемые им для описания объекты в основном являются сценами монгольского жития, хорошо знакомые художнику. В его произведениях сделан упор на силу воздействия личностей и животных. Простым и естественным стилем автор выражает особенности степной культуры, особые жизненные порывы, а также сложные чувства, связанные с религиозными идеалами и воспоминаниями из детства. Через соединение цветовых

оттенков на большой площади он создаёт масштабные формы, демонстрируя своего рода величественный и простой стиль написания картин, абсолютно не соответствующий вкусам мелкой городской буржуазии [12]. В период урбанизации Хай Жи Хань выражает в творчестве уникального местную культуру, связанную с темой степной жизни, зачастую оказывая своими картинами сильное эмоциональное впечатление на городских жителей.

Заключение. Картина мира представляет собой обобщённый образ окружающей действительности, созданный в процессе восприятия мира человеком и существующий в форме научных знаний, концепций, законов и обыденного сознания. Основными уровнями картины мира являются научный и обыденный. Картина мира в художественном творчестве и рефлексии мира в сознании творца – осмысление окружающего мира в индивидуальном сознании. В основе картины мира в творчестве художника Хай Жи Ханя лежит понимание о первоначале жизни, «другом мире», существующем за пределами человеческого мира. Мир, представленный в творчестве художника далёк от социума, близок к природе и первобытности, к степной культуре, но не теряющий связи с существующей реальностью.

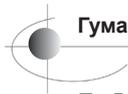
Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат URL: <http://www.philosophy.ru/library/witt/01/01.html> (дата обращения: 07.05.2020). Текст: электронный
3. Гуревич П. С. Философия культуры. М.: Аспект Пресс, 1994. 314 с.
4. Егоров И. В. Гражданское мировосприятие и мировоззрение личности: сходство, различия, диагностика // Проблемы психолого-педагогической антропологии: сб. науч. ст. СПб.: НИЦ АРТ, 2015. С. 54–62.
5. Жидков В. С., Соколов К. Б. Искусство и картина мира. СПб.: Алетейя, 2003. 464 с.
6. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний о языке // Структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 2–29.
7. Лугаськова И. П. Индивидуальная картина мира автора как отображение художественной картины мира эпохи // Ценности и смыслы. 2017. № 5. С. 131–141.
8. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
9. Степин В. С. Научное познание ценностей техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 12–18.
10. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 384 с.
12. Су Хе. Искусство. Китай. Пекин: Науч.-иссл. ин-т, 2013. 47 с.
13. Цзя Фанчжоу. Оригинальное искусство экспрессионизма Хай Жи Ханя. Пекин, 1999. 113 с.
14. Чжан Лиюнь. Художественные особенности живописи внутренней монгольской народной культуры. Цзинин, Внутренняя Монголия, 2014. 69 с.
15. Чжан Цзин. Внутренняя Монголия. Искусство. Внутренняя Монголия: Ин-т искусств, 2002. 98 с.

Статья поступила в редакцию 10.05.2020; принята к публикации 30.05.2020.

Сведения об авторе

Фэн Цзунжэнь, доктор культурологии, Хулунбуирский университет; КНР, Внутренняя Монголия, г. Хулунбуир, район Хайлар; e-mail: fengzr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5382-9758>.

Библиографическое описание статьи

Фэн Цзунжэнь. Картина мира в творчестве художника // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 79–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-79-84.

References

1. Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity. M: Iskusstvo, 1986. (In Rus.)
2. Wittgenstein, L. Logical and philosophical treatise. Web. 07.05.2020. <http://www.philosophy.ru/library/witt/01/01.html/> (In Rus.)
3. Gurevich, P. S. The philosophy of culture. M: Aspekt-press, 1994. (In Rus.)
4. Egorov, I. V. Civil perception of the world and personality: similarities, differences, diagnostics. Problems of psychological and pedagogical anthropology. SPb: OOO "NIC ART", 2015: 54–62. (In Rus.)
5. Zhidkov, V. S., Sokolov, K. B. Art and picture of the world. SPb: Aletejya, 2003. (In Rus.)
6. Kubryakova, E. S. Language Submission Issues. Struktury predstavleniya znany. M: INION RAN, 1994: 2–29. (In Rus.)
7. Lugas'kova, I. P. An individual picture of the author's world as a reflection of the artistic picture of the world of the era. Tsennosti i smysly, no. 5, pp. 131–141, 2017. (In Rus.)
8. Rubinstein, S. L. Being and consciousness. Man and the world. SPb: Piter, 2003. (In Rus.)
9. Stepin, B. C. Scientific knowledge of the values of technological civilization. Question of philosophy, no. 10, pp. 12–18, 1989. (In Rus.)
10. Stepin, V. S. Theoretical knowledge. M: Progress-Traditsiya, 2003. (In Rus.)
11. Fromm, E. To have or to be. M: Progress, 1990. (In Rus.)
12. Su He. Art. China. Pekin: Nauchno-issledovatel'skiy institut, 2013.
13. Czya Fanchzhou. Original art of expressionism by Hai Zhi Han. Pekin, 1999. (In Rus.)
14. Chzhan Liyun'. Artistic features of painting of the internal Mongolian folk culture. Czinin, Vnutrennyaya Mongoliya, 2014. (In Rus.)
15. Chzhan Czin. Inner Mongolia. Art. Vnutrennyaya Mongoliya: Institut iskusstv, 2002. (In Rus.)

Received: May 10, 2020; accepted for publication May 30, 2020

Information about author

Feng Zongren, Doctor of Cultural Studies, Hulunbuir University; China, Inner Mongolia, Hulunbuir, Hailar District; e-mail: fengzr@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5382-9758>.

Reference to the article

Feng Zongren. Picture of the World in the Artist's Work // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 79–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-79-84.

УДК 791.43

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-85-93

Михаэль Кун,
Ягеллонский университет
 (г. Краков, Польша)
 e-mail: michael.kuhn.slawistik@gmail.com

Образ позднесоветского пионерского лагеря в произведениях российской массовой культуры 2010-х годов

В первых двух десятилетиях XXI века в российском руководстве наблюдается повышение интереса к советскому прошлому, что находит своё отражение и в современной массовой культуре (кино, литература, музыка), в которой всё чаще, помимо прочего, происходит осмысление образа пионерского лагеря. На примере двух знаковых культ-товаров 2010-х годов, использующих разные языки, – фильма «Частное пионерское. Ура, каникулы!!!» (2015) режиссёра Александра Карпиловского и романа «Пищеблок» (2018) писателя Алексея Иванова – в данной статье впервые рассматривается изображение позднесоветских пионерлагерей: «Юность» (1979) и «Буревестник» (1980). При помощи описательно-функционального и сравнительно-сопоставительного методов исследования в разделах «Семантика», «Педагоги», «Пионеры» и «Атрибуты» проводится их сопоставление. Так, семантика лагерей указывает на то, что в первом случае пионерам предлагается совершенно безопасное место; во втором – внутренний мир лагеря несёт большую угрозу, нежели внешний. Если в пионерлагере «Юность» педагогический состав преимущественно уделяет внимание укреплению физического здоровья и культурному развитию школьников, то в «Буревестнике» главным остаётся идеологическое воспитание. В обоих случаях в работе воспитателей присутствует формализм. Игра в юных ленинцев заметно тяготит позднесоветских детей и подростков. Так, главный герой фильма в своей личной иерархии частное ставит неизмеримо выше общественного; главный герой романа, напротив, ищет в пионерлагере истинный коллектив, чем вызывает непонимание у окружающих. В образах обоих позднесоветских лагерей усматривается снижение ценности пионерских атрибутов (галстуки, значки). В «Буревестнике» их смысл дерзко извращается. Неподдельная ностальгия по детству, главенствующая в обоих произведениях, тем не менее, не мешает их создателям в большей (роман) или меньшей степени (фильм) выступить с критической оценкой позднесоветских пионерских лагерей.

Ключевые слова: советский пионерский лагерь, А. Карпиловский «Частное пионерское. Ура каникулы!!!», А. Иванов «Пищеблок», позднесоветский период, ностальгия, критика

Michael Kuhn,
Jagiellonian University
 (Krakow, Poland),
 e-mail: michael.kuhn.slawistik@gmail.com

The image of Late Soviet Pioneer Camp in Russian Mass Culture Works of the 2010s

During the first two decades of the 21st century, an increasing interest of Russian policymakers towards the Soviet past can be recorded, which is reflected in the modern Russian mass culture (movies, literature, music) providing more and more often a fruitful approach to reappraise the role of pioneer camps in the Soviet Union to its people. Based on an example of two significant mass culture products of the 2010s with different languages – Aleksandr Karpilovskiy's movie "Private Word of a Pioneer 2" (2015) (rus. "Chastnoe pionerskoe. Ura kanikuly!!!") and the novel "Food Block" (2018) (rus. "Pishcheblok") by Aleksey Ivanov, this article for the first time illustrates the image of two late Soviet pioneer camps "Youth" (1979) and "The Stormy Petrel" (1980) and gives analysis of their features in sections "Semantics", "Teaching Staff", "Pioneers" and "Attributes" with the help of descriptive-functional and comparative research methods. As a result, the semantics shows that one pioneer camp is a safe place for everyone and another one poses risks and it is more dangerous to be within the camp than outside. While in the "Youth" camp, the teaching staff devotes much attention to health promotion and cultural development of young pioneers, the main purpose of "The Stormy Petrel" is the ideological education. In both cases, we see educational formalism in the work of educators. Children and teenagers of the late Soviet era are seemingly burdened with playing young Leninists. The protagonist in the movie puts his personal goals far above the public interests in his personal hierarchy. By contrast, the protagonist of the novel is seeking for a true community in the pioneer camp and causes rejection and misunderstanding by others. In both late Soviet camps, the value of pioneer attributes (ties and badges) is noticeably decreased. In "Stormy Petrel", their meaning is even audaciously perverted. Unreserved nostalgia for childhood, dominating in two works, does not prevent their creators to a greater (novel) or lesser (movie) extent to make a critical assessment of the late Soviet pioneer camps.

Keywords: Soviet pioneer camp, A. Karpilovskiy "Private Word of a Pioneer 2", A. Ivanov "Food Block", late Soviet era, nostalgia, criticism

© Кун М., 2020

Введение. «В лагере всё не так, как кажется!», – так сказано в романе А. В. Иванова «Пищеблок» [4, с. 392]. Распад СССР ознаменовал собой не только роспуск Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ), но и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина (ВПО Ленина). Образованная 19 мая 1922 года детско-юношеская организация прекратила своё существование в сентябре 1991 года. Вместе с единой и единственной советской организацией детей и подростков исчезла обширная сеть воспитательно-оздоровительных учреждений – пионерских лагерей. На территориях пионерлагей советским школьникам в возрасте от 9 до 16 лет, временно пребывающим в новой для себя обстановке (в коллективе и на природе) под руководством ВЛКСМ и ВПО им. Ленина в круглосуточном режиме, помимо физического и культурного развития, прививались идеи преданности идеалам коммунизма и КПСС. К моменту распада СССР порядка 40 тысяч загородных пионерских лагерей ежегодно принимали у себя около 10 миллионов детей и подростков [см.: 1; 3, с. 10; 5, с. 41–43; 6; 7; 9, с. 92; 10; 13, с. 46–47; 14–17]. Образ пионерского лагеря чрезвычайно устойчив в советской культуре. Достаточно привести несколько канонических примеров: литературные произведения «Военная тайна» (1935) Аркадия Гайдара, «Бронзовая птица» (1956) Анатолия Рыбакова; фильмы «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» (1964) Элема Климова, «Засекреченный город» (1974) Михаила Юзовского. Используя разные языки (литературы и кино) их создатели стремились сконструировать образ пионерлагеря как обязательной ступени на пути к формированию личности сознательного гражданина СССР.

Начиная с 2010-х годов, в России наблюдается смена политического курса. Это выражается в обращении и даже в попытках возврата достижений советской эпохи. Так, например, согласно Указу Президента Российской Федерации от 29 октября 2015 года № 536, была создана Общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников», в самой идее которой усматривается преемственность ВПО им. Ленина. Во многих регионах России 19 мая 2017 года впервые за всё постсоветское время состоялось масштабное празднование Дня пионерии – 95-летия со дня основания коммунистической детской организации [см.: 2, с. 87;

10; 11, с. 227; 13]. К пионерскому наследию, и, в частности к образу пионерского лагеря, в последние годы всё охотнее обращается и российская массовая культура. Приведём лишь некоторые примеры: в 2008 году на «Первом канале» с успехом у зрителей прошёл показ двенадцатисерийного фильма «Синие ночи» режиссёра Давида Ткебучавы о жизни в пионерлагере в конце 1970-х годов; в первой части романа Шамиля Идиатуллина «Город Брежнев» (2017) подробно описывается быт пионерлагеря «Юный литейщик» на черноморском побережье летом 1983 года; определённую известность приобрела основанная в 2010 году рок-группа из Твери «Пионерлагерь Пыльная Радуга».

Методология и методы исследования. Беря за основу, пожалуй, два самых ярких примера из российской массовой культуры последних лет – многократного победителя на различных национальных и международных фестивалях, вторую часть приключенческой кинотрилогии «Частное пионерское» (2012–2017) режиссёра Александра Карпиловского под названием «Частное пионерское. Ура, каникулы!!!!»¹ (2015)², а также роман-бестселлер писателя Алексея Иванова «Пищеблок» (2018) – в данной статье будет проведён сравнительный анализ образов позднесоветских пионерских лагерей с учётом следующих критериев: семантики, образов педагогов и пионеров, атрибутики пионерского быта. В работе будут использованы описательно-функциональный и сравнительно-сопоставительный методы исследования текстов культуры, которые должны помочь установлению преобладающего настроения в обоих культ-товарах: светлой ностальгии по исчезнувшим пионерлагерям, или же взвешенной критики в адрес герметичного каникулярного воспитания школьников в соответствии с Законами пионеров СССР.

Результаты исследования и их обсуждение. С одной стороны, стилистически близкая к лучшим образцам детского и подросткового кино советской эпохи, с другой – динамичная, отвечающая современным сюжетным требованиям кинотрилогия «Частное пионерское», представляет собой в начале XXI века пример успешного российского кинопроекта, сумевшего вызвать интерес как среди бывших пионеров (нынешних

¹ Далее – «ЧП-2».

² Авторами сценария фильма «ЧП-2» выступили Олег Сироткин, Алла Гусева, Мария Шихалеева при участии Татьяны Мирошник и Александра Карпиловского.

родителей, бабушек и дедушек), так и у постсоветского поколения (их детей и внуков)¹. Инициированные выходом в свет одноимённого сборника рассказов о пионерском детстве видного государственного и политического деятеля, библиофила Михаила Сеславинского², и созданные при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации, три фильма охватывают в общей сложности четыре года: с 1977 по 1981 [см.: 8, с. 77–78; 12, с. 127–128]. В центре сюжета трое друзей: Мишка Хрусталёв (Семён Трескунов), Димка Тереньтев (Егор Клинаев) и Ленка Карасёва (Анфиса Вистингаузен). По окончании восьмого класса герои отправляются на отдых в пионерский лагерь «Юность». На берегу южного моря четырнадцатилетним школьникам предстоит не только отыскать пропавшие сокровища, но и испытать первую любовь.

В романе А. Иванова «Пищеблок» пионерлагерь «Буревестник», находящийся на берегу Волги, принимает Олимпийскую смену. Герои литературного произведения – пионер-пятиклассник Валерка Лагунов и филолог-второкурсник Игорь Корзухин – случайно обнаруживают, что в лагере на самом деле главенствуют вампиры. Маскируясь при дневном свете под эталонных юных ленинцев и пионервожатых, они в тёмное время суток пьют кровь у ничего не подозревающих детей и педагогов, и таким образом подчиняют укушенных своей воле. Герои осмеливаются уничтожить строгую вампирскую иерархию и тем самым вернуть в пионерский лагерь надлежащий порядок.

Семантика. Место и время. Топосом фильма «ЧП-2» является пионерлагерь «Юность», находящийся на южном морском побережье. Ни точное географическое месторасположение, ни название моря в киноленте не указываются. «Юность» представляется неким полусказочным заповедным уголком. Установление времени действия кинокартины А. Карпиловского также сопряжено с некоторыми трудностями. Только

¹ Александр Карпиловский и Семён Трескунов (Частное пионерское: Ура, каникулы!, 23 марта): «На сеансах нашего фильма дети и родители должны сидеть вместе». – URL: <https://cinemaplex.ru/2017/02/28/aleksandr-karpilovskij-i-semen-treskunov.html> (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный; Коняшов Ф. Александр Карпиловский: «Пионер – тот, кто спасает своего друга, а не тот, кто марширует на сцене». – URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/person/325/> (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный.

² Сборник рассказов М. Сеславинского «Частное пионерское: рассказы о детстве» впервые был опубликован в 2010 году в известной серии «Школьная библиотека» издательства «Детская литература».

в неразрывной связи с первой частью кинотрилогии можно зафиксировать, что значительную часть смены друзья проводят в приморском пионерлагере в июне 1979 года.

Пионерлагерь «Буревестник» из романа «Пищеблок», за смену принимающий 180 пионеров, по своему статусу заметно уступает «Юности». Он находится под Куйбышевым, в окрестностях Жигулёвских гор на берегу Волги и её притока Рейки (бывшей Архиерейки), в сосновом лесу. По соседству с лагерем расположена деревня Первомайская (бывшая Шихобаловка). Время действия романа установить несложно. Олимпийская смена в лагере приходится на Московскую олимпиаду (июль – начало августа 1980 года).

Генплан пионерлагеря «Юность» представляется типичным для советской эпохи [см.: 7]. Школьники и педагоги живут в каменных одноэтажных корпусах, выкрашенных в лазурный цвет, построенных специально для этих целей. Палаты в корпусах обустроены аскетично. Имеется просторная столовая. Для несовершеннолетних героев кухня столовой ассоциируется с помещением для отбывания внеочередного наряда и, вместе с тем, с неординарным местом для романтического свидания. Для театральных постановок предназначен клуб. Торжественные мероприятия, например, линейки, проводятся на центральном плацу с трибуной и флагштоком. Помимо этого у «Юности» есть свой пляж; пионерам разрешено его посещать только под присмотром взрослых. Лагерь огорожен забором из металлических прутьев; выходить за его пределы школьникам строго запрещено, чем некоторые из них часто пренебрегают.

В отличие от типового пионерлагеря из «ЧП-2», у «Буревестника» более насыщенная история, корнями уходящая в дореволюционную Россию. Это бывший дачный посёлок: «Под высокими корабельными соснами вдоль берега Волги стояли сказочные пряничные теремки – причудливые, как ёлочные игрушки, лубочно весёлые, все в кудрявой резьбе, с фигурными крылечками, с какими-то мансардами и балкончиками, с застеклёнными верандами, с разноцветными фронтонами, с башенками, с кровлями шатром, лодочкой или палаткой» [4, с. 18–19]. Контраст шедеврам деревянного зодчества времён Российской империи составляют минималистичные «казённые новоделы» [Там же, с. 21] советского периода: прежде всего, столовая и Дружинный дом.

Столовая с зарешётченными окнами оставляет гнетущее впечатление. Находящийся при столовой пищеблок, с одной стороны, служит надёжным убежищем от рядовых кровопийцев, с другой, – не справляется с функцией западни для предводителя вампиров. В Дружинном доме проводятся занятия различных кружков, устраиваются кинопоказы и транслируется Олимпиада. Праздничные и торжественные мероприятия проходят на Дружинной площадке с установленным флагштоком. На берегу Волги имеется свой пляж. Огорожен «Буревестник» шатким забором из сетки-рабицы. Перелезть через него, вырыть подкоп или проделать дыру не составляет труда, чем, вопреки предписанным правилам, активно пользуются как пионеры, так и вожатые.

Внешний мир. Мир за забором пионерлагеря «Юность» покрыт пеленой таинственности и скрывает в себе угрозу. За пределами лагеря находится вход в катакомбы. Несмотря на строжайший запрет и грозные предостережения со стороны педагогов, несовершеннолетних героев фильма неустанно манит загадка подземного лабиринта. В катакомбах, чья разветвлённая сеть ходов, в том числе, проходит и под самим пионерлагерем, друзья обнаруживают украденные из музея старинные драгоценности и сталкиваются со смертельной опасностью (схватка с преступниками).

В отличие от кинокартины А. Карпиловского, внешний мир в романе А. Иванова представлен более отчётливо. Он полон опасностей. За пределами «Буревестника» легко угодить в вампирскую ловушку и только благодаря сакральной символике (разрушенная церковь, освящённая речная вода) существует вероятность не превратиться в беспрекословных рабов упырей. Ключевым историческим событием и по совместительству лейтмотивом внешнего мира в книге А. Иванова является Олимпиада-80. Сквозь два окошка телеэкранов пионеры и работники лагеря наблюдают за спортивными событиями в далёкой Москве.

Внутренний мир. На закрытую территорию пионерлагеря «Юность» посторонние лица беспрепятственно проникнуть не могут. Местные жители оказываются там только в качестве рабочих либо милиционеров; прибывают официальные визитёры от завода. Внутри герметичного пространства пионерлагеря ребята могут чувствовать себя в безопасности.

На территорию «Буревестника», напротив, проникнуть легче простого. Жители

близлежащей деревни Первомайская используют пионерлагерь как источник чуть ли не единственного в округе заработка (устраиваются на работу сторожами, плотниками, посудомойками) и не упускают случая прихватить с собой «сэкономленные на пионерах продукты» [4, с. 339]. Опасность гнездится не за пределами пионерского лагеря или непосредственно под ним, а находится на самой территории «Буревестника». Зло под личиной добродушного «персонального пенсионера и ветерана Гражданской войны» [Там же, с. 214] Серпа Иваныча Иеронова, который каждое лето живёт на даче, расположенной внутри лагеря. Тем самым, самовольное пересечение границ пионерлагеря хоть и расценивается педагогами как серьёзное преступление, на самом деле таит в себе куда меньше риска, чем высокая вероятность на территории загородного учреждения либо стать вампиром («пиявцем»), либо превратиться в покорного поставщика крови («тушкой»). Внутри «Буревестника», «скотобазы для вампиров» [Там же, с. 277], убережёт от нападения кровопийцев могут разве что редкие нательные крестики, «домик» из простыней и замок на железных дверях пищеблока, но не педагоги и работники пионерлагеря. Впрочем, против наделённого сверхъестественной силой тёмного стратилата и они оказываются бесполезными. Попавшая в его грамотно расставленные сети жертва обречена на смерть.

Педагоги. *Общая характеристика.* Пионерлагерь «Юность» представлен той герметичной резервацией, в которой дети и подростки под непрерывным контролем педагогов, в первую очередь, занимаются укреплением физического здоровья и культурным развитием, и только во вторую очередь подвергаются идеологическому воспитанию (публичные порицания, цензура и т. д.). Педагоги, в значительной степени, заняты собственными проблемами.

В «Буревестнике» идеологическая составляющая, наоборот, заметно превалирует над физическим и культурным воспитанием. Расписание дня вывешено в нескольких местах на территории лагеря и за его выполнением следит педагогический состав. Индивидуализм жёстко пресекается. Идеологическая цензура даёт о себе знать на занятиях в различных кружках: в письмах к иностранцам нельзя писать свои истинные желания; на рисовании нельзя изображать то, что действительно хочется; на пении нельзя репетировать несоответствующую

духу пионерлагеря песню¹. В работе педагогов определён прослеживается лишённый искренности формализм. Убеждённая вера в правоту коллектива и непогрешимое следование советским идеалам к 1980 году в педагогической среде превратились в почти невстречающийся раритет.

Начальник лагеря Александр Александрович Заславский (Василий Мищенко) номинально будучи главным педагогом в «Юности», в действительности ограничивается функциями комика. Его попытка «освоевредить» трагедию Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» для спектакля старшего пионерского отряда «поближе к курсу партии» вызывает скорее недоумение, чем негодование [см.: 8, с. 77–78].

Несмотря на высокую должность директора лагеря «Буревестник», Николай Петрович Колыбалов, также не занимает главенствующее место в иерархии пионерлагеря. Его основная цель – спокойно доработать до пенсии и постараться избежать лишней ответственности.

Старшая пионервожатая. Уже с начала смены старшая пионервожатая Жанна Борисовна (Марианна Шульц) вызывает у пионеров «Юности» стойкую неприязнь. Она концентрирует в себе отрицательные качества позднесоветского педагога: безапелляционность, мстительность, заискивание перед начальством. Фанатичная отдача воспитательной работе, очевидно, кроется в её женской неприкаянности.

Как и в случае со своей коллегой по должности, Наталья Борисовна Свистунова из пионерлагеря «Буревестник», по крайней мере, чисто внешне тоже проявляет чрезмерное усердие в воспитательной работе. По её мнению, абсолютно каждый должен быть занят делом: «У нас все должны в чём-нибудь участвовать. А кто не все – того накажем» [4, с. 81]. Занимающую вершину в педагогической иерархии «Буревестника» Свистунову в реальности заботит отнюдь не идейное воспитание ребят, а собственная карьера и личная жизнь.

Вожатый. Промежуточным звеном между пионерами и педагогическим составом лагеря «Юность» становится неопытный вожатый Костя (Илья Ермолов). Начинающего педагога больше интересуют стильная оде-

жда, популярная западная и андеграундная советская музыка, самиздат и, в особенности, успех у противоположного пола. Он типичный пример молодого человека времён брежневского застоя, который иногда может открыто высказать своё, идущее вразрез с начальством, мнение и совершить благородный поступок, но одновременно, как огня боится возможного исключения из комсомола и института.

Вожатый Игорь Корзухин из «Буревестника» – любимец и покровитель пионеров, не терпящих над собой круглосуточной опеки. Он, прежде всего, мечтает о романтических отношениях и совершенно не задумывается о воспитании молодёжи, согласно курсу КПСС. Игорь – довольно заурядный позднесоветский студент, превратившийся в заклятого врага вампиров единственно потому, что среди «пиявцев» оказалась его возлюбленная². Идеологическое воспитание школьников видится и ему лицемерной формальностью.

Пионеры. Дети против взрослых. Довольно сложные взаимоотношения между взрослыми и детьми становятся одним из ключевых противостояний в обоих культуарах. В фильме «ЧП-2» пионеры либо откровенно недолголюбивают своих педагогов, давая им обидные прозвища (начальник лагеря – «Зассаныч», старшая пионервожатая – «Жаба»), либо относятся к ним как к равным себе (вожатый – «Костик»). Воспитателей школьники нередко обманывают, а в особых случаях даже объявляют им «войну».

В романе «Пищеблок» ребята делят педагогов на условно «добрых» (вожатый Игорь) и «строгих» (вожатая Ирина и старшая пионервожатая Свистунова). И пионеры, и педагоги могут прямо выказывать друг другу неприязнь и недоверие. Исключительный момент единения между воспитателями и школьниками происходит в заключительный день смены, во время общего хоровода вокруг Последнего костра.

Детство против пионерства. Оба выбранных для анализа примера из современной массовой культуры указывают на то, что пионерство видится большинству позднесоветских школьников насаждённой и потому надоевшей игрой. В системе ценностей пионеров из лагеря «Юность» личное преобладает над навязанным общественным. Дан-

¹ Юзефович Г. Музей позднесоветской эпохи теперь с вампирами: Галина Юзефович – о романе «Пищеблок» Алексея Иванова. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/11/17/muzey-pozdnesovetskoy-epohi-teper-s-vampirami> (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный.

² Балуева А. Алексей Иванов: «Удивляет согласие людей на убогую жизнь». – URL: <https://sobesednik.ru/kultura-i-tv/20181127-aleksey-ivanov-udivlyaet-soglasie-lyudej-na-uboguyu-zhizn> (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный.

ный факт лишний раз подчёркивается создателями в самом названии кинотрилогии.

В «Буревестнике» сосуществуют показушная пионерская жизнь и истинная детская. Сначала «правильные пионеры» (вампиры) являются предметом насмешек у остальных ребят, так как их поведение выглядит неестественно. Детские приметы и ритуалы видятся пионерам из романа А. Иванова куда органичнее и понятнее, чем выморочные пионерские собрания отрядов, «свечки» без свечек и коллективное подведение итогов дня или притворный «орлянский круг». В выдуманные самими же детьми страшные истории про чёрный платок и пианино с мертвецом или городской фольклор о коварных происках враждебных Советскому Союзу стран, школьники верят значительно больше, чем в сочинённый и продиктованный взрослыми идеологический девиз собственного отряда¹.

Главные герои. Согласно «Положению о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина»², советская пионерия «воспитывает у детей любовь к знаниям и ответственное отношение к учению, прививает интерес к науке и технике, культуре и искусству, содействует их всестороннему развитию. Пионерская организация развивает у пионеров общественную активность и коллективизм, растит их сознательными, честными, смелыми, здоровыми и жизнелюбивыми»³.

Главный герой фильма А. Карпиловского, восьмиклассник Мишка Хрусталёв хорошо учится в школе – у любознательного школьника превалирует склонность к гуманитарным наукам. Начитанность существенно выделяет его среди сверстников. По своему психологическому складу Мишка – интроверт, отличающийся спокойствием, скромностью и задумчивостью. Общественную активность он демонстрирует

редко, преследуя при этом, как правило, личные цели. Героя отличает редкостная сознательность и честность, правда, преимущественно, в отношении к своим друзьям и отцу, а не к пионерской организации в лице начальника лагеря и старшей пионервожатой. Показательна ситуация: при нависшей над ним угрозой исключения из пионеров, а тем самым, утраты в будущем возможности принятия в комсомол и поступления в вуз, Хрусталёв всё же твёрдо решает вновь нарушить распорядок дня и прийти на выручку друзьям. В сцене нападения похитителей сокровищ он самоотверженно ввязывается в бой, несмотря на их физическое превосходство. Похвастаться отличным здоровьем и силой subtilный блондин с изъяснами в дикции не может. Не проявляет он и положенной пионеру жизнелюбности. Неудивительно, что в глазах педагогического состава «Юности», четырнадцатилетний Мишка видится проблемным подростком с влиятельным отцом. Воспитатели терпят Хрусталёва до первых проступков, затем с нескрываемым удовольствием выгоняют его из пионерлагеря. И даже несмотря на конфронтацию с педагогами лагеря, повзрослевший герой, от лица которого и ведётся повествование в фильме, с огромной теплотой вспоминает о счастливым времени, проведённом в приморской «Юности».

Главный герой романа «Пищеблок», двенадцатилетний Валерка Лагунов, в школе учится без троек. По своему интеллектуальному развитию он явно превосходит своих сверстников. У куйбышевского школьника, индивидуалиста-интроверта, сложные отношения с общественной активностью и, в особенности, с коллективизмом: «В пионерлагерях Валерка бывал уже много раз – с третьего класса ездил. Папа считал, что Валерка слишком много читает и ему не хватает общения со сверстниками. <...> Как человек, думающий о Родине, папа хотел, чтобы сын был ближе к народу. А Валерку народ заколебал: одному побыть бы, без товарищей, без учителей и без глупой младшей сестрёнки, – вот чего надо» [4, с. 39]. К тому же он идеалист, непоколебимо верящий в силу и правоту коллектива. На протяжении всей Олимпийской смены мальчик жадно «ищет идеальный коллектив» [Там же, с. 116] и мечтает стать его частью. Однако, в реалиях 1980 года обнаружить его Валерке никак не удастся. Основной причиной, побудившей пятиклассника объявить кровопийцам безжалостную войну, является их наглое извращение сути столь дорогих ему советских

¹ Башмакова М. «Постоять в стороне от зла невозможно». Писатель Алексей Иванов объяснил Марии Башмаковой, почему в романе «Пищеблок» от вампира до пионера – один шаг. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791870> (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный.

² Всего существует три редакции «Положения о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина»: 1922, 1967 и 1986 годов. В фильме «ЧП-2» и романе «Пищеблок», чьи действия разворачиваются в 1979 и в 1980 годах, нас интересует актуальная в то время редакция 1967 года.

³ Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина 1967 года. – URL: https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Положение_о_Всесоюзной_пионерской_организации_имени_В.И._Ленина_1967_года&oldid=3516673 (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный.

идеалов¹ Протагониста романа «Пищеблок» отличают высокая степень сознательности и честности, качества совершенно неуместные в поглотившей позднесоветские годы казённости. Более того, его безупречная честность в лучшем случае воспринимается окружающими как фантазёрство и желание обратить на себя внимание, в худшем – как психическое расстройство. Внешний вид Валерки вводит окружающих в заблуждение: «...Он был невысокий, худенький и в очках. Учителям казалось, что он нуждается в опеке, иначе его затрут или потеряют» [4, с. 31]. Пятиклассник умеет за себя постоять, даже если его противники имеют явное преимущество. Нередкие ситуации несправедливости в свой адрес вынуждают Валерку быть строптивым и грубым. За свои слова мальчик привык нести ответственность, а поклясться предпочитает «честным словом» вместо «честного пионерского».

Атрибуты. Парадная пионерская форма. В «Положении» 1967 года прописаны правила одежды юных ленинцев: «Пионеры Советского Союза имеют единую пионерскую форму»². «Каждый пионер носит красный галстук и пионерский значок. Красный галстук – частица Красного знамени, он символизирует единство трёх поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров»³.

Школьники из фильма «ЧП-2» облачаются в парадную пионерскую форму только для торжественной линейки, знаменующей собой начало лагерной смены. Затем ребята всё время ходят в обычной, повседневной одежде. Единственным обязательным атрибутом советской пионерии на территории «Юности» остаётся красный галстук. Пионеры не повязывают его лишь в редких, как правило, «противозаконных ситуациях» – ночное свидание на берегу моря, поход в пещеры, укрытие сокровищ в тайнике – либо отбывая наказание – внеочередной наряд на кухне. Пионерские значки остаются прикрепленными к парадным белым рубашкам и в обычные дни смены о них никто не вспоминает.

¹ Башмакова М. «Постоять в стороне от зла невозможно». Писатель Алексей Иванов объяснил Марию Башмаковой, почему в романе «Пищеблок» от вампира до пионера – один шаг. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791870> (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный.

² Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина 1967 года. – URL: https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Положение_о_Всесоюзной_пионерской_организации_имени_В.И._Ленина_1967_года&oldid=3516673 (дата обращения: 30.05.2020). – Текст: электронный.

³ Там же.

Все пионеры из романа «Пищеблок» обязаны надеть парадную пионерскую форму дважды: для торжественного открытия и закрытия Олимпийской смены. Парадная форма не вызывает у советских школьников 1980 года надлежащего трепета; в остальное время они носят повседневную одежду. В лагерные будни ношение красного галстука вызывает у мальчишек нескрываемую антипатию. Потребность в важнейшем атрибуте советской пионерии возникает у ребят единственно при желании заполучить автограф: «Если девочка писала что-либо на пионерском галстуке мальчика, это означало глубокую симпатию» [4, с. 193]. В остальном же пионерский галстук чтят исключительно вампиры, не расстающиеся с ним днём ни при каких условиях. Галстук цвета крови оберегает упырей от солнечного света. У позднесоветских школьников не пользуются популярностью и пионерские значки: «Если честно, пионерский значок даже в лагере не имел особой ценности. Иголки, бельевые резинки, спички, гильзы, стержни от ручек, мотки цветной проволоки, магниты из электромоторчиков – это были богатства, не говоря уж о таких сокровищах, как ножик, лупа или олимпийский рубль» [Там же, с. 100]. Своё применение данный символ пионерии снова находит в вампирской среде. Пятиконечная звезда, присутствующая в оформлении пионерского значка, представляет для кровопийцев дьявольскую пентаграмму. Искреннюю любовь и почтение к пионерской и, шире, советской символике в пионерлагере «Буревестник» демонстрирует, разве что, патристично настроенный пятиклассник Валерка Лагунов, откровенно сетующий на безразличие позднесоветских граждан и цинично воспользовавшийся этим нечисть: «Они [позднесоветские люди] наплевали на тайну, скрытую в алых знамёнах и пятиконечных звёздах, в серпе и молоте. Людям эта тайна оказалась не нужна. А вампирам – нужна. Вампиры не просто обманывали и не просто пили кровь; они извратили всю суть серпа и молота, всю суть флага и звезды» [4, с. 375].

Заключение. В обоих примерах современной массовой культуры доминирует искренняя ностальгия по детству, пришедшему на позднесоветский период, а не грусть по исчезнувшим пионерским лагерям. Здесь прослеживаются автобиографические черты практически ровесников, режиссёра А. Карпиловского (1964) и писателя А. Иванова (1969). Вместе с тем, в обоих культ-товарах,

в большей («Пищеблок») или меньшей мере («ЧП-2»), наличествует и критика к закрытому, основанному на подавлении индивидуализма и успевшему к началу 1980-х годов погрязнуть в лицемерии идеологическому воспитанию школьников в пионерлагерях. И так, фильм «ЧП-2» – это красочная ретро-открытие, собранная из калейдоскопа зарисовок захватывающих будней полуфан-

тастического лагеря «Юность». В свою очередь роман «Пищеблок», несмотря на свою мистическую составляющую, – это гнетущее реалистичный слепок пионерлагеря, населённого позднесоветским абсурдом, гибель которого (прежде всего благодаря повсеместному ханжеству обычных людей, а совсем не вампиров!) остаётся лишь вопросом времени.

Список литературы

1. Абашкина Е. В. Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия «Социология. Политология». 2013. № 4. С. 55–59.
2. Добрынина М. В., Коваленко Д. Г., Кранин А. В. Российское движение школьников как новая форма взаимодействия образовательных и социально ориентированных некоммерческих организаций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 3. С. 85–91.
3. Домнич Е. А. Организация летнего отдыха и укрепление здоровья детей в пионерских и оздоровительных лагерях в Краснодарском крае в 80-е годы XX века // История: факты и символы. 2017. № 2. С. 9–15. DOI: 10.24888/2410-4205-2017-11-2-9-15.
4. Иванов А. В. Пищеблок: роман / ред. Е. Шубина. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 413 с.
5. Коротаяева Е. В. Педагогика уральских каникул: история и современность // Педагогическое образование в России. 2017. № 5. С. 40–47.
6. Морозов В. Ю. Пионерский лагерь (гуманитарный и социологический аспект) и его оценка в современной историографии // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 182–192.
7. Онищенко Г. С., Козыренко Н. Е. Новые типы пионерлагерей: тенденции с 80-х гг. XX вв. // Новые идеи нового века – 2019: материалы XIX Междунар. науч. конф.: в 3 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2019. С. 186–191.
8. Савенкова Е. В. Образ ребёнка в российском детском кинематографе, или Что нам делать с мёртвым матросом // *Mixtura verborum* 2015: образы настоящего. Философский ежегодник / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Самар. гуманит. акад., 2016. С. 64–81.
9. Сепиашвили Е. Н. Педагогический менеджмент в контексте работы вожатого в детском оздоровительном лагере // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 91–94.
10. Титова Е. В. Невыученные уроки детского движения: к 95-летию основания пионерской организации. Текст: электронный // Непрерывное образование: XXI век. 2017. № 2. URL: <https://i1121.petrsu.ru/journal/article.php?id=3508> (дата обращения: 30.05.2020).
11. Тихомирова Е. В. Детско-юношеское движение школьников: контуры реальности (на материале пилотных школ РДШ) // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2017. № 3. С. 227–231.
12. Школа и вуз в зеркале советского и российского кинематографа / А. В. Фёдоров [и др.]. М.: Информация для всех, 2018. 224 с.
13. Kadykało A. The Pioneer movement in the contemporary perception of Russians // *Przegląd Rusycystyczny*. 2018. No. 1. P. 44–63.
14. Kelly C. Children's world: Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 714 p.
15. Rajagopalan S. Remix videos and the mnemonic imagination: Emotional memories of late Soviet childhood // *International Journal of Cultural Studies*. 2019. Vol. 22. P. 9–36. DOI: 10.1177/1367877917741540.
16. Rùthers M. Picturing soviet childhood: Photo albums of pioneer camps // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2019. No. 1. P. 65–95. DOI: 10.25162/JGO-2019-0003.
17. Silova I., Palandjian G. Soviet empire, childhood, and education // *Revista Española de Educación Comparada*. 2018. No. 31. P. 147–171. DOI: 10.5944/reec.31.2018.21592.

Статья поступила в редакцию 28.05.2020; принята к публикации 10.07.2020

Сведения об авторе

Михаэль Кун, аспирант, Ягеллонский университет, 30-060, Польша, г. Краков, ул. Ингардена, 3; e-mail: michael.kuhn.slawistik@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6258-4740>.

Библиографическое описание статьи

Михаэль Кун. Образ позднесоветского пионерского лагеря в произведениях российской массовой культуры 2010-х годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 85–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-85-93.

References

1. Abashkina, E. V. Soviet pioneer camp: from the post-war to the late (experience of qualitative research). *Izvestia of Saratov University.*, no. 4, pp. 55–59, 2013. (In Rus.)
2. Dobrynina, M. V., Kovalenko, D. G., Kranin, A. V. Russian movement of schoolchildren as a new form of cooperation between educational institutions and socially-oriented non-profit organizations. *Economical and social-humanitarian research*, no. 3, pp. 85–91, 2017. (In Rus.)
3. Dornich, E. A. Organization of summer holidays and health of children in pioneer camps in the Krasnodar region in the 80-ies of XX century. *History: facts and symbols*, no. 2, pp. 9–15, 2017. DOI: 10.24888/2410-4205-2017-11-2-9-15. (In Rus.)
4. Ivanov, A. V. *Food Block: novel*. M.: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2019. (In Rus.)
5. Korotaeva, E. V. Pedagogy and summer holidays in the Urals: past and present. *Pedagogical education in Russia*, no. 5, pp. 40–47, 2017. (In Rus.)
6. Morozov, V. Y. Pioneer camp (humanitarian and sociological aspect) and its evolution in modern historiography. *Voyager: the world and man*, no. 8, pp. 182–192, 2017. (In Rus.)
7. Onishchenko, G. S., Kozyrenko, N. E. New types of the pioneer camps trends from the 1980. New ideas of the new century – 2019: Proceedings of the nineteenth international scientific conference. In 3 vol. Vol. 2. Khabarovsk: Izdatel'stvo TOGU, 2019: 186–191. (In Rus.)
8. Savenkova, E. V. The image of a child in Russian children's cinema, or What will we do with the dead sailor. *Mixtura verborum' 2015: images of the present*. Yearbook of philosophy / Ed. ed. S. A. Lishaev. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2016: 64–81. (In Rus.)
9. Sepiashvili, E. N. Educational management in the scope of functions performed by a scouts' leader in the children's health camp. *Historical and social educational ideas*, no. 1, pp. 91–94, 2014. (In Rus.)
10. Titova, E. V. Unlearned lessons of children's movement: to the 95th anniversary of the foundation of the pioneer organization. *Lifelong education: the XXI century*, no. 2, 2017. Web. 30.05.2020. <https://i1121.petrsu.ru/journal/article.php?id=3508> (In Rus.)
11. Tikhomirova, E. V. Movement of schoolchildren and young people: reality contours (in terms of pilot schools, promoting the Russian Schoolchildren's Movement). *Vestnik of Kostroma State University*, no. 3, pp. 227–231, 2017. (In Rus.)
12. Fedorov, A. V. et al. School and university in the mirror of Soviet and Russian cinema. M: Izd-vo MOO "Informatsiya dlya vsekh", 2018. (In Rus.)
13. Kadykało, A. The pioneer movement in the contemporary perception of Russians. *Przegląd Rusycystyczny*, no. 1, pp. 44–63, 2018. (In Engl.)
14. Kelly, C. *Children's world: Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven and London: Yale University Press, 2007. (In Engl.)
15. Rajagopalan, S. Remix videos and the mnemonic imagination: Emotional memories of late Soviet childhood. *International Journal of Cultural Studies*, vol. 22, pp. 9–36, 2019. DOI: 10.1177/1367877917741540. (In Engl.)
16. Rùthers, M. Picturing Soviet childhood: Photo albums of pioneer camps. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, no. 1, pp. 65–95, 2019. DOI: 10.25162/JGO-2019-0003. (In Engl.)
17. Silova, I., Palandjian, G. Soviet empire, childhood, and education. *Revista Española de Educación Comparada*, no. 31, pp. 147–171, 2018. DOI: 10.5944/reec.31.2018.21592. (In Engl.)

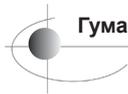
Received: May 28, 2020; accepted for publication July 10, 2020

Information about author

Michael Kuhn, Graduate student; Jagiellonian University; 3 Ingardena st., Krakow, 30–060, Poland; e-mail: michael.kuhn.slawistik@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6258-4740>.

Reference to the article

Michael Kuhn. The image of Late Soviet Pioneer Camp in Russian Mass Culture Works of the 2010s // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 85–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-85-93.

УДК 81

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-94-98

Хань Бин,*Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю
(г. Шаосин, КНР),
e-mail: 1144981928@qq.com*

Возникновение русско-китайского пиджина как рефлексии языковых контактов

К настоящему времени учёными накоплен значительный опыт в исследовании понятия «языковые контакты». Многоаспектность, многофункциональность данного явления, его исследование в различных областях научного знания детерминируют существование различных трактовок данного понятия, каждое из которых отражает его различные моменты. Анализ научных работ китайских, российских, западных учёных, в которых представлено понимание понятия «языковые контакты», позволил выявить следующие аспекты в трактовке данного понятия: акцент на языковом взаимовлиянии и взаимодействии в процессе языкового контактирования; определение языковых контактов как взаимодействия между языками в результате взаимодействия сообществ, говорящих на этих языках; изучение языковых контактов в аспекте существующего разнообразия языковых явлений, обусловленных контактированием языков. В работе определены сущностные характеристики пиджина, выявлены факторы возникновения и особенности русско-китайского пиджина. На основе анализа научных подходов к исследованию пиджинов, причин их появления, условий функционирования сделан вывод о том, что основным фактором возникновения русско-китайского пиджина стала пограничная торговля, которая занимала особое место во взаимоотношениях России и Китая. Материалы исследования могут быть применены при изучении особенностей языковых контактов, взаимодействия между Россией и Китаем.

Ключевые слова: язык, диалект, языковые контакты, пиджин, русско-китайский пиджин

Han Bing,*Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages
(ShaoXing City, China),
e-mail: 1144981928@qq.com*

The Emergence of the Russian-Chinese Pidgin as a Reflection of Language Contacts

Scientists have accumulated considerable experience in the study of the concept of "linguistic contacts". Multidimensionality and multifunctionality of this phenomenon, its research in various fields of scientific knowledge determine the existence of various interpretations of this concept, each of which reflects its different points. The analysis of scientific works by Chinese, Russian, Western scientists in which the understanding of the concept of "linguistic contacts" is presented, made it possible to identify the following aspects in the interpretation of this concept: an emphasis on linguistic interaction and interaction in the process of linguistic contact; definition of linguistic contacts as an interaction between languages as a result of the interaction of communities speaking these languages; the study of linguistic contacts in the aspect of the existing variety of linguistic phenomena caused by the contact of languages. The paper defines the essential characteristics of the pidgin, identifies the factors of occurrence and features of the Russian-Chinese pidgin. Based on the analysis of scientific approaches to the study of pidgin, the reasons for their appearance, conditions of functioning, it was concluded that the main factor in the emergence of the Russian-Chinese pidgin was border trade, which occupied a special place in relations between Russia and China. The research materials can be applied in studying the features of language contacts, the interaction between Russia and China.

Keywords: language, dialect, language contacts, pidgin, Russian-Chinese pidgin

Введение. Язык является важным фактором, детерминирующим развитие общества, культурные, торговые, экономические, политические, международные отношения. Во всём мире большинство языков контактируют с другими языками, самодавляющих языков почти не существует. Процессы глобализации, межкультурной коммуникации, возникновение множества культурных миров, усиление межэтнических и межъязы-

ковых контактов актуализируют роль языковых контактов в современном мире.

Одной из разновидностей языковых контактов являются пиджины, которые, как правило, возникают тогда, когда между несколькими группами людей существует необходимость договориться о чём-либо, но нет общего языка. Пиджин служит вспомогательным средством коммуникации в стандартных коммуникативных ситуациях. При-

© Хань Бин, 2020

мером ситуации возникновения пиджина может служить торговля.

Одним из разновидностей пиджинов является русско-китайский пиджин, возникший как новый идиом, отличающийся от многих пиджинов на основе западноевропейский языков: его лексика была преимущественно русской, а грамматический строй китайским.

В статье ставится *цель* – выявить особенности русско-китайского пиджина как рефлексии языковых контактов. Для реализации цели предполагается решение следующих задач: проанализировать трактовки понятия «языковые контакты» в концепциях китайских, российских, западных учёных; определить сущностные характеристики и функциональные особенности пиджина; выявить факторы возникновения и особенности российско-китайского пиджина.

Методологическую основу исследования составляют сравнительный, интерпретативный, ретроспективный подходы. Сравнительный подход позволил проанализировать общее и отличное в трактовке понятия «языковые контакты» в теориях и концепциях российских, китайских, западных исследователей. Интерпретативный подход был использован при анализе аутентичных источников по проблеме определения языков контактов и пиджина в Китае. Ретроспективный подход позволил выявить факторы возникновения русско-китайского харбинского пиджина.

Результаты исследования и их об-суждение. Под языковыми контактами, прежде всего, имеются в виду взаимные контакты между людьми, непосредственно или косвенно употребляющими языки. В силу коммуникативной необходимости люди прямо общаются при помощи устной или письменной речи. Обычно при прямом общении люди разных народов не употребляют непонятные коммуникантам национальные языки, одна сторона употребляет язык другой стороны, или одна сторона, или обе стороны выбирают для употребления третий, понятный коммуникантам язык.

Разновидности одного и того же национального языка разделяются на социальную, местную, региональную и международную разновидности [6]. Социальную разновидность можно определить как социальный диалект, местную – как местный диалект. В традиционной лингвистике под словом «диалект» как правило, понимают только местный диалект, но в социолингвистике и контактологии слово «диалект» включает

в себя не только местный диалект, но и его социальную разновидность. Так, разные разновидности одного и того же языка в одной стране, как, например, китайский язык в Китае, на Тайване, в Сянгане и в Момене, относятся к местной разновидности. Международная разновидность тесно связана с национальной принадлежностью. К такому типу относится английский язык в США, Канаде, Австралии, Индии и Новой Зеландии [6]. В связи с этим в исследовании явления языковых контактов нужно чётко разделять на разновидности различных языков.

Торговые связи, культурный обмен, войны, конфликты, миграционные процессы и другие явления современного общества стимулируют коммуникацию между разными народами и обществами, которая неизбежно приводит к языковым контактам. Однако в научных кругах до сих пор нет единого мнения по вопросу определения языковых контактов. Вследствие того что учёные дают разные представления о языковых контактах, подчёркивают в них разное содержание и употребляют этот термин в разных аспектах, возникли разнообразные его объяснения.

Язык представляет собой особенный объективный предмет, поэтому языки сами не могут контактировать, это может происходить только с помощью контакта между носителями разных языков¹. Лингвист В. А. Звегинцев указывал на то, что какой бы ни был тип контактирования, в действительности языки не сами контактируют, так как языковые контакты осуществляются только с помощью носителей языков [3]. В действительности под «языковыми контактами» подразумеваются взаимные контакты между людьми, употребляющими языки или разновидности языков [11].

Как отмечает в своих трудах Л. А. Ульяницкая, под языковыми контактами можно понимать любое речевое общение между двумя языковыми коллективами [8]. А. Е. Карлинский предлагает под языковыми контактами понимать следующее: «два языка (А и В) находятся в контакте, если речь (текст), порождаемая на языке А, содержит в себе элементы и/или отношения языка В, а также если элементы и/или отношения языка А проникают и обнаруживаются в системе языка В, и наоборот» [5, с. 11].

Таким образом, в указанных определениях языковых контактов делается акцент на языковом взаимовлиянии и взаимодействии в процессе языкового контактирования.

¹ Вахтин Н., Головкин Е. Ю. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: Гуманит. акад., 2004. – 336 с.

Понимание языковых контактов представлено также в трудах китайских учёных. Так, например, Го Гуси полагает, что языковые контакты представляют собой влияние на язык, вызванное постоянными контактами в устной или письменной форме между людьми на разных языках¹. Хэ Цзюньфан под языковыми контактами понимает такие изменения языка в структуре и коммуникативной функции, которые вносятся людьми, общающимися на разных языках². Сходной позиции придерживаются Син Фуи и Юань Янь. Син Фуи отмечает, что под языковыми контактами понимается взаимовлияние в языке, порожденное постоянным общением между людьми на разных языках³; по Юань Янь, что языковые контакты представляют собой изменения, возникающие в структурных и функциональных особенностях в результате контактов между разными языками [12].

Есть группа китайских учёных, которые под языковыми контактами понимают любые отношения, происходящие в языке. Так например, Ци Хуан считает, что языковые контакты представляют собой понятие, которое имеет в виду все отношения в языке⁴. Сюй Лайди, определяя языковые контакты, имеет в виду различных изменения: как языковые явления в языке А или языке В, вызванные непрерывной коммуникацией в посредственной, непосредственной и в устной или письменной форме между говорящими на языке А и языке В [10].

Таким образом, можно отметить, что в концепциях китайских учёных языковые контакты определяются как взаимодействие между языками в результате взаимодействия сообществ, говорящих на этих языках.

Среди западных исследователей мы хотели бы выделить труды американского лингвиста Э. Хуагена, который одним из первых дал определение понятию «языковые контакты». Он отмечал, что языковые контакты определяются как поочередное использование двух или более языков одними и теми же лицами, которых называют носителями двух или более языков, или друязычными носителями [13].

Вслед за Э. Хуагеном американский лингвист У. Вайнрайх, анализируя языковые контакты, отмечал, что два или несколько языков находятся в контактах, если их употребляет один и тот же человек [4].

Проанализированные определения понятия «языковые контакты» отражают их особенности в разных аспектах. Несмотря на различие взглядов в понимании языковых контактов, в них можно выделить общее. Мы согласны с позицией Ван Кэвэня, который отмечает, что под языковыми контактами, во-первых, имеются в виду взаимные контакты между людьми, непосредственно или косвенно употребляющими языки. Во-вторых, по своему содержанию, языковые контакты представляют собой культурные контакты. В-третьих, языковые контакты, в широком смысле, подразумевают контакты между языками [1].

Одной из разновидностей языковых контактов является пиджин. Среди учёных, занимающихся проблемами языковых контактов, существуют разные его определения.

Мы придерживаемся концепции Ян Цзе, с научной позицией которого в аспекте понимания пиджина согласна большая часть исследователей. Ян Цзе исходит не только из этимологии слова, но в своих аргументах используют исторические факты. Учёный отмечает, что «китайское восприятие (даже достаточно искаженное) слова *business* будет фонологически и орфоэпически (в соответствии с фонетической системой, правилами употребления фонем и правилами произношения аллофонов фонем в китайском языке) звучать следующим образом: пи-цзы-ни-сы или пи-сы-ни-сы, и вряд ли как-то иначе» [9, с. 69].

Также в нашем исследовании мы используем определения пиджина, данные российскими учёными. Определение Е. В. Перехвальской, в котором она отмечает, что «пиджин – это редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как язык» [7, с. 11]. Определение пиджина в более широком смысле дано В. А. Виноградовым: «Пиджин – это структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путём существенного упрощения структуры языка-источника» [3].

Одним из видов пиджинов является русско-китайский пиджин, возникший как новый идиом, отличающийся от многих пиджинов на основе западноевропейский языков [2]. Его возникновение опровергло точку зрения учёных, согласно которой, пиджин считали результатом постоянного контактирования двух или более языков, продуктом колониальной культуры и связывали его появление с колониальной экспансией и торговлей ра-

¹ 郭古兮. 《语言学教程》. 西安, 1987年. 351.

² 何俊芳. 《语言人类学教程》. 北京, 2005年. 129.

³ 哈特曼. 《语言与语言学词典》. 上海, 1981年. 177.

⁴ 齐沪杨. 《应用语言学纲要》. 上海, 2004年. 192.

бами-неграми. Кяхтинский русско-китайский пиджин являлся торговым языком, харбинский русско-китайский – бытовым языком [2]. Русско-китайский пиджин представляет собой продукт межкультурного обмена между Россией и Китаем, и изучение его является весьма актуальным в современных условиях развития взаимодействия между Россией и Китаем.

Анализ научных подходов к исследованию пиджинов, причин их появления, условий функционирования позволяет сделать вывод о том, что основой возникновения русско-китайского пиджина стала пограничная торговля, которая занимала особое место во взаимоотношениях России и Китая.

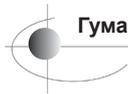
Особенно активное развитие контактов между Россией и Китаем происходило во второй половине XVII века. Это было связано с тем, что после периода обострения русско-китайских отношений, приведших к ликвидации торговли в Пекине и Урге, Россия отправила миссию в Китай, основной целью которой было введение активной торговой деятельности. В 1689 году между Россией и Китаем был подписан Нерчинский договор, который включал в себя множество статей, связанных с торговлей [9]. В результате подписания Нерчинского договора торговля была возобновлена. Согласно статьям данного договора, России и Китаю разрешалось торговать, проводить торговые караваны, строить пограничные дома и т. д. Активное развитие торговли имело своим следствием появление особого торгового языка. Восприятие этого языка происходило на личном уровне, языке жестов, ломаном произношении чужих слов. В конце XVIII века китайские торговцы в Маймачане умели говорить на русско-китайском пиджине, но никто из русских купцов не говорил на китайском языке. В силу постоянного и долгосрочного контакта между китайским и русским населением появился так называемый особый «маймачанский диалект», иначе говоря, русско-китайский пиджин, на котором шёл процесс общения между китайскими и русскими торговцами, что не мешало успешному развитию Кяхтинской пограничной торговли и как следствие – возникновению харбинского русско-китайского пиджина.

В 1727 году был подписан Кяхтинский договор, что также привело к легализации русско-китайской торговли. Кяхта и Маймачин стали русско-китайскими пограничными торговыми пунктами [9]. Развитие кяхтинской пограничной зоны создало условия возникновения особого торгового языка – кяхтинского пиджина. В дальнейшем становление русско-китайского пиджина связано: со строительством и эксплуатацией КВЖД, что привлекло строителей, железнодорожников, торговцев, военных и других участников; началом Русско-Японской войны, в годы которой Харбин являлся снабженческой базой русских военных припасов; с годами после Октябрьской революции, когда огромное количество дворян, гражданских служащих, военных, торговцев, промышленников покинуло Россию и эмигрировала в Харбин. Таким образом, активное общение между китайским населением и русскими эмигрантами стали причинами появления особого бытового языка – харбинского русско-китайского пиджина.

Заключение. Анализ научных работ китайских, российских, западных учёных, в которых представлено понимание понятия «языковые контакты», позволил выявить разные аспекты в определениях понятия «языковые контакты». Однако в этих определениях существуют общие моменты, которые заключаются в том, что языковые контакты – это взаимные контакты между людьми; по содержанию – это культурные контакты; в широком смысле – это контакты между языками. Разновидностью языковых контактов является пиджин. Среди учёных, занимающихся проблемами языковых контактов, существуют разные его определения. Мы придерживаемся концепций, в которых пиджин определяется как редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как язык; как структурно-функциональный тип языков, развивающийся путём существенного упрощения структуры языка-источника. Основой возникновения русско-китайского пиджина как рефлексии языковых контактов стала пограничная торговля.

Список литературы

1. Ван Кэвэнь. Языковые контакты Китая и России // Учёные записки. 2016. № 3. С. 62–67.
2. Жданова Н. А. Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10. С. 84–88.
3. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.

4. Истомина О. Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 288 с.
5. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия. Алма-Ата: Гылым, 1990. 180 с.
6. Кондакова М. Ф. Языковой контакт и смежные явления // Актуальные проблемы лингвистики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2002. С. 57–59.
7. Перехвальская Е. В. Русские пиджины. М.: Алетейя, 2008. 248 с.
8. Ульяницкая Л. А. Языковые контакты и особенности их изучения в различных лингвистических дисциплинах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12, ч. 4. С. 173–176.
9. Цзе Я. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социологического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67–74.
10. 徐来娣. 《汉俄语言接触研究》. 哈尔滨, 2007年. 130.
11. 张兴权. 《接触语言学》. 北京, 2012年. 200.
12. 袁焱. 《语言接触与语言演变》. 北京, 2001年. 100.
13. Haugen E. Study in Bilingual Behavior. Philadelphia, 2013. 159 p.

Статья поступила в редакцию 26.06.2020; принята к публикации 20.08.2020

Сведения об авторе

Хань Бин, кандидат культурологии, Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю; 312000, КНР, Шаосин, пров. Чжэцзян, Цзи Шань, № 428, район Юэчэн; e-mail: 1144981928@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-9397-1927>.

Библиографическое описание статьи

Хань Бин. Возникновение русско-китайского пиджина как рефлексии языковых контактов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 94–98. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-94-98.

References

1. Van Keven'. Language contacts of China and Russia. Scholarly notes, no. 3, pp. 62–67, 2016. (In Rus.)
2. Zhdanova, N. A. Russian-Chinese Pidgin of Transbaikalia among other forms of modern contact languages. Bulletin of the Buryat State University, no. 10, pp. 84–88, 2014. (In Rus.)
3. Zvegintsev, V. A. Language and Linguistic Theory. M: Editorial URSS, 2001. (In Rus.)
4. Istomina O. B. Language contacts in modern Russian society: essence, forms, trends (regional aspect). Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2012. (In Rus.)
5. Karlinskiy, A. E. The basics of interaction theory. Alma-Ata: Gylym, 1990. (In Rus.)
6. Kondakova, M. F. Language contact and related phenomena. Aktual'nye problemy lingvistiki. Ekaterinburg, 2002: 57–59. (In Rus.)
7. Perekhval'skaya, E. V. Russian pidgin. M.: Aleteyja, 2008. (In Rus.)
8. Ul'yanitskaya, L. A. Language contacts and features of their study in various linguistic disciplines. Philological sciences, no. 2, pp. 173–176, 2017. (In Rus.)
9. Cze, YA. Trans-Baikal-Manchu prepigdin: the experience of sociological research. Linguistic issues, no. 2, pp. 67–74, 2007. (In Rus.)
10. 徐来娣. 《汉俄语言接触研究》. 哈尔滨 · 2007年. (In Chinese)
11. 张兴权. 《接触语言学》. 北京, 2012年. (In Chinese)
12. 袁焱. 《语言接触与语言演变》. 北京, 2001年. (In Chinese)
13. Haugen, E. Study in Bilingual Behavior. Philadelphia, 2013. (In Chinese)

Received: June 26, 2020; accepted for publication August 20, 2020

Information about author

Han Bing, Candidate of Culturology, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages; 312000, China, ShaoXing City, province Zhejiang, JiShan, № 428, Yuecheng district; e-mail: 1144981928@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-9397-1927>.

Reference to the article

Han Bing. The Emergence of the Russian-Chinese Pidgin as a Reflection of Language Contacts // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 94–98. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-94-98.

АКСИОЛОГИЯ МЕДИАТЕКСТА

AXIOLOGY OF MEDIA TEXT

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109

*Галина Сергеевна Мельник,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: g.melnik@spbu.ru*

*Борис Яковлевич Мисонжников,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru*

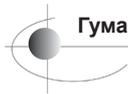
Лингвистические приёмы антироссийской пропаганды – новый тренд массмедиа Германии

В статье раскрывается специфика конструирования образа России в массмедиа Германии. На основе изучения медиадискурса определяются позиции России в условиях глобального информационно-психологического противоборства; выявляются маркёры, определяющие информационную политику Германии в отношении России, а также лингвистические средства формирования образа страны и приёмы информационной агрессии в отношении российского общества. На основе заголовочных комплексов и лидов статей определены приоритетные темы (buzz-topics) в СМИ, информационные поводы обращения к ним, тональность (экспрессивно-оценочная лексика), вектор направленности. Объект исследования – Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ), Die Welt, Bild, Der Spiegel. В качестве единиц анализа использовались лексемы «Россия», «Москва», «Путин», «Кремль» (и синонимы). Популярными темами в немецких СМИ в изучаемый период (2020) были отношения с Сирией, США и НАТО, Украиной, Белоруссией и Турцией. Анализ текстов показал, что репрезентируется преимущественно негативный медиаобраз России. Во внешней политике страна представлена как захватчик, военный агрессор, убийца, враг, а её лидер в интерпретации медиа – это коварный, хитрый интриган, нечестный игрок за геополитической шахматной доской. В изображении ведущих немецких газет Россия представляется периферийным государством, страной третьего мира, претендующей на статус мировой державы (с ядерным оружием) и с полудиктаторским режимом. В ходе исследования применялись общенаучные методы когнитивного и интерпретативного лингвистического дискурс-анализа. В изданиях, даже качественных, навязчиво и в грубом, негативном значении используются метонимия, метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы как составляющие антироссийской риторики. Практически отсутствуют позитивные новости о России, сама страна рассматривается как главная угроза безопасности мира. Это требует адекватного ответа, новой информационной политики и коррекции репутации страны.

Ключевые слова: информационные атаки, лексемы, образ врага, Россия, медиаобраз, повестка дня, стилистические средства, семантика, дискурс

© Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я., 2020

Galina S. Mel'nik,
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: g.melnik@spbu.ru

Boris Ya. Misonzhnikov,
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru

Linguistic Methods of Anti-Russian Propaganda – a New Trend in the German Mass Media

The article reveals the specifics of constructing the image of Russia in the German mass media. Based on the study of media discourse, the positions of Russia in the context of the global information and psychological confrontation are determined. We identify markers that determine the information policy of Germany in relation to Russia, as well as linguistic means of forming the image of the country and methods of information aggression against Russian society. On the basis of headline complexes and article leads, priority topics (buzz-topics) in the media, informational reasons for referring to them, sentiment (expressive-evaluative vocabulary), directional vector were determined. The research object are German media, such as Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ), Die Welt, Bild, Der Spiegel. The lexemes "Russia", "Moscow", "Putin", "Kremlin" (and synonyms) were used as the units of analysis. Relations with Syria, the United States and NATO, Ukraine, Belarus and Turkey were popular topics in the German media during the study period (2020). The analysis of the texts showed that the mostly negative media image of Russia is represented. In foreign policy, the country is presented as an invader, a military aggressor, a murderer, an enemy, and its leader, in the interpretation of the media, is an insidious, cunning schemer, a dishonest player on the geopolitical chessboard. The portrayal of leading German newspapers portrays Russia as a peripheral state, a third world country that claims to be a world power (with nuclear weapons) and a semi-dictatorial regime. In the course of the study, we used general scientific methods of cognitive and interpretive linguistic discourse analysis. In publications, even high-quality ones, metonymy, metaphors, comparisons, epithets, hyperboles are used as components of anti-Russian rhetoric. Conclusion: there is practically no positive news about Russia, the country itself is seen as the main threat to the security of the world. This requires an adequate response, a new information policy and a correction of the country's reputation.

Keywords: information attacks, media image of Russia, lexemes, enemy image

Введение. Образ страны является одной из ключевых стратегий в установлении эффективных взаимоотношений с другими государствами [7; 22; 24; 25]. На протяжении последнего десятилетия образ Российской Федерации воспринимается зарубежной аудиторией преимущественно негативно, так как западные медиа широко используют антироссийскую риторику, формируя образ вербальными, невербальными, иконическими и другими мультимедийными средствами.

Перед государством стоит задача создания эффективных методов противодействия информационной агрессии со стороны ведущих информационных держав, особенно Германии, отношения с которой ухудшаются по экспоненте.

В немецких медиа наша страна представлена как непредсказуемая агрессивная держава. Об этом прямо заявил министр обороны России Сергей Шойгу, выступая перед журналистам по завершении Армейских игр-2020: «В концептуальных документах блока наша страна определена как главная угроза безопасности. В западных СМИ развёрнута масштабная пропагандистская кампания. Её цель – убедить мировую об-

щественность в якобы агрессивности внешней и военной политики России» [13].

Дискуссия вокруг репрезентации России в западных медиа не ослабевает [1; 2; 6; 11]. Анализ образа России в отечественных СМИ представлен в исследованиях М. В. Зеленова, О. Г. Орловой, К. К. Худолея, Д. А. Болотова, Е. Ю. Трещенкова, А. М. Седова, Д. И. Максимовой [14; 21; 22], рассматривающих способы репрезентации образа в медиа, модели и механизмы его восприятия за рубежом. Появляются исследования, анализирующие психолингвистические особенности конструирования медиаобраза страны [3; 5; 22]. Так, в масштабном исследовании медиа за период с 2000 года по настоящее время, показано, что «Россия сегодня предстает в принципиально новом качестве, а международный политический истеблишмент по-прежнему не хочет видеть Россию неотъемлемой частью цивилизованного мира, представляет государством, готовым разделять общечеловеческие ценности». СМИ уделяют внимание в основном внешней политике России, «характеризуя её как агрессивную и основанную на имперских амбициях» [26].

В другом исследовании, проведенном в 2012–2015 годах, раскрывается стереотипный образ России, сформированный в британской печатной медиасфере. Дискурсивный анализ британской прессы показал, что демонизация имиджа России охватывает все уровни кодирования текстовой информации СМИ, такие как дискурс, язык и культурный уровень.

Информационным атакам подвергается не только российское общество в целом, но и информационные структуры России. Основные немецкие СМИ занимают критическую позицию в отношении RT. Это прежде всего журналы *Der Spiegel* и *Focus*, газеты *Süddeutsche Zeitung*, *Die Zeit*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, телеканал *Das Erste*, а также иновещатель *Deutsche Welle*. Чуть более умеренную риторику, по мнению исследователя В. К. Корнеева, используют газеты *Die Welt*, *Augsburger Allgemeine*, *Finanznachrichten* и телеканал *ZDF* [17]. Как утверждает автор, эти СМИ формируют мейнстрим, который и оказывает решающее влияние на формирование образа RT в Германии. На сегодняшний день «в немецкой медиасреде сформировался устойчивый образ «российской пропагандистской машины», включающей в себя СМИ, «армию кремлеботов», атаковую немецкие информационные страницы в социальных сетях, а также хакеров».

Принципиальным в нашем исследовании является понимание, что «один и тот же объект может иметь различные образы в разных символических реальностях, и если предположить, что любой образ – это продукт, полученный в результате перевода некоторого множества реальных объектов действительности в символическую реальность, то само содержание образа будет зависеть от того, какие связи мы установим между символами, подлежащими интерпретации» [5, с. 94].

Методология и методы исследования. Объектом проведенного исследования стали публикации, которые увидели свет в периодических печатных и сетевых ведущих медиа Германии. Эти публикации объединяет общее тематическое направление – они посвящены Российской Федерации, её государственной и политической системе, культуре и явлениям повседневной жизни. Данный эмпирический материал, представленный в качестве сложных семиотических комплексов, прежде всего вербальных и иконических, был рассмотрен и отождест-

влен как дискурс, а именно актуализированный воздействующий текст, имеющий явную прапагандистскую интенцию. Теоретической базой проведенного исследования стали концептуальные положения, заключения и выводы, представленные в публикациях научной монографической и журнальной литературы, в сборниках научных трудов.

Дискурс-анализ объединяет разные аналитические методы герменевтического рассмотрения текстов в отношении их лингвопрагматической идентичности, исследует содержание продуктов речевой деятельности индивидов. Дискурсивный анализ предполагает рассмотрение процессов текстопостроения, осуществляемых в определенных общественных, политических и культурно-исторических ситуациях, причём рассмотрение не только магистральных и доминирующих актов коммуникации, но и акцидентных, имплицитных в силу тех или иных обстоятельств. В нашем конкретном случае важно то, что в методе дискурсивного анализа реализована характерная для герменевтики парадигма «рационального понимания», которая коррелирует с категорией «критической рациональности». Если данную модель соотнести с медийным дискурсом, то это имеет значение, в частности для отбора исследуемого материала: «Прежде чтения текста мы уже как-то представляем его как целое. Прежде чтения текста мы всегда уже знаем что-то о нём. Если бы мы не имели такого знания, мы не смогли бы даже решить, стоит ли нам читать этот текст» [12, с. 49]. Сам процесс чтения основывается на методе «критической рациональности», и именно он позволяет идентифицировать отдельные медиапроизведения с уточнением их качественных характеристик – не только лингвистических, но и общественно-политических, этических, психоэстетических и культурных.

Благодаря осуществленному дискурсивному анализу, объектом которого становятся конкретные тексты публикаций из качественной периодики, удаётся выявить закономерности и тенденции онтологического и эпистемологического характера, которые актуализируются в сфере массовой коммуникации, функционирующей в условиях развития мультимедийных комплексов. Это в принципе меняет природу медийных технологий: онлайн-версии бумажных продуктов позволяют отойти от моносемиотических текстуальных образований, или креолизованных, с добавлением икониче-

ского материала, и обратиться вследствие использования интерактивных ресурсов к полисемиотическим. Это позволяет значительно усилить эффект текстового воздействия на реципиентную среду. Вместе с тем это даёт и дополнительные возможности для проведения пропагандистских акций, трендом стало вовлечение в медийный континуум дискурсов, созданных на основе полисемиотических средств.

Кроме того, дискурс-анализ позволил обнаружить и некоторые закономерности изменения редакционной политики ведущих качественных газет. В авторской позиции их политических обозревателей при написании материалов с явной пропагандистской интенцией – чаще всего вследствие отсутствия убедительных аргументов – стали проявляться элементы трикстерства, причём и в довольно грубой форме. Трикстерство превращается «в символ времени, пропитанного демонизацией», и в её основе – «технология пропаганды, с помощью которой политики чернят своих идеологических противников, создают образ врага». Обращение к трикстерским технологиям «связано как с его личными пристрастиями, так и с релевантностью архетипа периодам социального хаоса, смены мировоззренческих парадигм, обострения политической борьбы, театрализации общественного бытия» [18, с. 59, 64]. Само собой разумеется, в публицистике, и даже в газетной, порой уместно прибегать к использованию архетипа трикстера, но едва ли подобный метод возможен в новостном и аналитическом мейнстриме качественной серьёзной журналистики, и тем более в некорректной и даже циничной форме. Ведь трикстерство предполагает кураж, издевательство, кощунственное насмехательство над объектом журналистского внимания. В состоянии трикстерского аффекта едва ли возможно глубокое и конструктивное высказывание.

Таким образом, метод дискурс-анализа даёт возможность в русле прагмалингвистики выявить многие закономерности текстообразования и воздействия текста на аудиторию, в реализации аспектов лингвистической семантики, в частности – специфику проявления пресуппозиции в конкретных авторских высказываниях, в данном случае социально-политической направленности.

Результаты исследования. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ) – одна из ведущих надрегиональных газет Германии, по типологической принадлежности – качественное издание. Профессор Г. Ф. Вороненкова

справедливо выделяет «две характерных черты этих газет: строгость оформления и высокий уровень аналитических материалов» [9]. Но было бы наивно думать, что эти печатные органы, обладающие исключительным общественно-политическим влиянием, беспристрастны в своей позиции. Так, FAZ порой демонстрирует не только явную ангажированность, и это можно объяснить и понять, но и склонность к проведению пропагандистских акций, что качественной прессе не должно быть свойственно в принципе, поскольку она призвана, прежде всего, заниматься объективной аналитикой. Рассмотрим одну из публикаций этой газеты.

Первая часть заголовка публикации «Что делать с Россией? Навальный и мы» дана кеглем в три раза меньшим, чем вторая часть, но семантика именно первой части, в силу того, что она оскорбительна и агрессивна, начинает преобладать. Эта лексическая единица по сути своей константна, довольно устойчива и практически выступает как фразеологизм. Человека, который совершил неприглядный поступок, набедокурил, спрашивают с укоризной: «Ну, что с тобой делать?». Причём степень негативизации бывает разной: от легкого сетования, едва ли не одобрения, до неприятия и резкого одергивания. Но как бы то ни было, это в любом случае – осуждение, которое неизбежно порождает некоторую неловкость ситуации, и его субъект осознанно ставит себя выше адресата, присваивает себе право на критическое суждение. Так, литовский фотомастер вспоминает: «Если бы Сартр заметил, что я его снимаю, он бы отказался от меня сразу же. Он просто не догадывался, что я фотограф, пока я ему сам не признался. „Ну что ж с тобой делать, – ответил Сартр. – Пришли хоть снимки!“» [8] (2020). Здесь присутствует лишь намёк на порицание, а самого его практически нет. Другое дело – семантика высказывания в FAZ. Здесь объектом, на который направлено критическое действие, выступает Россия. И это требует особого объяснения.

Прежде всего надо подчеркнуть, что данный вопрос является риторической фигурой, не предполагающей ответа по причине его очевидности: объект осуждения, мол, провинился, что бесспорно, и речь может идти только о мере наказания. А ведь риторический вопрос имеет «особую прагматическую цель»: «1) побудить слушающего самостоятельно найти ответ; 2) убедить его в единственно правильном ответе... Хотя модифицированный в повествовательное

предложение риторический вопрос не отличается высокой степенью эмоциональной интенсивности, зато чётко видно, какие действия ожидает говорящий». В риторической конструкции, несмотря на то, что манифестируется «асимметрия между формой и содержанием», «говорящий сообщает высказыванию определённую иллюкативную силу, а именно: он предсказывает». И далее: «Риторические вопросы занимают в системе вопросительного предложения совершенно особое положение. Несмотря на то, что формально они представляют собой вопросительные предложения, коммуникативной целью таких вопросов является не запрос информации и побуждение адресата к ответу, а привлечение его внимания к информации, представляющей собой ответ на сам вопрос. Иными словами, с риторическим вопросом связывается не выражение вопроса, а осуществление другого речевого акта (например, акт сообщения информации, акт выражения негодования, удивления, упрёка и т. д.)» [15, с. 80, 81].

Всё, таким образом, указывает на то, что это элемент воздействующей речи, а она интегрирована всегда в область самых важных жизненных интересов. В лексическом материале, представленном автором, имплицитно смысл, который отражает «вторую – манипулятивную – семантику». И автор публикации в FAZ ведь не собирается что-то «делать» с Россией, он преследует совершенно другие цели – оболгать и унижить предмет журналистского внимания. Это можно квалифицировать как речевое насилие и манипуляцию, истинная суть которой в какой-то мере скрывается от читателя, но в её основе «лежат такие психологические и лингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определённых иллюзий и заблуждений» [16, с. 47, 55].

Корреспонденты FAZ, конечно, занимаются «авторской» журналистикой, и от позиции автора тоже кое-что зависит: как выстроена система аргументации, как расставлены в тексте акценты, какова стилистика изложения материала. Аналитическая корреспонденция К. Шуллера, о которой идёт речь, не содержит фактов, а строится только на одних рассуждениях об европейских «ценностях». Публикация, тем не менее, оказалась резонансной и вызвала множество комментариев, в основном критического содержания. Благодаря комментариям фор-

мируется активно воздействующее дискурсное поле, возникает метатекст с присущей ему метасемантикой, который позволяет «создавать второй уровень высказывания, когда становится возможным высказывать нечто означающее о самом означивании» [4]. Без внимания не остался и претенциозный заголовочный комплекс. Читатель Эрих Шварц на риторический вопрос ответил также вопросом, но конкретным: «А что делать с прямоходящим медведем гризли высотой 2,8 м и весом под 800 кг? – спросили тихим шёпотом наспех созданные сурки на крутом холме. Затем они, как всегда, беспомощно поприветствовали друг друга и побрели к своей тёмной норе». Авторы ряда комментариев критически высказывались и по поводу европейских «ценностей». Не лишена интереса личность самого К. Шуллера. Он неоднократно становился объектом жёсткой критики со стороны берлинского сетевого издания *Blauer Bote Magazin*, которое выходит под лозунгом «Наука вместо пропаганды», а синий цвет, упомянутый в названии, редакция истолковывает как знак политической беспристрастности. Когда К. Шуллер сообщил в FAZ о вторжении российских войск на Украину, его уличили во лжи и «журналистом» назвали даже в кавычках, причём тут же припомнили ему и то, что он «прославляет бригады нацистов как „добровольцев“»¹.

К. Шуллер, её корреспондент, освещающий политические вопросы, опубликовал аналитическую корреспонденцию, уже заголовочный комплекс которой для качественной газеты выглядел немного странно: «Что делать с Россией? Навальный и мы». Вторая часть заголовочного комплекса, представляющая собой, собственно, заголовок, дана крупным кеглем и семантически, казалось бы, доминирует. Но семантика её невыразительна и упрощена. Здесь даны номинации, которые реципиент воспринимает поначалу нейтрально, а потом, в процессе мгновенной идентификации, дополняет актуализированным смыслом: в связи с болезнью имя оппозиционера у всех на слуху. Личное местоимение множественного числа «мы» указывает на субъекта высказывания и на другие лица, в данном случае – не столько на его коллег, сколько на некую общность. Скорей всего – на граждан Германии, имеющих соответствующий статус. Право автора – со-

¹ FAZ-Redakteur Konrad Schuller glorifiziert Nazi-Brigaden als „Freiwillige“. – Текст: электронный // Blauer Bote Magazin. – URL: <http://blauerbote.com/2015/02/02/faz-redakteur-konrad-schuller-glorifiziert-nazi-brigaden-als-freiwillige/> (дата обращения: 11.09.2020).

относить имя иностранного оппозиционера с большим количеством статусных персон, представленных местоимением «мы», но корреляция кажется немного нарочитой и надуманной: человек, который известен лишь некими разоблачениями в другой стране, едва ли имеет много общего с теми, кто представлен в данном случае частью речи «мы». Данное местоимение рассматривается как средство «диалогизации и включения адресата в некое сообщество», более того, следует учитывать то, «каким мощным инструментом манипуляции может быть местоимение „мы“», а также средством «формирования демагогического дискурса». Как видим, местоимение «мы» может обретать разные семантические характеристики, что в немалой степени зависит от роли и намерений субъекта высказывания и контекста, и «все это позволяет говорить об определённой семантической энтропии, размывающей содержание местоимения *мы* в речевых актах, которые формально выражают идею самоидентификации» [20, с. 127, 128, 135].

Именно доминирующей на странице FAZ стала публикация постоянного автора этой газеты писателя В. Ерофеева. Поданный крупным кеглем заголовок материала «Трагедия лжи, бесчеловечности и идиотии» оказался центральным на полосе. Экспрессия значительно возросла вследствие размещения непосредственно под заголовочным комплексом совместной фотографии А. Г. Лукашенко и В. В. Путина. Лица у них усталые и озабоченные, на обоих лидерах государств – яркая хоккейная экипировка, явно привлекающая внимание. Во вводке, расположенной под фотографией и выделенной полужирным шрифтом, в глумливом тоне сообщается, что это «два диктатора», один – «КГБ-агент», а второй – «колхозный крестьянин», а объединяет их то, что «оба стоят на грани провала». Далее идёт основной текст публикации, представленный в той же тональности: «Бывшая советская империя в августе была потрясена двумя взрывами, которые окончательно вырвут ей могилу», это – «гневная реакция Лукашенко на протестное движение» и «вопиющая история отравления самого важного российского оппозиционера Алексея Навального. Эти события выходят за рамки политики и превращаются в трагедию лжи, бесчеловечности и идиотии». «Некоронованные цари», «окончательно освобожденные от моральных обязательств элементарного человеческого сосуществования», дескать, «готовы ко всему», чтобы удержать власть

в своих руках, и т. д. Здесь эксплицированы довольно сильные семиотические комплексы – прежде всего вербальные и иконические, их действие обретает *кумулятивный эффект*, вызванный сфокусированным и однонаправленным воздействием смысловых и психоэстетических элементов.

Публикация строится не на привлечении реальных фактов и не на силе убедительной аргументации, а на стимулировании у реципиента эмоционального возбуждения и на суггестивной возгонке чувств гнева и досады, причём в простейших, практически примитивных, вариантах. В нарративной цепочке выделяется фигура автора – человека, создающего не серьёзный и выполненный на основе доказанных реальных событий аналитический материал, а человека, который прибегает к ложному разоблачительному пафосу, наделяется чертами трикстера – мифологического архетипа, опосредованным отражением культурного героя, балагура, бунтаря и озорника, продуцирующего провокативный дискурс, хотя и справедливо утверждение о том, что «амбивалентность трикстера и способность принимать любой облик являются основой для его медиаторной функции» [12, с. 1]. Типаж трикстера дополняет и суждение В. И. Шаховского о том, что «архетип „трикстер“ (фигура, воплощающая в себе физические страсти, желания, неподвластные разуму)». То есть существует в этом персонаже что-то тёмное, почти inferнальное, и все, что с ним связано, отличается резко негативной коннотацией. Преодолеть это возможно только одним путём: «Введение знаний, составляющих когнитивную матрицу, в коммуникативную компетенцию *homo loquens / sentiens pozwolim...* каждому коммуниканту ориентировать свои эмоции на позитив во всех видах общения и противостоять/противоборствовать негативному эмоционально-аффективному воздействию источника информации на получателя» [23, с. 66, 71]. В прессе, несомненно, может и должна быть критика, но ей не пристало носить лозунговый атакующий характер, опускаясь до заурядной и поверхностной пропаганды, тем более в качественной газете.

Трикстерство в политической журналистике, которую считают качественной, явление, пожалуй, странное, но не совсем новое. Просто в разное время оно то ослабевало, то, оказываясь востребованным, актуализировалось – иной раз даже в вульгарных формах – особенно в периоды политическое напряжения и отсутствия убедительных и

бесспорных аргументов. Если нет полноценной доказательной базы, то это надо как-то компенсировать. Немецкая газета *Die Welt*, которая принадлежит концерну *Axel Springer AG*, – крупное качественное издание, всегда, кстати сказать, безоговорочно поддерживающее политику США. И в этом издании в последнее время появились публикации, которые не совсем отвечают высоким требованиям, которые предъявляются к газете такого типологического статуса. И там обнаруживается трикстерство, к которому прибегают журналисты, обладающие, казалось бы, немалым профессиональным опытом. Так, Ж. Шустер в своё время работал на университетской кафедре, занимался зарубежной журналистикой, защитил диссертацию, сотрудничал с редакциями многих крупных газет, а в 1990-е годы стал штатно работать в редакции газеты *Die Welt*, заведовал там отделом внешней политики. Он оперативно откликнулся на случай с Навальным аналитической корреспонденцией «Почему это так тяжело, верить Москве». Именно без просительного знака. В публикации нет никаких новых фактов, тем более объективных. Лексика оценочная, обладающая экспрессией сугубо негативистской направленности, эксплицирующей неодобрение, пренебрежение, фамильярность в оскорбительной форме. Приведём некоторые фрагменты корреспонденции: «Кремль громоздит ложь на лжи – будь это тайная война против Украины или против собственного населения», «в России укоренились садизм, унижение и запугивание», «политические убийства», «атмосфера государственного мошенничества, жестокости и безжалостности, которая господствует с момента прихода к власти Владимира Путина и его камарильи, состоящей из агентов секретных служб и прочих вассалов, делает невозможной веру в русскую версию того, что человек свободной души и правдоискатель Алексей Навальный впал в кому по причине нарушения обмена веществ». Эти высказывания говорят сами за себя, и их трудно опровергать, потому что в них нет никакой конкретики. Примечательно окончание корреспонденции: «До тех пор, пока путинская Россия будет использовать ложь как средство сохранения власти, свою актуальность сохранит выражение: в случае сомнения приговор выносится против обвиняемого (*im Zweifel gegen den Angeklagten*)»¹.

¹ Schuster J. Warum es so schwer ist, Moskau zu glauben. – Текст: электронный // *Die Welt*. – 2020. – No. 21. – URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/>

Идея, выраженная в заключительной части последнего предложения, задолго до рассматриваемой нами публикации стала своеобразным и весьма популярным в Германии мемом, в котором реализована очень сложная семантическая конструкция, дополненная семантикой и других медийных публикаций. Этот мем в качестве своего названия получил даже художественный фильм (французская версия названия – *Coupable*). Видимо, Ж. Шустер неспроста завершил свою корреспонденцию таким образом: представленный на всеобщее обозрение материал, в котором сложно усмотреть какую-либо функцию, кроме прямолинейной пропагандистской, лучше всего подытожить постмодернистским суждением, в котором, пожалуй, есть и намёк на ирреальность происходящего, и на энтропийность и противоречивость всего сущего, и не очень глубоко спрятанная ирония. Нельзя исключить и того, что некоторые достаточно профессиональные журналисты качественных газет не очень гордятся теми своими публикациями, которые продолжают традиции трикстерства, и как-то пытаются смягчить неловкую ситуацию.

Пропагандистские дискурсивные атаки современных западных массмедиа на российское общество нацелены не только на подрыв политико-идеологических основ, но и моральных, налицо стремление показать россиянам людьми деградирующими и опустившимися. Кстати сказать, к подобным приёмам, разве что в более агрессивной форме текстовой презентации, прибегали и специалисты управления пропаганды Й. Геббельса: «Один из подобных материалов – брошюра *Untermensch* (Недочеловек), в которой была предпринята попытка изображения людей „низшей“ расы – евреев, славян, цыган. Брошюра содержит незначительный по объёму вербальный текст и строится на контрастном использовании фрагментов иконического текста: на развороте помещаются портреты представителей „низшей“ расы (слева) и портреты самодовольных „сверхлюдей“. На многих снимках – измученные страданиями советские военнопленные» [19, с. 229]. Именно такие ассоциации порождает публикация П. Дитмара «Цари и водка. Так Россия регулярно спивалась до разорения». Вербальный текст сопровождается снимком, на котором изображены пьяницы, расположившиеся с

article214050562/Der-Fall-Nawalny-Warum-es-so-schwer-ist-Moskau-zu-glauben.html (дата обращения: 10.08.2020).

бутылками в трущобах. Текст начинается очень конкретно: «„Без водки ранимая душа русского и жестокая действительность выцарапали бы друг другу глаза. Алкоголь помогает россиянам ладить с миром“, – не без сарказма говорит русский писатель Дмитрий Быков. Многие считают, что Россия и водка неотделимы друг от друга. Поэтому написать историю страны как историю водки, не составит труда»¹.

Можно интерпретировать эту публикацию по-разному, но совершенно очевидно, что это воздействующий текст исключительно пропагандистской направленности. В сознание индивида внедряется совершенно определённый и максимально негативный стереотип. Он обуславливает появление у реципиента стойкого эффекта импрессионности, когда накапливаются негативные впечатления, причём они внедряются искусственно, порой в игривой, трикстерской форме, казалось бы, в почти безобидной.

Подобного рода текстовые схемы-образы, расплывающиеся паттерны, быстро усваиваются, интериорируются сознанием реципиента, остаются в нём и активно играют соответствующую роль в формировании мировоззрения человека, что в итоге и позволяет им манипулировать.

Информационные атаки немецкой прессы проводятся в отношении первых лиц российского государства. Таблоид *Bild* порочит фигуру российского президента, допуская оскорбительные сравнения: «Захватывающие времена в России! В один день Путин объявил о конституционной реформе, принял отставку всего своего правительства и наложил нового премьер-министра... В действительности конституционная реформа Путина – это игра в напёрстки на большой сцене. Задействованные в ней лица не играют никакой роли. Это игра в напёрстки,

в которой неважно, где находится шарик. Ведь рука, которая ведёт игру, остаётся той же самой»².

Немецкие СМИ стремительно отреагировали на сообщение об отравлении Навального нервно-паралитическим веществом, похожим на «Новичок»³. Историю отравления напрямую связывают с Москвой («Всё больше указаний на то, что в дело может быть замешан Кремль. Немецкие спецслужбы считают, что преступники руководствовались холодным расчётом»). Слово «преступники» в данном контексте вызывает аллюзию: преступно действовали руководители российского государства⁴.

Заключение. В современной прессе Германии преобладают резко отрицательные характеристики России. Направленная против неё критика приобретает зачастую формы, неприемлемые в цивилизованном обществе, доходящие до прямой вражды и речевой агрессии. Авторы, прежде всего крупных качественных изданий, всё чаще вместо серьёзного анализа событий обращаются к приёмам пропаганды. Трендом стала односторонняя аргументация, отказ от внимания к мнению противоположной стороны, апелляция к чувствам и эмоциям, что продиктовано стремлением использовать методы воздействующей речи, внедрять в сознание общества искажённые стереотипы, искусственно разрушающие образ российского государства. Эти явления не носят спонтанного характера, а стали системным явлением и элементом внешней политики Германии. Противостоять её пропагандистскому давлению необходимо при помощи усовершенствованного информационного комплекса, готового выдвигать убедительные аргументы, доказывающие несостоятельность позиции журналистики Германии.

Список литературы

1. Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Формирование имиджа России медиаканалами: пример измерения // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 135–144.
2. Баранова А. А. Способы репрезентации России как политического субъекта в программах радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы» // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 23–30.
3. Белоусов К. И., Ерофеева Е. В. Семантические модели актуальных представлений России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика. Уральский государственный педагогический университет. 2015. № 3. С. 80–91.
4. Dittmar P. So trank sich Russland regelmäßig in den Ruin. – Текст: электронный // Die Welt. – 2020. – No. 2. – URL: <https://www.welt.de/geschichte/plus214847372/Zaren-Wodka-So-trank-sich-Russland-regelmaessig-in-den-Ruin.html> (дата обращения: 10.08.2020).
5. Putin spielt auf der großen Bühne mit Fingerhüten = Путин играет в напёрстки на большой сцене // Bild. – 2020. – No. 3. – P. 1.
6. Russen sollten sich schrecklich schämen = Русским должно быть ужасно стыдно // Die Welt. – 2020. – No. 3. – P. 1.
7. Санкции повышают цену расплаты за нарушения. – URL: <https://www.dw.com/ru/kommentar-j-s-sankcijami-zanarushenija-prihoditsja-platit-dorozhe/a-54883439> (дата обращения: 16.09.2020). – Текст: электронный.

4. Бенвенист Э. Семиология языка. Текст: электронный // Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74d.htm> (дата обращения: 27.08.2020).
5. Берендеев М. В. Семиотические инверсии в формировании политического образа в медиадискурсе (на примере образа России в СМИ Германии) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2017. № 3. С. 94–102. Текст: электронный.
6. Вайнштейн Г. Россия глазами Запада – стереотипы восприятия и реальности интерпретации. URL: <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=85021946> (дата обращения: 27.08.2020). Текст: электронный.
7. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве: проблемы трансформации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2009. Вып. 3. С. 386–398.
8. Володина Н., Антанас Суткус: «Ну что с тобой делать, – ответил мне Сартр. – Пришли хоть снимки». Текст: электронный // Bird in flight. 2016. 13 апр. URL: <https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/opyt/intervyu-sutkus.html> (дата обращения: 09.09.2020).
9. Вороненкова Г. Ф. Типологические модели газетно-журнальной периодики ФРГ. URL: <http://www.mediasprut.ru/jour/presse-brd/woron.shtml> (дата обращения: 09.09.2020). Текст: электронный.
10. Гекман Н. А. Трикстер в русской демонологии // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2, № 3. С. 10–16.
11. Горская М. Д. Образ России в зарубежных СМИ (на примере русскоязычной службы BBC) // Актуальные проблемы филологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2017, № 14. С. 44–53.
12. Гутнер Г. Б. Герменевтический круг и рациональный дискурс // Методология науки и дискурс-анализ / отв. ред. А. П. Огурцов. М.: ИФ РАН, 201. С. 48–67.
13. Запад нас терзает: Шойгу заявил о масштабной пропагандистской кампании западных СМИ против России. Текст: электронный // Федеральное агентство новостей. URL: <https://riafan.ru/1308916-shoigu-zayavil-chto-zapadnye-smi-razvernuli-masshtabnyu-kampaniyu-protiv-rf> (дата обращения: 09.09.2020).
14. Зеленцов М. В. Актеры формирования образа России в зарубежном медиaprостранстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 2. С. 159–169.
15. Кильмухаметова Е. Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (филология)». 2006. Вып. 4. С. 77–82.
16. Ковшова М. Л. Лингвистический анализ текста (речевая манипуляция) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 46–65.
17. Корнеев В. К. Проблема восприятия телеканала Russia Today в ФРГ и его перспективы на немецком медиарынке = The problem of perception of the TV channel Russia Today in Germany and its prospects on the German media market. Текст: электронный // Век информации: сет. изд. URL: <https://www.age-info.com/2019/05/> (дата обращения: 17.09.2020).
18. Кузнецов А. С. Архетип трикстера в публицистике Г. Грасса // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 5. С. 51–71.
19. Мисонжников Б. Я. Семиотика нацистской пропаганды: императивы разоблачения // Медиа в современном мире: 59-е Петербургские чтения: сб. материалов. Междунар. науч. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. В. Васильева. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 228, 229.
20. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 125–135.
21. Орлова Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2012. 17 с.
22. Россия в информационном пространстве зарубежных СМИ и интернета: модели восприятия и механизмы их формирования / К. К. Худoley, Д. А. Болотов, Е. Ю. Трещенков [и др.]. СПб.: Левша, 2012. 59 с.
23. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2018. Т. 22, № 1. С. 54–67.
24. Avgerinos K. P. Russia's Public Diplomacy Effort: What the Kremlin is Doing and Why It's Not Working. Текст: электронный // Journal of Public and International Affairs. Spring. 2009. Vol. 20. URL: blog.rs.gov.ru/node/47 (дата обращения: 11.05.2020).
25. International media image of Russia / Repina E. A., Zheltukhina M., Kovaleva [et al.]. // XLinguae. 2018. Vol. 11, No. 2. P. 557–565.
26. The Image of Russia Formed by Means of Modern Russian Paper Money / E. A. Dzhandzhugazova, M. Y. Layko, E. L. Ilina [et al.]. // International Journal of Environmental & Science Education, 2016. Vol. 11, Issue 15. P. 7868–7879. DOI: 10.12973/ijese.2016.322a

Статья поступила в редакцию 20.09.2020; принята к публикации 14.10.2020

Сведения об авторах

Мельник Галина Сергеевна, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; e-mail: g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Мисонжников Борис Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>.

Вклад авторов в статью

Г. С. Мельник – основной автор, систематизировала и анализировала материал исследования.

Б. Я. Мисонжников – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках Проект № 19-013-00725 «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности».

Библиографическое описание статьи

Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Лингвистические приёмы антироссийской пропаганды – новый тренд массмедиа Германии // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 99–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109.

References

1. Antoncheva, O. A., Apanasenko, T. E Formation of the image of Russia by media channels: an example of measurement. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, no. 11, pp. 135–144, 2019. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-11-135-144>. (In Rus.)
2. Baranova, A. A. Ways of representing Russia as a political subject in the programs of the radio stations Radio Rossii and Echo of Moscow. *Political communication: materials of the international. scientific. conf. Yekaterinburg: Yekaterinburg: FGBOU VPO Ural. gos. ped. un-t*, 2013: 23–30. (In Rus.)
3. Belousov, K. I., Erofeeva, E. V. Semantic models of actual representations of Russia (based on psycholinguistic experiments of different types). *Political VPO. Ural. gos. ped. un-t*, no. 3, pp. 80–91, 2015. (In Rus.)
4. Benveniste, E. Semiology of language. *Russian philological portal. Web: 27.08.2020*. <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74d.htm> (In Rus.)
5. Berendeev, M. V. Semiotic inversions in the formation of a political image in media discourse (on the example of the image of Russia in the German media). *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. 3, pp. 94–102, 2017. (In Rus.)
6. Weinstein, G. Russia through the eyes of the West – stereotypes of perception and reality of interpretation. *Web: 27.08.2020*. <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=85021946>. (In Rus.)
7. Vinogradova, S. M., Mel'nik, G. S. Russia's Foreign Policy Image in the Media Space: Problems of Transformation. *Bulletin of St. Petersburg University*, vol. 3, pp. 386–398, 2009. (In Rus.)
8. Volodina, N. Antanas Sutkus: "Well, what to do with you," Sartre answered me. – At least some pictures have come". *Bird in flight*. 2016. 13 apr. *Web: 09.09.2020*. <https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/opyt/intervyu-sutkus.html>. (In Rus.)
9. Voronenkova, G. F. Typological models of newspaper and magazine periodicals in Germany. *Web: 09.09.2020*. <http://www.mediasprut.ru/jour/presse-brd/woron.shtml>. (In Rus.)
10. Gekman, N. A. Trickster in Russian demonology. *Ideas and ideals*, no. 3, p. 12, 2010. (In Rus.)
11. Gorskaya, M. D. The image of Russia in foreign media (for example Russian-language service BBC). *Actual problems of philology. Yekaterinburg: FGBOU VPO Ural. state ped. un-t*, pp. 44–53, no. 14, 2017. (In Rus.)
12. Gutner, G. B. Hermeneutic circle and rational discourse. *Methodology of science and discourse analysis / otv. ed. A. P. Ogurtsov. M: IF RAN*, 2014: 48–67 (In Rus.)
13. The West is tormenting us: Shoigu announced a large-scale propaganda campaign by the Western media against Russia // *Federal News Agency. Web: 09.09.2020*. <https://www.riafan.ru/1308916-shoigu-zayavil-chto-zapadnye-smi-razvernuli-masshtabnuyu-kampaniyu-protiv-rf>. m. (In Rus.)
14. Zelentsov, M. V. Actors of the formation of the image of Russia in the foreign media space. *Questions of theory and practice of journalism*, pp.159–169, no. 2, 2015. (In Rus.)
15. Kilmukhametova, E. Yu. Rhetorical questions as indirect speech acts (based on the French language). *Vestn. Tomsk. state ped. un-that*, pp. 77–82, vol. 4, 2006. (In Rus.)
16. Kovshova, M. L. Linguistic analysis of text (speech manipulation). *Vestn. Moscow un-that. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*, pp. 46–65, no. 1, 2009. (In Rus.)

17. Korneev, V. K. The problem of perception of the TV channel Russia Today in Germany and its prospects on the German media market. Information age (web edition). Web:17.09.2020. <https://www.age-info.com/2019/05/> (In Rus.)
18. Kuznetsov, A. S. The archetype of the trickster in the journalism of G. Grass. Vestn. Moscow un-that. Ser. 10. Journalism, pp. 59–64, no. 5, 2019. (In Rus.)
19. Misonzhnikov, B. Ya. Semiotics of Nazi propaganda: the imperatives of exposure. Media in the modern world. 59th Petersburg Readings: Sat. materials. Int. scientific. Forum (November 9–12, 2020) / resp. ed. V. V. Vasilieva. In 2 volumes. T. 1. SPb: SPbGU, 2020: 229–230. (In Rus.)
20. Norman, B. Yu., Plotnikova, A. M. Constructions with the pronoun we: the formation of an actual or occasional collective identity. Vestn. Novosibirsk. state ped. un-that, pp. 126–138, no. 6, 2016. (In Rus.)
21. Orlova, E. L. Metaphorical images of Russia, America and Germany in the political discourse of German media. Cand. sci. diss. abstr. Irkutsk, 2012. (In Rus.)
22. Russia in the information space of foreign media and the Internet: models of perception and mechanisms of their formation / K. K. Khudoley, D. A. Bolotov, E. Yu. Treshchenkov, A. M. Sedov, D. I. Maksimova. SPb: "Levsha", 2012. (In Rus.)
23. Shakhovskiy, V. I. Cognitive matrix of emotional and communicative personality. Bulletin of RUDN. Ser. Linguistics, pp. 54–79, no. 1, 2018. (In Rus.)
24. Avgerinos, K. P. Russia's Public Diplomacy Effort: What the Kremlin is Doing and Why It's Not Working. Journal of Public and International Affairs. Spring, vol. 20, 2009 blog.rs.gov.ru/node/47. (In Engl.)
25. Dzhandzhugazova, E. A., Mikhail, Y., Layko, E. L. Ilina, Aleksander, N. Latkin and Ekaterina N. Valedinskaya. The Image of Russia Formed by Means of Modern Russian Paper Money. International Journal Of Environmental & Science Education, pp. 7868–7879, issue 15, 2016. DOI: 10.12973 / ijese.2016.322a (In Engl.)
26. Repina, E. A., Zheltukhina M., Kovaleva et al. XLinguae, no. 2, pp. 557–565, 2018. (In Engl.)

Received: September 20, 2020; accepted for publication October 24, 2020

Information about author

Mel'nik Galina S., Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb. St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: g.melnik@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-8668>.

Misonzhnikov Boris Ya., Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb. St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6120-9586>

Contribution of authors to the article

G. S. Melnik – the main author, systematized and analyzed the research material.

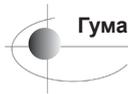
B. Ya. Misonzhnikov – the main author, is the organizer of the research, formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Sources of article funding

The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-013-00725 "Media Image of Russia in the Context of National Security".

Reference to the article

Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Linguistic Methods of Anti-Russian Propaganda – a New Trend in the German Mass Media // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 99–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109.

УДК 002

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-110-115

Екатерина Константиновна Рева,
Пензенский государственный университет
(г. Пенза, Россия),
e-mail: reva.ek@mail.ru

Виктория Алексеевна Межина,
Пензенский государственный университет
(г. Пенза, Россия),
e-mail: mezhinaviktoriya@mail.ru

Особенности предоставления контента на YouTube об экстремальных ситуациях: жанры и форматы

Актуальность изучения YouTube обусловлена тем, что сегодня видеохостинг является сосредоточением видеоматериалов разных тематических направлений и каналов, производящих контент. В настоящей статье представлены результаты исследования жанров и форматов, используемых на этой медийной платформе YouTube для отражения информации об экстремальных ситуациях природного и техногенного характера. Видеохостинг YouTube стал площадкой не только для распространения контента пользователей, но и современным каналом коммуникации для трансляции контента традиционных средств массовой информации. Именно этот фактор позволяет выявить жанровые и форматные способы предоставления информации. Для составления списка экстремальных и чрезвычайных ситуаций за 2015–2019 годы были изучены Государственные доклады о состоянии защиты населения и территории Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, размещённые на сайте МЧС России, затем по ключевым словам проводился поиск на сайте видеохостинга YouTube. В силу того, что исследование является частью крупного научного проекта, направленного на изучение влияния психотравмирующих факторов на речевую функцию человека в условиях реальных экстремальных ситуаций, то одним из критериев отбора явилось наличие эмоциональной составляющей в видеоматериалах. Хронологические рамки исследования в пять лет, широкий спектр YouTube-каналов, собранный методом сплошной выборки корпус видеоматериалов, применение методов типологического и жанрового анализа позволили получить репрезентативные выводы о жанрово-форматной специфике видеоматериалов на общественно значимую тематику. В результате проведённого исследования выявлено, что наибольшее количество видео относятся к информационной группе жанров. Из аналитических присутствует жанр журналистского расследования. Любительские YouTube-каналы для отображения происходящего используют селфи-съёмку, съёмку с закадровым комментарием, беседу с очевидцем или пострадавшим и т. п.

Ключевые слова: средства массовой информации, телевидение, медиа, YouTube, видеохостинг, видеоконтент, экстремальные ситуации

Ekaterina K. Reva,
Penza State University
(Penza, Russia),
e-mail: reva.ek@mail.ru

Victoria A. Mezrina,
Penza State University,
(Penza, Russia),
e-mail: mezhinaviktoriya@mail.ru

Features of Providing Content on YouTube about Extreme Situations: Genres and Formats

The relevance of the study of YouTube is due to the fact that today video hosting is a concentration of video materials of various thematic areas and channels producing content. This article presents the results of a study of the genres and formats used on the media platform YouTube to reflect information about extreme situations of a natural and man-made nature. Video hosting YouTube has become a platform not only for the distribution of user content, but also a modern communication channel for broadcasting the content of traditional media. It is this factor that allows you to identify genre and format ways of providing information. To compile a list of extreme and emergency situations for 2015–2019, State reports on the state of protection of the population and territory of the Russian Federation from natural and man-made emergencies posted on the website of the Russian Emergencies Ministry were studied. Then, keywords were searched on the video hosting site YouTube. Due to the fact that the study is part of a major scientific project aimed at studying the influence of psychotraumatizing factors on the speech function of a person in real extreme situations, one of the selection criteria was the presence of

© Рева Е. К., Межина В. А., 2020

an emotional component in the video materials. The chronological framework of the study in five years, a wide range of YouTube channels, a body of video materials collected by a continuous sampling method, the use of typological and genre analysis made it possible to obtain representative conclusions about the genre-format specifics of video materials on socially significant topics. The results obtained show that the largest number of videos belong to the information group of genres. The analytical ones include the genre of journalistic investigation. Amateur YouTube channels use selfie shooting, shooting with voiceover commentary, a conversation with an eyewitness or victim, etc.

Keywords: media, television, media, YouTube, video hosting, video content, extreme situations

Введение. Видеохостинг *YouTube* – активно развивающаяся медийная платформа, концентрирующая в себе видеоконтент разной тематики, жанров, форматов. Здесь представлены профессиональные и любительские видео, проекты, подготовленные специально для хостинга, и телевизионные материалы, использующие видеохостинг как альтернативную площадку для трансляции контента традиционных средств массовой информации. В условиях цифровизации средств массовой информации, конвергентности и мультимедийности [14–18] *YouTube* занимает, на наш взгляд, одно из лидирующих позиций в медиасфере: свои *YouTube*-каналы имеют СМИ, изначально ориентированные на предоставление текстовой или аудиальной информации. Речь идёт о газетах, журналах, радиостанциях («Российская газета», «Известия», «Эксперт», «Радио России», «Эхо Москвы»), которые наряду с привычными форматами используют дополнительный источник информирования аудитории. Как отмечает А. М. Дружинин, «востребованность контента на *YouTube*-каналах оценивается сегодня не по количественному признаку, но по успеху самого контента, причём одновременно прогнозируется взросление аудитории этого видеохостинга. Если ранее *YouTube* работал исключительно для молодёжи, то теперь приближается к площадке всех возрастов» [5, с. 82]. Совокупность представленных факторов говорит об актуальности изучения видеохостинга, являющегося, по мнению авторов книги «Как стать первым на *YouTube*», поисковой системой, платформой для хранения и распространения видеoinформации, социальной сетью [10].

Количество медиаисследований, направленных на изучение функционирования *YouTube*, с каждым годом увеличивается, аспектов для осмысления работы видеохостинга становится больше. Это демонстрируют даже несколько статей: Л. М. Нихаева «Специфика распространения и структура взаимодействия видеоконтента о подростковой жестокости на видеохостинге *YouTube*» [8], Л. Г. Антонова, Ю. А. Башловкина «Ком-

муникативный инструментарий современной ормы интервью на платформе *YouTube*» [2], О. Н. Аксенова, Е. В. Швеца «*YouTube* – новая информационная площадка для политических деятелей» [1], С. А. Панюкова «Научно-популярный сторителлинг на *YouTube*-канале» [9]. Концептуальными для нас являются исследования А. А. Градюшко и А. М. Шестериной. В работах А. А. Градюшко определяется место видеохостинга в процессе функционирования средств массовой информации и массмедиа [3; 4]. В трудах А. М. Шестериной акцентируется проблема архетипизации сюжетов традиционных СМИ и новейших аудиовизуальных медиа, к которым относится *YouTube* [11], представлена классификация жанров и форматов видеоблогов [12]. Собственно, аспект присутствия на *YouTube* тех или иных жанров и форматов является одним из наиболее значимых в контексте изучения функционирования этой медийной платформы. Обусловлено это тем, что рассмотрение жанров и форматов коррелирует с вопросами типологии *YouTube*-каналов, а их можно разделить на несколько групп:

- *YouTube*-каналы традиционных СМИ;
- авторские *YouTube*-каналы, использующие журналистскую методику предоставления информации, и, соответственно, жанры (такие проекты можно назвать профессиональными);
- авторские *YouTube*-каналы, работающие на уровне любителей (это не всегда качественная съёмка, отсутствие сценарного плана, произвольное выступление в кадре).

Официальные аккаунты традиционных средств массовой информации транслируют только собственный контент. Все СМИ, находящиеся в данной группе, содержат сведения о регистрации на сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. На авторских *YouTube*-каналах, использующих журналистскую методику предоставления информации, представлен оригинальный контент. Из классификации, приведенной А. М. Шестериной [12], выделим такие группы жанров, характерные

для этой категории YouTube-каналов, как персонифицированные (обзор, сравнение, комментарии и др.), диалоговые (интервью, опрос). Любительские YouTube-каналы могут представлять собой тематический блог (кулинария, спорт, красота), имеющий определённую периодичность или эпизодически транслировать видео, формат и содержание которых строго не закреплены.

Методология и методы исследования. Для анализа жанров и форматов YouTube-каналов, относящихся к каждой из представленных ранее групп, нами было выбрано единое тематическое направление, на основании которого осуществлялась выборка. Нам было важно отражение темы в традиционных СМИ и современных медиа. Одной из таких тем является тема экстремальных или чрезвычайных ситуаций, в период которых, как отмечает медиаисследователь А. В. Мезенцева, СМИ выступают «фактором социального управления» [7, с. 41]. Исследователь М. Ш. Магомед-Эминов эмпирически соотносит понятие экстремальной ситуации с такими атрибутами, как «катастрофическая, экстраординарная, катаклизмическая, чрезвычайная, трансординарная, в том числе, экстремальная, травматическая, выходящая за обычные пределы существования, необычная, особая, трудная и др.» [6, с. 14].

Хронологический отрезок исследования представлен периодом с 2015 по 2019 год. Методом сплошной выборки был составлен корпус материалов в количестве 235 видео о катастрофах природного и техногенного характера, резонансных криминальных происшествиях. На этом этапе исследования мы опирались на Федеральный закон № 68-ФЗ от 21.12.1994 года (ред. от 01.04.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», на Государственные доклады о состоянии защиты населения и территории Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, размещённые на официальном сайте МЧС России.

В исследовании основными методами выступили жанровый и типологический анализы. Собранные видеоматериалы были дифференцированы по принципу принадлежности их СМИ, имеющему официальный аккаунт на платформе *YouTube*, или авторскому *YouTube*-каналу. Мы определили, что большой объём контента на видеохостинге по озвученной тематике был произведён телевизионными каналами и информационными агентствами.

Результаты исследования и их обсуждение. Если жанр – это система строго закреплённых требований к изложению информации, авторского поведения и элементов структурирования текста, то формат – понятие более широкое и не имеющее четкой регламентации. Формат характеризуют особенности контента, продолжительность, ротация и общий график вещания; идентифицирующий логотип; перебивки между блоками контента [13]. При этом, когда рассматриваются материалы традиционных СМИ, транслирующиеся на *YouTube*, целесообразно говорить о жанре. Авторские видео в большей степени соотносятся с понятием «формат».

За изученный нами период было обнаружено 150 информационных сюжетов, 50 репортажей, 2 интервью, 2 ток-шоу «Пусть говорят», «Прямой эфир» на *YouTube*-каналах традиционных телевизионных СМИ («Первый канал», «Россия 1», «Россия 24», «Москва 24», НТВ, «РИА Новости», «Мир 24», «Телеканал 360», «Сегодня», Life «Новости», BBC News – «Русская служба», «Радио Свобода» и др.); 29 видео были представлены на авторских *YouTube*-каналах. В их числе 4 материала, построенных по модели журналистского расследования («ВДудь», «Осторожно, Собчак», ROMB, «Редакция»), 10 информационных сюжетов и 1 ток-шоу, заимствованные пользователями *YouTube* с официальных аккаунтов телеканалов на этой платформе; 14 любительских видео (эта категория видеоматериалов, в основном, касается пожаров в Сибири, наводнения в Иркутске).

В ходе исследования при использовании компьютерного анализа контента было выявлено, что подавляющее число видео, размещённых на *YouTube*, носили оперативный характер, то есть размещение контента на медиаплатформу было относительно синхронно времени произошедшему событию (авиакатастрофа в аэропорту Шереметьево, пожар в торговом центре «Зимняя вишня», конфликт в с. Чемодановка Пензенской области и т. д.). Из корпуса видеоматериалов только журналистские расследования были посвящены событиям, отдалённым по времени. Специальные выпуски *YouTube*-каналов «ВДудь» и «Осторожно, Собчак» были подготовлены к 15-летней годовщине террористического акта в Беслане: «Беслан. Помни» (хронометраж составляет 59 мин 44 с), «Беслан. День незнаний» (хронометраж – 3 ч 10 мин). На *YouTube*-канале «Редакция» вышло расследование авиака-

тастрофы самолёта ТУ-164 под Сочи (хронометраж – 1 ч 17 мин).

Заключение. Проведённое исследование показало, что при освещении экстремальных ситуаций на YouTube-каналах традиционных средств массовой информации используются преимущественно информационные жанры, поскольку именно информационные жанры отличаются оперативностью, наличием в материалах событийного

повода, рассмотрением отдельного факта или явления. На авторских YouTube-каналах, использующих журналистскую методику предоставления информации, осуществляется оригинальный контент преимущественно в жанрах интервью, расследования. Видео на любительских YouTube-каналах представлено селфи-съёмкой, съёмкой происходящего с закадровым комментарием, беседа с очевидцем или пострадавшим и т. д.

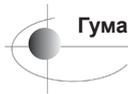
Список литературы

1. Аксенова О. Н., Швец Е. В. YouTube – новая информационная площадка для политических деятелей // Вестник Воронежского университета. Филология. Журналистика. 2017. № 3. С. 17–20.
2. Антонова Л. Г., Башловкина Ю. А. Коммуникативный инструментарий современной формы интервью на платформе YouTube // Социальные и гуманитарные знания. 2018. № 3. С. 185–190.
3. Градюшко А. А. YouTube как площадка для массмедиа: оценка эффективности // Труды Белорусского государственного технологического университета. 2019. № 2. С. 63–69.
4. Градюшко А. А. Проблемы адаптации ТВ-контента к платформе YouTube: оценка вовлечённости аудитории // Аудиовизуальные медиа в условиях трансформации социокультурной среды: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. Г. Булацкого. Минск: БГУ, 2019. С. 23–28.
5. Дружинин А. М. «Новые медиа» в информационно-коммуникационной среде // Век качества: электр. науч. журнал. 2018. № 3. С. 76–84.
6. Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. № 1. С. 13–24.
7. Мезенцева А. В. Шкала ценностей в режиме социальной ситуации: публичная сфера о преодолении социальных поисков // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 40–47.
8. Нишаева Л. М. Специфика распространения и структура взаимодействия видеоконтента о подростковой жестокости на видеохостинге YouTube // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 35–39.
9. Панюкова С. А. Научно-популярный сторителлинг на YouTube-канале // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1. С. 122–128.
10. Парабеллум А., Тажетдинов Т., Мрочковский Н. Как стать первым на YouTube. М.: Альпина Паблишер, 2018. 161 с.
11. Шестерина А. М. Архетипизация сюжетов традиционных и новейших аудиовизуальных медиа // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 6–8 февраля 2020 г.). М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. С. 147–149.
12. Шестерина А. М. Жанровый аспект формирования экранного имиджа видеоблогера // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1. С. 140–146.
13. Щепилова Г. Г., Клушина Н. И. Методический семинар «Динамика развития форматов и жанров в современных СМИ». Текст: электронный // Медиаскоп. 2009. URL: <http://www.mediascope.ru/node/416> (дата обращения: 25.06.2020).
14. Vartanova E. L., Gladkova A. A. New Forms of the Digital Divide. Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination. Goteborg: Nordicom bokserie, 2019. P. 193–213.
15. Vartanova E. L. Mediating the Digital Message: Agenda-Setting Theory in Modern Russian Media. Media Scholarship in a Transitional Age: Research in Honor of Pamela J. Shoemaker 2018. P. 105–119.
16. Gálik S. Influence of Digital Media on Changes in Present-Day Culture. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts Sgem2018 Conference proceedings. 2018. P. 199–204.
17. Lissitsa S., Kushnirovich N. Harnessing Digital Media in the Fight Against Prejudice: Social Contact and Exposure to Digital Media Solution // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2019. No 4. P. 1052–1075.
18. Weiss A. S. The Digital and Social Media Journalist: a Comparative Analysis of Journalist in Argentina, Brazil, Colombia, Mexico, and Peru // The International Communication Gazette. 2015. T. 77, No 1. P. 74–101.

Статья поступила в редакцию 21.06.2020; принята к публикации 30.07.2020

Сведения об авторах

Рева Екатерина Константиновна, доктор филологических наук, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: reva.ek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7646-9663>.

Межина Виктория Алексеевна, научный сотрудник, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: mezhinaviktoria@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5795-8963>.

Вклад авторов в статью

В. А. Межина – составление корпуса видеоматериалов за 2015–2019 годы, проведение типологического анализа YouTube-каналов.

Е. К. Рева – основной автор, работа с теоретической основой исследования, проведение типологического анализа YouTube-каналов и жанрового анализа видеоматериалов.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых учёных № МК-490.2020.8.

Библиографическое описание статьи

Рева Е. К., Межина В. А. Особенности предоставления контента на YouTube об экстремальных ситуациях: жанры и форматы // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 110–115. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-110-115.

References

1. Aksenova, O. N., Shvec, E. V. YouTube – a new information platform for political figures. Bulletin of Voronezh University: Philology. Journalism, no. 3, pp. 17–20, 2017. (In Rus.)
2. Antonova, L. G., Bashlovkina, Yu. A. Communication toolkit of a modern interview form on the platform YouTube. Social and humanitarian knowledge, no. 4, pp. 185–190, 2018. (In Rus.)
3. Gradyushko, A. A. YouTube as a platform for mass media: efficiency assessment. Proceedings of BSTU. Series 4: Print- i mediatekhnologii, no. 2, pp. 63–69, 2019. (In Rus.)
4. Gradyushko, A. A. Problems of adaptation of TV content to the YouTube platform: evaluation of audience involvement. Audiovisual media in the context of the transformation of the socio-cultural environment: materials of the international scientific and practical conference, 2019: 23–28. (In Rus.)
5. Druzhinin, A. M. “New Media” in the Information and Communication Environment. Electronic Scientific Journal “Age of Quality”, no. 3, pp. 76–84, 2018. (In Rus.)
6. Magomed-Eminov M.Sh. Definition of extreme situation. Russian psychological journal, no. 1, pp. 13–24, 2009. (In Rus.)
7. Mezentseva, A. V. Scale of Values in the Social Situation Mode: Public Sphere on Overcoming Social Searches. System of Values of Modern Society, no. 38, pp. 40–47, 2014. (In Rus.)
8. Nihaeva, L. M. The specifics of distribution and the structure of interaction of video content about teenage cruelty on video hosting YouTube. Society: sociology, psychology, pedagogy, no. 7, pp. 35–39, 2018. (In Rus.)
9. Panyukova, S. A. Scientifically popular storytelling on YouTube channel. The Sign: problem field of media education, no. 1, pp. 122–128, 2018. (In Rus.)
10. Parabellum, A., Tazhetdinov, T., Mrochkovskiy, N. How to become the first on the YouTube. M: Al'pina Publisher, 2018. (In Rus.)
11. Shesterina, A. M. Archetypation of stories of traditional and the latest audiovisual media. Journalism in 2019: creativity, profession, industry: Materials of the international scientific and practical conference (Moscow, February 6–8, 2020). M: Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 2020: 147–149. (In Rus.)
12. Shesterina, A. M. Genre aspect of video blogger screen image formation. Sign: problem field of media formation, no. 1, pp. 140–146, 2020. (In Rus.)
13. Shchepilova, G. G., Klushina, N. I. Methodological seminar “Dynamics of development of formats and genres in modern media”. 2009. Web. 25.06.2020. <http://www.mediascope.ru/node/416>. (In Rus.)
14. Vartanova, E. L., Gladkova, A. A. New Forms of the Digital Divide. Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination. “Nordicom bokserie” Goteborg, 2019: 193–213. (In Engl.)
15. Vartanova, E. L. Mediating the Digital Message: Agenda-Setting Theory in Modern Russian Media. Media Scholarship in a Transitional Age: Research in Honor of Pamela J. Shoemaker 2018: 105–119. (In Engl.)
16. Gálik, S. Influence of Digital Media on Changes in Present-Day Culture. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts Sgem2018 Conference proceedings. 2018: 199–204. (In Engl.)
17. Lissitsa, S., Kushnirovich, N. Harnessing Digital Media in the Fight Against Prejudice: Social Contact and Exposure to Digital Media Solution. Journalism and Mass Communication Quarterly, pp. 1052–1075, no. 4, 2019. (In Rus.)

18. Weiss, A. S. The Digital and Social Media Journalist: a Comparative Analysis of Journalist in Argentina, Brazil, Colombia, Mexico, and Peru. *The International Communication Gazette*, no. 1, pp. 74–101, 2015. (In Engl.)

Received: June 21, 2020; accepted for publication July 30, 2020

Information about author

Reva Ekaterina K., Doctor of Philology, Head of the Department of Journalism, Penza State University; 40 Krasnaya st., 440026, Penza, Russia; e-mail: reva.ek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7646-9663>.

Mezhina Victoria A., Researcher, Penza State University; 40 Krasnaya st., 440026, Penza, Russia; e-mail: mezhinaviktoriya@mail.ru; <https://orcid.org/00000-0001-5795-8963>.

Contribution of authors to the article

V. A. Mezhina – compiling a body of video materials for 2015–2019, conducting typological analysis of YouTube channels.

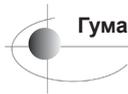
E. K. Reva – the main author, working with the theoretical basis of research, conducting typological analysis of YouTube channels and genre analysis of video materials.

Sources of article funding

The study was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation for State Support of Young Scientists no. MK-490.2020.8.

Reference to the article

Reva E. K., Mezhina V. A. Features of Providing Content on YouTube about Extreme Situations: Genres and Formats // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 110–115. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-110-115.

УДК 070.1; 304

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-116-125

Александр Юрьевич Евсеев,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы,
Северо-Западный институт управления
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: evseev-ay@ranepa.ru

Ирина Викторовна Ерофеева,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской республики как инструмент национальной идентификации

Актуальность исследования обусловлена тотальностью воздействия современных СМИ на образ конкретной территории в массовом сознании. В статье представлена характеристика системы чеченских СМИ как информационной платформы для продвижения образа Северного Кавказа, предлагается его имиджевая проекция в медиа республики, учитывающая ментальные особенности жителей региона. Цель статьи – выявить коммуникативные возможности моделирования образа Северного Кавказа ресурсами СМИ Чеченской республики в системе успешного брендинга территории, показать роль медиаобраза в формировании национальной идентичности. Аксиологическая характеристика медиаобраза осуществляется с помощью лингвокультурологического анализа, основанного на неразрывном единстве языка и культуры социума. В процессе проведения междисциплинарного исследования были задействованы структурно-функциональный подход и дискурс-анализ, позволившие выявить форматные и содержательные особенности конструирования и продвижения медиаобраза. основополагающие черты медиаобраза призваны пробуждать культурную память человека и его национальную идентичность – чувство принадлежности к социокodu, значимому для определённой территории. Делается вывод о необходимости принципиальной корректировки медиаобраза и имиджа с учётом особенностей восприятия и ожиданий аудитории, подчёркивается важность изменений акцентов в подаче информационных материалов о регионе. Необходима планомерная и системная работа по нейтрализации негативных стереотипов и конструированию эффективного медиаобраза Северного Кавказа как инструмента консолидации населения и культурной идентификации личности. Доминантой стратегией продвижения медиаобраза многонационального региона Северный Кавказ должна стать реальная интеграция территориальных, этнополитических, экономических и социокультурных интересов жителей этого горного края. Материалы статьи могут быть востребованы в рамках фундаментальных исследований, посвящённых особенностям репрезентации в массмедиа образа территории разного характера.

Ключевые слова: медиаобраз, Северный Кавказ, Чеченская республика, национальная идентификация, общественное мнение, имидж, медиавоздействие

Alexander Y. Evseev,
Russian Academy of National Economy
and Public Service,
Northwest Institute of Management
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: evseev-ay@ranepa.ru

Irina V. Erofeeva,
Transbaikal State University
(Chita, Russia)
e-mail: irina-jour@yandex.ru

The Media Image of the North Caucasus in the Chechen Republic Mass Media as an Instrument of National Identification

The topicality of the research is caused by the totality of the modern media influence on an image of a particular territory in mass conscience. The article characterizes the system of the Chechen media as an information platform for promoting the image of the North Caucasus, and offers its image projection in the media of the Republic, taking into account the mental characteristics of the inhabitants of the region. The article aims at revealing communicative possibilities for modeling the Northern Caucasus image by the media resources of the Chechen

© Евсеев А. Ю., Ерофеева И. А., 2020

Republic in the system of successful territorial branding, and presenting the media image role in forming national identity. Axiology of the media image is presented through linguistic and cultural analysis based on the inseparable unity of the language and culture of the society. Our interdisciplinary research was conducted using a structural-functional approach and discourse-analysis, which allowed us to reveal format and content features of constructing and advancing the media image. Basic media image features are intended to awake a man's cultural memory and his national identity – a feeling of belonging to a socio-code meaningful for a particular territory. The conclusion can be drawn that it is necessary to fundamentally readjust the media image taking into account the characteristics of perception and expectations of the audience. We stress the importance of changes in the presentation of information materials about the region. There is a need for regular and systematic work on neutralizing the negative stereotypes and constructing the effective media image of the Northern Caucasus as an instrument for the consolidation of the population and person's cultural identification. The dominating idea for the strategy of advancing the media image of a multiethnic region should be the real integration of territorial, ethnopolitical, economic, and sociocultural interests of the population of this mountainous region. The article materials can be important as part of basic research dealing with the main features of representation of the territorial image with different characteristics in the mass media.

Keywords: media image, Northern Caucasus, Chechen Republic, national identification, public opinion, image, media influence

Введение. Региональные образы территорий в единстве многообразия составляют целостный образ России. В эпоху информационных технологий представление о реальности происходящего в жизни человека напрямую зависит от массмедиа. В профессиональном поле СМИ под определённым углом зрения активно тиражируются факты и явления, мнения и взгляды, стереотипы и семиотика, моделирующие в массовом сознании лик пространства существования. Сегодня активно формируется медиаобраз той или иной территории, данная категория в научном дискурсе воспринимается как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ [21, с. 95].

Подчёркивается суггестивный аспект расширенных возможностей воздействия современных СМИ, конструирующих суммарное представление о месте. Медиаобраз территории трактуется как «впечатление, составленное всей совокупностью упоминаний особенностей и событий этой территории» [16, с. 102]. При этом исследователи обращают внимание, как на специальное воспроизведение фрагментов реальности конкретным автором медиатекста – носителем тех или иных воззрений и ценностных ориентаций, так и на спонтанное, хаотичное соиздание реальности в рамках двустороннего процесса коммуникатора и потребителя [5, с. 91].

В последнее время появилось большое количество научных работ, посвящённых моделированию имиджа конкретных территорий [1; 4; 7; 11; 12; 14; 19; 22; 24–26; 28 и др.]. Исследователи делают акцент на конструировании образа региона в контенте СМИ, на инструментарии брендинга малых территорий, на стратегиях продвижения положительного имиджа региона.

Коммуникативные стратегии конструирования медиаобраза региона обусловлены спецификой социально-экономического и социокультурного развития территории, а также особенностями восприятия целевой аудитории, её приверженностью к особой стилистике, изобразительно-выразительным способам подачи материала. Формирование и продвижение имиджа осуществляется благодаря целенаправленным усилиям государственной власти и управления, медиа и PR-структур.

Результативность моделирования медиаобраза непосредственно зависит от символических компонентов имиджа территории, от совокупности представленных мнений в СМИ о специфических характеристиках региона [19, с. 48]. Для анализа восприятия имиджа выделяются социально-бытовая, социокультурная, социально-экономическая сферы [9].

В современной науке обращено пристальное внимание на стереотипы, мешающие цельному и объективному восприятию Северного Кавказа. Среди симптомов распространённой кавказофобии в информационном пространстве выделяют: криминальность региона, позиционирование его как региона социально-экономической нестабильности, преступности и коррупции, радикального ислама, необоснованной агрессии, экстремизма и терроризма [7; 15]. Регион начинает ассоциироваться с географической областью на склонах горного хребта, отмеченной военными инцидентами, международными конфликтами, необоснованно завышенными дотациями со стороны центра [8]. Среди тенденций отмечается уход из массового сознания россиян представлений о мудрости горцев, их семейных ценностях и вековых традициях уважения к старшим [9].

Поскольку в общественном сознании формируется односторонний взгляд на регион, республике приходится выстраивать имидж через преодоление стереотипных воззрений, формируя новые бренды и лозунги. Исследователь массмедиа М. В. Шкондин [30, с. 13–15] отмечает, что федеральные СМИ сегодня не в состоянии обеспечивать возросшие информационные потребности центра и регионов, особенно в аспекте отражения имеющихся национально-культурных и религиозных отличий. В связи с чем реальная аудитория федеральных изданий на Северном Кавказе значительно меньше потенциально возможной. Региональные СМИ могли бы успешно компенсировать указанный вакуум, особенно в вопросах общероссийского патриотического воспитания граждан национальных окраин.

Медиаобраз территории непосредственно связан с процессом уподобления человека пространству проживания, с механизмами идентификации и слияния себя с местом бытия. В идеале основополагающие черты медиаобраза призваны пробуждать культурную память человека, формировать его национальную идентичность – ценностное отношение индивида в принадлежности к проживающей на определённой территории социальной группе¹. В мире глобализации всё более актуальным и значимым для гармоничного функционирования государства становится продвижение моделей национальной идентификации. С точки зрения российской и зарубежной науки, формирование массовой идентичности – гарант построения надёжной социальной безопасности [32; 34; 36; 37].

В последние годы в обществе всё чаще поднимается вопрос о единой российской нации как явлении политическом и гражданском. Данное понятие зафиксировано в нормативных документах, в частности в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждённой Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г. № 1666), в рамках которой российская нация определяется как сообщество граждан различной этнической, религиозной, социальной принадлежности, осознающих свою историко-культурную и гражданскую общность, политико-правовую связь с российским государством. Большое значение в документе уделяется формированию российской гражданской идентич-

ности, которая определена как «общее и единое для граждан Российской Федерации осознание своей принадлежности к российской нации».

В научном и общественно-политическом дискурсе понятия «российская нация» и «российская национальная идентичность» стали использоваться относительно недавно. На 10-м форуме Международного дискуссионного клуба Валдай «Многообразие России для современного мира» (сентябрь 2013) была сформулирована концепция формирования российской национальной идентичности. Важно отметить, что и общегражданская, и региональная, и этническая идентичности входят в другие множественные социальные идентичности. Для обеспечения безопасности государства и общества необходимо, чтобы данные идентичности не конкурировали между собой, а взаимно развивали и обогащали друг друга [31, с. 395]. Такая задача выполнима при условии утверждения общей для всех народов объединяющей идеи, а также соблюдения баланса между информационной политикой государства и соактора – региональной интеллектуальной элиты.

Сказанное подчёркивает актуальность *целевой установки данного исследования* – выявление функциональных элементов конструирования медиаобраза Северного Кавказа в информационном пространстве; анализ коммуникативных возможностей чеченских СМИ, ориентированных на создание позитивного имиджа региона.

В научном дискурсе уделяется внимание различным аспектам функционирования системы чеченских СМИ: конструирование имиджа региона; этнический компонент чеченских медиа; влияние СМИ на сохранение и развитие чеченского языка; типология СМИ Чеченской республики; формирование чеченскими информационными агентствами повестки дня; система информационной безопасности региона [3; 6; 10; 18; 19; 27 и др.]. Вместе с тем обнаруживается дефицит научных работ, посвящённых инструментарию продвижения медиаобраза и имиджа Северного Кавказа.

Методология и методы исследования. Исследование является междисциплинарным, в процессе работы были задействованы разные научные специальности: политология, журналистика, социальная философия, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

Лингвокультурологический подход лёг в основу характеристики коммуникативных технологий моделирования медиаобраза

¹ Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Согласие, 2018. – С. 39.

Северного Кавказа. Структурно-функциональный подход помог выявить структуру и функции СМИ, задействованных в конструировании медиаобраза Северо-Кавказского региона. Дискурс-анализ как интерпретативный и объяснительный метод был использован для выявления взаимосвязи между общим медиатекстом и его социальными условиями создания и воздействия на потребителя.

В рамках научной парадигмы современной когнитивной лингвистики мы рассматриваем медиадискурс как коммуникативный ресурс взаимодействия с накопленным культурным опытом определённого социума, как инструмент формирования ценностных приоритетов жителей России.

Результаты исследования и их об-суждение. Как правило, массовое сознание воспринимает образ как вторичный продукт психологического воздействия средств массовой коммуникации, рассчитанный на внешнее потребление – для других. В данной статье мы выбираем иную имиджевую проекцию, которая призвана воздействовать на общественное сознание в целях формирования государственной сопричастности граждан Северного Кавказа к России. Предлагаем рассмотреть самооценку жителей региона, их представления о едином континууме – настоящем и будущем общего и неделимого Отечества, сложившемся в результате долгого историко-культурного развития.

На основе анализа государственной имиджевой политики Северо-Кавказского федерального округа и мониторинга публикаций в местных СМИ, освещающих проблемы региона, выявлены как позитивные, так и негативные стороны позиционирования в геополитическом пространстве. Несомненно, продвижение имиджа Северного Кавказа во многом определяется состоянием региональных и местных СМИ.

Для моделирования пространственно-территориального образа первостепенное значение имеет вербализация. Язык выступает в качестве наиболее значимого фактора генезиса для создания обновлённых образов, которые оказывают воздействие на имидж территории. Как правило, языковая единица концентрирует в своей основе представления о пространстве. С помощью языка, важнейшего ориентира и путеводителя, человек воспринимает и отражает мир, это необходимый инструмент концептуализации окружающей действительности, дея-

тельности человека и его ментальных процессов. Язык социально обусловлен и репрезентирует специфику жизнеустройства в том или ином обществе, через него человек получает доступ к единой информационной базе – культурной памяти.

По мнению ряда исследователей, в эпоху политической и экономической модернизации дифференциация СМИ в национальных республиках Северного Кавказа имеет двувекторный характер. Первый из них – регионализм как развитие СМИ «почвенно-национального» склада, отражает амбиции и установки региональных политических сил и элит; второй – этатистский концептуализм, утверждающий развитие СМИ державно-государственной ориентации, замотивированных на трансляцию общегосударственных приоритетов [29, с. 56]. Отражение данных тенденций можно увидеть, к примеру, в росте числа республиканских газет в Чечне в постсоветский период и увеличении общего количества наименований с 84 до 466.

Исследователь А. Б. Мальсагова пусть косвенно, но подтверждает эту своеобразную двувекторную ситуацию в медийном поле горного края [20]: на первый план выступают региональные информационные агентства («Грозный-информ», «Чечня сегодня», «ЧеченИнфо»), деятельность которых осуществляется преимущественно на русском языке – для расширения целевой аудитории и обеспечения коммуникации с федеральными СМИ и ведущими информационными агентствами России. Новостные двуязычные телерадиокомпании (ЧГТРК «Грозный», филиал ВГТРК ГТРК «Вайнах», духовно-просветительский, исламский ТРК «Путь») распределяют эфирное время между программами на русском и чеченском языках в пропорции 50×50 %. В декабре 2019 года заработал новый круглосуточный телеканал «Кавказ 24», объединяющий все территории и тиражирующий идеи гостеприимства и широты души кавказского народа.

Журналы религиозной тематики («Свет», «Зори Ислама»), некоторые общественно-политические и литературно-художественные издания («Вайнах» и «Орга») выпускаются только на чеченском языке, что способствует сохранению и развитию языковой и этнической культуры чеченского народа. Популярными изданиями продвижения имиджа Северного Кавказа являются общественно-политические газеты «Вести

Республики», «Даймох», «Столица Плюс», религиозная газета «АнНур»¹.

Государственное участие в развитии этнических СМИ является определяющим, а республиканское Министерство по национальной политике, внешним связям, печати и информации – по сути единственный учредитель республиканских СМИ. Это позволяет говорить о целенаправленной политике центра в сфере поддержки культуры и языков народов Северного Кавказа, а также изданий, которые выходят на языках этнических групп.

В изданиях на чеченском языке количество публикаций общего характера немногочисленно, в контенте этих СМИ делается акцент на реализации просветительской функции, сохранении культуры, истории и традиций чеченского народа. Лучшие силы научной, творческой, религиозной чеченской интеллигенции заняты воспитанием общероссийского патриотического мировоззрения, но могут и оказаться на периферии духовно-культурного мейнстрима не только Чеченской Республики, но и всего северокавказского региона.

Положительная семиотика медиаобраза Северного Кавказа имеет объективную фактологическую основу – это демографически стабильный регион с избыточным по российским меркам населением, экономически-перспективный, обладающий мощным природно-сырьевым потенциалом, развитым сельским хозяйством, современной инфраструктурой. Это освоенная курортно-рекреационная зона отдыха и лечения всей нашей страны с богатейшими историческими традициями и уникальной природой. Регион позиционируется как благоприятный и перспективный для бизнеса, с неповторимыми ландшафтами, объединяющий в культурном разнообразии и мудрости тысячелетних традиций самобытные горские народы.

Однако есть политизированные ресурсы, которые создают дополнительные трудности в продвижении позитивного образа Северного Кавказа. Так, чеченский омбудсмен потребовал заблокировать деструктивные ресурсы «Кавказский узел» и «Кавказ.Реалии» (группа «Радио Свобода»), объясняя это «информационно-психологической войной», в ходе которой СМИ пытаются создать образ «тоталитарной» Чечни, «в которой отсутствует или подавляется гражданское общество, свобода слова, а население подвер-

¹ Печатные СМИ Чеченской Республики. – Текст: электронный // ЧеченИнфо. – URL: <http://checheninfo.ru/pechsmi.html> (дата обращения: 10.08.2020).

гается массовым репрессиям»². Подобные «тактические медиа» способствуют формированию в массовом сознании сомнительного образа северо-кавказского региона. Частотно, в том числе в федеральных СМИ в рамках искусно выстроенных визуальных сюжетов о громких ограблениях, коррупции, преступных группировках, Северный Кавказ именуется опасной территорией, где постоянно «ликвидируют боевиков», «предотвращают теракты», «проводят спецоперации». Любой инцидент с участием «выходцев с Кавказа» вызывает общественный резонанс. Отметим, что указанные стереотипы сложились не так давно. В советское время имидж Кавказа формировался на основе представлений о многоконфессиональном регионе с уникальными природными ресурсами, древней культурой и историей, богатыми национальными традициями.

Мониторинг контента современных социальных сетей, таких как ВКонтакте, Facebook, Twitter, также демонстрирует, что у многих россиян сформировался односторонний, преимущественно негативный имидж Северного Кавказа и представителей этого региона. Территория ассоциируется с радикальным исламом, военными и межнациональными конфликтами, агрессивной молодежью, экстремистскими лозунгами. Восприятие криминального образа является рудиментом прошлого: в исторической памяти россиян ещё сохранились две кавказские войны. В массовом сознании зарубежного сообщества также превалирует образ Северного Кавказа кровопролитных 1990-х годов, поэтому медиаэксперты сомневаются в том, что Кавказу удастся быстро избавиться от поддерживаемого искусственно негативного имиджа³.

Но работа в данном направлении ведётся. Приоритетным на государственных каналах является пропаганда традиций, вековой культуры вайнахов, спортивные достижения кавказцев. Согласно проведённому мониторингу медиадискурса, в региональных СМИ образ Северного Кавказа конструируется

² Чеченский омбудсмен потребовал заблокировать «деструктивные ресурсы» «Кавказский узел» и «Кавказ.Реалии». – Текст: электронный // Meduza. – 2017. – 6 дек. – URL: <https://meduza.io/news/2017/12/06/chechenskiy-ombudsmen-potreboval-zablokirovat-dstruktivnye-resursy-kavkazskiy-uzel-i-kavkaz-realii> (дата обращения: 15.09.2020).

³ Игорь Сопов: «Негативный имидж о Северном Кавказе поддерживается искусственно». – Текст: электронный // РИА Дагестан. – 2014. – 27 марта. – URL: https://riadagestan.ru/news/society/igor_sopov_negativnyy_imidzh_o_severnom_kavkaze_podderzhivaetsya_iskusstvenno/ (дата обращения: 15.09.2020).

преимущественно положительно [9]. Сегодня приобретают популярность SMM-проекты, инициированные властями и госкомпаниями. Вектором развития региона становятся его большая открытость, объединение информационного пространства всех регионов Северного Кавказа. Сегодня подписан меморандум по обмену новостями между крупнейшими информагентствами Северного Кавказа.

Успешно продвигаются общие проекты «Семь чудес Северного Кавказа» или «100 привлекательных мест Северного Кавказа». На страницах изданий и на телевидении началась дискуссия с привлечением экспертов «Кавказ без точки опоры», «Старые проблемы на новой площадке», «И никакой «домбайщины!»». В продвижении имиджа региона принимают участие топовые фотоблогеры Сергей Мухамедов (ottenki-serogo), Дмитрий Терновский (ternovskiy) и Илья Варламов (zyalt). Перед властями СКФО, и перед гражданским обществом стоит единая задача – вернуть Северному Кавказу позитивный имидж, помочь российским гражданам избавиться от навязанных клише вроде «хватит кормить Кавказ!» или «лицо кавказской национальности».

Заключение. Медиаобраз территории как совокупность взглядов и впечатлений, обусловленных тиражируемой в СМИ информацией об особенностях существования региона, – предмет актуальных научных исследований в государстве, заинтересованном в стабильном развитии, в защите и сохранении социально-политической системы и культурных ценностей.

В таком социуме медиаобраз региона ориентирован на сохранение языкового потенциала территории, аккумулирующего «культурную память», на укрепление гражданской идентичности, на распространение объединяющих идей для различных этносов, населяющих страну. Ресурсом имиджевой политики Северного Кавказа могут выступить экономические, научные, культурные, спортивные достижения региона в контексте общероссийских успехов, в том числе и на международной арене. Важно показать

потенциал горных республик в экологическом и спортивном туризме и способствовать формированию единого регионального медиапространства с согласованной имиджевой стратегией республиканских СМИ.

Перспективным видится общенациональный взгляд на Северный Кавказ (Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Северную Осетию, Чечню, Ставропольский край) как на неизменную историческую часть Российского государства без противопоставления интересам жителей региона. Такой подход будет служить сближению народов (этнически, религиозно, культурно разных) на основе единства в ответственности всех граждан страны за судьбу исторической государственности.

Единство цементирует осознанное принятие местным населением возникающих перед Россией общих геополитических вызовов и добровольное желание в силу своей этнической и культурной самобытности участвовать в разрешении текущих задач общегосударственного значения. Имидж в сопряжении интересов региона и в целом страны предельно благотворно скажется на имидже России в глазах остального мира и, прежде всего, в странах «уммы исламия» (исламского сообщества).

Культивируемый медиаобраз Северного Кавказа, ориентированный на связь частного и общего, прошлого и будущего, современности и традиционных ценностей, позволит не только укрепить политические, экономические и социокультурные позиции региона, но и продолжить историю благотворного сосуществования Кавказа и России с неизменным сохранением национальной идентичности.

Осознание собственной национальной идентичности в условиях современной России, приверженность общероссийским патриотическим началам может стать определяющим для консолидации всего огромного евразийского общества и важнейшим фактором обеспечения территориальной целостности и государственного суверенитета всей России.

Список литературы

1. Блашенкова В. С. Бренд территории: создание и продвижение. Как это делается в России. М.: Конкретика, 2011. 320 с.
2. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2007. № 4. С. 124.
3. Борзаев Б. Р. Особенности развития языка чеченских СМИ в период перехода от тоталитарного режима к демократическим преобразованиям // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 5. С. 520–523.

4. Варламова И. В. Формирование современного образа республики средствами массовой информации Чувашии: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2015. 30 с.
5. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 11. С. 91–94.
6. Дзугаев Б. Б. Имидж Чеченской Республики в российских СМИ // Имидж России: город, регион, страна: материалы науч. конф. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 122–126.
7. Древаль М. И. Образ Северного Кавказа на федеральных каналах // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 154–163.
8. Ежова Е. Н. Стратегия формирования имиджа Северного Кавказа // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы Междунар. науч. конф. // ред. и сост. Д. П. Гавра. СПб.: СПбГУ, 2016. № 2. С. 134–137.
9. Ежова Е. Н., Маслюк Д. С. Доминанты имиджа Северного Кавказа в российском сегменте социальных сетей // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы Междунар. науч. конф. (22–23 ноября 2018 г.) / ред. и сост. Д. П. Гавра. СПб.: СПбГУ, 2018. № 4. С. 334.
10. Идилов И. И., Хучиев М. М., Минкаилова М. М. Специфика функционирования и развития региональных телекомпаний в Чеченской Республике // Вопросы экономики и права. 2013. № 7. С. 48–51.
11. Кадачигова Д. С. Формирование положительного имиджа региона (на примере Камчатского края) в СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2020.
12. Каминская Т. Л. Артефакты и персоны как элементы городского брендинга // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1. С. 59–61.
13. Кирьяшина М. А. Роль печатных СМИ в создании имиджа регионального политика: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2005. 28 с.
14. Кривонос А. Д. Брендинг малых территорий (на примере молодёжных проектов) // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы Первой Всерос. науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 44–45.
15. Курбанов А. И., Таджибова А. Н. Образ Кавказа в российском и германском дискурсе массмедиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4. С. 115–120.
16. Ланцевская Н. Ю. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 101–103.
17. Литвинова Т. Н. Проблема формирования позитивного имиджа Северного Кавказа внутри страны в контексте задач пространственного развития // Социодинамика. 2019. № 11. С. 89–104.
18. Магоматов М. Г. Первые печатные издания в Чечне (1900–1905 гг.). Изд. 2-е, доп. Грозный: Изд-во Чечен. гос. ун-та, 2012. 111 с.
19. Мальсагова А. Б. Становление и развитие системы СМИ Чеченской республики в постсоветский период (1992–2017 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2018. 183 с.
20. Мальсагова А. Б. Типологическая структура региональных СМИ Чеченской республики // Медиа-Альманах. 2018. № 4. С. 69–79.
21. Марущак А. В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93–96.
22. Мельник Г. С. Стратегии продвижения медиабренда Республики Крым // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. Ч. 1. С. 121–123.
23. Назаров М. М., Папантиму М. А. Визуальные образы в социальной и маркетинговой коммуникации: опыт междисциплинарного исследования. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 216 с.
24. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий: мировая практика и российские перспективы // Россия на рубеже тысячелетий: сб. тр. М.: ИМПЭ, 2000. С. 279–320.
25. Печищев И. М. Конструирование имиджа территории в пермской периодике (1996–2006 гг.): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2008. 29 с.
26. Семенов И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.
27. Тишков В. А. Чеченский дискурс как идеология крайностей (анализ СМИ в условиях конфликта) // Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 75–106.
28. Худякова А. В. Формирование положительного образа сельской территории Крайнего Севера региональной печатью (на примере районов Архангельской области): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2016. 28 с.
29. Чачановский А. А. Национальная система массовой коммуникации – этнополитические аспекты // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 50.
30. Шкондин М. В. Пресса: системные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. № 5. С. 9–20.
31. Юрченко В. М. О проблемах национальной безопасности, предупреждения межэтнических конфликтов в контексте проекта стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. // Теория и практика общественного развития. Политические науки. 2012. № 2. С. 395–397.

32. Янглева М. М. Роль современных массмедиа в продвижении моделей национальной самоидентификации (на примере телепроекта BBC «100 величайших британцев») // МедиаАльманах. 2019. № 1. С. 161–169.

33. Demirsoy A., Dikener O., Karakoç E. Axes Concept of Democratic Rethinking the Local Media // Journal of International Scientific Publications: Media and Mass Communication. 2013. Vol. 2. P. 4–13.

34. Francesco P. Mass Identity Architecture: Architectural Writings of Jean Baudrillard. New York: Wiley Academy, 2006. 206 p.

35. The role of brand elements in destination branding / S. Kloudou, M. Kavaratzis, E. Rigopoulou, E. Salonika // Journal of Destination Marketing@Management. 2016. Vol. 6. P. 426–435.

36. Tipton F. B. Modeling National Identities and Cultural Change: The Western European, Japanese, and United States Experiences Compared // International Journal of Cross Cultural Management. 2009. Vol. 9. P. 145–168.

37. Zimmerbauer K. Regional Identity and Image in Rescaling of the Regions // Nordia Geographical Publications. 2008. No. 6. P. 31–44.

Статья поступила в редакцию 26.07.2020; принята к публикации 20.08.2020

Сведения об авторах

Евсеев Александр Юрьевич, старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Северо-Западный институт управления; 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43; e-mail: evseev-ay@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8534-2004>.

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, Александрово-Заводская, 30; e-mail: irina-jour@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>.

Вклад авторов в статью

А. Ю. Евсеев – основной автор, постановка научной проблемы исследования; сбор материалов исследования; разработка теоретико-методологических основ исследования, подготовка текста статьи.

И. В. Ерофеева – определение замысла и методологии статьи; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка начального варианта текста с последующей доработкой

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-013-00725 «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности».

Библиографическое описание статьи

Евсеев А. Ю., Ерофеева И. В. Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской республики как инструмент национальной идентификации // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 116–125. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-116-125.

References

1. Blashenkova, V. S. Brand of the territory: creation and promotion. How it is done in Russia. M., 2011. (In Rus.)

2. Bogdan, E. N. Media image of Russia as a concept of the theory of journalism. Bulletin of Moscow University. Ser. 10: Journalism, no. 4, p. 124, 2007. (In Rus.)

3. Borzaev, B. R. Features of the development of the language of the Chechen media during the transition from a totalitarian regime to democratic transformations. International Journal of Applied and Fundamental Research, no. 5, pp. 520–523, 2016. (In Rus.)

4. Varlamova, I. V. Formation of the modern image of the republic by the mass media of Chuvashia. Can. philol. sci. diss. Moscow, 2015. (In Rus.)

5. Galinskaya, T. N. The concept of a media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University, no. 11, pp. 91–94, 2013. (In Rus.)

6. Dzugayev, B. B. Image of the Chechen Republic in Russian media. Image of Russia: city, region, country: materials of a scientific conference. Moscow: MSU Publishing House, 2011: 122–126. (In Rus.)

7. Dreval, M. I. The image of the North Caucasus on federal channels. Social sciences and modernity, no. 5, pp. 154–163, 2015. (In Rus.)

8. Yezhova, E. N. Strategy of the formation of the image of the North Caucasus Strategic communications in business and politics, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, no. 2, pp. 134–137, 2016 (In Rus.)
9. Yezhova, E. N., Maslyuk, D. S. Dominants of the image of the North Caucasus in the Russian segment of social networks. Strategic communications in business and politics. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, no. 4, p. 334, 2018. (In Russ.)
10. Idilov, I. I., Khuchiev, M. M., Minkailova, M. M. Specificity of the functioning and development of regional television companies in the Chechen Republic. Issues of Economics and Law, no. 7, pp. 48–51, 2013. (In Rus.)
11. Kadachigova, D. S. Formation of a positive image of the region (on the example of the Kamchatka Territory) in the media. Cand. philol. sci. dis. Moscow, 2020. (In Rus.)
12. Kaminskaya, T. L. Artifacts and persons as elements of urban branding. Bulletin of the Cherepovets State University, no. 1, pp.59–61, 2013. (In Rus.)
13. Kiryashina, M. A. The role of print media in creating the image of a regional politician. Cand. philol. scie. diss. Voronezh, 2005. (In Rus.)
14. Krivososov, A. D. Branding of small territories (by the example of youth projects). Branding as a communicative technology of the XXI century. Proceedings of the all-Russian Scientific and Practical Conference. SPbGEU, 2014: 44–45. (In Rus.)
15. Kurbanov, A. I., Tadjibova, A. N. The image of the Caucasus in the Russian and German discourse of mass media. Bulletin of the Chelyabinsk State. un-that, no. 4, pp. 115–120, 2010. (In Rus.)
16. Lantsevskaya, N. Yu. The territory's media image as a set of stereotypes branding space. Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University, no. 2, pp. 101–103, 2015. (In Rus.)
17. Litvinova, T. N. The problem of forming a positive image of the North Caucasus inside the country in the context of spatial development problems. Sociodynamicso, no. 11, pp. 89–104, 2019. (In Rus.)
18. Magomadov, M. G. The first printed editions in Chechnya (1900–1905). Grozny: Publishing house of the Chechen state. un-ta, 2012. (In Rus.)
19. Malsagova, A. B. Formation and development of the media system of the Chechen Republic in the post-Soviet period (1992–2017). Can. philol. sci. diss. Moscow, 2018. (In Rus.)
20. Malsagova, A. B. Typological structure of regional mass media of the Chechen Republic. Medialmanakh, no. 4, pp. 69–79, 2018. (In Rus.)
21. Marushchak, A. V. Political and social image of Russia in the American media space. Journalistic Yearbook, no. 1, pp. 93–96, 2012. (In Rus.)
22. Melnik, G. S. Strategies for promoting the media brand of the Republic of Crimea. Branding as a communicative technology of the XXI century, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2020: 121–123. (In Rus.)
23. Nazarov, M. M., Papantimou M. A. Visual images in social and marketing communication: the experience of interdisciplinary research. Moscow: Book house "LIBROKOM", 2016. (In Rus.)
24. Pankrukhin, A. P. Marketing of territories: world practice and Russian prospects. Russia at the turn Millennium. Moscow: IMPE, 2000: 279–320. (In Rus.)
25. Pechishchev, I. M. Construction of the image of the territory in the Permian periodicals (1996–2006). Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 2008. (In Rus.)
26. Semenenko, I. S. Images and images in discourse national identity. Polis. Political Studies, no. 5, pp. 7–18, 2008. (In Rus.)
27. Tishkov, V. A. Chechen discourse as an ideology of extremes (analysis of the media in a conflict). Ethnicity and tolerance in the media. Moscow, 2002: 75–106. (In Rus.)
28. Khudyakova, A. V. Formation of a positive image of the rural territory of the Far North by the regional press (on the example of the districts of the Arkhangelsk region). Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2016. (In Rus.)
29. Chachanovsky, A. A. National system of mass communication - ethnopolitical aspects. Sociological studies, no. 12, p. 50, 1996. (In Rus.)
30. Shkondin, M. V. Press: systemic aspects. Bulletin of Moscow University, Series 10: Journalism, no. 5, pp. 9–20, 2009. (In Rus.)
31. Yurchenko, V. M. On the problems of national security, prevention of interethnic conflicts in the context of the draft strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025. Theory and practice of social development. Political science, no. 2, pp. 395–397, 2012 (In Rus.)
32. Yanglyayeva, M. M. The role of modern mass media in promoting models of national self-identification (on the example of the BBC TV project "100 Greatest Britons"). Media almanac, no. 1, pp. 161–169, 2019. (In Rus.)
33. Demirsoy, A., Dikener, O., Karakoç, E. Axes Concept of Democratic Rethinking the Local Media. Journal of International Scientific Publications: Media and Mass Communication, vol. 2, pp. 4–13, 2013. (In Eng.)
34. Francesco, P. Mass Identity Architecture: Architectural Writings of Jean Baudrillard. New York: Wiley Academy, 2006. (In Eng.)
35. Kloudou, S., Kavaratzis M., Rigopoulou, E., Salonika E. The role of brand elements in destination branding. Journal of Destination Marketing@Management, vol. 6, pp. 426–435, 2016. (In Eng.)

36. Tipton, F. B. Modeling National Identities and Cultural Change: The Western European, Japanese, and United States Experiences Compared. *International Journal of Cross Cultural Management*, vol. 9, pp.145–168, 2009. (In Eng.)

37. Zimmerbauer, K. Regional Identity and Image in Rescaling of the Regions. *Nordia Geographical Publications*, vol. 37, no. 6, pp. 31–44, 2008. (In Germ.)

Received: July 26, 2020; accepted for publication August 20, 2020

Information about author

Evseev Alexander Y., Senior Lecturer, Russian Academy of National Economy and public service, Northwest Institute of Management; 57/43 Vasilievsky Island, Sredny prospect, St. Petersburg, 199178, Russia; e-mail: evseev-ay@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8534-2004>.

Erofeeva Irina V., Doctor of Philology, associate professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: irina-jour@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>.

Contribution of authors to the article

A. Yu. Evseev – the main author, statement of the research problem; collection of materials of the study; development of theoretical and methodological foundations of the study; writing the draft text of the article

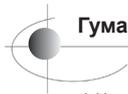
I. V. Erofeeva – formulation of the purpose of the study and choice of research methodology; structuring and analysis of the results obtained; preparation of the initial version of the text with subsequent revision.

Sources of article funding

The research was carried out within the framework of Russian Foundation for basic research grant project no. 19-013-00725 “Media image of Russia in the context of national security”.

Reference to the article

Evseev A. Yu., Erofeeva I. V. The Media Image of the North Caucasus in the Chechen Republic Mass Media as an Instrument of National Identification // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 116–125. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-116-125.

УДК 070.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-126-134

Алла Николаевна Тепляшина,*Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: a-nik@list.ru*

Динамика аргументации в дискурсе о внутреннем туризме

В статье рассмотрена структура и динамика аргументации в массмедийном дискурсе о внутреннем туризме. Анализу подвергаются текстовые и дискурсивные характеристики аргументации. Цель анализа – выявление речевой реализации риторических приёмов как механизма воздействия, эффективности аргументации в туристическом дискурсе на материале журнала «Вокруг света». Цель и задачи исследования определили выбор методов анализа. Для подтверждения гипотезы о роли аргументации в диверсификации концептуального содержания научно-популярного дискурса о туризме применялись методы контент- и дискурс-анализа. Методологической основой статьи являются такие составляющие системного подхода, как когнитивная, коммуникативная, риторическая. В статье выявлены ключевые концепты туристического дискурса, поднимаются вопросы актуализации их содержания. Решается задача – показать своеобразие риторических средств в аргументативном высказывании, обозначены способы создания панорамности, которая стимулирует зрительную природу образа. Дано общее представление о способах создания панорамности описания, достигаемой за счёт использования эпитетов, метафор. Метафоры являются основным текстообразующим средством, позволяющим создавать лаконичные тексты. Панорамность даёт возможность автору апеллировать к эмоциям читателя, вызывая образные ассоциации, а главное, желание увидеть своими глазами красоту уникальных мест. На примере текстовых фрагментов продемонстрированы функции выразительных средств в вербализации концептов. В статье приводятся фрагменты текстов, которые дают возможность заключить, что выразительные средства являются великолепным средством воздействия, они обладают огромным потенциалом образности, а следовательно, возможностью вызывать эмоционально-оценочную реакцию адресата речи. Авторы текстов должны обязательно учитывать это преимущество, рассказывая о перспективных туристических направлениях в условиях закрытых границ. Критерии эмпирического поиска ограничены временными рамками (январь – июнь 2020 года). Статья предназначена для аспирантов, магистров, бакалавров факультетов журналистики.

Ключевые слова: аргументация, туристический дискурс, концепт, трэвел-медиатекст, тропы

Alla N. Teplyashina,*St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: a-nik@list.ru*

The Dynamics of Argumentation in the Discourse on Domestic Tourism

The article examines the structure and dynamics of argumentation in the mass media discourse on domestic tourism. The textual and discursive characteristics of argumentation are analyzed. The purpose of the analysis is to identify the speech implementation of rhetorical techniques as a mechanism of influence, the effectiveness of argumentation in the tourist discourse on the material of the Vokrug Sveta magazine. The purpose and objectives of the study determined the choice of methods of analysis. To confirm the hypothesis about the role of argumentation in the diversification of the conceptual content of popular science discourse about tourism, the methods of content analysis and discourse analysis were used. The methodological basis of the article is such components of the systems approach as cognitive, communicative, and rhetorical. The article reveals the key concepts of the tourism discourse, raises the issues of updating their content. The problem is solved to show the originality of rhetorical means in an argumentative statement, ways of creating panorama, which stimulates the visual nature of the image are indicated. A general idea of the ways of creating a panoramic image of nature achieved using epithets and metaphors is given. Metaphors are the main text-forming tool that allows you to create laconic texts. This is a huge advantage, given today's readers' dislike for long texts. Panoramic allows the author to appeal to the emotions of the reader, evoking imaginative associations, and most importantly, the desire to see spectacular landscapes with his own eyes. Using the example of text fragments, the functions of expressive means in the verbalization of concepts and in argumentation in general are demonstrated. The article presents fragments of the texts that make it possible to conclude that expressive means are an excellent means of influencing the addressees – readers, they have a huge potential for imagery and, therefore, the ability to cause an emotional-evaluative reaction of the addressee of speech. Authors of texts must consider this advantage when talking about promising tourist destinations in the conditions of closed borders. The Vokrug Sveta

© Тепляшина А. Н., 2020

magazine was chosen as an empirical basis. Empirical search criteria are time-limited (January – June 2020). The article is intended for graduate students, masters, bachelors of journalism departments.

Keywords: argumentation, tourist discourse, concept, travel media text, paths

Введение. В настоящее время наблюдается диверсификация концептуального содержания туристического дискурса, обусловленная концентрацией внимания государства, социальных институтов и СМИ на проблемах внутреннего туризма. В частности перед научно-популярным журналом стоит задача – заново открыть Россию для отечественной аудитории, а это означает, что речевая структура трэвел-медиа текста должна оказывать на аудиторию активное воздействие.

В теории аргументации под аудиторией подразумевают не только целевую группу людей, которую стремятся убедить, но любую фрагментированную аудиторию, группу и даже отдельного человека, которым предназначена соответствующая аргументация. Исследование особенностей и возможностей аргументации в журналистике наиболее продуктивно, когда оно проводится на уровне дискурса. Учёные интенсивно обсуждают ключевые нарративы институциональных дискурсов; осмысливают языковые средства манипулятивного воздействия. Вместе с тем, в научном дискурсе недостаточно представлены аспекты коммуникативной стратегии открытого воздействия медиа текста на аудиторию.

Вслед за И. В. Ерофеевой, мы ставим акцент на определении медиа текста как «пространства репрезентации национальной модели мира языковой личности автора, под которой подразумеваем определённую систему духовных ценностей, зафиксированную в языковых системах и обусловленную ментальными представлениями конкретной национальной общности» [5, с. 73]. Принимая во внимание эту формулировку, рассмотрим структуру и динамику аргументации в трэвел-медиа тексте как сегменте туристического дискурса.

Классическую интерпретацию дискурса в качестве медиатора, обеспечивающего коммуникацию между адресантом и адресатом предлагают учёные новосибирской академической школы Ю. А. Загоруйко, Н. О. Гаранина, О. И. Боровикова, О. А. Доманов [9, с. 496]. Серьёзный интерес исследователей к эволюции дискурсивных практик вполне обоснован. Диссипативность, открытость, лабильность и мобильность дискурсивной системы приводит к разветвлённой классификации дискурсов, для которой

основанием служат тема как доминантный интегративный признак, форма (устный и письменный, диалогический и монологический дискурсы), а также характеристика языковой личности автора.

В медийном дискурсе содержится богатый репертуар средств речевого воздействия, которые находятся в центре внимания зарубежных исследователей. Остин Фрили подчёркивает, что убедительность аргументации определяется её «эмоциональными аспектами» [13, с. 7]. В. Дворжак и С. Вольтран расширяют понимание термина «аргументация» и границы категории аргументативных средств, предлагают оригинальное видение константных («фиксированных») и изменяемых параметров аргументации в конфликтном дискурсе [12]. А. Валес-Посада ставит вопрос о смысловой значимости деталей описания мест как особого вида аргументации в туристическом дискурсе. Исследователь подчёркивает, что феномен релевантности расширяет контекстуальный и позиционный подход к теории и практике аргументации [16]. Б. Скотт обращается к неориторике Х. Перельмана и Л. Олбрехтс-Титеки, в которой, по его мнению, особо важным является акцент на темпоральности аргументации [15].

Вопрос эффективности аргументации в медиа тексте коррелирует с проблемой оптимизации риторических приёмов. Среди множества существующих сегодня методологических подходов к исследованию аргументации учёные выделяют риторический, который заключается в изучении аргументации как деятельности. Следует заметить, что для медиа текста характерно использование приёмов неориторики – комплекса наук, занимающихся теоретическими проблемами риторики после появления работ Х. Перельмана, сместившего акцент с истины к мнению и оценке, с доказательства – к аргументации, конечной целью которой является получение согласия аудитории [14, с. 11]. В рамках этих идей формулируется основная цель неориторики – внушить что-либо адресату, представив ситуацию или событие в наиболее выгодном ракурсе. При воздействии на принятие решений аргументация ориентирована на такое изменение взглядов и суждений людей, которое может побудить их к совершению действий, до тех пор казавшихся нереальными. В рамках

неориторике корректность аргументации порой уступает эффективности.

Методология и методы исследования. Для подтверждения гипотезы о роли аргументации в диверсификации концептуального содержания дискурса о туризме применялись методы контент-анализа, риторического анализа. Метод контент-анализа использовался для выявления содержательной стороны текстов. Анализ риторических приёмов осуществлялся по трём критериям: 1) частотность использования номинанта; 2) лексические параметры слова, вербализующего концепт; 3) эмоциональный мотив.

Использовался дискурс-анализ, изучающий структуру и речевые акты дискурса, понимаемого как текст плюс контекст. Сформирована авторская картотека примеров, включающая сплошную выборку высказываний с семантикой «путешествие по России» из текстов разных жанров. Отметим, что из текстов выбирались типичные дискурсивные фрагменты как в изолированном положении, так и с контекстом.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследования с применением методов контент- и дискурс-анализа позволяют заключить, что перед журналистами поставлена задача побудить соотечественников к путешествиям по России, создать представление о туристской привлекательности регионов России и выявить скрытый потенциал перспективных направлений. Ключевой посыл аргументации – «Мы – великая страна, с великим множеством культурных объектов, с уникальными возможностями для развития активного, позитивного, познавательного туризма» – в различных вариациях проходит красной нитью через медиатексты.

Речевые тактики аргументации в публикациях журнала «Вокруг света» направлены на убеждение аудитории в том, что отдых в России – это, на самом деле, не дань обстоятельствам, а осознанный выбор многих туристов.

В результате анализа эмпирического материала выделены приёмы аргументации, которые представляют собой механизм повышения силы внушаемости, воздействия на адресата туристического дискурса:

- ёмкость, лаконичность;
- образность/метафоричность;
- апелляция к патриотизму;
- эмоциональная окраска (оценочность);
- экспрессия;

– панорамность;

– корреляция эмоциональности изложения материала с теми чувствами, которые его содержание должно вызвать у аудитории.

Обсуждение результатов исследования. С момента основания в 1861 году журнала «Вокруг света» его главными темами были путешествия, страноведение и экология (вместо устаревшей рубрики «флора и фауна»). В конце 1980-х – начале 1990-х годов просветительская миссия научно-популярного журнала заключалась в привлечении внимания общества к экологическим проблемам. Н. В. Калинина утверждает, что «на этот период пришёлся пик интереса к экологии: на страницах газет и журналов, в радио- и телепередачах тема экологического неблагополучия в стране стала одной из ведущих» [6, с. 108]. К середине 1990-х годов внимание к экологической тематике заметно снизилось. Причинами были «отход государства от решения экологических задач, спад общественного природоохранного движения и проблемы выживания прессы в условиях жесточайшего экономического кризиса 1990-х годов» [6, с. 109]. Появление материалов об окружающей среде зачастую носило волновой характер, то есть зависело от глобальных событий в природе: экологических катастроф, аварий с выбросом отходов в среду, природных катаклизмов, эпидемий и т. д. По меткому замечанию И. Ф. Ореховой, тема экологии присутствовала в прессе в так называемом «фоновом» режиме [10, с. 67]. В настоящее время из научно-популярного дискурса вытеснены темы об экологических катастрофах, например о последствиях Чернобыльской катастрофы и их влиянии на российские регионы [8, с. 61, 62], о периодических загрязнениях морских акваторий нефтью и мазутом [11, с. 65–77]. Реальность мира представлена как привлекательная и интригующая, как бы не имеющая скрытые и недоступные поверхностному наблюдению стороны, не всегда приятные и позитивные.

В 2000-е годы отсутствовала системность и учёт взаимодействий тактической и стратегической направленности непосредственно между объектами формирующегося сегмента научно-популярных журналов. Можно говорить о расколе в данном сегменте, который привёл к чёткой дифференциации: с одной стороны, научно-популярный журнал, сохранивший экологический дискурс, с другой – научно-популярный журнал с признаками диверсификации контента, конвергенции, ориентации на инфотейн-

мент, перехода в формат «глянца». Отсутствие ограничений для иностранных компаний на владение российскими печатными СМИ, новые технологии, импортируемые западными глянцевыми журналами, продемонстрировавшие преимущество визуального контента над текстовым, впечатления над содержанием, способствовали монетизации контента. Журнал следовал идеологии глокализации, формируя представление о локальных культурах в глобальном контексте их взаимодействия друг с другом и через страноведческий компонент закрепляя кросскультурные связи между странами [7, с. 88–97].

Специфика той или иной разновидности научно-популярного журнала как медиапродукта заключается в том, что потребление его по сравнению с любыми другими продуктами в огромной степени зависит от идеологических установок от потребителя. В данном случае потребительской стоимостью стала сама возможность получить информацию о других странах как потенциальных объектах проведения отпуска, о программах «все включено» и шоппинге, а полезностью стала степень удовлетворения этой потребности, которая для каждого потребителя различна в зависимости от сложившихся представлений.

Показатели конкурентоспособности, эффективности и прибыльности журнала зависят от аудитории, заинтересованной в информации об услугах отелей, от потребителей, нацеленных на получение удовольствия от посещения популярных объектов туризма, знакомства с национальными кухнями и т. п. «Потребление – современный феномен, характерный для общества изобилия, – утверждал Ж. Бодрийяр – Это глубокий, интенсивный процесс выбора, организации и регулярного обновления бытовых вещей, в который включён каждый член общества» [3, с. 7]. В результате активного развития трэвел-сегмента произошла трансформация научно-популярных журналов в издания *Life Stile* (LS) – новой системы общественно значимых ценностей. Э. Тоффлер сравнил такие журналы с фабриками, производящими модели стилей жизни. Если интерес бизнеса к научно-популярным журналам в целом снижался, то журнал, диверсифицировавший контент в формате «глянца», сохранял свои позиции на медиарынке.

Как отмечают зарубежные и российские исследователи, современные научно-популярные журналы представляют собой мощ-

ный инструмент формирования образцов поведения, которые затем получают распространение и воспроизводятся индивидами в повседневной жизни. Достижение успеха заключается в работе, карьере, автомобиле класса премиум, в путешествиях, совершаемых для собственного удовольствия. Известный британский учёный З. Бауман, исследователь проблем глобализации, ввёл в научный оборот концепт «туристский мир»: «В туристском мире всё странное уже приручено, одомашнено и больше не пугает, а удары доходят в обеспечивающей безопасности упаковке, что придаёт миру видимость безграничной кротости, покорности, готовности угодить прихотям туриста. Кроме того, это – мир “сделай сам”, приятно податливый, он принимает форму по желанию туриста, его делают и переделывают, думая лишь об одном: взбодриться, получить удовольствие, развлечься. Других целей, которые бы могли оправдать наличие этого мира и присутствие в нём туриста, нет. Туристский мир целиком и полностью структурируется по эстетическим критериям (многие авторы, отмечавшие «эстетизацию» мира постмодерна в ущерб другим моральным измерениям, не осознавая, описывали его таким, каким он представляется туристу). Крутая жестокая реальность, не податливая резцу скульптора-эстета, в мир туриста не проникает» [2, с. 138]. Под «крутой жестокой реальностью» подразумевается дискурс, тревожащий своей тематикой, поэтому состояние природы и окружающей среды в текстах о путешествиях в основном оценивается как превосходное. Эмоциональная аргументация, по З. Бауману, в промоционных текстах о путешествиях апеллирует к потребителю, убеждая его в том, что он получит максимум удовольствия и, главное, ощущение своей значимости.

Сегодня наблюдается динамика российского туристического дискурса, сопровождаемая изменением концепции ключевых нарративов. Гедонистический мотив в контенте постепенно вытесняется патриотическим пафосом, с которым авторы текстов рассказывают об объектах природного и культурного наследия как национальной ценности России.

Задачей туристического дискурса в настоящее время является речевое воздействие на адресата с целью убеждения его в том, что лучший вид туризма – это путешествие и отдых в своей стране, познание исторических и культурных ценностей. Вво-

дя в модель мира адресата новые знания и модифицируя уже имеющиеся, избегая предвзятого подбора фактов, автор стремится вызвать у читателя положительные эмоции, за которыми должны последовать действия.

Опираясь на многочисленные исследования, которые показывают, что увеличение числа аргументов в дискурсе делает его более убедительным, обратимся к такому индикатору как частотность. Сравнительный анализ количества текстов в журнале «Вокруг света», убеждающих в преимуществе отдыха в России, за январь – июнь 2019 года и январь – июнь 2020 года показывает, что их количество в этом году увеличилось более чем пять раз. Конечно, читателю нужно анализировать и оценивать не только количество, но и качество текстов, однако массовая аудитория склонна полагать, что чем больше убедительных аргументов в тексте, тем больше доверия заслуживает материал.

Важный для рассказа о национальных парках России эмоциональный мотив задают оценочные эпитеты, выражающие оценку с точки зрения соответствия эстетическому идеалу: уникальный, богатый, первозданный; «уникальная цепь гор», «богатая история», «первозданный лиановый лес». В создании мотива участвуют также эпитеты, не содержащиеся в своем словарном значении оценки, но приобретающие её в контексте либо связанные с оценкой своим переносным значением.

Заряжены и излучают экспрессию положительной оценки и, казалось бы, нейтральные конкретно-изобразительные эпитеты, и эпитеты, которые передают чувственное восприятие. Эпитеты сравнительные, как правило, употребляются в превосходной степени: чистейший; «водопады с чистейшей водой».

В некоторых случаях наблюдается эмоциональная избыточность за счёт активности эпитетов метафорических, не содержащих в своем словарном значении оценки, но приобретающих её в контексте, либо связанные с оценкой своим переносным значением: стрессовый, освежающий: «освежающее направление», «стрессовая весна».

Эпитет «свежий» – один из самых частотных, он встречается в разнообразных контекстах, но особенно удачно его использование в коммуникативном блоке «еда»: «Живущие на отдельных дачах могут ежедневно покупать у крестьян прекрасную свежую провизию очень разнообразную (свежий хлеб, дичь, домашняя птица, мясо,

зелень, ягоды и пр.) и недорогую». Лексический состав высказывания создаёт впечатление, что речь идёт об отдыхе в поместье XIX века, но это рассказ о дивных местах отдыха на Урале, куда можно поехать в настоящее время: «Очень интересно наблюдать в праздники по вечерам пеструю и живописно одетую ещё по-старинному толпу крестьян, которая собирается в лесу, поодаль от парка, слушать музыку. Ни хулиганских выходов, ни нашей “словесности”, столь распространённой среди низших классов в Европейской России. Здесь крестьяне заботятся о приезжих, ведь Курьи принадлежат крестьянскому обществу, и крестьянин заведует всем лечебным местом»¹.

В текстах репрезентированы концепты, вербализованные различными средствами экспрессии и стандарта. Например: «Здесь природа первенствует над всем, она лечит и гипнотизирует своей красотой, здесь, успокаивая нервы, манит Урал своими синими вершинами»². Авторы используют семантические средства, которые состоят в апелляции к концептам «Родина», «путешествие», «природа», «здоровье», «выгода», с одной стороны, являющимися смыслообразующими при построении аргументов, а с другой, аргументативными по своей сути.

Микроконтексты фрагментов, приведённых в качестве примеров, насыщены тропами, за счёт чего происходит расширение семантической ёмкости при сохранении лаконичности аргументативного высказывания.

Важной составляющей композиционного уровня текста служит, как будет показано далее, его метафорическое поле, состав текстовых метафор, перемещающих фокус внимания на концептуальные признаки. Так, метафора конструирует этноспецифические концепты, выполняя тем самым функцию когнитивного ориентирования в разнообразных туристических направлениях. Различные структурные и языковые выразительные средства позволяют автору создать эффект панорамности описания.

Метафоры являются убедительными инструментами аргументации, в большинстве случаев они мотивированы, лаконичны, например: «Здесь нас встречают как дорогих гостей, согласно традициям прибайкальских бурят, молоком. Белое питьё – знак особого расположения, ведь белый цвет в

¹ Вокруг света. – 2020. – № 5. – URL: (<https://catalog-n.com/vokrug-sveta-may-5-2020#vokrug-sveta-5-119> (дата обращения: 28.07.20202). – Текст: электронный.

² Там же.

буддизме символизирует чистоту помыслов, а также пожелание благополучия». Но иногда метафоры таинственны и загадочны, благодаря реминисценциям (например, скалы – «клыки неведомого зверя»)¹

Высокой частотностью обладают имена числительные в качестве аргументов, составляющих как семантический – возможность видеть и чувствовать красоту русской природы («...С этого крутого отвесного мыса открывается незабываемый вид на байкальские просторы, самую широкую часть озера протяжённостью 79,5 км»), так и прагматический план текстов («Помещение можно занять или в отдельных хорошо меблированных дачах (от 2 до 6 комнат стоимостью от 120 до 450 рублей за весь сезон). В гостинице номер с полной меблировкой – от 40 до 60 рублей за весь сезон. Питание хорошее и недорогое. Обед из трёх блюд в месяц – 18 рублей»).

Концепт «выгода» реализуется в большинстве текстов, поэтому его можно выделить как основной аргумент в туристическом дискурсе («Как посетить остров Валаам, озеро Байкал или Куршскую косу и при этом не опустошить банковский счёт?»; «...В отелях и гостиницах дорого практически везде... Иногда можно набрести на выгодное предложение за вполне вменяемые деньги...»; «Адекватный ценник...». В складчину веселее платить за жильё»; «Очень приятные скидки в музеях, галереях, ресторанах и в общественном транспорте»).

Отметим, что в публикациях наблюдается увеличение частоты употребления ключевых слов и словосочетаний («освежающее направление», «отпуск в России», «стрессовая весна», «загораживающий пейзаж»), образность и конкретность высказываний («освежающие направления для путешествия по России», «планируя путешествия, не упускайте из виду удалённые уголки России, где сказки оживают, а самый волшебный отдых становится реальностью», «в России невероятное количество красивейших городков, заповедников и просто, как сейчас принято говорить, локаций»), эмоциональная насыщенность речевого акта убеждения («загораживающий», «потрясающий»; «потрясает воображение»). Однако цель аргументативного высказывания не только убедить провести отпуск в путешествии по своей стране, но и разуверить в сложившемся мнении о низком качестве туристического сервиса.

¹ Экскурсия на озеро Байкал. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/335720/> (дата обращения: 21.07.2020). – Текст: электронный.

Убеждения – это не только представления о реальности, но и речевые тактики оценки («экологически чистые ягодные, рыбные и грибные уголья. Последние – визитная карточка Валдайского национального парка»)².

Согласимся с А. В. Антоновой в том, что персуазивный компонент речевого акта, рассчитан на эмоциональную сферу адресата, соответственно, может выступать как эффективное средство убеждения [1, с. 25]. Например: «В апреле и мае каждый из нас взял на себя социальную ответственность остаться дома. Сейчас мы уже можем планировать путешествия и вспоминаем, что наш дом – это не только квартира, город или регион. Наш дом – Россия. Самый большой дом на Земле. <...> Открываем Россию призывает вас вновь поступить ответственно и выбрать Россию для путешествий в 2020 году. Туроператоры Карелии, Байкала, Алтая, Камчатки и других регионов очень ждут вас в гости. Выбирая туры по России, вы помогаете малому бизнесу быстрее восстановиться. Силой маленьких шагов можно вдохнуть непоколебимую веру в будущее территорий нашей необъятной страны. Хватит откладывать – сейчас лучшее время начать или продолжить знакомство с Россией! Любоваться её бескрайними просторами и перехватывающими дыхание видами, испытывать щемящее чувство Родины и гордиться, что эта страна – наша»³.

Эмоциональный мотив текста вызывает ответную эмоциональную реакцию, которая способствует концентрации внимания на тексте и формирует поведенческую установку.

Приводя примеры один за другим, автор уточняет свою мысль, конструируя метатекстовый каркас, цель которого – не только передача своего отношения и эмоций, но и степень убедительности, которая влияет на принятие решения отправиться в путешествие. Воздействуя на читателя с помощью определённых языковых средств, автор стремится произвести впечатление, которое повлияет на результат. Высказывание эмоционально насыщено и убедительно, однако аргументативный дискурс должен не только убеждать, но и пояснять, и объяснять, чтобы воздействовать на принятие решений. Результат может даже превзойти ожидания, если читатель, побывав в путешествии, сам

² Национальный экотуризм. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/299349/> (дата обращения: 21.06.2020) – Текст: электронный.

³ RussiaDiscovery запускает спецпроект. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/company/news/336046/> (дата обращения: 28.07.2020). – Текст: электронный.

найдёт возможность заняться туристическим бизнесом. Например: «Я восприняла прочитанное как знак: решила открыть тематический парк отдыха. Разыскала потомков героев рассказа, организовала школу выживания. Условия у нас для людей, уставших от цивилизации, идеальные: тундра, стадо оленей, 30 ездовых собак породы хаски, две прирученные лисы. А зимой медведь приходил, и я попала в топ новостей “Яндекса” как девушка, прогнавшая косолапого с помощью фейерверка»¹. В данном фрагменте присутствует юмористический мотив, однако надо заметить, что юмор как средство аргументации не часто используется в туристическом дискурсе. Объясняется это коммуникативной стратегией аргументации в трэвел-медиатексте – читателю нужно дать возможность принять решение, поэтому текст должен быть ясным, понятным, убедительным, а юмор, как правило, сеет некоторое сомнение в рациональности действия.

Выводы. Процесс глобализации создал условия для мощного развития международного туризма. Дискурс о путешествиях по Европе и Азии, об отдыхе на знаменитых курортах в течение двух десятилетий был тематическим трендом научно-популярных журналов. Однако пандемия COVID-19 внесла коррективы в журнальный контент, обусловив динамику трансформации туристического дискурса. В ситуации закрытых границ вектор внимания и адресанта (научно-популярного журнала), и адресата (аудитории) фокусируется на внутреннем туризме.

Результаты проведённого исследования позволяют заключить, что аргументативный потенциал диверсификации туристического дискурса определяется максимальным

стремлением автора к краткой запоминающейся текстовой форме, предельной концентрации непосредственного сообщения и контекста, благодаря которому мысль воспринимается читателем. Чтобы текст был эффективным, важно избегать простого перечисления фактов, следует раскрывать преимущества того или иного туристического маршрута. В замалчивании неудобных фактов усматривается парадоксальная интенция неориторики – сделать аргументацию убедительней.

Маркерами реализации воздействия медиатекста на читателя являются выразительные средства, частотные, но без преувеличений, вызывающих недоверие; аргументативные импликации, эмоциональность.

В структуре аргументативного текста выделяется семантический план, который включает в себя двусторонние языковые единицы, то есть грамматические и лексические морфемы, слова и словосочетания, тропы и реминисценции; и прагматический план, который отражает языковые средства, указывающие на то, для кого и с какой целью создан данный текст.

Выявлена следующая закономерность: если найдено точное слово, оно всегда будет ресурсом формирования убеждения и залогом эффективности медиатекста. Обращение к лексическим единицам, вербализующим концепт, обеспечивает внимание аудитории, прочтение текста и, что самое главное, желание отправиться в путешествие. Актуализация ключевых концептов является мощным средством аргументации, что и становится самым значимым фактором для использования их в туристическом дискурсе.

Список литературы

1. Антонова А. В. О роли персуазивного компонента речевой интенции в организации манипулятивных текстотипов (на примере английского политического дискурса) // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. тр.: в 3 ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2007. С. 25–27.
2. Бауман З. От паломника к туристу // Социс. 1995. № 4. С. 133–154.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культ. рев., 2006. 269 с.
4. Вокруг света. 2020. № 4–6. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/> (дата обращения: 10.07.2020). Текст: электронный.
5. Ерофеева И. В. Концепт «война» в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2. С. 72–82.
6. Калинина Н. В. Факторы экологизации отечественных средств массовой информации: исторический аспект // Вопросы журналистики. 2012. № 17. С. 108–114.

¹ Короли Севера. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/324837/> (дата обращения: 21.06.2020). – Текст: электронный.

7. Комарова Е. В. Образ иностранного государства в специальных выпусках журнала «Вокруг света» (2006–2008 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2014. № 1. С. 88–97.
8. Мазуров Г. И., Нестерук В. Н., Пугач В. И. Отдалённые экологические последствия Чернобыльской катастрофы и их влияние на Северо-Запад России // Разведка и охрана недр. 2005. № 5. С. 61–62.
9. Моделирование аргументации в научно-популярном дискурсе с использованием онтологий / Ю. А. Загоруйко, Н. О. Гаранина, О. И. Боровикова, О. А. Доманов // Онтология проектирования. 2019. № 4. С. 496–509.
10. Орехова И. Экологические проблемы в информационном поле // Индекс. Досье на цензуру. 2000. № 12. С. 67–68.
11. Сапожников В. Ф. Комплексные экологические исследования Керченского пролива и Таманского залива после катастрофы танкера с мазутом (2007–2010 гг.) // Труды ВНИРО. 2013. Т. 150. С. 65–77.
12. Dvorak W., Woltran S. Complexity of abstract argumentation under a claim-centric view // Artificial Intelligence. 2020. Vol. 285. UNSP 103290. P. 59–64.
13. Freeley A., Steinberg D. Argumentation and Debate. Belmont: Newgen, 1966. 544 p.
14. Perelman Ch., Olbrechts Titeca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Nore Dame; London: University of Nore Dame Press, 1971. 522 p.
15. Scott, B. Argumentation and the Challenge of Time: Perelman, Temporality, and the Future of Argument // Argumentation. 2020. Vol. 34. P. 25–37. (In Engl.)
16. Velez-Posada, A. Place as Argument // Argumentation. 2020. Vol. 34. P. 13–23. (In Engl.)

Статья поступила в редакцию 26.06.2020; принята к публикации 10.09.2020

Сведения об авторе

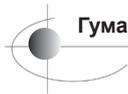
Тепляшина Алла Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 1-я линия, 26; e-mail: a-nik@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2212-2514>.

Библиографическое описание статьи

Тепляшина А. Н. Динамика аргументации в дискурсе о внутреннем туризме // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 126–134. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-126-134.

References

1. Antonova, A. V. On the role of the persuasive component of speech intention in the organization of manipulative text types (on the example of English political discourse). Almanac of modern science and education. Linguistics and literary criticism in synchronicity and diachrony: interuniversity collection of scientific papers: 3 hours. Tambov: Literature, 2007. Ch. 2. Pp. 25–27. (In Rus.)
2. Bauman, Z. From pilgrim to tourist, no. 4, pp. 133–154, 1995. (In Rus.)
3. Bodriyar, ZH. Consumer society. Its myths and structures. M: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. (In Rus.)
4. Vokrug Sveta. 2020. No. 4–6.
5. Erofeeva, I. V. The concept of “war” in modern media text: representation of traditional models. Uch.zap. ZabGU, 2015, no. 2, pp. 72–82, 2015. (In Rus.)
6. Kalinina, N. V. Factors of greening domestic media: a historical aspect. Journalism issues, no. 17, pp. 108–114, 2012. (In Rus.)
7. Komarova, E. V. The image of a foreign state in special issues of the magazine Vokrug Sveta (2006–2008). Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, no.1, pp. 88–97, 2014. (In Rus.)
8. Mazurov, G. I., Nesteruk, V. N., Pugach, V. I. Remote ecological consequences of the Chernobyl disaster and their impact on the North-West of Russia. Exploration and protection of mineral resources, no. 5, pp. 61–62, 2005. (In Rus.)
9. Zagoruy'ko, Yu. A., Garanina, N. O., Borovikova, O. I., Domanov, O. A. Modeling argumentation in popular science discourse using ontologies. Ontologiya proektirovaniya, no. 4, pp. 496–509, 2019. (In Rus.)
10. Orekhova, I. Environmental problems in the information field. Indeks. Dossier on censorship, 2000. no. 12, pp. 67–68, 2000. (In Rus.)
11. Sapozhnikov, V. F. Comprehensive environmental studies of the Kerch Strait and the Taman Bay after the disaster of a fuel oil tanker (2007–2010). Trudy VNIRO, vol.150, pp.65–77, 2013. (In Rus.)
12. Dvorak, W., Woltran, S. Complexity of abstract argumentation under a claim-centric view. Artificial Intelligence, vol. 285, pp. 59–64, 2020. UNSP 103290. (In Engl.)
13. Freeley, A., Steinberg D. Argumentation and Debate. Belmont: Newgen, 1966. (In Engl.)
14. Perelman, Ch., Olbrechts Titeca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Nore Dame; London: University of Nore Dame Press, 1971. (In Engl.)

15. Scott, B. Argumentation and the Challenge of Time: Perelman, Temporality, and the Future of Argument. *Argumentation*, vol. 34, pp. 25–37, 2020. (In Engl.)

16. Velez-Posada, A. Place as Argument. *Argumentation*, vol. 34, pp.13–23, 2020. (In Engl.)

Received: June 26, 2020; accepted for publication September 10, 2020

Information about author

Teplyashina Alla N., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University; 26 1st. Line, Vasilievsky Island, SPb, 199034, Russia; e-mail: a-nik@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2212-2514>.

Reference to the article

Teplyashina A. N. The Dynamics of Argumentation in the Discourse on Domestic Tourism // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 126–134. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-126-134.

СМИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

MEDIA: PAST, PRESENT, FUTURE

УДК 070.4:930.23

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-135-148

Дмитрий Леонидович Стровский,
Ариэльский университет
(г. Ариэль, Израиль),
e-mail: dmitryst@ariel.ac.il

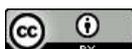
Алексей Валерьевич Антошин,
Уральский федеральный университет
(г. Екатеринбург, Россия),
e-mail: alex_antoshin@mail.ru

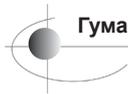
Тема репатриации евреев из СССР в советских СМИ как проявление медиапропаганды 1970-х годов (на примере газеты «Известия»)

В статье анализируются содержательные подходы, которые использовались советской прессой в ходе отражения темы репатриации евреев из СССР в Израиль в 1970-е годы. Этот период представляет особый интерес в рамках изучения информационной пропаганды как самостоятельной социально-политической деятельности, нацеленной на формирование определённого типа массового сознания. В отмеченный период информационная пропаганда советских СМИ воспринималась как неотъемлемое условие упрочения идейно-политических позиций Советского Союза посредством нивелирования сложностей и противоречий его повседневной жизни. Изучение того, как именно эти СМИ воспринимали тему репатриации, имеет безусловную новизну в рамках изучения отечественного информационного пространства. Раскрытие этой темы посредством использования обширного эмпирического материала позволяет увидеть закономерности развития этого пространства на заключительном этапе советского времени, что предопределяет актуальность исследования в современных условиях, когда манипулятивные приоритеты стали вновь заметными в практике российских СМИ. В центре авторского внимания – редакционная политика влиятельной центральной газеты «Известия». Этому изданию, как и всем остальным советским СМИ, был свойствен пропагандистский настрой, что предопределяло манипулятивные подходы при освещении темы репатриации. Для определения основных приоритетов такого воздействия использовались структурно-функциональный и системный методы, а также метод контент-анализа, позволяющие в совокупности увидеть закономерности развития советских печатных СМИ в постановке и раскрытии темы, вынесенной в заглавие данной статьи. Результаты проведённого исследования имеют не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку дают основу для понимания эффективных приёмов воздействия на аудиторию и активного использования их в повседневной медиапрактике.

Ключевые слова: СМИ, советская идеология, пропаганда, манипуляция, классовый подход, сионизм, евреи

© Стровский Д. Л., Антошин А. В., 2020

Dmitry L. Strovsky,
Ariel University
(Ariel, Israel),
e-mail: dmitryst@ariel.ac.il

Alexey V. Antoshin,
Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russia),
e-mail: alex_antoshin@mail.ru

The Theme of Repatriation of Jews from the USSR in the Soviet Media as a Manifestation of Media Propaganda in the 1970s (The Case of the Izvestia Newspaper)

This article analyzes the substantive approaches used by the Soviet press when reflecting the topic of the repatriation of Jews from the USSR to Israel in the 1970s. This period is of particular importance in the course of studying information propaganda as an independent socio-political activity aimed at the formation of a certain type of mass consciousness. During this period, information propaganda of the Soviet mass media was perceived as an essential basis for strengthening ideological and political positions of the Soviet Union by leveling the complexities of its daily life. The study of how exactly these media promoted the topic of repatriation seems to be new in the study of the information space. The disclosure of this topic through the use of extensive empirical material enables to see the patterns of development of this space at the final stage of the Soviet period, which in turn, determines the relevance of the study in modern conditions, when manipulative priorities anew have become noticeable in the practice of the Russian media. The authors envisage the editorial policy of such an influential central newspaper as Izvestia. This publication, like all the other Soviet media, was attached to propaganda priorities, which predetermined manipulative approaches when covering the topic of repatriation. In order to determine the main trends of manipulative influence, we used structural-functional and systemic methods, as well as a method of content analysis, which together afford to see the patterns of development of the Soviet print media in the disclosure of the topic presented in the title of this article. The results of the research are not only theoretically but practically oriented, since they provide understanding of effective methods of influencing the audience and using them in everyday media practice.

Keywords: media, Soviet ideology, propaganda, manipulation, class approach, Zionism, Jews

Введение. В условиях отстаивания своих идейно-политических приоритетов властные институты в любой даже самой демократически ориентированной стране используют различные формы пропагандистского воздействия. Этот вид массово-информационной деятельности представляет собой совокупность определённой по своим содержательным характеристикам информации, нацеленной на создание одномерной картины мира посредством нивелирования его сложностей и противоречий [19, с. 2–5]. Это достигается за счёт использования «упрощённых образов и суждений, меняющих мышление, играющих на предубеждениях и эмоциях» [24, с. 196]. Пропаганда может выглядеть привлекательной, благодаря «завуалированности и шарму» [16, с. 45].

СМИ играют наиболее активную роль в развитии и распространении пропаганды, учитывая масштабы охвата аудитории и особенности развития современных технологий. Вместе с тем информация становится пропагандистски ориентированной и ввиду роста общей конфликтности в социальной среде, а также возрастающего числа разногласий внутри мирового сообщества.

В современных исследованиях обращается все большее внимание на возрастание

«гена агрессивности» в медиатекстах, который формируется за счёт активного использования пропаганды со стороны субъекта (актора) коммуникации [1; 5; 9; 11; 13; 17; 20; 23]. Любая агрессия, реализуемая посредством СМИ, строится на транслировании «инаковости» одного субъекта по отношению к другому. Это определяет специфичность лексики и эмоциональность воздействия. Стилистически окрашенные тексты создают фон, меняющий настроения аудитории и формирующий в её сознании либо однозначно положительное, либо отрицательное отношение к происходящему.

Подавляющее большинство подходов, касающихся изучения пропаганды, сводится к тому, что ей присуща манипулятивность воздействия, меняющая действительность в угоду определённым политическим ценностям.

По мнению Дж. Брауна, это происходит благодаря «стремлению человека или группы лиц воздействовать в прямой, но чаще всего в завуалированной форме, на сознание других» [15]. В свою очередь, Ф. Тэйлор идентифицировал пропаганду как целенаправленные усилия по изменению повседневного мышления людей. Накачивание сознания определёнными речевыми штампа-

ми, приводит к тому, что большинство людей рано или поздно начинает думать в соответствии с транслируемыми установками [26].

Ещё один исследователь, М. Шабо, также видя в пропаганде особую технологию воздействия, отмечает условия её успешного развития. К ним он относит понятную массовой аудитории «повестку дня», саму аудиторию (являющуюся объектом этой информации), а также специальную лексику, используемую в ходе воздействия. Какое-то условие пропагандистской деятельности может отсутствовать, однако это снижает общую эффективность её распространения [25, с. 5].

Говоря о возможностях развития пропаганды, один из первых её теоретиков, Э. Бернейз, признавал, что в обыденной жизни возникают «ножницы» между потребностями субъекта воздействия и возможностями (желанием) аудитории воспринимать такую информацию. Это и порождает желание субъекта включить в текст эмоционально окрашенные приёмы [14].

Данное условие действует в любых политических условиях. Вместе с тем в авторитарных и тем более тоталитарных политических режимах гораздо чаще, чем в условиях функционирования демократии (при всей условности всех этих понятий) происходит транслирование «жёсткой» лексики. СМИ в этом случае получают возможность инициировать политический заказ. Это проявляет себя в целом ряде приёмов воздействия: в показе односторонней картины мира, в замалчивании информации, в избирательном использовании мнений экспертов и т. д.

Все эти приёмы имели место в содержании советских СМИ, которые были инструментом партийного влияния на общество. Сама система осуществляла свое воздействие с помощью всех проявлений культуры – литературы, театра, кино и т. д. Однако именно СМИ были призваны особую роль. Им вменялось в обязанность распространение информации, призванной укрепить определённые политические ориентиры.

Известно, что приоритетная задача журналистики сводится к тому, чтобы дать целостное представление о жизни, на основе публичного обсуждения её проблем и противоречий [22, с. 1–26]. Это происходит не только посредством фиксирования проблемных ситуаций, но и на основе формирования дискурсивного пространства.

В советское время говорить о развитии такого процесса было невозможным.

Поведение СМИ определялось ленинским тезисом о том, что основой политической работы является перевоспитание советских кадров – ради того, чтобы «подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству» [6, с. 102]. Хотя СМИ советского времени критиковали недостатки той общественной жизни, эти материалы не затрагивали многие важные вопросы существования тогдашней политической системы в стране.

Содержательная политика советских СМИ 1960–1970-х годов не претерпела принципиальных изменений по сравнению с начальным периодом советской власти. «Четвёртая власть» реализовывала привычные принципы информирования, под которыми понимались методы и организационные особенности массмедийной деятельности, определяемые исторически сложившимися особенностями взаимодействия СМИ с массовой аудиторией [7, с. 6].

СМИ советского времени был присущ и аналитический подход. Вместе с тем, находясь в рамках существовавших тогда политических установок, СМИ провозглашали стереотипы мышления. Даже по-настоящему талантливые журналисты не могли избежать их в своём творчестве.

Под отмеченными стереотипами мы подразумеваем унифицированные содержательные доминанты, способствующие одномерному пониманию окружающей действительности. «Четвёртая власть» в любом обществе прибегает к созданию и воспроизведению стереотипов, поскольку они упрощают восприятие окружающей действительности. В этом случае уместно ставить вопрос о манипулятивном воздействии на аудиторию, хотя её уровень разнится в зависимости от специфики политического режима.

Под манипуляцией следует понимать набор инструментов для обеспечения духовного господства над личностью, которое она не ощущает или воспринимает как проявление собственной воли и желаний. В «теории предмета» это явление чаще всего реализуется ненасильственным образом [2, с. 11]. По мнению У. Липмана, прибегая к манипуляции, СМИ конструируют особый мир, имеющий мало общего с реальностью. Это происходит посредством не только самого содержания, но и конструирования эмоционально окрашенного фона [21, с. 214–225]. Транслирование этого мира и приводит, в конечном итоге, к манипулированию сознания других, чаще всего даже в завуалированной

форме [15, с. 3–10]. Такая постановка вопроса имеет принципиальное значение для рассмотрения темы, вынесенной в заглавие данной статьи. Стремление части еврейского населения навсегда уехать СССР, обозначившееся с конца 1960-х годов (после победы Израиля над арабскими государствами в Шестидневной войне 1967 годов), стало не только общественно значимым явлением в СССР того времени, но и предопределило особый уровень информирования.

Оставляя за рамками данной статьи причины, вызывавшие желание советских евреев покинуть свою страну [10], нельзя не признать, что основная дискредитация этих людей велась именно посредством массовой информации. Отражая на происходящее политическую точку зрения руководства СССР, СМИ отличались стремлением дискредитировать идеи еврейской эмиграции и репатриации.

Если первое понятие (эмиграция) предполагает просто отъезд из страны изначального проживания, то второе (репатриация) определяется стремлением еврея вернуться на свою историческую родину – в Израиль, что подчёркивает глубинный смысл переезда. В 1960–1970-е годы это стремление в сознании многих евреев определялось их приверженностью сионизму – духовной идее, смысл которого состоит в том, что только на Святой земле евреи в состоянии построить для себя по-настоящему полноценную и осмысленную жизнь.

Советские СМИ не желали признавать, однако, законное право евреев жить на своей исторической родине (закрепленное, к слову, в израильском Законе о возвращении, принятом в 1950 году). Как именно выглядели пропагандистские усилия советских СМИ в 1970-е годы в условиях активного развития процессов еврейской эмиграции и репатриации? Рассмотрение этого вопроса определяет содержание данной статьи.

Методология и методы исследования. Статья основывается на общенаучном принципе историзма, предлагающем исследование фактов в их эволюционно-поступательном развитии. Приоритетным стал *диалектический метод*, являющийся общезначимым и объективным для научного исследования в любой гуманитарной сфере общественной жизни. Помимо диалектического подхода для изучения обозначенной темы использовались следующие методы: 1) *структурно-функциональный* – для определения основных приоритетов манипулятивного воздействия, существующих в

обществе вообще и советском в частности, с целью выявления возможностей их использования в прессе; 2) *системный* – для рассмотрения функционирования СМИ в советском обществе, с учётом исторических особенностей его существования. Для обработки эмпирического материала применялся метод *контент-анализа*, позволивший сделать выводы относительно основных содержательных тенденций прессы исследуемого периода.

Результаты исследования и их об- суждение. Более предметному рассмотрению в рамках проблематики, вынесенной в название статьи, была подвергнута газета «Известия». Она во многом была типичным советским изданием того времени, однако всё-таки отличалась от других печатных СМИ. её учредителем был не ЦК КПСС, а Верховный Совет СССР, что формально давало «Известиям» чуть большую творческую свободу. «Известиям» был присущ заметный аналитический подход – благодаря традициям этого коллектива, заложенным ещё с конца 1950-х годов тогдашним главным редактором А. И. Аджубеем. Это делало газету востребованной.

С 1965 по 1976 год у руля «Известий» стоял Л. Н. Толкунов, которому удалось привлечь к работе известные «перья» того времени и обеспечить присутствие на страницах газеты аналитических и публицистических жанров. Эмиграция и репатриация советских евреев, безусловно, относились к числу аналитических тем. Правильно утверждать, что в редакторской политике Л. Н. Толкунова соединились два восприятия окружающей действительности. С одной стороны, он стремился отстаивать (хотя и в строго допустимых рамках) идею внимания к «простому» человеку, публикуя то, что было близко ему по духу. С другой же стороны, Л. Н. Толкунов был «застегнут на все пуговицы», когда дело касалось большой политики, отношения к инакомыслию. ещё больше эти тенденции обозначились при последующем редакторе «Известий» П. Ф. Алексееве (1976–1983), хотя при нем в «Известиях» неизмеримо вырос уровень пропаганды.

Тем не менее, в отношении темы эмиграции и репатриации, присутствовавшей на страницах «Известий» все эти годы, ощущалась приемственность редакционной позиции, что мы и увидели в ходе нашего исследования.

Разоблачение «происков сионизма»: советская репатриация на страницах

газеты «Известия». Всплеск еврейской эмиграции из Советского Союза 1970-х годов в полной мере нашёл своё отражение на страницах «Известий». Это объясняется масштабами явления и вниманием к нему со стороны мирового сообщества. Ведущие советские СМИ предприняли активную попытку использовать данный феномен в идеологической борьбе с Западом.

Обращает на себя внимание стремление советских СМИ объяснить факты выезда евреев из Советского Союза «обывательской психологией», невысокими моральными качествами, характерными для этих людей. Налицо было стремление игнорировать подлинные причины, заставлявшие многих евреев стремиться к отъезду из Советского Союза, и в частности многочисленные проявления антисемитизма, имевшие место на протяжении всей истории страны. Это выражалось в ограничениях для евреев при поступлении в вузы, приёме на работу, продвижении по службе и т. д. Кроме того, духовная атмосфера того времени была пропитана презрительно-насмешливым отношением к евреям, выраженном в многочисленных анекдотах на эту тему.

Отечественные СМИ замалчивали эти факты. Одновременно для выражения своей позиции пресса прибегала к так называемым «письмам в редакцию», рассказывавшим о «беспросветности» жизни за пределами СССР. Сошлемся на одно из таких писем, появившееся в «Известиях». В нём содержалось обращение к Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму, подписанное большой группой выехавших до этого из страны советских евреев. Они отмечали, что «были движимы в большинстве своём обывательской психологией», повлиявшей на них¹.

Стилистика подобных открытых писем свидетельствовала о том, что их авторы зачастую находились под влиянием советских пропагандистов. На это наводит и другой тезис отмеченного письма-обращения, где говорится о том, почему стал возможным рост еврейской эмиграции из СССР. Данный феномен его авторы связывали с деятельностью сионистских организаций, пропагандировавших идею репатриации. В этом контексте изложен и ключевой тезис письма: «Наши страдания лежат на совести правительства Израиля и международного еврейского агентства»².

¹ Наши страдания – обвинительный акт против сионистов // Известия. – 1977. – 18 февр.

² Там же.

Разоблачение деятельности сионистских организаций стало одним из важнейших проявлений борьбы советской идеологии против эмиграции из СССР. Характерны, в частности, заявления советских евреев, направленные в ООН и советское посольство в Италии в 1976 году и публикуемые в «Известиях». В этих публикациях не только разоблачались «наглые притязания международного сионизма», но и давались оценки его лидерам. Они назывались представителями «крайнего национализма крупной еврейской буржуазии», поставленного «на службу мировому империализму»³.

Применительно к публикации, на которую мы сослались ранее, обращает на себя внимание использование термина «национализм», имевшего в советском обществе исключительно негативную коннотацию. Он противопоставлялся чувству интернационализма, которое якобы было характерно для советских людей.

Схожие формулировки находили развитие и в творчестве известных журналистов. Один из журналистов «Известий», В. Кудрявцев, в одной из своих статей утверждал, что лидеры сионизма стремились «отвлечь еврейский народ от классовой борьбы», что сионизм – это «форма расизма»⁴.

Тезис о сионизме как одной из разновидностей расистской идеологии прозвучал, например, в ходе пресс-конференции, организованной в московском Центральном доме журналиста в 1976 году. На ней выступали те, кто уехал из СССР в Израиль, но вернулся обратно. Они называли Израиль «расистским обществом», заявляя о том, что светских людей считают там гражданами «второго сорта». Для подтверждения этого выступавшие ссылались на то, что многие советские репатрианты «навечно занесены в чёрные списки раввината и МВД как нечистокровные»⁵. Используя эти аргументы, другой участник пресс-конференции, киевский инженер Б. И. Бровштейн, даже сравнил сионизм с фашизмом, заявив о «родстве» обоих явлений⁶.

В памяти советских людей не было большего зла, чем фашизм. Поэтому утверждение о связи сионистов с фашистской идеологией было более эффективным

³ Сионизм – это обман и горе // Известия. – 1976. – 9 дек.

⁴ Кудрявцев В. Преступный почерк сионизма // Известия. – 1975. – 1 дек.

⁵ Борисов В., Кукушкин В. Трагедия обманутых // Известия. – 1976. – 6 февр.

⁶ Там же.

приёмом по сравнению со многими другими, используемыми в то время.

Используя эти и схожие по смыслу речевые конструкции, советские журналисты пытались разоблачать агитацию сионистских организаций. Так, обозреватель «Известий» С. Кондрашев, ссылаясь на письма людей, уехавших в Израиль, указывал, что их авторы стали жертвами враждебной пропаганды¹. В свою очередь, советские публицисты В. Кассис и М. Михайлов, стремились доказать, что призывая к еврейской репатриации, сионистские организации Израиля преследовали в первую очередь финансовые цели. По их словам, руководители «Объединения олим», созданного в 1970-е годы при МИД Израиля, стремились «набивать собственные карманы»². Примечательно, что в постсоветский период тот же В. Кассис стал писать об эмигрантах совершенно иначе. Он заявлял теперь об их огромном вкладе в историю отечественной культуры [3]. Представляется, что и та, и эта реакция на происходящее определяются общей содержательной спецификой СМИ в СССР, существовавшими в первую очередь как источники пропаганды и агитации.

По утверждению советских пропагандистов, ведя агитацию за выезд в Израиль, лидеры сионистских организаций не брезговали жёсткими методами воздействия. Так, известный академик М. Митин в своей статье, опубликованной на страницах «Известий» в 1979 году, заявлял, что сионисты Тель-Авива всячески подогревали и провоцировали антисемитские действия в ряде стран, помогая таким изуверским, обманным способом организации выезда людей еврейского происхождения. При этом все проходило «под контролем шпионско-диверсионных служб Израиля»³.

Разговор о вражеской деятельности зарубежных сионистских организаций «Известия» начали ещё с конца 1960-х годов. Утверждение о том, что эти организации действуют посредством провокации и обмана, звучало, в частности, и в интервью начальника Всесоюзного ОВИР В. С. Обидина. Он сообщал, что его ведомство выявило немало случаев получения советскими гражданами ложных вызовов в Израиль. Это дело тель-авивских руководителей, «решив-

ших развернуть широкую провокационную кампанию против советских граждан»⁴.

Эта и другие подобные публикации также были призваны доказать отсутствие в СССР антисемитизма. Характерно опубликованное в «Известиях» в 1970 году письмо проживавшей в США Л. Л. Шапиро. Судя по стилю, эта женщина была представительницей более ранней волны эмиграции, покинув Россию много лет назад (на что указывает характерная для старых эмигрантов лексика, использованная в письме). По её словам, она написала данное письмо, чтобы выступить против «клеветнических измышлений» западных СМИ в отношении внутренней политики советского руководства. «Я знаю, что Советская Россия не относится плохо к евреям», – заявляла Л. Л. Шапиро⁵. Автор письма могла быть искренней, но очевидно, что она не владела информацией о реальной ситуации в СССР.

Тезис о благополучном положении евреев в Советском Союзе регулярно звучал и в многочисленных открытых письмах, публикуемых на страницах «Известий». Например, находившиеся в Вене уехавшие из СССР евреи утверждали: «Мы пользовались в СССР всеми правами человека, какие только может предоставить истинно демократическое государство»⁶. Аналогичные суждения встречались и в других письмах, написанных евреями, покинувшими Советский Союз. Подводя итог сказанному, В. Кассис и М. Михайлов делали недвусмысленный вывод: «Полными банкротами, лицемерами и лжецами выглядят все те, кто спекулируют на “еврейском вопросе” в СССР»⁷.

Сложно оспаривать тезис о том, что не все уехавшие из СССР могли похвалиться своим благополучием. Вместе с тем нелепо полагать, что, сталкиваясь с повседневными трудностями, все эти люди хотели возвратиться назад. Наоборот, они настойчиво старались преодолевать трудности. Однако советские СМИ стремились исключительно к тому, чтобы посеять в своих читателей сомнения в правильности решения, сделанного эмигрантами и репатриантами.

В прессе также публиковались открытые письма представителей еврейской общественности, посвящённые критике меж-

¹ Кондрашев С. «Условия жизни неприемлемы...» // Известия. – 1975. – 6 марта.

² Кассис В., Михайлов М. Над пропастью во лжи // Известия. – 1976. – 16 мая.

³ Митин М. Сионизм – орудие агрессии // Известия. – 1979. – 25 янв.

⁴ Иткин В. Мыльные пузыри и реальные факты // Известия. – 1977. – 22 янв.

⁵ Шапиро Л. Л. Письмо из-за океана // Известия. – 1970. – 25 марта.

⁶ Апарин В., Редькин Т. Провал одной клеветнической шумихи // Известия. – 1978. – 6 янв.

⁷ Кассис В., Михайлов М. Над пропастью во лжи // Известия. – 1976. – 16 мая.

дународных сионистских организаций. Особенно часто эти тексты появлялись в связи с проводившимися в 1970-е годы в Брюсселе конференциями по проблемам советских евреев. Например, в письме 36 британских евреев, появившемся накануне Брюссельской конференции 1971 года, утверждалось, что основная цель этого мероприятия – «вызвать трещину между евреями и другими национальностями в СССР»¹. Обоснование данного тезиса прозвучало и в выступлении зав. отделом печати МИД СССР В. Н. Софинского на пресс-конференции в Центральном доме журналиста в Москве в 1976 году. Подчёркивая полное отсутствие в СССР «еврейского вопроса», чиновник заявлял, что ложь распространяли те, кто желал «очернить Советский Союз, оклеветать свободное сообщество народов нашей страны»². Однако кто именно эти вредители, оставалось непонятным.

Пресса настойчиво опровергала тезис об искусственном сдерживании властями СССР еврейской репатриации и эмиграции и о наличии большого числа «отказников» (то есть тех, кому отказывали в израильской визе). В своем интервью «Известиям» в 1977 году начальник ОВИРа В. С. Обидин заявил, что эти публикации западных СМИ «не имеют под собой никакой почвы». Чиновник доказывал, что за 1972–1976 годы, 98,4 % лиц, выразивших желание уехать в Израиль, получили разрешение ОВИР³. Между тем в действительности читатели были лишены возможности получить альтернативную информацию о данном явлении, что опять же подтверждало использование в «Известиях» одного из манипулятивных приёмов.

«Трагедия обманутых»: жизнь бывших советских евреев в Израиле в интерпретации газеты «Известия». Разоблачая международные сионистские организации, обеспечивавшие выезд граждан СССР в Израиль, советский идеологический аппарат должен был ответить на ключевой вопрос: какие цели преследует их деятельность? Ответ на этот вопрос звучал однозначно: антисоветские. Характеризуя уже упомянутые сионистские идеи, журналист «Известий» Ю. Рыжов заявлял, что их организаторы «заманивают заблудших людей в Израиль с одной лишь целью – использовать их в ан-

тисоветской пропаганде, а затем бросить на произвол судьбы»⁴.

Ради объективности отметим, что столь упрощенная интерпретация событий появлялась всё-таки не всегда. Временами «Известия» объясняли главную причину организации массовой эмиграции евреев из СССР тем, что Израиль стремился за счёт них решить внутренние проблемы своей страны, ограждая себя от притязаний со стороны соседних арабских государств. Вместе с тем и в этих случаях образ Израиля был далёк от позитивного. По мнению советских СМИ, он стремился «навечно удержать захваченные арабские земли», используя для этого террористические формы борьбы с «мирным» палестинским населением⁵.

Советские СМИ видели основную причину агрессивности Израиля в его опоре на союз с США. Именно так ставился вопрос в статьях «известинских» журналистов-международников В. Кудрявцева и А. Бовина⁶. Примечательно опять же, что в годы горбачевской перестройки эти же журналисты прониклись к Израилю явным сочувствием, а А. Бовин на несколько лет даже занял пост посла в этой стране (вначале представляя внешнеполитические интересы СССР, а потом, уже с 1992 года и России). Но все это было много позже. А в середине 1970-х годов тот же В. Кудрявцев, писал, что ещё в 1920–1930-е годы (во времена британского мандата, действовавшего на территории Палестины) лидеры сионизма планировали «широкую агрессию против арабских соседей»⁷.

Именно поэтому, указывали «Известия», правительству Израиля и были нужны репатрианты, в том числе из СССР. Армии обороны (ЦАХАЛ) необходимы новые солдаты, которыми и должны стать бывшие советские евреи. Об этом говорилось, в частности, во время уже упомянутой выше пресс-конференции, проходившей в Центральном доме журналиста (1976). Заведующая отделом печати МИД СССР В. Н. Софинский тогда заявил, что эмиграция из СССР в Израиль была организована для использования ре-

¹ Осуждение клеветников // Известия. – 1971. – 24 февр.

² Борисов В., Кукушкин В. Трагедия обманутых // Известия. – 1976. – 6 февр.

³ Иткин В. Мыльные пузыри и реальные факты // Известия. – 1977. – 22 янв.

⁴ Рыжов Ю. Ярмарка клеветы // Известия. – 1976. – 16 февр.

⁵ Бесчинства оккупантов // Известия. – 1976. – 20 сент.

⁶ Кудрявцев В. В противоречии с веком // Известия. – 1978. – 11 янв.; Бовин А. Тупик // Известия. – 1979. – 16 нояб.

⁷ Кудрявцев В. Преступный почерк сионизма // Известия. – 1975. – 1 дек.

патриантов «в качестве пушечного мяса для военных авантюр израильской военщины»¹.

Вернувшиеся из Израиля в СССР люди стремились доказать, что они не хотели воевать против арабов и выступали против проводимой Израилем внешней политики. Так, один из участников пресс-конференции, уроженец Нальчика, после призыва в ЦАХАЛ (Армию обороны Израиля), по его словам, «бежал» в США, поскольку не хотел становиться «соучастником сионистских преступлений»². Уехавшие из Израиля в Италию бывшие советские евреи в открытом письме в ООН также излагали главную причину своего возмущения: «Сионисты отбирают у нас детей в армию и посылают воевать за чужие интересы»³.

Еще участник той же самой пресс-конференции, инженер из Ташкента И. Я. Фузайлов, указывал, что правительство Израиля сознательно селит репатриантов на границе с арабскими государствами, преследуя цель создания «буфера», «заслона» из этих людей, которые в случае войны должны «первый удар принять на себя». Говоря об этом, И. Я. Фузайлов сетовал и на отсутствие жилья на оккупированных территориях. Первоначально, указывал он, эти поселения состояли из обыкновенных барачков, в которых приходилось жить вновь прибывшим⁴. Уже в этом, свидетельствовали «Известия», проявлялось пренебрежительное отношение в Израиле к бывшим советским гражданам.

Следует внести ясность в такие заявления, которые часто звучали в 1970-е годы. Израиль того времени действительно был не очень готов к принятию десятков тысяч репатриантов из тогдашнего СССР. Поэтому в распоряжение новых жителей страны зачастую передавалось не очень приспособленное жилье. Вместе с тем не соответствовали действительности утверждения И. Я. Фузайлова о том, будто репатриантов заставляли селиться на непризнанных мировым сообществом территориях, создавая из этих людей «щит» для отражения военных атак со стороны. «Сохнут» – организация, отвечающая во все времена за приезд и расселение новых жителей Израиля – никогда не настаивала на том, где именно им следует начинать новую жизнь. Это был до-

¹ Борисов В., Кукушкин В. Трагедия обманутых // Известия. – 1976. – 6 февр.

² Там же.

³ Сионизм – это обман и горе // Известия. – 1976. – 9 дек.

⁴ Борисов В., Кукушкин В. Трагедия обманутых // Известия. – 1976. – 6 февр.

бровольный выбор каждого прибывшего и его семьи, и данный принцип сохранился и по сей день.

Пропаганде, инициированной по поводу вопроса отъезда евреев, было присуще замалчивание фактов и искажение их содержания. На основании этого создавалась ложная картина действительности.

На уже упомянутой нами пресс-конференции отмечалось, что атмосфера неравенства пронизывала все стороны жизни израильского общества. Так, инженер из Черновиц И. Б. Зельцер заявил, что в Израиле существует «классовое деление» на бедных и богатых, коренных и приезжих⁵. И вновь мы видим привычный для той советской жизни классовый подход, посредством которого раскрывались особенности чуждой израильской жизни. Как доказывали со страниц «Известий» вернувшиеся в СССР евреи, между ними и «старыми» группами израильского общества существовал серьезный «разлом». Речь шла о лингвистических, культурных, социальных и иных различиях.

Лингвистическим проблемам репатриантов были посвящены статьи и в «Известиях». Например, член Советского комитета защиты мира и одновременно редактор выходившего на идише журнала «Советиш геймланд» А. Вергелис доказывал, что внутри израильского общества шла «языковая гражданская война» между «фанатичными приверженцами иврита» и сторонниками «простонародного идиша»⁶. В советской пропаганде идиш выступал как более демократичный язык, на котором говорили широкие народные массы в противовес элитарному ивриту. Нетрудно предположить, на чьей стороне должны были оказаться симпатии читателей «Известий».

Впрочем, заявлял А. Вергелис, «в тактических целях», чтобы «заманить» в страну советских евреев, руководство Израиля всё-таки не ограничивало изучение идиша. Однако это не меняло, по его словам, главного – состояния глубокого кризиса, в котором якобы находилась в Израиле вся сфера культуры. Для показа глубины этого явления, А. Вергелис использовал хлесткие заявления типа: «Сионисты за 80 лет существования их движения не создали ни единого художественно ценного произведения»⁷. По его словам, в Израиле не существовало «се-

⁵ Сионизм – это обман и горе // Известия. – 1976. – 9 дек.

⁶ Вергелис А. Сионизм – враг культуры // Известия. 1979. – 18 янв.

⁷ Там же.

рьёзного еврейского театра», а были лишь «жалкие труппы, на уровне бродячих».

Поэт и редактор Арон Вергелис, считавшийся «записным» советским евреем, к пропагандистской помощи которого при необходимости прибегала советская власть, в очередной раз сознательно искажал действительность. В 1970-е годы в Израиле выходило три русскоязычных литературно-художественных журнала: «Сион» (1972–1979), «Время и мы» (1975–1981) и «22» (1978–2015). Не ставя перед собой цели исследовать содержание этих изданий, берёмся утверждать, что в целом их литературно-художественный и публицистический уровни отличались глубиной и всесторонним восприятием действительности. Помимо этого, возникли многочисленные светские и религиозные журналы и альманахи: «Ами», (1970–1973), «Клуб» (1974–1977), «Круг» (1977–1991) и др. К этому следует добавить, что в 1970-е годы в Израиле был организован Союз писателей. Поэтому полагать, что в этой стране, как утверждал выше А. Вергелис, не возникло «ни единого художественно ценного произведения», значит, пренебрегать всеми нормами объективности.

На той же пресс-конференции в Центральном доме журналиста возвратившиеся в СССР репатрианты говорили, что в Израиле «всё оказалось чужим: чужие порядки, чужой язык, неприветливые и даже враждебные отношения между людьми, неприятие со стороны коренного населения»¹. Шофёр по профессии Л. А. Крайс, например, заявлял, что такие, как он, советские евреи, «никакой общности не имеют с теми, кто живёт в Израиле». «У нас, – подчёркивал он, – разный язык, разный образ мыслей, разный уклад жизни. Советские евреи – это члены новой исторической общности – советского народа»². В данном случае выступавшие стремились не только продемонстрировать глубокий раскол израильского общества, но и доказать, что заявления западных СМИ об обособленном и поэтому ущербном положении советских евреев не соответствовали действительности.

В Израиле советские евреи оказались, по утверждению «Известий», «людьми самого последнего сорта»³. На протяжении всего исследуемого периода «Известия» стре-

мились доказать, что советскому человеку практически невозможно интегрироваться в тамашнее общество. При этом проблемы, с которыми сталкивались репатрианты, советские СМИ делили на две основные группы. По их словам, Израиль являлся типичным капиталистическим государством, неприемлемым для советского человека. «Вы знаете, что значит работать у хозяина-капиталиста, который может в любой момент выставить вас на улицу», – сетовали бывшие советские люди, уже к тому времени прожившие в Израиле⁴. Устами разочарованных репатриантов советские СМИ пытались разоблачать лицемерие западного общества, «разглагольствовавшего» о политических свободах и правах человека⁵. Получался однако архаичный конгломерат словесных конструкций, изобиловавший большим числом пропагандистских штампов.

Другая группа проблем, считали СМИ, определялась пребыванием Израиля 1970-х годов в состоянии глубокого социально-экономического кризиса. «Экономическое положение Израиля безрадостно», – констатировали «Известия»⁶. Отсутствие социальной справедливости в израильском обществе вело к росту забастовочного движения в стране, отмечалось в другой газетной статье⁷.

Экономическая ситуация в Израиле в те годы была действительно не лучшей. Однако ни одна из публикаций не давала ответа на вопрос, почему стране «с незавидным социально-экономическим положением» и продолжавшимися войнами и конфликтами всё-таки удаётся развиваться.

Особое внимание советские пропагандисты уделяли описанию тех негативных характеристик израильского общества, которые были связаны с идеологией сионизма. «Те, кто уехал в Израиль, испытали на себе все прелести сионистского рая»⁸. Самыми чёрными красками рисовалась роль иудаизма в израильской жизни. Разочарованный жизнью на Земле обетованной И. М. Мاستибовский в письме своим родственникам в СССР заявлял, что всему виной «религиозный фанатизм, махровый национализм и

⁴ Там же.

⁵ Наши страдания – обвинительный акт против сионистов // Известия. – 1977. – 18 февр.

⁶ Кассис В., Михайлов М. Над пропастью во лжи // Известия. – 1976. – 16 мая.

⁷ Матвеев В. Израиль: от кризиса к кризису // Известия. – 1977. – 25 нояб.

⁸ Брянцев К., Сорин Н. Провокационная затея // Известия. – 1971. – 19 февр.

¹ Сионизм – это обман и горе // Известия. – 1976. – 9 дек.

² Борисов В., Кукушкин В. Трагедия обманутых // Известия. – 1976. – 6 февр.

³ Сионизм – это обман и горе // Известия. – 1976. – 9 дек.

прочие средневековые обычаи»¹. Религиозность страны действительно всегда оказывалась фактором, воспринимаемым критически определённой частью населения. Вместе тем представители израильской власти, вряд ли, могли нести ответственность за то, что некоторые новые репатрианты не побеспокоились заранее о том, чтобы ознакомиться с особенностями израильской жизни.

Советские СМИ поддерживали пессимистичные настроения, проявляемые у отдельных репатриантов, видя в них ещё одну «козырную карту». Между тем, часть населения страны не желала «отождествлять себя с сионизмом»². Как указывали «Известия», молодёжь всё более предпочитала уезжать из Израиля в другие страны – США, Канаду и т. д. Газета ссылалась на мнение упомянутого ранее шофера Л. А. Крайса, который заявлял: «Тысячи семей жаждут вырваться из Израиля»³. Аргументация в пользу такой точки зрения страдала элементарной манипулятивностью. Когда тот же тот же В. Матвеев утверждал, что уехать из Израиля стремятся около 10 % тамошней молодёжи⁴, он игнорировал тот факт, что это общемировая тенденция для миграции.

Важным фактором, способствующим росту эмиграционных настроений среди израильского населения, было, по словам «Известий», несогласие с внешней политикой своей страны. Так, публицист В. Ниллов заявлял: «Экспансионистская политика Тель-Авива, нагнетание военного психоза, провокационные действия, осложняющие обстановку на Ближнем Востоке – всё это вызывает у людей чувство негодования»⁵.

Очевидно, что такого рода заявления, опять же, имели мало общего с реальностью. Крайне незначительная доля населения Израиля могла иметь с руководством страны именно идеологические разногласия. Однако глобальный вывод «Известий» не создавал целостной картины происходящего, политизируя саму проблему и сознательно упрощая общее восприятие существующей ситуации.

¹ Иткин В. Мыльные пузыри и реальные факты // Известия. – 1977. – 22 янв.

² Матвеев В. Израиль: от кризиса к кризису // Известия. – 1977. – 25 нояб.

³ Борисов В., Кукушкин В. Трагедия обманутых // Известия. – 1976. – 6 февр.

⁴ Матвеев В. Израиль: от кризиса к кризису // Известия. – 1977. – 25 нояб.

⁵ Ниллов В. Оплата галетами // Известия. – 1976. – 4 сент.

Разоблачение американских «сионистских кругов» на страницах «Известий». Красочно характеризуя негативные особенности израильского общества, с которыми сталкивались бывшие советские евреи, отечественные СМИ старались обходить вниманием тот факт, что большинство этих людей не хотело возвращения в СССР. Их путь если и лежал дальше, то за океан – в США, куда они отправлялись, не въезжая в Израиль.

Осуществить переезд из Израиля в Америку было непросто: сказывались особенности американского иммиграционного законодательства. Несмотря на принятие специальных актов, посвящённых беженцам [18, с. 345], далеко не все имели возможность въехать в США. Однако когда мнения по поводу «еврейского вопроса» всё-таки звучали на страницах «Известий», то акцент делался вовсе не на этом. Главное внимание газеты уделялось бедственному положению тех, кто поддавался на уговоры сионистской пропаганды.

Советская пресса активно использовала в пропагандистских целях и те трагические случаи, которые происходили с некоторыми из бывших советских евреев, побывавших в США, но оказавшихся в итоге в европейских транзитных лагерях. Так, широкий резонанс получило самоубийство в Италии бывшего одессита В. Пана. Уехав из Израиля, он не мог найти себе работу в европейской стране. Корреспондент «Известий» В. Иткин взял интервью у начальника ОВИР В. С. Обидина, в подразделении которого В. Пан и получал разрешение на выезд из СССР в Израиль. Советский чиновник задавался ханжеским вопросом, часто звучащим в советской прессе того времени: «Кто может утешить мать молодого человека, работницу одесской фабрики “Мягкая игрушка” Нину Рувимовну Дубовую, потерявшую сына?»⁶. Акцент в данном случае делался на принадлежности матери эмигранта к «простым советским людям». Авторы публикации стремились вызвать у читателей сопереживание к «человеческим» чувствам этой женщины и пробудить ненависть к сионизму, действия которого и стали причиной этой трагедии.

Некоторым бывшим советским евреям, как уже отмечалось, удалось уехать в США. Однако там они столкнулись с проблемой адаптации к новым условиям. Этим людям пришлось начинать жизнь «с нуля», забыв о том статусе, который они имели в советском

⁶ Иткин В. Мыльные пузыри и реальные факты // Известия. – 1977. – 22 янв.

обществе. Это приводило к разочарованиям, которые выплескивались на страницы советских СМИ. Так, обозреватель «Известий» С. Кондрашев в 1975 году рассказывал о судьбе бывшего руководителя ансамбля песни и пляски в Нальчике, который, оказавшись в Израиле, в итоге переехал в США и стал лавочником в Бруклине. Его рассказ о своей жизни советский журналист сопроводил заключением: «Эмигранты – на социальном дне, откуда большинству не подняться до уровня так называемой приличной жизни, которой манила их Америка»¹.

Объектом новых разоблачений советских публицистов становились «сионистские круги» США, которые играли ключевую роль в организации переезда бывших советских евреев. Так, редактор «Известий» Л. Н. Толкунов называл сионистов не иначе как «лобби», ставшем «одним из влиятельнейших на Капитолийском холме». Это лобби, подчёркивал он, могло «качать конгрессменов», лишая их финансовой и пропагандистской поддержки, а также голосов еврейской общины США на следующих выборах².

Как уже отмечалось, редактор «Известий» Лев Толкунов многое сделал для становления работоспособного коллектива этой ведущей в стране газеты. Однако и он не мог оставаться нейтральным к происходящему, активно реализовывая пропагандистскую миссию своей газеты.

Не менее значимую роль играл в этой работе известный «известинец» М. Стура, подготовивший целую серию статей о ситуации в американских еврейских кругах. Он доказывал, в частности, наличие глубокого кризиса «американского сионизма» и «сионистских настроений» в среде американской молодёжи: «Молодёжь Америки всё более проникается сознанием того, что подлинная антиимпериалистическая, антирасистская борьба начисто исключает какую-либо поддержку агрессивного курса Израиля»³. Левые настроения действительно широко были распространены в американской молодёжной среде 1970-х годов. Война во Вьетнаме заставила многих молодых людей занять активную антивоенную позицию. Однако далеко не всегда этот идеологический поворот носил просоветский характер, о чём умалчивали отечественные СМИ.

¹ Кондрашев С. Условия жизни неприемлемы // Известия. – 1975. – 6 марта.

² Толкунов Л. Откровенный диалог // Известия. – 1974. – 17 июня.

³ Стура М. Проигрывают «битву за души» // Известия. – 1970. – 15 сент.

Советская пресса стремилась «разоблачать» американских сионистов, ратовавших за отъезд евреев из СССР. Так, В. Нилов писал об агентах «международного сионизма», приезжавших в Москву и другие города в качестве туристов. Такие люди обычно имели при себе специально созданный для таких целей «Краткий путеводитель по СССР», ставший «откровенным пособием по антисоветской пропаганде»⁴.

Как доказывали «Известия», большую роль в этой кампании играла радиостанция «Свобода». На ней работали те, кто уехал из СССР по израильской визе. В 1976 году в газете была опубликована обширная статья Д. Борина в характерном для советских пропагандистов стиле. В ней он разоблачал моральный облик сотрудников радиостанции «Свобода», говоря об их корыстолюбии и беспринципности. Таков, по его словам, был, например, уроженец Еревана Л. Ройтман, выступавший на «Свободе» под псевдонимом Л. Б. Ростов. До своей эмиграции из СССР в 1971 году он жил в Киеве, где «прослыл стяжателем, завзятым картёжником и мелким фарцовщиком». Д. Борин не жалел эпитетов, убеждая, насколько подлым был человек, решивший уехать из СССР: он «готов на подлог», согласен «в любую минуту продать товарища, напакостить знакомой девушке». Чтобы окончательно сформировать образ этого человека в сознании читателей, Д. Борин указывал на то, что Л. Ройтман уехал за границу, «бросив свою жену с ребёнком, оставив их без всяких средств к существованию, и выгодно женился на богатой американке»⁵.

Таковыми же со страниц «Известий» представляли и коллеги Л. Ройтмана, также работавшие на радиостанции «Свобода». К примеру, известный публицист М. Я. Геллер характеризовался так: «Где бы ни появлялся (этот человек), он, прежде всего, высматривал, чем и как можно пожить»⁶. Не менее ярким персонажем, по словам Д. Борина, был ещё один сотрудник «Свободы» – В. Э. Кабачник. Живя в Москве, этот «растленный тип» занимался валютными махинациями, «скупая из-под полы у заезжих иностранных туристов и бизнесменов носильные вещи и перепродавая заграничные тряпки по спекулятивным ценам»¹. Такого рода характеристики должны были показать

⁴ Нилов В. Оплата галетами // Известия. – 1976. – 4 сент.

⁵ Борин Д. Пасквилянты с псевдонимами // Известия. – 1976. – 6 мая.

⁶ Там же.

советским читателям, в каких руках находилась антисоветская пропаганда периода «холодной войны». Тем самым формировалось и определённое отношение к тем людям, которые приняли решение уехать из СССР в 1970-е годы.

Стилю этих публикаций были присущи все признаки пропагандистской информации: категорично огульное обвинение «неправильных» героев, навешивание на них ярлыков, зачастую носивших оскорбительный характер. По схожему сценарию, к слову, советские СМИ строили своё воздействие и в 1930-е годы, во время освещения «открытых» судебных процессов по изобличению «врагов народа» и в послевоенное время, когда эта традиция была продолжена.

СМИ в 1970-е годы, как и прежде, не смущались существованием законодательных и морально-этических ограничений, формально действовавших в этих случаях. Реализация пропагандистских задач считала всё на своём пути. Освещение в «Известиях» темы еврейской репатриации, относящейся к периоду 1970-х годов, отчётливо подтверждало это.

Заключение. Журналисты советского времени односторонне отображали действительность по всем вопросам. Сказанное относится и к восприятию ситуации, связанной с репатриацией в Израиль советских ев-

реев в 1970-е годы. Освещение этой темы было политизированным, встроенным в рамки идеологии, господствовавшей в стране в то время. Те, кто приняли решение о переезде в Израиль, считались «предателями родины».

С целью эффективного воздействия, СМИ публиковали стилистически окрашенные тексты, подготовленные лучшими публицистами того времени. Для этих публикаций были характерны одностороннее восприятие окружающего мира, сознательное искажение фактов, недоговорённость и другие приёмы воздействия. Всё это делало эти тексты пропагандистски ориентированными ввиду отсутствия взвешенности в оценках.

Содержательный уровень публикаций «Известий» на тему еврейской репатриации, предложенный общественному вниманию в 1970-е годы, также подтверждает полную приверженность этой газеты одностороннему восприятию картины мира. Эти материалы дают отчётливое понимание роли СМИ в советском обществе при обсуждении политически значимых вопросов. Вместе с тем они раскрывают многие содержательные тенденции, проявляющие себя в деятельности уже современных российских СМИ, находящихся, казалось бы, в принципиально иных социально-политических условиях.

Список литературы

1. Биккулов А. С. Интернет как средство массовой коммуникации: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. СПб., 2003. 217 с.
2. Ермаков Ю. А. Манипуляция над личностью: смыслы, приёмы, последствия. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. 204 с.
3. Кассис В., Щеглова Н. Свет волшебного фонаря. М.: Моск. правда, 1991. 92 с.
4. Катукова И. В. Бдительность – наше оружие. Л.: Знание, 1980. 36 с.
5. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: М.: Рипол классик, 2002. 315 с.
6. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений. М.: Полит. лит., 1981. Т. 41. С. 3–103.
7. Менделеев А. Г. Правда – газетной строкой: актуальные вопросы развития ленинских принципов печати. М.: Политиздат, 1985. 150 с.
8. На службе у ЦРУ. Разоблачение антисоветской деятельности Народно-трудового союза: сб. / сост. Б. Баннов. М.: Молод. гвардия, 1977. 160 с.
9. Радкевич А. Л. Социальные интернет-практики россиян в условиях формирования информационного общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. М., 2009. 24 с.
10. Стровский Д. Л., Антошин А. В. Советская алия как важнейшая тема русскоязычной периодики Израиля: на примере журналов «Время и мы» и «22» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2018. Вып. 17. С. 320–356.
11. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: Изд-во ЛКИ, 2006. 360 с.
12. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983. 464 с.
13. Bender P. K., Plante P.; Gentile D. A. The Effects of Violent Media Content on Aggression. *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. P. 104–108.
14. Berneys E. *Propaganda*. New York, 2005. 176 p.
15. Brown J. A. *Techniques of Persuasion: From Propaganda to Brainwashing*. Baltimore: Penguin, 1963. 322 p.

¹ Борин Д. Пасквильнты с псевдонимами // Известия. – 1976. – 6 мая.

16. Combs J. E., D. Nimmo. *The New Propaganda: The Dictatorship of Palaver in Contemporary Politics*. New York: Longman Pub Group, 1992. 251 p.
17. Coyne, S. Callister, M. A Mean Read: Aggression in Adolescent English Literature, *Journal of Children and Media*. 2011. Vol. 5. P. 411–425,
18. Daniels R. *Coming to America. A History of Immigration and Ethnicity in American Life*. New York; London; Toronto; Sydney: Harper Perennial, 2002. 515 p.
19. Jowett G. S., O'Donnel V. *Propaganda and Persuasion*. 3rd ed. Thousand Oaks (CA), 1999. 464 p.
20. Lebert R. M., Sprefkin J. N. *The Early Window: Effects of Television on Children and Youth*. New York: Pergamon, 1988. 312 p.
21. Lippmann W. *Public Opinion*. London: Free Press, 1997. 288 p.
22. McQuail D. *Journalism and Society*. London & New Delhi: Sage, 2013. 256 p.
23. Polce-Lynch M.; Myers B. J. Adolescent Self-Esteem and Gender: Exploring Relations to Sexual Harassment, Body Image, Media Influence, and Emotional Expression // *Journal of Youth and Adolescence*. 2001. Vol. 30. P. 225–244.
24. Pratkanis A. R., Turner M. E. Persuasion and Democracy: Strategies for Increasing Deliberative Participation and Enacting Social Change // *Journal of Social Issues*. 1996. Vol. 52. P. 187–205,
25. Shabo M. E. *Techniques of Propaganda and Persuasion*. Clayton (DE): Prestwick House, 2008. 160 p.
26. Taylor P. M. *Munitions of the Mind: a History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day*. Manchester: Manchester University Press, 2003. 360 p.

Статья поступила в редакцию 15.04.2020; принята к публикации 10.06.2020

Сведения об авторах

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор, исследователь Школы коммуникаций Ариэльского университета; 40700, Израиль, г. Ариэль, Кирьят-Мада; e-mail: dmitryst@ariel.ac.il; <https://orcid.org/0000-0003-1651-2484>.

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>.

Вклад авторов в статью

Д. Л. Стровский – основной автор, структурирование статьи, формирование общей логики текста и подготовка выводов.

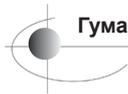
А. В. Антошин – сбор и обработка достоверного эмпирического материала.

Библиографическое описание статьи

Стровский Д. Л., Антошин А. В. Тема репатриации евреев из СССР в советских СМИ как проявление медиапропаганды 1970-х годов (на примере газеты «Известия») // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 5. С. 135–148. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-135-148.

References

1. Bikkulov, A. S. *The Internet as a means of mass communication*. Dis. cand. sci. St. Petersburg, 2003. (In Rus.)
2. Ermakov, Yu. A. *Manipulation over personality: meanings, methods, consequences*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. State University, 1995. (In Rus.)
3. Cassis, V., Shcheglova N. *Light of a magic lantern*. M: Mosk. Pravda, 1991. (In Rus.)
4. Katukova, I. V. *Vigilance is our weapon*. L: Obshchestvo "Znanie" of the RSFSR 1980. (In Rus.)
5. Klyuev, E. V. *Speech communication*: M.: Ripol classic, 2002. (In Rus.)
6. Lenin, V. I. *Childhood disease of "leftism" in communism*. Full collection of works. M., 1981. Vol. 41. Pp. 3–103. (In Rus.)
7. Mendeleev, A. G. *Truth – in a newspaper line: topical issues of the development of Lenin's principles of printing*. Moscow: Politizdat, 1985. (In Rus.)
8. *In the service of the CIA. Exposing the anti-Soviet activities of the People's Labor Union* [Collection / Comp. B. Bannov]. M: Mol. Guard, 1977. (In Rus.)
9. Radkevich, A. L. *Social Internet Practices of Russians in the Conditions of Formation of an Information Society*. Cand. sci. diss. abstr. M., 2009. (In Rus.)
10. Strovsky, D. L., Antoshin A. V. Soviet aliyah as the most important topic of Russian-language periodicals in Israel: on the example of the magazines *Vremya i Mi* and *22. Izvestiya RUDN*, vol. 17, pp. 320–356, 2018. (In Rus.)
11. Shcherbinina, Yu. V. *Verbal aggression*. M: LKI Publishing House, 2006. (In Rus.)

12. Yakovlev N. N. The CIA against the USSR. M: "Pravda", 1983. (In Rus.)
13. Bender, P. K., Plante, P. Gentile, D. A. The Effects of Violent Media Content on Aggression. *Current Opinion in Psychology*, vol. 19, pp. 104–108, 2018. (In Engl.)
14. Berneys, E. Propaganda. New York, 2005. (In Engl.)
15. Brown, J. A. Techniques of Persuasion: From Propaganda to Brainwashing. Baltimore: Penguin, 1963. (In Engl.)
16. Combs, J. E., D. Nimmo. The New Propaganda: The Dictatorship of Palaver in Contemporary Politics. New York: Longman Pub Group, 1992. (In Engl.)
17. Coyne, S., Callister, M. A Mean Read: Aggression in Adolescent English Literature, *Journal of Children and Media*, vol. 5, pp. 411–425, 2011. (In Engl.)
18. Daniels, R. Coming to America. A History of Immigration and Ethnicity in American Life. New York; London; Toronto; Sydney: Harper Perennial, 2002. (In Engl.)
19. Jowett, G. S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. 3rd ed. Thousand Oaks (CA), 1999. (In Engl.)
20. Lebert, R. M., Sorefkin J. N. The Early Window: Effects of Television on Children and Youth. New York: Pergamon, 1988. (In Engl.)
21. Lippmann, W. Public Opinion. London: Free Press, 1997. (In Engl.)
22. McQuail, D. Journalism and Society. London & New Delhi: Sage, 2013. (In Engl.)
23. Polce-Lynch, M.; Myers, B. J. Adolescent Self-Esteem and Gender: Exploring Relations to Sexual Harassment, Body Image, Media Influence, and Emotional Expression. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 30, pp. 225–244, 2001. (In Engl.)
24. Pratkanis, A. R., Turner M. E. Persuasion and Democracy: Strategies for Increasing Deliberative Participation and Enacting Social Change, *Journal of Social Issues*, vol. 52, pp. 187–205, 1996. (In Engl.)
25. Shabo, M. E. Techniques of Propaganda and Persuasion. Clayton (DE): Prestwick House, 2008. (In Engl.)
26. Taylor, P. M. Munitions of the Mind: a History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day. Manchester: Manchester University Press, 2003. 360 p. (In Engl.)

Received: April 15, 2020; accepted for publication June 10, 2020

Information about author

Strovsky Dmitry L., Doctor of Political Science, Professor, Researcher, School of Communication, Ariel University; Kiryat Mada, Ariel, 40700, Israel; e-mail: dmitryst@ariel.ac.il; <https://orcid.org/0000-0003-1651-2484>.

Antoshin Alexey V., Doctor of History, Associate Professor, Ural Federal University; 51 Lenina ave., Yekaterinburg, 620000, Russia; e-mail: alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>.

Reference to the article

Strovsky D. L., Antoshin A. V. The Theme of Repatriation of Jews from the USSR in the Soviet Media as a Manifestation of Media Propaganda in the 1970s (The Case of the Izvestia Newspaper) // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 135–148. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-135-148.

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-149-154

Евгений Валерьевич Ахмадулин,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону, Россия),
e-mail: ahmadulin@mail.ru

«Новость» как основа журнализма

«Новость» остаётся одной из самых актуальных и спорных категорий журналистики. Новости трудно поддаются определению, и в этом причина того, что так много людей принимает живое участие в обсуждении этого предмета. Дискуссия имеет не только теоретическое значение, поскольку знание и понимание того, что такое «новости», может принести реальную выгоду. Производственные и потребительские приоритеты относительно новостного контента связаны с культурой конкретного общества, его историческими традициями, национальным менталитетом. Поэтому о новостных категориях в журналистике пишут много и определяют их по-разному. Цель данной статьи – показать, что «новость» как основная информационная составляющая журналистики является самодостаточной и не нуждается в привязке к определённым жанрам. Исследование проводилось на базе методологии системного подхода с использованием сравнительно-жанровой методики и типологии журналистских текстов. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые обосновываются различия между жанром как формально-логической структурой и новостью – объективной категорией, обладающей своими свойствами и качественными особенностями. Доказывается, что новость может быть представлена в любых информационных жанрах, если это не противоречит её основному свойству – новизне. В статье даётся определение понятию «новость» в следующей формулировке: новость – это оперативное и актуальное для аудитории сообщение, переданное по каналам средств массовой коммуникации, о новых фактах, событиях, явлениях, процессах из окружающей нас природы и социальной действительности. Отбор новостей зависит от вида системы журналистики, типа СМИ и приоритетных повесток дня в данном обществе в данное время.

Ключевые слова: новость, жанр, свойство, качество, факты, отбор новостей, средства массовой информации

Evgeny V. Akhmadulin,
Southern Federal University
(Rostov-on-don, Russia),
e-mail: ahmadulin@mail.ru

The “News” as the Basis of Journalism

“News” remains one of the most relevant and controversial categories of journalism. News is difficult to define, and this is the reason why so many people take a lively part in the discussion of this subject. The discussion is not only theoretical, because knowing and understanding what “news” is can bring real benefits. Production and consumer priorities regarding news content are related to the culture of a particular society, its historical traditions, and national mentality. Therefore, news categories in journalism are written a lot and defined in different ways. The aim of this article is to show that “news” as the main information component of journalism is self-sufficient and does not need to be linked to certain genres. The research was conducted on the basis of a systematic approach methodology using a comparative genre methodology and typology of journalistic texts. The scientific novelty of the research consists in the fact that it for the first time substantiates the differences between genre as a formal logical structure and news as an objective category that has its own properties and qualitative features. It is proved that news can be presented in any information genre, if it does not contradict its main property, its novelty. The article defines the concept of “news” in the following wording: news is an operational and relevant message for the audience, transmitted through the channels of mass communication, about new facts, events, phenomena, processes from the surrounding nature and social reality. The selection of news depends on the type of journalism system, type of media, and priority agendas in a given society at a given time.

Keywords: news, genre, property, quality, facts, news selection, mass media

Введение. «Новость» была и остаётся одной из самых спорных категорий журналистики. Актуальность новостной проблемы хорошо обосновал Эверетт Деннис в книге «Беседы о массмедиа»: «Новости трудно поддаются определению, и в этом причина

того, что так много людей принимает живое участие в обсуждении этого предмета. Представители самых разнообразных профессиональных и социальных групп – журналисты, социологи, политологи, “источники информации” – все занялись этим. Дискус-

© Ахмадулин Е. В., 2020

сия имеет не только теоретическое значение, поскольку знание и понимание того, что такое «новости», может принести реальную выгоду» [3, с. 203].

«Новость», с одной стороны, имеет глобальное значение, с другой стороны, производственные и потребительские приоритеты относительно новостного контента связаны с культурой конкретного общества, его историческими традициями, национальным менталитетом. Поэтому о новостных категориях в журналистике пишут много и определяют по-разному.

Западные учёные отдают предпочтение исследованиям новостных источников и технологиям отбора новостей [13; 14], используя при этом социологию новостей [17]. Например, D. M. Rufe пишет о природе новостной информации [16], E. Albaek – о взаимодействии экспертов и журналистов в новостной журналистике [9], I. Schultz – о журналистской интуиции при выборе новостных подборок [18]; W. Bennett выдвинул теорию «индексации», в результате чего освещение новостей отражает степень раздора среди политиков [10]; J. Curran и A. Toril анализируют, как СМИ информируют демократию [11]. Практическая сторона новостной информации прослеживается в переводных источниках [4; 5; 8]. Российские авторы видят в новости основу для жанрообразования [6] и зачастую анализируют западный опыт новостной журналистики [1; 7].

Цель данной статьи – показать, что «новость» как основная информационная составляющая журналистики является самодостаточной и не нуждается в привязке к определённым жанрам.

Методология и методы исследования. Исследование опирается на системный подход, позволяющий рассмотреть новостные проблемы в комплексе, включая факторы, влияющие на отбор новостной информации, до её потребления и усвоения аудиторией. Само же определение понятия «новость» проводилось с помощью экспертных оценок, сравнительно-жанровой методики и типологии журналистских текстов.

Результаты исследования и их обсуждение. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые обосновываются различия между жанром как формально-логической структурой и новостью – объективной категорией, обладающей своими свойствами и качественными особенностями. Доказывается, что новость может быть представлена в любых информационных жанрах, если это не противоре-

чит её основному свойству – новизне. В статье даётся авторское определение понятию «новость».

Новость доступна всем жанрам журналистики. «Новость в своём исходном значении, – отмечает Г. В. Лазутина, – не жанр журналистского произведения, а новый фрагмент реальности, меняющий привычный ход вещей и потому требующий в той или иной степени общественного внимания» [6, с. 28].

Речь идёт не только об определении для стандартизации понятия «новости», но и о том, кто и какие новости отбирает для представления их в СМИ. Сами стандартные критерии для определения понятия «новости», по мнению американского специалиста в области средств массовой информации, выглядят следующим образом:

- 1) конфликт (напряжение удивление);
- 2) развитие (триумф достижение);
- 3) катастрофа (поражение разрушение);
- 4) последствия (воздействие общество);
- 5) знаменитость (социальная или политическая величина);
- 6) новизна (необычное, даже чрезвычайно необычное);
- 7) человеческий интерес (эмоциональный фон);
- 8) своевременность (новизна свежесть);
- 9) близость (местная проблематика) [3, с. 205].

Однако все эти критерии говорят не о сущностном характере новости, а о её возможном содержании. Профессура журналистских школ в США придерживается концепции, что основным компонентом журналистского образования остаётся обучение студентов искусству повествования (*storytelling*), так как, по выражению Тома Филдера (декана колледжа коммуникаций Бостонского университета), «в тарелке супа важен сам суп, а не то, в чем он подаётся»¹. Речь, таким образом, идёт не об изучении жанра или определении «новости», а о навыках написания текста, который может быть представлен в различных жанрах или нести в себе новость. Главное для новостного текста его оперативность, актуальность с точки зрения аудитории СМИ, достоверность и доступность для понимания и восприятия изложенных фактов. Для этого выделяются главные параметры и действия журналиста по созданию текста на основе собранных

¹ Stelter Brian. J-Schools play Catchup // New York Times. – 2009. – April 19.

материалов: формулировка «жесткой» новости в качестве лида, создание структуры текста, объективизация новости с учетом разных мнений и точек зрения, толкование фактов с помощью деталей и последствий, стоящих за фактами, тщательная проверка достоверности приводимых фактов и, наконец, написание текста простым и понятным для аудитории языком.

Владимир Даль в своё время дал довольно точное толкование «новости»: «*Новость (ж.) – качество, свойство нового, всего, что ново: новый случай, приключение; весть о нём, первое известие о чём-либо*»¹. Но поскольку речь идёт об определении понятия «новости» для СМИ, обратимся к толкованию «новости» самими журналистами, имеющими непосредственное отношение к преподаванию. Например, в учебном пособии «Практическая журналистика» (МГУ, 2008) А. В. Колесниченко цитирует М. Менчер: «В журналистике существует два определения новостей (всего-то! – Е. А.). Новости – это:

1) информация, необходимая людям для принятия решения, которое касается их жизни;

2) отклонения от естественного хода событий»².

Во-первых, «информация, необходимая людям для принятия решения», – не только (и не столько) новости в СМИ; во-вторых, не все аномальные явления являются новостью и не все новости освещают «отклонения от естественного хода событий».

Owen Spencer-Thomas в своем блоге для молодых журналистов пишет: «Новости – это то, что люди хотят слышать или должны знать. Но это трудно определить в значительной степени, потому что истории могут быть представлены различными способами. Новости могут информировать, просвещать или даже развлекать» [15]. Он также приводит известные высказывания журналистов относительно новости, например, редактора *The New York Sun* Чарльза Дана: «Если собака кусает человека, это не новость. Но если человек кусает собаку, это новость». Или воскресного редактора *The New York Times* Лестера Маркела: «То, что вы видите – это новости, то, что вы знаете – это фон, то, что вы чувствуете – это мнение».

Более известные американские учёные – Мелвин де Флёр и Эверетт Деннис,

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1956. – С. 549.

² Mencher M. News reporting and writing. – Dubuque: WCB, 1999. – P. 57.

«проработав кипы статей и сочинений о новостях» сформулировали следующее определение: «Новость – это сообщение, в котором представлен современный взгляд на действительность в отношении конкретного вопроса, события или процесса. В новости обычно прослеживаются важные для индивида или общества изменения, которые подаются в контексте общепринятого или типичного. Новость оформляется с учетом консенсуса относительно того, что интересует аудиторию, а также внутренних и внешних ограничений, с которыми приходится сталкиваться соответствующей редакции. Она – результат ежедневно возобновляемой игры по достижению коллективного договора внутри редакций, сортирующих происходящие за конкретный промежуток времени события с тем, чтобы создать скоропортящийся продукт. Новость – это несовершенный результат принятия скороспелых решений в ситуации давления извне и изнутри» [12, с. 446].

Здесь сделана попытка сформулировать две проблемы: определить, что же такое «новость», с одной стороны, и кто и как отбирает новости для СМИ, с другой. Заметим, что «новость» здесь не определяется как нечто новое, оперативно поданное, а как «современный взгляд на действительность» и как «важные для индивида и общества изменения».

В российском контексте, учитывая нашу склонность к жанрообразованию, «новость» служит основой этого процесса: «Новостная журналистика предстаёт перед нами как целая группа жанровых моделей, каждая из которых существует в нескольких форматах и характеризуется дополнительным своеобразием, проявляющемся не только в предмете и назначении текста, но и в его структуре» [6, с. 34]. А зачастую и сама новость превращается в жанр. Так, в учебном пособии А. В. Колесниченко «Настольная книга журналиста» «новость» определяется как жанр, синонимичный новостной заметке. «Жанр “новость”, – пишет автор. – Новостная заметка – самый распространённый жанр в современной журналистике»³.

На наш взгляд, «новость» не вписывается в прокрустово ложе одного жанра, даже если мы назовём его «новостной заметкой». Любую новость можно подать в жанрах интервью, репортажа, отчёта. Новостью могут служить письма, рецензии на новые книги или кинофильма и даже некролог о смерти

³ Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 23.

известного человека. Жанр как таковой является устоявшейся формально-логической структурой для наполнения её журналистским текстом. Иными словами, жанр представляет собой упаковку для текста.

К слову сказать, мы считаем, что журналистские жанры были выделены не на основе глубокого исследования типологии текстов СМИ, а интуитивным путём и носят характер профессионального соглашения. Эти практические формально-логические стандарты не имеют под собой научной базы, а как следствие, многочисленные публикации по жанровой проблематике не имеют отношения к теории журналистики, а лишь методически обслуживают «профессиональный договор» о формах текстов. Поэтому излишнее теоретизирование жанровой проблематики только мешает устоявшимся формам организации труда журналистов, восприятию сообщений аудиторией и учебному процессу в части стандартизации и написания журналистских текстов.

В отличие от жанра *новость является продуктом* (скоропортящимся продуктом), обладающим назначением (ролью), а также определёнными свойствами и качествами.

Выводы. Новость, безотносительно к её содержанию, предназначена информировать; главным природным свойством новости является новизна. Качества же новости, благодаря её определяющему свойству, проявляются при её использовании. Следовательно, свойство новости – это фактор, присущий ей изначально, заложенный в ней самой, тогда как качество – это фактор пригодности для удовлетворения нужд получателя новости. Иными словами, один и тот же фактор новости, который в соотношении с прочими его характеристиками выступал как свойство, в соотношении с нами и нашими потребностями выступает уже как качество новости.

Скоропортящийся продукт, каковым является новость, требует оперативной обработки и реализации, иначе качество её (новостная свежесть) будет терять свои свойства. Ещё Г. В. Гегель отмечал, что качество «есть вообще тождественная с бытием непосредственная определённость... нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя своё качество, оно перестаёт быть тем, что оно есть» [2, с. 228]. Таким образом, утрачивая свойство новизны, новость перестаёт быть сама собой, становится чем-то иным.

По нашему мнению, «новость» – это оперативное и актуальное для воспринимающей стороны сообщение (устное или письменное, о также переданное по каналам средств массовой коммуникации) о новых фактах, событиях, явлениях, процессах из окружающей нас природы и социальной действительности. Это определение подходит для двух собеседников, для ораторов, для общения в чатах, социальных сетях и для журналистских текстов во всех (преимущественно информационных) жанрах. Однако широта применения такого понимания «новости» идеализирует и нивелирует определение, делает его неприемлемым для всех, и особенно для СМИ. То, что для так называемой первичной группы будет новостью (рождение ребенка в семье), то для большой аудитории СМИ такая новость должна быть актуализирована дополнительными параметрами (рождение ребенка не в каждой семье, а, например, в семье известной личности).

Новость как таковая – объективная категория, но при конкретном её наполнении и последующем отборе она оценивается субъективно в зависимости от приоритетов субъекта отбора новостей и объекта их потребления. Отбор новостей для СМИ детерминируется культурой и ментальностью данного общества, самой системой журналистики, функционирующей в той или другой стране, в зависимости от ведущих системоформирующих факторов – социально-политической организации общества (режим правления), идейных приоритетов, а также типами изданий и программ и приоритетными для данного общества повестками дня.

Заключение. Новость не является жанром журналистики, а представляет собой объективную категорию, обладающую своими свойствами и качественными особенностями. Новость может быть презентована в любых информационных жанрах, если это не противоречит её основному свойству – новизне. Новость – это оперативное и актуальное для аудитории сообщение, переданное по каналам средств массовой коммуникации, о новых фактах, событиях, явлениях, процессах из окружающей нас природы и социальной действительности. Отбор новостей зависит от культуры и ментальности данного общества, вида системы журналистики, типа СМИ и приоритетных повесток дня в данном обществе в данное время.

Список литературы

1. Воскобойников Я. С., Юрьев В. К. Журналист и информация: Профессиональный опыт западной прессы. М.: РИА Новости, 1993. 204 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
3. Деннис Э., Мэррилл Д. Беседы о массмедиа. М.: Вагриус, 1997. 384 с.
4. Ковач Б., Розенстил Т. Элементы журналистики. М.: Престиж, 2004. 188 с.
5. Копперуд Р., Нельсон Р. П. Как преподносить новости. М.: ЛитМир, 1998. 126 с.
6. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества. М.: Аспект Пресс, 2011. 320 с.
7. Самарцев О. Р. Творческая деятельность журналиста: очерки теории и практики. М.: Акад. проект, 2007. 528 с.
8. Фиктелиус Э. Новости. Сложное искусство работы с информацией. М.: МедиаМир, 2008. 200 с.
9. Albaek E. The interaction between experts and journalists in news journalism // Journalism. 2011. No 12. P. 335–348.
10. Bennett W. Lance. 2007. News: The Politics of Illusion. 7th ed. New York: Longman, 2007. 277 p.
11. Curran J., Toril A. How Media Inform Democracy: A Comparative Approach. New York: Routledge, 2012. 244 p.
12. DeFleur M. L., Everette E. Dennis. Understanding Mass Communication. 5th ed. Boston: Houghton Mifflin, 1996. 646 p.
13. Franklin B., Matt C. Journalists, Sources and Credibility: New Perspectives. London: Routledge, 2011. 204 p.
14. McNair B. News and journalism in the UK. London: Routledge, 1999. 224 p.
15. Owen Spencer-Thomas. News values. URL: [https:// www.owenspencer-thomas.com/journalism/newsvalues/](https://www.owenspencer-thomas.com/journalism/newsvalues/) (дата обращения: 10.04.2020). Текст: электронный.
16. Ryfe D. M. The nature of news rules // Political Communication. 2006. No 23. P. 203–214.
17. Schudson, Michael. The Sociology of News. 2nd ed. New York: W. W. Norton, 2011. 280 p.
18. Schultz I. The Journalistic Gut Feeling: Journalistic Doxa, News Habitus and Orthodox News Values // Journalism Practice. 2007. No 1. P. 190–207.

Статья поступила в редакцию 12.04.2020; принята к публикации 12.06.2020

Сведения об авторе

Ахмадулин Евгений Валерьевич, доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет; 644006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150; e-mail: ahmadulin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0508-9780>.

Библиографическое описание статьи

Ахмадулин Е. В. «Новость» как основа журнализма // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 149–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-149-154.

References

1. Voskoboinikov, Ya.S, Yur'ev V. K. A journalist and information: Professional experience of the Western press.. M: RIA "Novosti", 1993. (In Rus.)
2. Gegel, G. V. F. Encyclopedia of Philosophy. V. I. M: Think, 1974. (In Rus.)
3. Dennis, Eh., Merrill, D. Media Debates: Issues in Mass Communication. M: Vagrius, 1997. (In Rus.)
4. Kovacs B., Rozenstil T. Elements of journalism. M: Prestizh, 2004. (In Rus.)
5. Kopperud, R., Nelson, R. P. How to present news. M: LitMir, 1998. (In Rus.)
6. Lazutina, G. V., Raspopova, S. S. Genres of journalistic creativity. M: Aspekt Press, 2011. (In Rus.)
7. Samartsev, O. R. Creative Activities of a Journalist: Essays on Theory and Practice. M: Akademicheskii proekt, 2007. (In Rus.)
8. Fikhtelius, Eh. News. The complex art of working with information. M: MediaMir, 2008. (In Rus.)
9. Albaek, E. The interaction between experts and journalists in news journalism. Journalism, no. 12, pp. 335–348, 2011. (In Engl.)
10. Bennett, W. Lance. 2007. News: The Politics of Illusion. 7th ed. New York: Longman, 2007. (In Engl.)
11. Curran James, Toril Aalberg. How Media Inform Democracy: A Comparative Approach. New York: Routledge, 2012. (In Engl.)
12. DeFleur, Melvin L., and Everette E. Dennis. Understanding Mass Communication. 5th ed. Boston: Houghton Mifflin, 1996. (In Engl.)
13. Franklin, Bob, Matt Carlson. Journalists, Sources and Credibility: New Perspectives. London: Routledge, 2011. (In Engl.)
14. McNair, B. News and journalism in the UK. London: Routledge, 1999. (In Engl.)

15. Owen Spencer-Thomas. News values. Web. 10.04.2020. [https:// www.owenspencer-thomas.com/journalism/newsvalues/](https://www.owenspencer-thomas.com/journalism/newsvalues/).
16. Ryfe, D. M. The nature of news rules. *Political Communication*, pp. 203–214, no. 23, 2006. (In Engl.)
17. Schudson, Michael. *The Sociology of News*. 2nd ed. New York: W. W. Norton, 2011. (In Engl.)
18. Schultz, I. The journalistic gut feeling: journalistic doxa, news habitus and orthodox news values. *Journalism Practice*, no. 1, pp. 190–207, 2007. (In Engl.)

Received: April 12, 2020; accepted for publication June 12, 2020

Information about author

Akhmadulin Evgeny V., Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University; 150 Pushkinskaya st., Rostov-on-don, 644006, Russia; e-mail: ahmadulin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0508-9780>.

Reference to the article

Akhmadulin E. V. The “News” as the Basis of Journalism // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 149–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-149-154.

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-155-165

Екатерина Владимировна Выровцева,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: e.vyrovitseva@spbu.ru

Татьяна Алексеевна Индутная,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: tat-in@yandex.ru

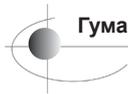
Светлана Ивановна Симакова,
Челябинский государственный университет
(г. Челябинск, Россия),
e-mail: simakovi@mail.ru

Дизайн как средство создания публицистического образа в инфографике

Инфографика как один из самых востребованных сегодня видов медиатекста привлекает внимание исследователей, однако пока остаётся недостаточно изученным вопрос о критериях анализа и оценки этого нового способа представления информации. С этой точки зрения представляется актуальным комплексный анализ инфографики, включающий как изучение её функциональных возможностей, так и исследование способов создания медиаобраза. В статье предпринята попытка определить роль именно дизайнерских приёмов с позиции принципов их отбора и систематизации, а также особенностей функционирования. Дизайнерские решения рассматриваются в контексте публицистических возможностей инфографики, что отражено и в выражении позиции автора, и в актуализации общественно значимой информации, и в превращении реального факта в публицистический образ, и в организации диалога адресанта с адресатом на условиях со-творчества. Особое внимание уделено диалектическому единству традиционных для журналистского текста функций – информационной, коммуникативной, идеологической, с функциями, свойственными произведениям дизайнерского творчества, – эстетической, культурно-формирующей, просветительской. Представлена попытка обобщить теоретические наблюдения, подтверждаемые примерами инфографики сайтов «ТАСС. Инфографика» и информационного агентства «РИА Новости». В основу анализа легли следующие методы: семантический, функциональный, структурно-композиционный, дискурсивный, искусствоведческий. Объединённые в публицистический образ данные не только визуализированы и систематизированы, но и персонализированы, причём современные мультимедийные технологии сформировали новый тип реципиента, от которого требуется включённое восприятие информации. Анализ инфографики позволил охарактеризовать принципы коммуникации, основанные на активном участии адресата в формировании медиаобраза на основе полученной информации и сделать вывод о том, что анализ и оценка инфографики требует комплексного подхода: необходимо учитывать диалектическое единство критериев и элементов, как свойственных публицистическому творчеству, так и апробированных критиками произведений искусства, прежде всего дизайнерского.

Ключевые слова: инфографика, дизайн, публицистика, медиаобраз, принципы, коммуникация

Ekaterina V. Vyrovtsseva,
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: e.vyrovtsseva@spbu.ru

Tatyana A. Indutnaya,
St. Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: tat-in@yandex.ru

Svetlana I. Simakova,
Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia),
e-mail: simakovi@mail.ru

Design as a Means of Creating a Journalistic Image in Infographics

Infographics as one of the most popular types of media text attracts the attention of researchers. However, the analysis criteria and evaluation of a new information presentation issue is still underresearched. From this point of view, a comprehensive analysis of infographics seems relevant, including both the study of its functionality and the study of ways to create a media image. The article attempts to determine the role of design techniques in terms of the selection and systematization principles, as well as the functioning peculiarities. Design solutions are considered in the context of the journalistic potential of infographics in the present study. That is reflected in expressing the author's position, in updating socially significant information, in turning a real fact into a media image, as well as in organizing a dialogue between the addresser and the addressee on the basis of co-creation. The dialectical unity of the traditional functions for a journalistic text and design creativity is under consideration. The unity includes such journalistic functions as informational, communicative, and ideological, combined with the design, as well as aesthetic, cultural-formative, and enlightening function. An attempt to summarize theoretical observations supported by examples of infographics by web-sites TASS. Infographics and RIA Novosti news agency. The analysis was based on the following methods: semantic, functional, structural and compositional, discursive, art history. The big data combined in an infographics into a vivid image is not only visualized and systematized, but it is also personalized. So modern multimedia technologies have formed a new type of recipient, who is required of information perception involvement. The infographics considered in the present study provides a means of characterizing new principles of communication based on active participation in the process of perceiving media text, and, therefore, in the formation of a media image based on the information received. The study offers the possibility to conclude that the analysis and evaluation of infographics requires an integrated approach: dialectical unity of the criteria and elements, both of journalistic work, and of design as a part of time-tested art, are necessary.

Keywords: infographics, design, journalism, media image, principles, communication

Введение. Тенденция визуализации – одна из самых обсуждаемых сегодня проблем, между тем достаточно противоречиво оцениваются цели и способы усиления изобразительных, иконических элементов в журналистских текстах. Д. Ю. Кульчицкая, опираясь на концепцию Д. Туссу [20], рассматривает взаимосвязь данной тенденции с развитием жанров инфотеймента. Т. И. Попова и Д. В. Колесова справедливо замечают, что «текст без опоры на визуальный ряд стал принадлежностью специальной прессы, ориентированной на профессиональную аудиторию» [11]. Среди других причин: стремление к упрощению, инфляция языка, адаптация медиатека к формату мобильного устройства, с экрана которого удобнее воспринимать видеоряд, а не вербальные элементы. Поэтому инфографика как наиболее востребованный и активно развивающийся способ представления информации

заслуживает внимания исследователей. При этом одинаково важными оказываются как содержательные, так и оформительские принципы систематизации, структурирования и предъявления информации. Это важно и с мировоззренческой точки зрения – идея, концепция автора (чаще всего коллективного), и с эстетической точки зрения – точность и гармоничность тиражируемого образа.

Цель исследования – охарактеризовать публицистический потенциал дизайна в инфографике, то есть определить роль дизайнерских приемов с позиции принципов их отбора и участия в создании публицистического образа.

Методология и методы исследования. Методология исследования обусловлена спецификой предмета анализа, который требует комплексного подхода: инфографика является сложным поликодовым медиатекстом. При выборе методов учитыва-

лось диалектическое единство подходов к инфографике как результату коллективной творческой работы публициста, дизайнера, бильд-редактора. Анализ основан на приемах и методах изучения, апробированных как в теории публицистики, так и в художественной критике. Тема и проблемы исследования предполагают объединение культурологических, теоретико-журналистских и эстетических подходов.

При подготовке статьи авторы обращались к методу анализа научных источников, к общенаучным методам – анализ, синтез, сравнение. В основу анализа легли семантический, функциональный, структурно-композиционный, дискурсивный, искусствоведческий методы.

Инфографика проанализирована с целью определения роли и потенциальных возможностей дизайна в создании публицистического образа, который строится на взаимодействии фактического материала (данных) и образно-выразительных средств, отбор и систематизация которых позволяют (коллективному) автору выразить свое отношение к событиям реальной действительности, а адресату вступить в диалог с автором и его концепцией. Искусствоведческий анализ предполагает оценку эстетической составляющей публицистического образа в инфографике, который создается самыми разными знаковыми системами – вербальной, визуальной, графической, мультимедийной. Поэтому использовался характерный для художественной критики метод – интерпретация произведения искусства, оценка выбранных автором средств с точки зрения обоснованности и гармоничности.

При формировании эмпирической базы использовался метод сплошной выборки: были рассмотрены и изучены материалы сайтов «ТАСС. Инфографика»¹ и информационного агентства «РИА Новости»² за 2018 год – всего 96 публикаций. Из них были отобраны публикации, в которых дизайнерские компоненты участвуют в реализации идеи автора и в формировании публицистического образа. В результате мы отобрали 10 материалов сайта «ТАСС. Инфографика» и четыре инфографики информационного агентства «РИА Новости».

¹ ТАСС. Интерпрограмма. – URL: <https://infographics.tass.ru/> (дата обращения: 10.05.20202). – Текст: электронный.

² РИА Новости. Интерпрограмма. – URL: <https://ria.ru/infografika/> (дата обращения: 10.05.20202). – Текст: электронный.

Результаты исследования и их об- суждение. Современные учёные единодушны в определении причин востребованности современной наукой и культурой продуктов информационного дизайна: он позволяет грамотно организовать потоки информации, сделать данные более ясными для восприятия, компактизировать их [4; 13; 14; 19; 22]. Феноменом визуализации информации интересуются представители разных сфер профессиональной деятельности: науки, образования, культуры, экономики, бизнеса, и конечно же, журналистики. В связи с этим обращает на себя внимание эволюция такой типологической характеристики СМИ, как дизайн [1].

Визуальный язык характеризуется свойством делать информацию наглядной и концентрированной, а возможности (средства, приёмы, инструменты) дизайна превратили такой язык в исключительно эффективный инструмент информационного обмена. Неслучайно Э. Тафти рассматривает инфографику как наиболее распространённый дизайнерский метод [21]. В контексте изучаемой темы интерес представляет направление информационного дизайна [12], которое из узкоспециализированной области (до недавнего времени не имеющей даже чёткой терминологии), довольно маргинально обслуживающей научно-просветительскую и информационно-бытовую сферы, стремительно превращается в актуальный формат, а возможно, и в жанр журналистики. В поле зрения исследователей попадают: художественный инструментальный дизайн; система художественных средств, накопленных им в результате функционирования в новом информационном пространстве; методы встраивания инфографики (заметим, это происходит стремительно и органично) в традиционную, преимущественно вербальную, публицистику; эффективность и конкурентоспособность в ситуации развития по-новому организованного изобразительного контента.

Дизайнерский инструментарий и термин «инфографика». В стремительно развивающихся формах коммуникации востребованы различные визуально-информационные модели, но все они ориентированы на точную, компактную, формальную, бесстрастную презентацию фактов и числовых данных. Дизайнерский инструментарий использует себя в них по-разному: как формальный приём, как способ, иногда весьма оригинальный, «компактизации» [16], как

базовый метод. При этом не все способы визуализации данных считаются дизайнерскими.

Многие исследователи журналистики называют инфографикой все виды визуализации данных, что объясняется стремлением объединить под одним названием все изображения в структуре поликодового текста, не являющиеся традиционными видами иллюстраций, когда это не фотография, не рисунок (включая карикатуру), не коллаж. Универсализация термина удобна с точки зрения упрощения, однако при тиражировании понятие становится чересчур широким, не позволяющим определить семантические границы. Сегодня инфографикой называют разные модели визуального контента, к которым неоправданно предъявляются одни и те же эстетические требования.

Размытость терминологии обусловлена и недостаточным теоретическим освоением инфографического дизайна, особенно с точки зрения истории и теории искусства, с позиции художественной критики. Существует большое количество определений термина «инфографика», которые приводятся в работах исследователей медиадискурса [3; 5; 8; 21], что подчёркивает сложность ситуации с понятийным аппаратом. В основу теории инфографического дизайна легли результаты исследований С. В. Острикова: «Инфографика <...> в отличие от научной визуализации, более свободна в выборе форм презентации, позволяет одновременно воспринимать, оценивать, сравнивать большие массивы абстрактных данных» [10, с. 19]. Такой подход позволяет говорить о публицистическом потенциале инфографики, так как именно родовым свойством жанров публицистики является объединение указанных С. В. Остриковым коммуникативных интенций/действий – воспринимать, оценивать, сравнивать. А эстетическая функция дизайна, в свою очередь, обеспечивает наглядность, экспрессивность, убедительность инфографики и представленного в ней публицистического образа.

О публицистичности инфографики. Способность инфографики привлекать внимание перегруженного информацией реципиента к большим данным, которые визуализированы, систематизированы, во многих случаях и персонализированы, объясняет востребованность и эффективность данного медиаформата. Эти же свойства указывают на публицистичность инфографики, в которой не только сообщается информация (информационная функция), но которая и

представляет собой персонализированный продукт дизайнерского творчества и определяет место данных в личном пространстве адресата (воздействующая функция). Авторская позиция находит выражение на всех уровнях текста: в принципах отбора и систематизации информации, в выборе вербальных и невербальных средств, в дизайнерском оформлении.

Таким образом, неисчерпаемые интеллектуально-художественные возможности дизайна оказались востребованы в публицистическом дискурсе и раскрыли практически неограниченный потенциал инфографики в журналистике, шире – в средствах массовой коммуникации. Дизайн превратился в инструмент интерпретации фактов, придающий им эмоциональную окраску, различную трактовку, угол восприятия и т. д. [18]. Популярность инфографики доказывает, что это один «из эффективнейших инструментов информирования, опровергающий бытовавшие тезисы о том, что графика нужна только не думающим читателям и что количественная статистическая информация «скучна»» [9, с. 376]. Попробуем показать это, проанализировав публикации.

Инфографика в проектах «ТАСС» и «РИА Новости». В инфографике «Менделеев – Пётр Первый»¹, размещённой на сайте «ТАСС», дизайнерские средства участвуют в реализации актуальной темы: аэропорты получают дополнительные названия – имена выдающихся соотечественников. Качественная, продуманная, гармоничная структуризация материала позволила компактно и привлекательно представить довольно большой объём информации: каждая «страница» медиатекста скомпонована не сложно, но динамично – ритм создаётся за счёт активной графики, включающей элементы анимации. Активность графического пятна формирует ассоциации с динамикой авиаперелетов. В создании яркого публицистического образа участвует и графическое оформление, и колористика: авторы инфографики стилизовали цветовое решение под брендовые цвета «Аэрофлота». Не менее актуальны и узнаваемые элементы советского монументально-декоративного искусства (примерно 1970-х годов), когда оно стремилось выразить пафос романтики большой пассажирской авиации. Традиционный для публицистики прием, основанный

¹ Менделеев – Пётр Первый... и другие рейсы, которые могут появиться в российском небе. – URL: <https://velikie-imena.tass.ru/> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

на выстраивании ассоциативного ряда [2], перемещён в визуальную составляющую.

Важным декоративным элементом, активно участвующим в создании медиа-образа, становится композиция: символы городов, тоже стилизованные под фасады аэропортов времён СССР, создают продуманную атмосферу и делают образ завершённым и убедительным. Авторское решение рассчитано на такого адресата, который воспринимает «Аэрофлот» как символ географического единства огромной страны. Ощущение колоссальной территории обозначено художественно точно: фотографии и портреты великих людей России усиливают эмоциональный эффект и формируют единый образ. Стилистический цветовой контраст тоже участвует в представлении авторской идеи – показать природное богатство и великое историческое наследие. В результате авторам удаётся создать образ страны, которая может гордиться и территорией, и историей. В особые отношения вступают и фактические данные (прежде всего, цифры) и изображения: цифры выполняют аргументирующую функцию и рекреативно-коммуникативную, так как авторы обращают внимание адресата на любопытные, оригинальные факты. Неизобразительная инфографика крайне лаконична и подчинена общей художественно-образной логике, являясь важной составляющей публицистического образа.

Дизайнерские решения в инфографике можно рассматривать и как средство персонализации информации: публицистические задачи невозможно отделить от художественных. Персонализация, во-первых, невозможна без образного осмысления фактического материала, во-вторых, без создания системы, без наглядного представления логики средствами дизайна: композиционными, колористическими, пластическими. Феномен инфографики демонстрирует наиболее логичный и эффективный результат профессионально-творческого взаимодействия автора-журналиста и автора-дизайнера. Для инфографики как для *художественного* феномена публицистичность оказывается необходимым условием для раскрытия сущностного потенциала медиаобраза.

Исследуемый способ интерпретации больших данных практически неприемлем в тех областях человеческой деятельности, где точность изложения данных не имеет альтернатив или где эмоционально-личностный ракурс их презентации настолько не уме-

стен, что может привести к доминированию над смыслом. К таким сферам деятельности относятся наука, экономика, статистика, социология и др. Творческие методы журналиста и дизайнера инфографики в процессе классификации, анализа, интерпретации, оценки фактов оказываются схожими, что и обеспечивает трансляцию смыслов и образов. Так, в инфографике «Тунгусский метеорит»¹ в создании медиаобраза участвуют цветное решение и графический стиль изображения сибирских пейзажей. Последние не обязательны с точки зрения представленных данных, но нужны авторам для создания атмосферы таинственности и эффекта присутствия, благодаря которому адресат становится «очевидцем событий» (инфографика успешно заимствует приёмы разных журналистских жанров, в данном случае репортажа). Реконструкция дизайнерскими средствами природного ландшафта в момент падения метеорита через графическую стилистику реализует авторские интенции: превратить адресата в наблюдателя давно произошедшего и передать/вызвать эмоции свидетеля. На сочетании визуальных и вербальных, включая даты и цифры, элементов основана экспрессивность образа, вызывающего сильные эмоции, которые стремится передать автор, рассказывающий о событии более чем столетней давности.

В СМИ востребованы практически все виды визуализации информации, но по разным причинам не все из них можно назвать специфичными для журналистики. Некоторые осваиваются создателями медиатекстов в связи с тем, что периодическое издание имеет отношение к тем областям знания, о которых идёт речь. Например, если неотъемлемой составляющей СМИ, освещающих конкретную область знаний, становится презентация и популяризация научной мысли, то публикации естественным образом включают все свойственные этому научному знанию способы визуализации данных. Это относится прежде всего к публикациям научных и научно-популярных изданий: социология и экономика, например, используют методики визуализации информации как общепринятый научный язык, оценивать с позиции художественной критики, анализировать их эстетические особенности нецелесообразно.

В публицистике образность становится методом, благодаря которому информация воспринимается системно и структурно:

¹ Тунгусский метеорит. – URL: <https://tunguska.tass.ru> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

«Типы образности (от художественной до коммерческой и от визуальной до вербальной) вплетены в саму ткань современного социума» [3]. Образность характеризует все элементы инфографики, где наглядность зрительных эффектов – это ресурс для восприятия информации, делающий процесс коммуникации более убедительным. Композиция как неотъемлемая базовая категория дизайна обеспечивает системность и логичность восприятия, отвечает за адекватность декодирования логической структуры. В то же время образность связана с пониманием (декодированием) визуальных культурных кодов, иконических культурных систем, так как отвечает за встраивание информации в культурно-исторический контекст.

Инфографика способна актуализировать принципы публицистической коммуникации, основанной на совпадении (в большей или меньшей степени) фоновых знаний (ценностных представлений, культурных, мировоззренческих установок) адресанта и адресата. В создании публицистического образа участвуют представленные в инфографике культурные знаки, символы, коды: архивные фотографии в тексте «Романовы. Конец света»¹; звёзды как способ оценки кинофильмов в публикации «71-й Каннский фестиваль»²; стилистика рекламных плакатов в инфографике «Москва в снегу»³; использование в дизайне текста «Платные дороги России»⁴ карт и дорожных знаков и т. д. Публицистический подход к инфографике предполагает обращение в первую очередь к *визуальным* культурным кодам, которые вписывают фактическую информацию в исторический и культурный контекст. И с этой точки зрения восприятие медиа-образа и авторской концепции во многом зависит от дизайнерских решений, которые отвечают за представление цифрового контента. В этом представлении участвуют дополнительные изображения, определяющие графическую стилистику, вызывающие аллюзии на различные культурные феномены.

¹ Романовы. Конец света. – URL: <https://romanovy.tass.ru> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

² 71-й Каннский фестиваль. – URL: https://cannes2018.tass.ru/?_ga=2.244933317.1169927364.1589012451-884158495.1588912607 (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

³ Москва в снегу. – URL: <https://ria.ru/20181220/1548263486.html> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

⁴ Платные дороги России. – URL: <https://ria.ru/20180623/1523253137.html> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

Грамотно оформленные инфографические публикации воспринимаются как законченный информационно-художественный месседж. К таким можно отнести: «Романовы. Конец света»⁵, «Красная. Советская. Наша: от рабоче-крестьянской армии до “солдата будущего”»⁶, «Останкинская башня: полвека величия»⁷ и др.

Иных подходов требует графическое осмысление научных данных в средствах массовой информации, где необходимо привлечь к ним внимание большой аудитории. Современные медиа стали площадкой для эксперимента, формотворчества, воплощения определенного (редакционного, корпоративного) стиля и т. д. Поэтому именно *высказывание дизайнера* в решении информационной задачи и должно называться *инфографикой* в наиболее точном смысле этого слова. Дизайнер выстраивает факты в систему, придавая им определенный угол зрения, ракурс, эмоциональное звучание, также в тексте репортажа публицист создаёт публицистический образ события.

Инфографика как эстетический месседж. Сегодня эстетика журналистики оказывается одной из самых обсуждаемых проблем, что, безусловно, связано с тенденцией визуализации, а инфографику можно рассматривать как результат и проявление этой тенденции. Инфографика имеет способность в определённых обстоятельствах проявлять себя как самостоятельный художественный месседж. Создатели медиа-текста стремятся превратить эстетический месседж в информационный, сделать эстетику инфографики информативной. Поэтому спорным представляется утверждение о том, что инфографика по своей сути – это намеренная лаконичность. Анализ публикаций показывает, что степень не интерпретированной фактической составляющей зависит от необходимости контекста. Факты, особенно цифры, лучше воспринимаются в контексте изображений, встраивающих информацию в определённую художественную образность, основанную на культурных аллюзиях и ассоциациях. Исключение составляют стандартизированные, самые простые виды инфографики, только иллюстри-

⁵ Романовы. Конец света. – URL: <https://romanovy.tass.ru> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

⁶ Красная. Советская. Наша. – URL: <http://redarmy.tass.ru> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

⁷ Останкинская башня: полвека величия. – URL: <http://ostankino50.tass.ru/> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

рующие текст: перед их авторами не стоит задача создать публицистический образ. А вот создание образа обязательно предполагает включение дизайнерских элементов в культурно-эстетический контекст, что невозможно без решения художественных задач. Иллюстративно-образные компоненты формируют особую художественную среду, усиливающую наглядность и образующую за счёт стилистических свойств культурный и исторический контекст, в который встраивается фактический материал. Достоверность, ясность, убедительность информации зависит от методов включения их в этот контекст, и с этой точки зрения трудно переоценить композиционно-структурные и колористические элементы. Дополнительные, не обязательные по отношению к цифрам, датам, именам, названиям, изображения делают информацию более «гуманистической», встраивая данные в личностное, интеллектуальное и эмоциональное, пространство адресанта и адресата. Дизайнерские решения способны объединять знаки культурного пространства, а эффективность сложного коммуникативного акта напрямую зависят от того, насколько точны художественно-образные элементы и дизайнерские решения, насколько гармоничен выбор приемов и средств. В противном случае дизайн превращается в «визуальный шум» или в декорацию.

Именно такое понимание цели инфографики как журналистского (публицистического) текста предлагает Ю. В. Соколова, выделив принципы, на которые опирается создатель инфографики: «системность, лаконичность, структурированность и логичность организации информации, обусловленная функцией, образность, эстетическая привлекательность» [15, с. 258]. Здесь важно указание на обязательную взаимообусловленность информационного и эстетического начал, неразрывную связь факта и образа, стандарта и экспрессии, то есть базовых принципов публицистики.

Можно смело утверждать, что от дизайнерского проектирования зависит успех медиапродукта. Причём дизайнерское проектирование как процесс напоминает работу журналиста – это сбор, анализ, интерпретация информации. Разница заключается в профессиональных задачах и условиях: для журналиста сбор информации – только первая, хотя и очень важная, задача; для дизайнера – основа профессиональной деятельности, заключающаяся в разработке визу-

альной модели для представления фактов. С этой точки зрения предпроектное дизайнерское исследование по своей сути приближается к журналистскому. От этого этапа зависит результат: продукт дизайнерского труда либо успешно функционирует, либо оказывается невостребованным – непонятым и неоцененным. Особенно актуально это для дизайнерских решений в представлении больших данных. Творческий процесс и дизайнера, и журналиста максимально сближаются в своей конечной цели – убедительно, эмоционально, наглядно представить информацию, то есть превратить её в публицистический образ.

Заключение. Инфографика представляет собой востребованный и эффективный медиаформат, который успешно реализует две важнейшие функции публицистики – информационную и воздействующую. Как и в любом публицистическом тексте, в создании интерпретированного автором образа участвуют фактический материал и образно-выразительные средства. Специфика публицистического образа в инфографике заключается в том, что доминирующую роль играют дизайнерские решения. При этом инфографика не может оцениваться по тем же эстетическим критериям, что произведение, например, станкового искусства: любое произведение дизайнера имеет отличные от искусства критерии оценки; ни одно произведение дизайнера не создаётся как самостоятельное станковое художественное произведение, так как имеет прикладную, практическую цель. Медiateкст как результат публицистического творчества не оценивается по критериям художественной литературы, однако наличие постоянно развивающихся жанровой классификации и законов *творчества* в каждом виде текста требуют особых критериев оценки произведения.

При характеристике инфографики исключается вопрос, что важнее: информация или форма её подачи. Репортаж, корреспонденция, очерк, интервью рассматриваются как с точки зрения прагматических задач – сообщение социально значимой информации, установление контакта с аудиторией, так и с точки зрения искусства слова – язык и стиль, сюжет и композиция, способы выражения позиции автора, образно-выразительные средства. При этом адресат осознаёт, что все формально-художественные компоненты, участвующие в создании публицистического образа, зависят от качества фактического материала. В инфографике,

представляющей собой результат профессионального творческого союза журналиста и дизайнера, ситуация усложняется: при абсолютном доминировании задачи – представить информацию, главным оказывается именно дизайн, превращающий большие данные в завершённый текст и в цельный образ.

Инфографику следует рассматривать как альтернативный монокодовому способ представления информации, а в условиях «визуального поворота» очень часто единственный, точнее, единственно эффективный способ коммуникации. Соответственно, инфографику уже вполне можно рассматривать как самостоятельный вид журналистского текста, эффективность воздействия которого должна оцениваться по законам визуального восприятия и с учётом художественных критериев дизайна. В данном аспекте инфографика – это не иллюстративно-декоративное дополнение вербальной и цифровой информации. Художественные элементы выполняют роль, аналогичную литературно-художественным приёмам в журналистском тексте, – создание публицистического образа.

Высказывание «Дизайн не играет здесь главной роли, хотя информация и факты очень удачно организованы»¹ представляется не убедительным, так как цель дизайна – организовать, упорядочить, сделать убедительными *визуальные ощущения*, превратить их в яркий, эстетически завершённый образ. Нельзя согласиться и с мнением Х. Эрреа: «Да-да, инфографы – это не дизайнеры, а журналисты, цель которых – не красивые публикации, а внятное и осмысленное изложение фактов. Они имеют дело не столько с графическим дизайном, сколько с содержанием самих новостей. При этом

главным критерием качества являются логический порядок и читабельность»². В высказываниях подобного рода обнаруживается непонимание сущности дизайна, неточное толкование этого слова: смешение понятий «дизайн» и «иллюстративность», «дизайн» и «декорирование». Упорядоченность композиции – это и есть *дизайн*, причём в его прямом, главном назначении.

Проведённое исследование позволяет выделить качества инфографики, объясняющие её популярность и незаменимость: это визуальное упорядочивание и семантическое концентрирование, создающие яркий, информационно насыщенный и эмоционально убедительный образ. А первым и базовым свойством дизайна в инфографике является *композиция*: визуализация информации базируется на фундаментальном художественном принципе, тщательно сконструированном авторами медиатекста. Другие средства и свойства художественного языка дизайна – графика шрифта, пластика форм, цвет – подчинены этому принципу и участвуют в создании образа, их функциональность обусловлена композиционным решением, которое рассматривается в художественной критике как основа и доминанта, как условие успешности визуального языка.

Таким образом, визуально оформленная композиция как инструмент дизайна обеспечивает логику, ясность, внятность изложения, эстетически обоснованного представления информации – анализа, интерпретации, оценки. Именно упорядоченность, ясность, эмоциональность изложения отвечают за завершённость и цельность публицистического образа, за эффективность инфографики, за достоверность, убедительность, наглядность фактического материала.

Список литературы

1. Выровцева Е. В. Визуальный поворот в создании образа // Визуальный поворот в массовых коммуникациях: монография / под ред. С. И. Симаковой. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. С. 66–111.
2. Выровцева Е. В. Интертекстуальность газетного текста как социокультурный феномен // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: сб. науч. тр. СПб.: С.-Петербур. горн. ун-т, 2017. С. 340–344.
3. Кондратенко О. А. Инфографика в школе и вузе: на пути к развитию визуального мышления // Научный диалог. 2013. № 9. С. 92–99.
4. Концевой М. Интерактивная журналистская инфографика: феномен, тенденции, инструментарий. Текст: электронный // Общественные науки: Массовая коммуникация. Журналистика. Средства

¹ Восемь принципов создания отличной инфографики. – URL: <https://infogra.ru/infographics/8-printsipov-sozdaniya-otlichnoj-infografiki> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

² Цит. по: Остриков С. В. Проектно-художественное моделирование инфографики: теоретические основы и принципы: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.06. – М., 2014. – URL: <http://www.dslib.net/tech-estetika/proektno-hudozhestvennoe-modelirovanie-infografiki-teoreticheskie-osnovy-i-principy.html> (дата обращения: 09.05.2020). – Текст: электронный.

массовой информации: элект. библ. БГУ. 2012. С. 298–307. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/19508> (дата обращения: 18.01.2020).

5. Крам Р. Инфографика. Визуальное представление данных / пер. с англ. О. Сивченко. СПб.: Питер, 2015. 382 с.

6. Кульчицкая Д. Ю. Использование анимации в российских деловых СМИ (кейс-стади анимационного контента на сайте vedomosti.ru) // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 1. С. 49–58.

7. Лайкова Я. В. Медиаинфографика как формат медиатекста в российских онлайн-СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2016. 211 с.

8. Лаптев В. В. Проектно-художественная эволюция русской инфографики (XIX–XX вв.): зарождение, становление, развитие: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.06. М., 2019. 369 с.

9. Никулова Г. А., Подобных А. В. Средства визуальной коммуникации – инфографика и метади-зайн // Образовательные технологии и общество. 2010. № 2. С. 369–387.

10. Остриков С. В. Проектно-художественное моделирование инфографики: теоретические основы и принципы: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.06. М., 2014. 233 с.

11. Попова Т. И., Колесова Д. В. Визуализация информации как тенденция развития современного текста. Текст: электронный // Медиалингвистика. 2015. № 4. С. 83–94. URL: <https://www.medialing.ru/vizualizaciya-informacii-kak-tendenciya-razvitiya-sovremennogo-teksta/> (дата обращения: 10.01.2020).

12. Сахаева С. И. Информационный дизайн: современное состояние и подготовка специалистов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 71–75.

13. Свитич А. Л. Некоторые аспекты изучения графической иллюстрации как элемента медиатекста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 4. С. 54–64.

14. Смикиклас М. Инфографика. Коммуникация и влияние при помощи изображений. СПб.: Питер, 2013. 152 с.

15. Соколова Ю. В. Инфографика как продукт графического дизайна: проблема определения понятия // Культурологические чтения – 2016: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 254–261.

16. Тыщевская А. Ю. Дизайн современной газеты и новые подходы к формированию её содержания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2. С. 130–138.

17. Cairo A. The functional art: An introduction to information graphics and visualization. Berkeley, 2013. 384 p.

18. Jacobson S. Transcoding the news: An investigation into multimedia journalism published on nytimes.com 2000–2008 // New Media & Society. 2012. August. P. 1–19.

19. Simakova S., Topchii I. Media space visualization as a trend of modern era // SGEM International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts: conference proceedings. SGEM 2018. Vol. 5. Sofia, 2018. P. 205–213. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/4.1.

20. Thussu D. K. News as Entertainment: The Rise of Global Infotainment. London: Sage Publications, 2009. 224 p.

21. Tufte Edward R. The visual display of Quantitative information. Connecticut, 2012. 200 p.

22. Zagidullina M. The Destiny of Language As A Medium to The History of Communication // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: IX International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. WUT 2018. Vol. 39. P. 136–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.20>.

Статья поступила в редакцию 13.05.2020; принята к публикации 24.06.2020

Сведения об авторах

Выровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26; e-mail: e.vyrovitseva@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5248-9459>.

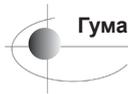
Индутная Татьяна Алексеевна, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; 191180, Россия, Санкт-Петербург, пер. Дзамбула, 13; e-mail: tat-in@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2567-0863>.

Симакова Светлана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, Братьев Кашириных, 129; e-mail: simakovi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5248-9459>.

Вклад авторов в статью

Е. В. Выровцева – основной автор, участвовала в разработке концепции и определении методики анализа, формировала теоретическую базу исследования, осуществляла общее руководство текстовым оформлением результатов исследования, редактированием рукописи.

Т. А. Индутная – представила профессиональный анализ дизайна инфографики, описание дизайнерских инструментов её оформления, участвовала в отборе качественных и удовлетворяющих целям и задачам исследования публикаций.

С. И. Симакова – участвовала в разработке концепции и определении методики анализа, обзор теоретической базы по теме, сформировала эмпирическую базу исследования, отвечала за систематизацию и итоговое оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Выровцева Е. В., Индутная Т. А., Симакова С. И. Дизайн как средство создания публицистического образа в инфографике // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 155–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-155-165.

References

1. Vyrovtsseva, E. V. Visual turn in image creation. In Simakova S. I. editor Visual turn in mass communications. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017: 66–111. (In Rus.)
2. Vyrovtsseva, E. V. Intertextuality of a newspaper text as a sociocultural phenomenon. Actual problems of humanitarian knowledge in a technical university. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gornyy universitet, 2017: 340–344. (In Rus.)
3. Kondratenko, O. A. Infographics at school and university: on the path to the development of visual thinking. Scientific dialogue, no. 9, pp. 92–99, 2013. (In Rus.)
4. Kontsevov, M. Interactive journalistic infographics: a phenomenon, trends, tools. BSU Electronic Library. SOCIAL SCIENCES: Mass communication. Journalism. Mass media, pp. 298–307, 2012. Web. 18.01.2020. <http://www.elib.bsu.by/handle/123456789/19508> (In Rus.)
5. Kram, R. Infographics. Visual presentation of data. SPb: Piter, 2015. (In Rus.)
6. Kul'chitskaya, D. Yu. The use of animation in Russian business media (case studies of animated content on the site vedomosti.ru). Journal of Theory and Practice of Journalism, no. 1, pp. 49–58, 2017. (In Rus.)
7. Laykova, Ya. V. Media infographics as a format for media text in Russian online media. Cand. fil. sci. diss. Moskva, 2016. (In Rus.)
8. Laptev, V. V. Design and artistic evolution of Russian infographics (XIX – XX centuries): nucleation, formation, development. Dr. art crit. sci. diss. M., 2019. (In Rus.)
9. Nikulova, G. A., Podobnykh, A. V. Means of visual communication – infographics and meta-design. Educational Technologies and Society, no. 2, pp. 369–387, 2010. (In Rus.)
10. Ostrikov, S. V. Design and art modeling of infographics: theoretical foundations and principles. Cand. art crit. sci. diss. M., 2014. (In Rus.)
11. Popova, T. I., Kolesova, D. V. Information Visualization as a Trend in the Development of a Modern Text. Medialinguistics, no. 4, pp. 83–94, 2015. Web. 10.01.2020. <https://www.medialing.ru/vizualizaciya-informacii-kak-tendenciya-razvitiya-sovremennogo-teksta/> (In Rus.)
12. Sakhaeva, S. I. Information design: current status and training of specialists. Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts, pp. 71–75, no.3, 2014. (In Rus.)
13. Svitich, A. L. Some aspects of the study of graphic illustration as an element of media text. Vestnik Mosk. un-that. Series 10. Journalism, no. 4, pp. 54–64, 2014. (In Rus.)
14. Smikiklas, M. Infographics. Communication and influence through images. S.-Pb.: Piter, 2013. (In Rus.)
15. Sokolova, Yu. V. Infographics as a product of graphic design: the problem of defining the concept. Culturological Readings – 2016. Proceedings of International Scientific and Practical Conferences. Yekaterinburg: UrFU, 2016: 254–261. (In Rus.)
16. Tyshetskaya, A. Yu. Design of a modern newspaper and new approaches to the formation of its content. Bulletin of Tomsk State University. Philology, no. 2, pp. 130–138, 2012. (In Rus.)
17. Cairo, A. The functional art: An introduction to information graphics and visualization. Berkeley, 2013. (In Engl.)
18. Jacobson, S. Transcoding the news: An investigation into multimedia journalism published on nytimes.com 2000–2008. New Media & Society, August, pp. 1–19, 2012. (In Engl.)
19. Simakova, S., Topchii, I. Media space visualization as a trend of modern era. SGEM International multi-disciplinary scientific conference on social sciences and arts: conference proceedings. SGEM 2018. Vol. 5. Sofia, 2018: 205–213. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/4.1. (In Engl.)
20. Thussu, D. K. News as Entertainment: The Rise of Global Infotainment. London: Sage Publications, 2009. (In Engl.)
21. Tufte, Edward R. The visual display of Quantitative information. Connecticut, 2012. (In Engl.)
22. Zagidullina, M. The Destiny of Language As A Medium To The History Of Communication. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, Volume XXXIX, WUT 2018 – IX International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”: 136–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.20>. (In Engl.)

Received: May 13, 2020; accepted for publication June 24, 2020

Information about author

Vyrovtsseva Ekaterina V., Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University; 26 1st line V. O., St. Petersburg, 199004, Russia; e-mail: e.vyrovtsseva@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5248-9459>.

Indutnaya Tatyana A., Associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; 13 Jambul lane, St. Petersburg, 191180, Russia; e-mail: tat-in@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2567-0863>.

Simakova Svetlana I., Candidate of Philology, Associate Professor, Chelyabinsk State University; 129 Brat'ev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russia; e-mail: simakovi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5248-9459>.

Contribution of the authors to the article

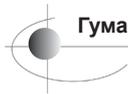
E. V. Vyrovtsseva – the main author, participated in the development of the concept and determination of the analysis methodology, formed the theoretical basis of the study, provided general guidance for the textual design of the research results, and for editing the manuscript.

T. A. Indutnaya – presented a professional analysis of the design of infographics, a description of the design tools for its design, participated in the selection of high-quality and satisfactory publications.

S. I. Simakova – participated in the development of the concept and determination of the analysis methodology, a review of the theoretical base on the topic, formed the empirical base of the study, was responsible for the systematization and final design of the article.

Reference to the article

Vyrovtsseva E. V., Indutnaya T. A., Simakova S. I. Design as a Means of Creating a Journalistic Image in Infographics // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 155–165. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-155-165.

УДК 070 (470.340)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-166-175

Ксения Владимировна Дементьева,*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва**(г. Саранск, Россия),**e-mail: dementievakv@gmail.com*

Медиакоммуникации региона в условиях распространения коронавируса: особенности медиаповестки и вовлечённости аудитории

В статье рассматривается, как стремительное распространение нового коронавируса COVID-19 вызвало преобразования в сфере медиа, в частности в региональной журналистике, на примере конкретного региона – Республики Мордовия. Цель исследования – изучить особенности изменения медиаповестки в условиях распространения коронавируса, специфику подачи информации в региональных СМИ, а также отклик аудитории разных типов изданий. В ходе исследования применялись общенаучные методы, такие как системный и структурно-функциональный, а также эмпирический. Методом сплошной выборки были проанализированы около 2 000 материалов, размещённых на нескольких информационных ресурсах – сообществах крупных региональных СМИ социальной сети «ВКонтакте». Был проведён качественный анализ содержания материалов на тему коронавируса с января до середины мая 2020 года. При этом анализировался коэффициент вовлечённости людей по выбранной публикации (ERpost). В работе автором был дополнен перечень групп, на которые можно разделить информацию в медиа о коронавирусе, проанализирована ситуация с фейками, выделено три категории источников по надёжности размещаемой в них информации: официальная информация органов власти, профильных министерств, должностных лиц; средства массовой информации; социальные сети и Telegram-каналы. Исследование материалов по теме коронавируса в региональных СМИ выявило следующие тенденции: количество материалов о коронавирусе и отклик на них аудитории росли с момента появления заболевания, но в мае наметилась общая тенденция спада (это доказывает, что при всей социальной значимости темы удерживать внимание аудитории долгое время на одном уровне невозможно); вовлечённость аудитории неизменно выше у материалов, затрагивающих региональную тематику; аудиторные интересы проигрывают общественным потребностям, поэтому официальные сводки просматриваются больше, чем сообщения о знаменитостях, а главной медиаперсоной стал министр здравоохранения республики О. Маркин; несмотря на запреты и отрицательное отношение к кликбейту, его продолжают использовать, в том числе и в материалах на тему коронавируса; «язык вражды» практически не используется региональными изданиями.

Ключевые слова: СМИ, коронавирус, COVID-19, медиаповестка, вовлечённость аудитории, Республика Мордовия

Kseniya V. Dementieva,*Ogarev Mordovia State University**(Saransk, Russia),**e-mail: dementievakv@gmail.com*

Media Communications of the Region in the Context of the Spread of Coronavirus: Features of the Media Agenda and Audience Involvement

The article considers how the rapid spread of the new coronavirus COVID-19 caused transformations in the field of media, in particular in regional journalism, using the example of a specific region – the Republic of Mordovia. The purpose of the study is to study the features of changing the media agenda in the context of the spread of coronavirus, the specifics of the information in the regional media, and also the response of the audience of various types of publications. During the study, general scientific methods were used, such as systemic and structural-functional, as well as empirical ones. The continuous sampling method analyzed about 2,000 materials posted on several information resources – communities of large regional mass media of the VKontakte social network. A qualitative analysis of the content of materials on the coronavirus from January to mid-May 2020 was carried out. At the same time, the coefficient of people's involvement in the selected publication (ERpost) was analyzed. In the work, the author supplemented the list of groups into which media information about coronavirus can be divided, the situation with fakes was analyzed, three categories of sources were identified for the reliability of the information posted in them: official information of government bodies, relevant ministries, officials; mass media; social networks and Telegram channels. A study of materials on the topic of coronavirus in regional media revealed the following trends: the number of materials on coronavirus and the audience's response to them have grown since the onset of the disease, but in May there was a general downward trend (this proves that for all the social significance of the topic, it is impossible to keep the audience's attention at the same level for a long time); the involvement of the audience is consistently higher for materials affecting regional subjects; auditoria interests

© Дементьева К. В., 2020

lose out to public needs, therefore, official reports are viewed more than celebrity messages, and O. Markin, the Minister of Health of the Republic, became the main media person; despite the prohibitions and the negative attitude towards clickbait, it continues to be used, including in materials on the theme of coronavirus; “hate speech” is practically not used by regional publications.

Keywords: media, coronavirus, COVID-19, media agenda, audience engagement, Republic of Mordovia

Введение. Стремительное распространение нового коронавируса COVID-19 вызвало преобразование во всех сферах общества, повлияло на ритм жизни, работы, досуга и, конечно, затронуло сферу медиа – производство и потребление информации во всём мире.

Любая ситуация, которая воспринимается людьми как опасность для жизни и здоровья их и близких им людей, для их благополучия может повлиять на финансовое положение, потерю работы и так далее, всегда воспринимается обществом особенно остро. Данный тип новостей отдельно затрагивает такой принцип привлечения внимания аудитории как приоритетность, причём он может быть как подлинный (включать действительно значимую информацию), так и ложный, когда что-то не очень важное подаётся сенсационно и обеспечивает просмотры и «клики» аудитории.

Следовательно, вполне ожидаемо было массовое распространение информации в обществе, связанной с коронавирусом.

Средняя упоминаемость коронавируса в российских СМИ в конце марта «превышала 114 000 раз в сутки. <...> Если в первую неделю января о новом заболевании вышло всего 104 заметки, то за последние семь дней значение увеличилось до 482 562»¹. Для сравнения – рекордная упоминаемость Чемпионата мира по футболу составляла 29 324 за сутки.

Социальные сети также много писали о коронавирусе: всего с 15 января по 11 марта 2020 года было зафиксировано 13,3 млн упоминаний², а к концу марта (16.03.2020–22.03.2020) достигло 7 млн упоминаний в неделю³.

Больше всего новый вирус обсуждается в Facebook и ВКонтакте, но самыми

вовлечёнными постами стали публикации в *Instagram* и *Telegram*. Наибольшую вовлечённость (суммарное количество лайков, комментариев и репостов при наличии на площадке) набрало «видео Елены Сажиной, в котором она говорит о том, что от других болезней гибнет больше людей, и призывает всех внимательнее относиться к своему здоровью, составила 565,5 тыс.»⁴.

Рост количества информации вызвало и появление большого количества научных исследований по теме. Например, на сайте научно-исследовательской организации *Research Square* было размещено исследование (препринт) на тему «Измерение внимания соцсетей к научным исследованиям по новой болезни коронавируса 2019 (COVID-19): исследование данных метрик на платформе Dimensions» (пер. автора) [19]. В журнале *“Electronic Journal of General Medicine”* опубликована статья «Средства массовой информации и их информативная роль перед лицом коронавируса (COVID-19): проверка восприятия страха и масштабы проблемы (MED–COVID-19)» (пер. автора) [20]. На платформе *ELibrary* запрос «коронавирус» выдаёт 308 статьи за 2020 год (по состоянию на 15.05.2020). Большая часть исследований вполне ожидаемо посвящена медицине [9; 12] и экономике [4; 13; 15], однако появляются и медиаисследования. Например, статьи У. В. Старостиной [18], В. И. Карасика [8], Е. А. Семеновской [16; 17], Н. А. Барановой [1].

Методология и методы исследования. В ходе исследования применялись общенаучные методы, такие как системный и структурно-функциональный, а также эмпирические. Методом сплошной выборки были проанализированы около 2 000 материалов, размещённых на нескольких информационных ресурсах – сообществах крупных региональных СМИ социальной сети «ВКонтакте» – по-прежнему самой популярной в России после видеохостинга *YouTube*⁵. При

¹ Каждая третья новость в российских СМИ рассказывает о коронавирусе. – Текст: электронный // Интерфакс. – 2020. – 20 марта. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/700150> (дата обращения: 15.05.2020).

² Как коронавирус «заразил» СМИ и соцсети. – Текст: электронный // Медиалогия. – 2020. – 13 марта. – URL: <https://vc.ru/medialogia/112295-kak-koronavirus-zarazil-smi-i-socseti> (дата обращения: 15.05.2020).

³ «Медиалогия» назвала число упоминаний коронавируса в соцсетях. – Текст: электронный // RT. – 2020. – 24 апр. – URL: <https://russian.rt.com/russia/news/740208-chislo-upominanii-koronavirus-socseti> (дата обращения: 15.05.2020).

⁴ Как коронавирус «заразил» СМИ и соцсети. – Текст: электронный // Медиалогия. – 2020. – 13 марта. – URL: <https://vc.ru/medialogia/112295-kak-koronavirus-zarazil-smi-i-socseti> (дата обращения: 15.05.2020).

⁵ Аудитория социальных сетей в России 2019. – Текст: электронный // Popsters. – 2019. – 18 июня. – URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (дата обращения: 15.05.2020).

этом мы выбрали паблики тех СМИ, которые официально зарегистрированы в федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и имеют высокие рейтинги (данные *LiveInternet*) и большое число подписчиков: газета «Столица С» (111 843 подписчиков), газета «Известия Мордовии» (23 773 подписчиков), «ТелеСеть Мордовии (10-й канал)» (23 795 подписчиков), «Мордов Медиа» (18 131 подписчиков).

Был проведён качественный анализ содержания материалов на тему коронавируса с января до середины мая 2020 года. При этом анализировался коэффициент вовлечённости людей по выбранной публикации (*ERpost*). Его формула имеет такой вид: $ER = (\text{лайки} + \text{комментарии}) / \text{подписчики} \times 100 \%$.

Результаты исследования и их суждение. В. И. Карасик разбивает информацию в медиа о коронавирусе на следующие группы сведений: «1) определение заболевания, его история и характеристики; 2) деятельность властей по борьбе с эпидемией; 3) прогнозы специалистов по развитию заболевания; 4) комментарии пользователей интернета об этом вирусе» [8, с. 26]. На наш взгляд, сюда можно добавить следующие группы:

– динамика изменения ситуации: количество заболевших, умерших и выздоровевших, данные о загруженности больниц и врачей, о наличии или отсутствии аппаратов искусственной вентиляции лёгких и т. д. Все эти данные с распространением пандемии и борьбе с фейками и слухами стало необходимым размещать регулярно, постоянно давать обществу отчёт о всех изменениях;

– сообщения о заболевании известных людей. Кроме самого факта подозрения на инфекцию или подтверждения её наличия, в таких материалах могут содержаться комментарии самих медиаперсон об их самочувствии или заявления их представителей, врачей, близких. Не оставляют без внимания данную информацию и региональные СМИ, сообщая о болезни как зарубежных (принц Чарльз, Б. Джонсон), так и российских знаменитостей (М. Мишустин, Д. Песков, Т. Навка);

– социальные изменения, связанные с коронавирусом: удалённый режим учёбы и работы, социальные контакты, психологическое самочувствие людей, проведение Дня Победы, перенос сроков ЕГЭ, онлайн-экскурсии в крупнейшие музеи и т. д.;

– публикации, не связанные с темой коронавируса, но привлекающие внимание аудитории за счёт его упоминания (кликбейт-заголовки, хештеги). Например, «98-летняя старушка не дожила до коронавируса из-за убийства с поджогом!» («Столица С», 29.04.2020), «Убивший гостя житель Саранска увидит свободу, когда про коронавирус все давно забудут!» («Столица С», 04.05.2020).

По надёжности источники информации можно разделить на три категории:

1. Официальная информация органов власти, профильных министерств, должностных лиц.

2. Средства массовой информации.

3. Социальные сети и Telegram-каналы.

При этом в последних однозначно больше непроверенных данных, фейков и слухов, однако, иногда именно в них впервые появляется информация, которую впоследствии подтверждают и оглашают власти и традиционные СМИ. Так, например, городской паблик «Саранск | Доска Позора» периодически поднимает острые темы, требуя отчёта у властей. Сообщество имеет большую аудиторию и её высокую вовлечённость, поэтому чаще всего через традиционные СМИ представители власти предоставляют запрашиваемую информацию, объясняют ту или иную ситуацию.

Эксперты¹ сходятся во мнении, что при возникшем недоверии общества к власти возникает склонность делиться друг с другом непроверенной информацией, на людей действует «презумпция опасности»². Таким образом распространяются фейки.

В 2020 году российское законодательство пополнилось так называемым «законом о фейках» (УК РФ Статья 207.1. «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан», введена 01.04.2020), а Роскомнадзор получил право сразу выносить предупреждение, а статью блокировать. Уже 13 апреля «Коммерсантъ» пишет о том, что уголовные дела возбуждены в десяти регионах³. Тем не менее это не останавливает вирусное распространение фейковой информа-

¹ «Что в голову залетело, то и сказала». – Текст: электронный // Холод. – 2020. – 8 апр. – URL: <https://holod.media/fake-stories> (дата обращения: 15.05.2020).

² Там же.

³ СКР возбудил уголовные дела ещё в четырёх регионах из-за фейков о коронавирусе. – Текст: электронный // Коммерсантъ. – 2020. – 13 апр. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4321318> (дата обращения: 15.05.2020).

ции, которая уже попала в массы. В апреле Facebook обнаружил 50 млн фейков о коронавирусе¹. Это чаще всего рассказ «своего человека» («Я не верю медицине как институту, но верю знакомой медсестре»²), которые «Энциклопедия коронавирусных слухов и фейков»³ делит на несколько типов: 1) псевдомедицинские советы; 2) народные или религиозные рецепты; 3) алармистские предупреждения о том, что случится в ближайшем будущем или уже где-либо происходит; 4) панические «свидетельства» о происходящем от первого лица; 5) фабрики, то есть подделки официальных документов; 6) рассказы об этиологии вируса⁴.

Органы власти и медиа пытаются оперативно опровергать информацию. Кроме постоянного контроля ситуации через традиционные СМИ, создаются и отдельные ресурсы в новых медиа, например, такой Telegram-канал как «Фейки о коронавирусе» – создан 8 апреля, за месяц набрал 400 подписчиков и опубликовал более 65 записей.

Однако это не всегда нейтрализует эффект: во-первых, заблокировать все каналы мгновенно распространяемой «новости» крайне сложно, во-вторых, действует «эффект первичности коммуникационного воздействия» [7, с. 331], когда отказаться от того, во что уже поверил, достаточно сложно. Также «возникает проблема недоверия массовой аудитории к средствам массовой информации» [17, с. 64].

Ещё одним заметным явлением, которое в перспективе даст богатый материал для исследований лингвистов, является образование новых слов, связанных с коронавирусом. Так, встречается много обсуждений о том, что само слово коронавирус образовано не по правилам русского языка, где собственное сложение производится при помощи гласных *o* и *e*. СМИ не остаются в стороне и тут: в подкасте «Медузы» объясняются правила написания⁵. Поэтому и

¹ Facebook обнаружил 50 миллионов фейков о коронавирусе. – Текст: электронный // Коммерсантъ. – 2020. – 13 мая. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4342777> (дата обращения: 15.05.2020).

² «Что в голову залетело, то и сказала». – Текст: электронный // Холод. – 2020. – 8 апр. – URL: <https://holod.media/fake-stories> (дата обращения: 15.05.2020).

³ Энциклопедия коронавирусных слухов и фейков / под ред. А. Архиповой, Н. Петрова. – URL: https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors?utm_source=lentach&utm_medium=social&utm_campaign=5g (дата обращения: 15.05.2020). – Текст: электронный.

⁴ Там же.

⁵ Инфодемия, коронарка, санитайзер и самоизоляция: как коронавирус меняет русский язык? – Текст:

неологизмы образуются с помощью гласной *a*: *коронадиссидент*, *коронапроявления*, *коронаскептик*, *коронафейк*, *коронапаника*. На портале «Лента.Ру» был опубликован дневник врача, в котором он называет вирус «*коронападлой*»⁶.

Встречаются однако и новые слова, образованные с помощью гласной *o*: *коронифитнес* (реклама в Пятигорске), *макороновирис* (мем в паблике «Подслушано САРАНСК» «Бойся макароновириса», 21.04.2020).

Изменения в обществе, вызванные пандемией, инициировали появление и других неологизмов: *ковидиот* (ковид+идиот), *карантини* (карантин+мартини), *карантикулы* (карантин+каникулы), *карантье* (карантин+рантье – обладатели домашних собак), *ковидарность* (ковид+солидарность), *корониал* (коронавирус+миллениал), *зумиться* (от названия программы “Zoom”), *инфодемия* (информация+эпидемия), *карантинки* (карантин+картинки), *маскобесие* (маска+мракобесие) и др. Причём некоторые можно определить как заимствованные, так как они пришли к нам из других языков, например, *ковидиот* (covidiot). Пока новые слова распространяются в интернете в виде словарей, отдельных постов и мемов, однако уже начинают употребляться в СМИ («От Собчак и Богомолова ждут рождения „корониала”», НТВ, 04.04.2020) и даже в научных статьях («Удалёнка сближает операционку: как коронавирус повлиял на управление собственным парком лесовозов в России» [3], «Влияние „коронакризиса” на развитие глобальных и региональных социально-экономических процессов» [10]).

При этом также звучат призывы отказаться от употребления слова «коронавирус». Агентство *Mitto* провело опрос 7 000 человек из семи стран, который показал, что «аудитория брендов начала уставать от упоминаний COVID-19 в рекламе» (41 %) ⁷. СМИ сообщали о введении в Туркмении запрета

электронный // Meduza. – 2020. – 23 марта. – URL: <https://meduza.io/episodes/2020/03/23/infodemiya-koronarka-sanitayzer-i-samoizolyatsiya-kak-koronavirus-menyayet-russkiy-yazyk> (дата обращения: 15.05.2020).

⁶ «Не один месяц придётся крышу на место ставить». – Текст: электронный // Лента.Ру. – 2020. – 20 апр. – URL: https://lenta.ru/articles/2020/04/20/covid_chronicles/ (дата обращения: 15.05.2020).

⁷ Потребители устают от упоминаний коронавируса в рекламе – исследование Mitto. – Текст: электронный // AdIndex.ru. – 2020. – 8 мая. – URL: <https://adindex.ru/news/researches/2020/05/8/281782.phtml> (дата обращения: 15.05.2020).

на слово «коронавирус»¹. На сайте «Эхо Москвы» в разделе «Блоги» Р. Гарифуллин призывает отказаться от употребления слова, утверждая, что тогда «всё в мире пойдёт на спад»². Последнее утверждение достаточно спорно, но при этом однозначно то, что различные названия могут иметь разное влияние на общество. Так, словосочетания «китайский вирус», «уханьский вирус» содержат имплицитный язык вражды и провоцируют на настороженное и даже агрессивное отношение по отношению к людям с азиатской внешностью. А слово «вирус-убийца» при слишком частом упоминании в СМИ может вызвать панику среди населения и повысить тревожность.

Проследим как освещается тема коронавируса в региональных медиа на примере Республики Мордовия, а также, какие изменения произошли в работе журналистов.

Итак, российские СМИ впервые стали упоминать коронавирус в декабре, называя его «неизвестной инфекцией» или «новой формой пневмонии». Отмечается, что «коронавирус начал врваться в медийное пространство 20 января». В региональных СМИ первые упоминания появились также в 20-х числах января. Раньше всех вышла публикация на портале «МордовМедиа» 22 января под названием «Жителям Мордовии рекомендуют воздержаться от поездок в Ухань» (ERpost – 6 %). Следом с небольшим разрывом публикуют первые новости о коронавирусе и другие ресурсы: «Известия Мордовии» – 24 января – «По планете стремительно распространяется новый смертельный вирус» (ERpost – 5 %); «Столица С» 26 января, – «Первые признаки коронавируса: диарея, тошнота, головные боли» (ERpost – 14 %); «ТелеСеть Мордовии (10 канал)» 28 января, репост трансляции радиостанции «Старт-FM» – «Всё, что нужно знать об эпидемии коронавируса в Китае!» (ERpost – 11 %).

Анализ пабликов по поисковому запросу «коронавирус» показал результаты, представленные на рисунке. Они следующие:

1. Газета «Столица С». На сайте издания появилась специальная рубрика «Коронавирус», в которую однако попадают не все материалы, где есть упоминания

¹ СМИ: в Туркмении введён запрет на слово «коронавирус». – Текст: электронный // БФМ.РУ. – 2020. – 31 марта. – URL: <https://www.bfm.ru/news/440240> (дата обращения: 15.05.2020).

² Гарифуллин Р. Давайте перестанём употреблять слово «коронавирус!» – Текст: электронный // Эхо Москвы. – 2020. – 16 марта. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/garifullin/2606960-echo/> (дата обращения: 15.05.2020).

заболевания. В сообществе «ВКонтакте» в январе было 12 публикаций, с максимальным коэффициентом вовлечённости 18 %. При этом проводился опрос на тему «Вам страшно?», в котором проголосовали 959 человек. Большая часть голосов отвечала «нет» (40,67 %), чуть меньше ответили «да» (39,52 %), остальные – не определились. Однако если смотреть распределение ответов среди мужчин и женщин, то мужчины чаще отвечали отрицательно, а женщины дали большее количество положительных ответов.

В феврале было уже 40 материалов, наибольшую вовлечённость при этом вызвали темы, связанные с регионом. Материал с громким и тревожным заголовком «Новость дня: смертельный коронавирус уже в Саранске?!» (04.02.2020) вовлёк 24 % аудитории. Однако заболевших на тот момент в регионе ещё не было, следовательно, можно говорить об использовании кликбейт-заголовка.

Март дал значительный прирост – 150 медиатекстов. К концу месяца в Мордовии появляются первые больные коронавирусом. Материал о них – «Оба больных коронавирусом чувствуют себя хорошо, у них даже повышенной температуры нет!» (27.03.2020) – набрал наибольший процент отклика аудитории – 27 %. Примерно на том же уровне читалась новость о госпитализировали мэра Ковылкина с подозрением на инфекцию. При этом новости, вызвавшие большой интерес в мире, например, заболевание принца Чарльза в Британии, не имели большого успеха у региональной аудитории (11 %).

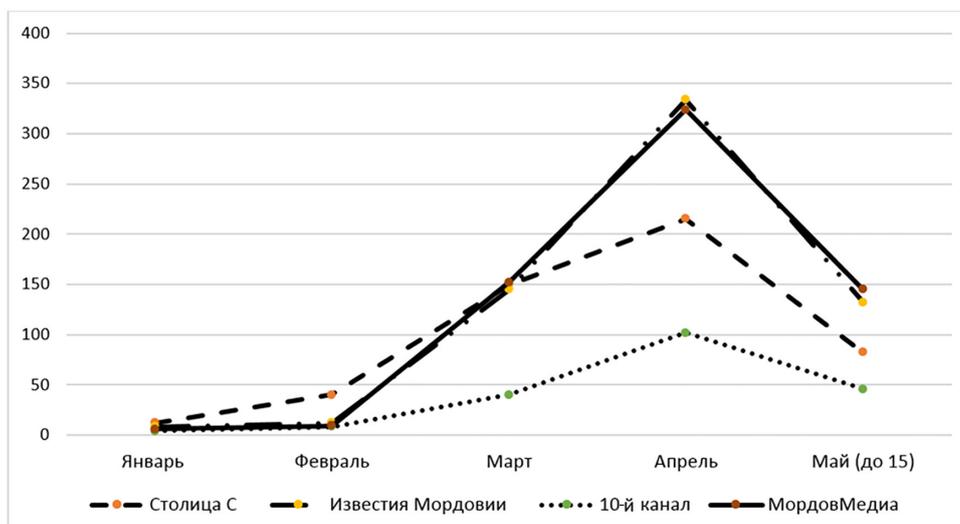
В апреле прирост продолжается – 215 материалов. Наибольший ERpost (44 %) набрала сводка с пресс-конференции оперативного штаба «Что в Мордовии с коронавирусом?» (01.04.2020). А в начале мая наметилась тенденция к снижению количества материалов – за 15 дней месяца опубликованы 82 текста. Снижается и отклик аудитории большинства материалов, однако тема смерти двух врачей («В Мордовии от коронавируса умерли два медработника. Женщины заболели, спасая чужие жизни...», 09.05.2020) вызвала высокий процент вовлечённости аудитории – 28 %.

2. Газета «Известия Мордовии». В январе было опубликовано восемь материалов по теме. Среди них также опрос, проведённый на несколько дней позже, чем в предыдущем издании. Количество ответов расширено до восьми и включает формули-

ровки в разговорном стиле и на мордовском языке, при этом из 125 человек большая часть (19 %) выбрали вариант «Да, давайте закроем все границы». Максимальный

ERpost – 19 % («Чтобы не подцепить заболевание, вызванное новым коронавирусом, необходимо соблюдать меры предосторожности», 27.01.2020).

Количество публикаций «ВКонтакте» по поисковому запросу «коронавирус»
The number of VKontakte publications for the search query "coronavirus"

В феврале – 12 публикаций, видимо издание пыталось не затрагивать тему, тем самым не поднимая панику среди населения. Из самых замеченных аудиторией публикаций – пресс-конференция по коронавирусу (18.03.2020), ERpost – 23 %. Март дал прирост до 145 материалов, а в апреле произошёл резкий скачок – 334 медиатекста, связанный, очевидно, в том числе с необходимостью регулярного разъяснения ситуации по различным вопросам. Наибольший отклик аудитории по-прежнему вызывают материалы, затрагивающие проблемы региона – анализы на коронавирус в республике, о заболевшем студенте, который заразил общежитие, о других новых случаях заболеваний, о правилах ношения масок в общественных местах и т. д. Среди лидеров – пресс-конференция по коронавирусу (01.04.2020), ERpost – 37 %; «Основные тезисы по обращению Главы республики к жителям Мордовии в связи с новыми мерами противодействия пандемии коронавируса» (21.04.2020), ERpost – 42 %.

В первой половине мая также заметна тенденция к снижению упоминания темы в СМИ – 132 публикации за 15 дней. Вовлечённость снижается, максимальное значение – 22 %.

3. «ТелеСеть Мордовии» (10-й канал). Здесь довольно незначительное количество материалов: январь – 4, февраль – 8,

март – 40. При этом коэффициент вовлечённости людей выше чем в предыдущих группах: «В инфекционную больницу Саранска доставлен мужчина с подозрением на коронавирус» (05.02.2020) – 50 %; «Коронавирус в стране» (16.03.2020) – 92 %. В последнем видеосюжете рассказывается о мерах, принимаемых в России и в Москве, о запретах, введённых в Саранске, а также о первом заболевшем в соседней Пензе. То есть материал представляет собой обзор ситуации, просмотрев который, можно получить все необходимые и актуальные данные. В апреле так же, как и в других изданиях, отмечается скачок количества материалов – 102 сюжета с максимальной вовлечённостью в 69 % («Один из умерших от коронавируса жил в Ардатском районе Мордовии?», 14.04.2020). В первой половине мая – 46 видеосюжетов. Вовлечённость так же сильно снизилась (максимальный ERpost – 38 %).

4. «МордовМедиа». Если посмотреть на график рисунка, то можно заметить, что ломаная «МордовМедиа» почти полностью повторяет ломаную газеты «Известия Мордовии». Таким образом, распределение публикаций по месяцам следующее: январь – 6, февраль – 9, март – 152, апрель – 324, май (до 15) – 145. Значение коэффициента вовлечённости примерно то же. Так, в феврале наибольший интерес (20 %) вызвал материал «В Саранске с подозрением на

коронавирус госпитализирован мужчина», в марте – «Минпросвещения рекомендовало перевести школьников на дистанционное обучение» (31 %, в апреле – «В Мордовии выявлено сразу семь новых случаев коронавируса» (44 %), в мае – «Дату окончания пандемии коронавируса в России сдвинули до 24 августа» (37 %).

Председатель Ульяновского отделения Союза журналистов России О. Р. Самарцев в интервью *73online.ru* говорит о том, что «для журналистики коронавирус даёт очень быстрый, а самое главное – неизбежный шанс снова занять своё место медийного лидера»¹. Наметившаяся тенденция снижения интереса к официальным новостям, публикуемым в традиционных СМИ и на сайтах органов власти, сегодня изменилась. Если раньше потребитель ориентировался на то, что ему нравится, то сегодня отказаться от потребления общественно значимой информации он не может. «Если у нас с вами вулкан начал извергаться неподалёку от дома, то, наверное, тема вулкана, нашей к нему близости и всего остального будет для нас первичной»². Ежедневно новости о коронавирусе, сводки заболевших, выздоровевших и умерших, информация о введённых или снятых ограничениях становятся тем информационным минимумом, тем «вулканом», о котором стремится узнать большая часть общества в условиях дефицита времени, часто меняя эти новости на те, которые потребляли раньше в силу своих аудиторных интересов. Таким образом, именно информационные потребности становятся сегодня важнее интересов, навязывают обществу повестку дня.

Что касается употребления лексики вражды и слов, которые могут повысить тревожность или вызвать панику в обществе, то ситуация в региональных СМИ следующая. В газете «Столица С» выявлена только одна публикация, где употребляется словосочетание «китайский вирус», датированная 24 января, то есть ещё до того, как название «коронавирус» прочно укрепилось в лексиконе россиян. Выражение «смертельное заболевание» также встречается один раз. В газете «Известия Мордовии» мы обнаружили одно упоминание «китайский вирус» и одно упоминание «смертельный вирус». В

других проанализированных СМИ подобных слов и выражений нет.

В одном из наших предыдущих исследований мы уже писали о стабильно положительной обстановке в региональных СМИ по формированию этнических медиамемов, о почти полном отсутствии языка вражды и даже осуждению в медиатекстах разжигания межнациональной розни [5, с. 268, 269]. Таким образом, можно говорить о взвешенной и продуманной позиции редакций СМИ и отдельных журналистов к употреблению лексики.

Однако кликбейт-заголовки всё же встречаются. «Кликбейт – это заголовок, который провоцирует читателей нажать на него» [11, с. 44]. «Как правило, кликбейт-заголовки обращаются к таким свойствам когнитивно-эмоциональной сферы человека, как любопытство, возмущение или недоумение. Такой заголовок содержит в себе высокую степень потребности в реакции читателя, в особой коммуникации с ним» [14, с. 158].

К кликбейт-заголовкам можно отнести следующие: «Новость дня: смертельный коронавирус уже в Саранске?!» (04.02.2020), «Первыми заболевшими коронавирусом в Мордовии стали представители элиты?!» (29.03.2020), «Одна их “элитных” семей Мордовии спряталась от коронавируса на берегу Инерки?!» (Столица С, 31.03.2020), «Названы районы Мордовии с новыми заболевшими коронавирусом» (МордовМедиа, 20.04.2020), «В Роспотребнадзоре рассказали, распространяется ли коронавирус в воде» (Известия Мордовии, 11.05.2020), «Можно ли заразиться коронавирусом от мёртвого человека» (08.05.2020), «Коронавирус в Мордовии?» (ТелеСеть Мордовии (10-й канал), 11.03.2020).

В. В. Бегун в статье «Пошлость и „наивный цинизм“ как деструктивные качества журналистского текста» говорит о подобных признаках текста, а также о технологиях его создания – это «избыточная выразительность, избыточная детализация, <...> неуместная языковая игра, неуместный юмор; ложный пафос, профанирование ценностей» [2, с. 190]. Так, например, статья с заголовком «98-летняя старушка не дожидаясь до коронавируса из-за убийства с поджогом!» (29.04.2020) относится к подобным текстам и сопровождается возмущёнными комментариями подписчиков сообщества газеты «Столица С». Также заголовок содержит кликбейт.

В связи со сложностями работы во время пандемии появилось много различных

¹ Олег Самарцев – о шоковом эффекте эпидемии на журналистику. – Текст: электронный // *73online.ru*. – 2020. – 11 мая. – URL: https://73online.ru/tr/oleg_samarcev_-_o_shokovom_effekte_epidemii_na_zhurnalistiku-77641 (дата обращения: 15.05.2020).

² Там же.

советов и рекомендаций для журналистов, пишущих о коронавирусе¹. При этом заболевание настолько глобально изменило жизнь людей, что дистанцироваться не удастся ни одному медиароботнику.

В связи с частым распространением фейковой информации особенно актуальным стал качественный фактчекинг. Отдельно для зарубежных и российских журналистов есть памятки по безопасной работе во время пандемии, так как выезды на журналистские задания продолжают. Таким образом, получается баланс между личной и информационной гигиеной, который необходимо соблюдать.

Заключение. Проведённый анализ позволил выявить некоторые происходящие в журналистике трансформации, такие как более ответственное отношение к источникам информации и активное внедрение в медиасферу неологизмов.

Исследование материалов по теме коронавируса в региональных СМИ выявило такие тенденции, как: с мая 2020 года наметилась общая тенденция спада количества материалов о коронавирусе; уровень вовлечённости аудитории неизменно выше у материалов, затрагивающих региональную тематику; аудиторные интересы проигрывают общественным потребностям; продолжается использование кликбейта, в том числе и в материалах на тему коронавируса; «язык вражды» практически не наблюдается в региональных изданиях.

Таким образом, уже за четыре месяца активного присутствия темы коронавируса в медиаповестке произошли изменения медиакоммуникаций. В дальнейшем, несомненно, также будут происходить трансформации, зависящие от будущих социальных изменений, в связи с чем продолжение исследований данных вопросов актуально.

Список литературы

1. Баранова Н. А. Дискурсивный анализ ситуации попытки (на материале немецких онлайн-СМИ) // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 127–133.
2. Бегун В. В. Пошлость и «наивный цинизм» как деструктивные качества журналистского текста // Этика речевого поведения российского журналиста: монография. СПб.: Астерион, 2009. 268 с.
3. Богданов А. Удалёнка сближает операционку: как коронавирус повлиял на управление собственным парком лесовозов в России // Логистика. 2020. № 3. С. 8.
4. Булдакова А. А. Влияние коронавируса на экономику России // Вестник научных конференций. 2020. № 2/2. С. 32–34.
5. Дементьева К. В. Медиамем и его роль в формировании полиэтничного общества // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 257–279.
6. Дементьева К. В. Проблема терроризма: освещение в СМИ, противодействие в информационной среде (на примере медиатекстов за 2017 год) // Труды Института бизнес-коммуникаций. СПб.: Ин-т бизнес-ком., 2017. С. 28–32.
7. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Из-во АПК и ППРО, 2013. 479 с.
8. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2. С. 25–34.
9. Куатова Г. А., Жанабаев Д. Ж. Физическая активность как защита от коронавируса // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 2/4. С. 88–91.
10. Мусаева Г. Влияние «коронакризиса» на развитие глобальных и региональных социально-экономических процессов // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXXV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Аэтерна, 2020. С. 32–34.
11. Николаева А. В. Кликбейт в СМИ // Русская речь. 2018. № 3. С. 43–47.
12. Пашенков М. В., Хаитов М. Р. Иммунный ответ против эпидемических коронавирусов // Иммунология. 2020. Т. 41, № 1. С. 5–19.
13. Савинов Ю. А., Кириллов В. Н., Тарановская Е. В. Срочно в номер: влияние китайского коронавируса на мировую экономику и торговлю // Международная экономика. 2020. № 2. С. 63–71.
14. Самарцев О. Р., Латенкова В. М., Фокина Д. С. Типологические признаки кликбейта в заголовочном блоке современных массмедиа // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2020. № 1. С. 155–163.
15. Секлецова Е. М. Влияние коронавируса на мировую экономику // Вестник научных конференций. 2020. № 3/1. С. 97–101.

¹ Miraj A. C. Советы журналистам, освещающим COVID-19. – Текст: электронный // Global Investigative Journalism Network. – 2020. – 18 March. – URL: <https://gijn.org/2020/03/18/sovety-zhurnalistam-osveshchayushchim-covid-19/> (дата обращения: 15.05.2020).

16. Семенова Е. А. Новые городские медиа и их влияние на общественные и семейные ценности (на примере работы Тамбовских СМИ в период пандемии COVID-19) // Вестник современных исследований. 2020. № 1/1. С. 87–91.
17. Семенова Е. А. Фейковые новости на городском медиаполе в период пандемии коронавируса COVID-19 (на примере Тамбовских СМИ) // Научно-практические исследования. 2020. № 5/3. С. 62–65.
18. Старостина У. В. Анализ эпидемиологической обстановки по пандемии COVID-19 (по материалам приморских СМИ) // Меридиан. 2020. № 11. С. 24–26.
19. Batooli Z., Sayyah M. Measuring social media attention of scientific research on Novel Coronavirus Disease 2019 (COVID-19): An investigation on article-level metrics data of Dimensions // Research Square. 2020. Web. 15.05.2020. URL: <https://www.researchsquare.com/article/rs-21980/v1>
20. The Media and their Informative Role in the Face of the Coronavirus Disease 2019 (COVID19): Validation of Fear Perception and Magnitude of the Issue (MED–COVID-19) / C. R. Mejia, D. Ticona, J. F. Rodriguez-Alarcon [et al.] // Electronic Journal of General Medicine. 2020. No. 17. P. 239.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020; принята к публикации 10.07.2020

Сведения об авторе

Дементьева Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва; 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1; e-mail: dementievkv@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>.

Библиографическое описание статьи

Дементьева К. В. Медиакоммуникации региона в условиях распространения коронавируса: особенности медиаповестки и вовлечённости аудитории // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 166–175. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5 166-175.

References

1. Baranova, N. A. Discursive analysis of the situation of attempt (based on German online media). Humanitarian Scientific Bulletin, no. 3, pp. 127–133, 2020. (In Rus.)
2. Begun, V. V. Vulgarity and “naive cynicism” as the destructive qualities of a journalistic text. Ethics of Speech Behavior of a Russian Journalist. Sankt-Peterburg: Asterion, 2009: 268. (In Rus.)
3. Bogdanov, A. Udalenka brings OSes closer together: as the coronavirus influenced the management of its own fleet of timber trucks in Russia. Logistics, no. 3, pp. 8, 2020. (In Rus.)
4. Buldakova, A. A. The effect of coronavirus on the Russian economy. Bulletin of scientific conferences, no. 2/2, pp. 32–34, 2020 (In Rus.)
5. Dement'eva, K. V. Mediam and his role in the formation of a multi-ethnic society. Bulletin of Tomsk State University. Philology, no. 53, pp. 257–279, 2018. (In Rus.)
6. Dement'eva, K. V. The problem of terrorism: media coverage, counteraction in the information environment (for example, media texts for 2017). Transactions of the Institute of Business Communications. Sankt-Peterburg, 2017: 28–32. (In Rus.)
7. Dzyaloshinskiy, I. M. Media space of Russia: communication strategies of social institutions. M: APK i PPRO, 2013: 479. (In Rus.)
8. Karasik, V. I. Epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions. Political Linguistics, no. 2, pp. 25–34, 2020. (In Rus.)
9. Kvatova, G. A., Zhanabaev, D.Zh. Physical activity as protection against coronavirus. Actual scientific research in the modern world, no. 2–4, pp. 88–91, 2020. (In Rus.)
10. Musaeva, G. Influence of the “coronacrisis” on the development of global and regional socio-economic processes. Modern Education: Topical Issues, Achievements, and Innovations: Collection of articles of the XXXV International Scientific and Practical Conference. 2020: 32–34. (In Rus.)
11. Nikolaeva, A. V. Clickbait in the media. Russian Speech, no. 3, pp. 43–47, 2018. (In Rus.)
12. Pashchenkov M. V., Haitov, M. R. The immune response against epidemic coronaviruses. Immunology, no. 1, pp. 5–19, 2020. (In Rus.)
13. Savinov, Yu. A., Kirillov, V. N., Taranovskaya, E. V. Urgent Issue: The Impact of the Chinese Coronavirus on the World Economy and Trade. International Economics, no. 2, pp. 63–71, 2020. (In Rus.)
14. Samartsev, O. R., Latenkova, V. M., Fokina, D. S. Typological characteristics of clickbait in the heading block of modern mass media. Bulletin of Tver State University. Series: Philology, no. 1, pp. 155–163, 2020. (In Rus.)
15. Sekletsova, E. M. The effect of coronavirus on the world economy. Bulletin of scientific conferences, no. 3/1, pp. 97–101, 2020. (In Rus.)

16. Semenova, E. A. New urban media and their impact on social and family values (on the example of the work of the Tambov media during the COVID-19 pandemic). Bulletin of modern studies, no. 1/1, pp. 87–91, 2020. (In Rus.)

17. Semenova, E. A. Fake news on the urban media field during the COVID-19 coronavirus pandemic (using the example of the Tambov media). Scientific and practical research, no. 5/3, pp. 62–65, 2020. (In Rus.)

18. Starostina, U. V. Analysis of the epidemiological situation of the COVID-19 pandemic based on materials from the coastal media. Meridian, no. 11, pp. 24–26, 2020. (In Rus.)

19. Batooli, Z., Sayyah, M. Measuring social media attention of scientific research on Novel Coronavirus Disease 2019 (COVID-19): An investigation on article-level metrics data of Dimensions. Web. 15. 05. 2020. Research Square. 2020. URL: <https://www.researchsquare.com/article/rs-21980/v1> (In Engl.)

20. The Media and their Informative Role in the Face of the Coronavirus Disease 2019 (COVID19): Validation of Fear Perception and Magnitude of the Issue (MED–COVID-19) // / C. R. Mejia, D. Ticona, J. F. Rodriguez-Alarcon [et al.] // Electronic Journal of General Medicine, no. 17, pp. 239, 2020. (In Engl.)

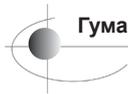
Received: May 15, 2020; accepted for publication July 10, 2020

Information about author

Dementieva Kseniya V., Candidate of Philology, Associate Professor, Ogarev Mordovia State University; 68/1 Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russia; e-mail: dementievakv@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6484-9594>.

Reference to the article

Dementieva K. V. Media Communications of the Region in the Context of the Spread of Coronavirus: Features of the Media Agenda and Audience Involvement // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 166–175. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-166-175.

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-176-185

Виктор Александрович Сидоров,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: v.sidorov@spbu.ru

Игры как институт культуры «цифрового» пространства

На материалах функционирования медийных игр в интернете рассматриваются вопросы образования новых институтов культуры XXI века. Практика расширения игровых полей заслуживает внимания исследователей по разным причинам. Во-первых, игра интересна как культурный феномен, который исторически возник прежде самой культуры, вошёл в неё и стал неотъемлемой частью социальных практик. Во-вторых, сегодня – в эпоху революционных перемен в информационном взаимодействии людей и образования «цифровой среды» – известные человечеству игры из класса физических и умственных упражнений превращаются в игры воображения, подкрепляемого мощью компьютерных устройств и сетевых коммуникаций. Ширится номенклатура игр, растёт их видовое разнообразие, обогащается оформление; дифференцируется и углубляется содержание игр, формируется их мифология. Таким образом, «цифровое» пространство нашего времени находится в стадии непрерывного формообразования. Его архитектурной предопределяется институт игры в интернете в качестве новообразованного, среди факторов становления которого выделяются решающие – медийность и мифогенез. Медийность определяет качественно иное состояние исторически известных форматов игры, тогда как мифогенез способствует ускоренной институализации медийных игр в социальных практиках. Изучение проблематики строится с учётом результатов работ исследователей социального значения игры в «цифровом» пространстве XXI века и контент-анализа медийных игр по их видам. Исследованием установлено формообразование медийных игр в качестве института культуры «цифровой» сферы. Функционирование нового образования разворачивается в условиях и условностях безграничного времени и пространства.

Ключевые слова: институт культуры, медийность, «цифровое» пространство, игры, мифогенез

Viktor A. Sidorov,
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: v.sidorov@spbu.ru

Games as a Cultural Institute of the “Digital” Space

The article examines the problem of modernization and the formation of new cultural institutions of the 21st century on the materials of the formation of media games on the Internet. The actual practice of expanding the game fields deserves attention from researchers for various reasons. First, the game is interesting in itself as a cultural phenomenon that had arisen in the history of humanity before culture itself, then entered into it and became an integral part of social practices. Second, during revolutionary technological changes in the field of the information interaction of people and the emergence of the so-called digital environment, games known to humanity turn from a class of physical and mental exercises into imagination games based on the technical power of computer devices and network communications. The nomenclature of games is expanding, their genre diversity is growing, the design is being fortified; games content is differentiated and deepened, their mythology is being formed. Thus, the “digital” space of our time is in the stage of continuous shaping. Its architectonics predetermines the formation on the Internet of the institution of the game as a newly-formed one, among the formation factors of which the decisive ones stand out – media and mythogenesis. Media determines a qualitatively different state of historically known game formats, while mythogenesis contributes to the accelerated institutionalization of the media games in the social practices. The study of the problems is based on the results of the work of the researchers on the social significance of the game in the “digital” space of the 21st century and the content analysis of the media games by their types. In this study, the formation of media games as the cultural institution of the “digital” sphere is established. The functioning of the new formation takes place in the conditions and conventions of unlimited time and space.

Keywords: cultural institute, media, digital space, games, mythogenesis

Введение. В статье «Подлинное или “цифровое мнимое“»? о некоторых аспектах современного состояния института культуры внимание было уделено феномену медийной реальности, которым задаются

форматы восприятия подлинности, которая давно перешагнула границы привычного и в современной медийной среде утвердилась как *новая подлинность*, вступающая во взаимодействие с «прежней», традиционной

© Сидоров А. А., 2020

формой бытия, приходящая к человеку в компьютерном символическом поле [14, с. 70].

В медийной среде «прежние» институты культуры проходят череду трансформаций. Прежде всего, приобретают свойства «электронной тени»: есть феномен в реальности, есть он и в «цифровом» пространстве, убери его из реального функционирования, не будет и в «цифре». В дальнейшем «электронное отражение» становится самостоятельным, тень может функционировать без своего прототипа. Это значит, что культуурообразующий процесс всё ещё в активной фазе, не линейен, его проявления накладываются одно на другое, и не все из них берут начало в «доцифровых» формах институтов культуры. Так что ошибочно полагать, будто в интернете не может быть феноменов без идентичных прототипов из «доцифрового мира».

Достаточно обратиться к факту становления *института игры*. Он легко вошёл в медийную сферу, освоился в ней, получив импульсы к развитию. Анализ его новизны указывает на свойства, неадекватные его «доцифровому» прототипу. Это значит, что в медийной среде образовались новое игровое пространство, новый институт культуры. Но при этом его культурологическое значение исторически неизменно, потому что «мы находим игру в культуре как величину, существовавшую прежде самой культуры», [17, с. 18]. Так что игра вошла в жизнь людей на стадии их дикости и только потом обрела «культурные» формы. В этом плане современная фаза трансформации этого института игры не менее сложна и уже поэтому актуальна для научного анализа. Однако цель настоящего исследования гораздо шире и заключается в определении сущности и свойств медийной игры как института культуры в «цифровой среде», а также социальной значимости этого новообразованного феномена.

Методология и методы исследования. Согласно принятой в науке классификации выделяются: игры-соревнования; игры, основанные на имитации, подражании (театр, религиозные ритуалы); азартные игры с вероятностным исходом (лотерея, рулетка, карты); продуктивные игры человеческого воображения. Высшей ценностью игры считается не результат, а сам игровой процесс¹. Й. Хёйзинга всё многообразие человеческой

¹ Игра. – Текст: электронный // Новейший философский словарь. – URL: <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com/477-ИГРА> (дата обращения: 16.06.2020).

деятельности сводил к игре как источнику и высшему проявлению человеческой культуры. Российские историки культуры изучают игру как разновидность общественной практики по воспроизведению жизненных явлений вне реальной практической установки². По мнению психологов, «суть игры – в непродуктивной условной деятельности, мотив которой лежит не в её результатах, а в самом процессе, направленном на воссоздание, усвоение общественного опыта, и в которой складывается и совершенствуется управление поведением»³.

В медийности состоялась активизация так называемых «игр воображения», ставших ядром совершенно нового института культуры. «Существующее положение образов и созданных ими значений коренится в глубинах сознания созданной культуры, которая различными путями признаёт эти образы как *реальные*» [16, с. 26]. Поэтому сначала выделим наиболее важные состояния игр воображения, чтобы понять, почему современный этап метаморфоз игры представляет собой не столько продолжение её истории, сколько зарождение нового воображаемого мира.

Результаты исследования и их об- суждение. В играх воображения выделим три разных состояния.

Первое – унаследованное из «докультурной» жизни человека. Мышление людей той эпохи было синкретическим, поэтому «принципиально непродуктивный и внерациональный характер игры издревле связывал её с сакральными и культовыми действиями, с искусством, наделял таинственными, магическими смыслами»⁴. Как утверждают археологи, религиозные идеи могли появиться только у человека, способного к абстрактному мышлению. Игра как «одна из главных и древнейших форм эстетической деятельности, то есть неупотребительной, совершаемой ради неё самой и доставляющей её участникам и зрителям эстетическое наслаждение, удовольствие, радость»⁵, строилась и строится с опорой на

² Игра. – Текст: электронный // Большая советская энциклопедия. – URL: <https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com/496-игра> (дата обращения: 16.06.2020).

³ Игра. – Текст: электронный // Прикладные аспекты современной психологии. – URL: <https://833.slovaronline.com/379-игра> (дата обращения: 16.06.2020).

⁴ Игра. – Текст: электронный // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/597/игра.htm> (дата обращения: 16.06.2020).

абстрактно-образное мышление, явившись, наравне с религиозными культами, отправной точкой в развитии искусства.

Сведения о *втором состоянии* содержатся в памятниках культуры разных времён и народов. «Гладиаторские бои в Риме демонстрировали мощь и сплочённость государства. В средние века карнавальная «смеховая мир» был выражением народного идеала и тесно взаимодействовал с официальным церковным распорядком жизни как её теневая сторона. В эпоху Реформации протестанты, акцентируя религиозно-этическую ценность труда, рассматривали игру как грех и непристойность. В новое время игра вновь входит в моду. Вторжение игры в культуру идёт по нарастающей вплоть до настоящего времени»¹. По мере расширения досугового потенциала общества игра приобретает статус автономного института культуры. В эпоху становления цивилизаций «игра, несомненно, покоится на удовольствии победы над препятствием (*obstacle*), но препятствием произвольным, почти фиктивным, сделанным по размеру игрока и принятым им. Реальность не имеет этих деликатностей» [13].

В индустриальную эпоху, вслед за СМИ, игры воображения породили «пространство и формат политических дебатов как основу демократии, и в то же время приобрели практико-политическое измерение в различных играх с тематикой борьбы и сражений» [23, с. 182], став, например, армейскими командно-штабными учениями. В них воспроизводятся характеристики интеллектуальной игры – ролевое распределение играющих, их условное обеспечение людскими и техническими ресурсами, топографическая привязка игрового пространства к местности. В XX веке широко распространились деловые игры, применяемые для подготовки и переподготовки специалистов разного профиля. И в этом контексте, конечно, «игра совсем необязательно предполагает удовольствие или веселье» [1, с. 55], игра может учить и развивать. Так что её присутствие в актуальных сферах жизнедеятельности людей закономерно.

Закономерно возникновение и *третьего состояния* игры – в медиасфере. В наши дни игры воображения, начиная с древних – в кости, домино, карты, заканчивая народившимися сравнительно недавно, но ещё

в «доцифровое время», с использованием бумаги как игрового поля – в «слова», «морской бой», полностью перешли к медийному функционированию. Инклюзия медийности настолько меняет ситуацию, что в компьютерные игры изначально закладываются определённые идеологии, а в сознании играющих формируются стереотипы восприятия героев и игровых сюжетов². В «доцифровую» эпоху нечто подобное трудно было даже вообразить. Скажем, шахматная игра по определению не несла в себе идейно-политический заряд, разве что результаты шахматного поединка могли быть истолкованы с политическим подтекстом. Облачение игры в медийные формы позволило привнести в неё идеологически мотивированное содержание, а также радикально изменить игровые процедуры. Появились игры, в которых прежние игровые условности вытесняются образными подобиями реальности при одновременном – и в этом парадокс – введении в условия и антураж игры фантазийных, сказочных образов героев, местности, оружия, используемого играющими, которых отныне называют геймерами. В практике медийных игр шаг за шагом складывается своеобразная мифология, ещё невиданная в своих проявлениях, потому что «мифологическое мышление способно отбросить свои прежние устаревшие формы, адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но оно не может исчезнуть окончательно» [18, с. 164]. Таким образом, современная мифология компьютерных игр органично сочетает свои праисторические корни с новыми образованиями, мифогенез продолжается.

У А. Камю есть интересное суждение: «Мифы созданы для того, чтобы привлечь наше воображение» [7, с. 306]. Миф отражает действительность и в то же время «мир, представленный глазами мифологического сознания, должен казаться...» [8, с. 526]. Станным образом способность *казаться* воплощается в Игре, которая, как и сложные мифа, «есть прежде всего и в первую голову *свободная деятельность*. Любая игра во все времена была способом целиком захватить играющего. Противоположность «игра – серьёзное» во все времена остаётся

¹ Игра. – Текст: электронный // Философская энциклопедия. – URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/3867-ИГПА> (дата обращения: 16.06.2020).

² Шпильберг Софья. Тихая идеология: как видеоигры навязывают нам общественные стереотипы. – Текст: электронный // Социология. Антропология. – 2017. – Ноябрь. – URL: <https://nplus1.ru/material/2017/11/02/ideology-video-games> (дата обращения: 16.06.2020).

неустойчивой. ...Игра превращается в серьёзное, а серьёзное – в игру» [17, с. 23, 25].

В обширном спектре вошедших в обиход человечества игр только некоторые из них перешли в современное медийное поле из «доцифровой» практики, по большей части все они созданы сегодня и специально для медиа, адаптированы под компьютерные навыки человека. В игре можно найти богатое содержание: чем сложнее принятые в ней условия и правила, тем вероятнее включение геймером не только психофизических возможностей организма, например, быстроты его реакции, но и личной эрудиции, да и нравственных параметров, присущих играющему, тоже. Тот или иной результат игры может быть предопределён познаниями геймера в истории, искусстве, математике, а также нравственным выбором в принимаемом им решении на игровом поле. Возможно, соглашаясь с условиями и условностями игры, геймеры находят в ней развлечение. Не менее вероятно, что обнаруживают в играх актуальное содержание, скрытое в развлечении, подобно мудрости в незамысловатой притче.

Развитию игрового пространства в «цифровом» пространстве сопутствует расширение и углубление его мифогенеза. При этом в мифологизированных построениях присутствуют два начала, первое из которых отождествляется с опытом обыденного восприятия действительности, второе – с чем-то выдуманым и даже вредным для человеческого рассудка. В массовом сознании «игра есть борьба за что-нибудь или же представление чего-нибудь» [17, с. 33]. Тем самым возвращаемся к известным трактовкам значения мифотворчества в человеческой истории: «Миф сам по себе не является ни хорошим, ни плохим... Его функция – ... придавать смысл миру и человеческому существованию» [18, с. 139]. Может показаться странным, но в играх потребность «придать смысл миру» или «казаться», по Лотману, особенно ощутима. Игры в войну или политику позволяют индивиду, с одной стороны, представить себя в образе демиурга, способного на критически важные для человечества поступки, с другой – эффективно забыть в достижении победы в мифологизированном пространстве, если в реальности её не было. В сущности, это выражение чего-то тайного в душе человека, сопряжённого с его подлинными интересами, которые «управляют культурными процессами и задают версию человечности» [5, с. 17]. В этом

плане мифы представляют собой поддерживаемые в обществе «упрощённые и эмоционально окрашенные нарративы, сводящие противоречивые исторические процессы к редуцированным и удобным для восприятия схемам» [10, с. 10].

Мы живём в мире, где в основном встречаемся не с самими фактами и событиями, а их отражением – медиафактами, медиасобытиями. В результате центр тяжести удовлетворения информационных запросов общества переносится в интернет. Побочным эффектом новейших «цифровых» технологий явилось формирование индивида нового типа, склонного жить в медийном пространстве так долго, насколько позволяют материальные обстоятельства действительности. Но «если человеческое измерение будет выбрано в качестве нормативного критерия (в построении будущего), то мы должны серьёзно присмотреться к тому, что инструменты, которые создаются людьми, быстро опережают их умственные способности» [22, с. 222]. Обнаружилось, что всё последующее развитие медийных технологий оказалось сопряжённым «с развернувшимися независимо от них крупными сдвигами в разных областях массового сознания, (которые выражены) посредством компьютерных технологий в искусственно созданной компьютерными программами среде» [4, с. 177–178]. Анализ медийной событийности и медийных артефактов культуры становится актуальной задачей трансдисциплинарного научного познания. Среди таких артефактов культуры мы выделяем разнообразие осуществляемых в медийной среде игр.

В теоретическом плане наше исследование проводится с учётом принципов культурологического анализа игры, философских и психологических подходов к определению сущности феномена как составляющей исторической памяти человечества и его значения в жизни социума. Изучение эмпирики опирается на практику контент-анализа через выделение явных и скрытых тем в источниках информации. Новым направлением анализа стало определение связи медийной игры и современной мифологии «цифровой» среды. Исследование опирается на труды Э. Берна, И. Волковой, Т. Иглтона, А. Камю, Ю. Лотмана, М. Ма-клюдэна, Й. Хейзинга, М. Элиаде, Д. Гилмора, В. Изера, М. Морриса, С. Огана, К. Сандвика, А. Тортанжа и С. Намелинка.

Результаты исследования и их об- суждение. Сегодня в научном обиходе по-

явились работы, в которых рассмотрены основные аспекты феномена «цифровой эпохи», а в отдельных случаях внимание исследователей концентрируется на соединении анализа социальных практик игровой стихии в «цифровой» среде с теорией журналистики. «Игра – это “поток” средство коммуникации, объединяющее свободных от чужой воли участников... (осознающих) своё фантазийно-бытийное существование. ...Игра как один из основных феноменов существования человека строится по той же модели, что и эффективные коммуникации. Вход в игру осуществляется участниками добровольно, они декларируют свое решение подчиняться правилам игры, если же они нарушат правила, то им придётся выйти из игрового процесса» [2, с. 63, 124, 125].

Медийная игра не только декларирует, но и предоставляет право в неё вступившим стать свободными от чужой воли геймерами. Вместе с тем, игра, являясь формой медийного текста, включена в технологии влияния на играющих [2, с. 15, 16]. Неожиданное суждение обнаруживается у Маклюэна, увидевшего в игре «машину, которая может быть приведена в действие лишь при условии, что игроки согласны на какое-то время стать марионетками» [9, с. 271]. Значит, игра даёт свободу геймерам только на условиях соблюдения правил мейнстрима – коридора возможностей, в пределах которого никто ничем не стеснён, но нарушившего правила ждут санкции, ему место среди маргиналов. Поэтому «игры – расширения наших Я, но только не частных, а социальных ...они суть средства коммуникации» [Там же, с. 279]. Однако в каждой игре заключается своя идеология. Язык игры – это язык идеологии, он «не только отражает формы контроля, но сам становится инструментом контроля даже там, где ...требует не повиновения, а выбора, не подчинения, а свободы» [12, с. 134]; так что в известном смысле свобода геймера объективна. Тем не менее, институт игры в «цифровой» среде не столько высвобождает человека от его закрепощения бытовой рутинной, сколько заново поработает. Игровая стихия нового времени – условие атомизации геймеров, когда «связи человека делаются спорадическими, они, с одной стороны, стягивают всех индивидов в единое человечество, а с другой – изолируют, атомизируют человека». В медийной игре «...возрастает атомизация и одиночество человека при одновременной глобализации мира» [15, с. 193].

Является ли возникновение института игры в новой «цифровой» среде культурным

событием, несущим в себе отголосок прошлого, или же в его генезисе замечаются только современные культурные и технологические начала? Конечно, сам смысл игры приходит к нам из былого, в нем всегда содержится наследие минувших состояний игровой стихии и её мифологии. И здесь уместно вспомнить мудрое замечание Карла Манхейма о том, что «рассмотрение событий и структур, возникающих из распада старых элементов, и их преобразование в новые не менее важно, чем соответствующее постижение радикальных новообразований» [11, с. 278]. В нашем случае анализ прошлых состояний игры в истории человека следует совмещать с качественными преобразованиями этой сферы. В условиях «коммуникационного избытка» (Дж. Кин) объём игр в медиасфере неуклонно растёт, любые подсчёты устаревают. Тем значимей уже известные попытки классификации компьютерных игр. Так, С. Н. Ильченко распределил известные на момент анализа медийные игры по жанрам, количеству игроков и способу их взаимодействия, визуального представления; платформам, тематической направленности. Последний кластер здесь наиболее важен, в нём разнообразие содержания медийных игр – это «игры “фэнтези”, исторические, “в духе современности”, постапокалиптические, мифологические, космические, киберпанк, стимпанк, эротические» [6, с. 151].

Попытки детализировать области бытования медийных игр в зависимости от их содержания всякий раз наталкиваются на сложности методического характера. Скажем, выделение того или иного вида игры в поисковом запросе популярного браузера ведёт к получению несопоставимых между собой сведений. Преодолевая это препятствие, обратимся к другим данным, полученным с помощью приложения *Play Market* (устанавливается на всех современных смартфонах и ноутбуках).

Выборка на Play Маркет, кроме уменьшенного эмпирического поля, обладает ещё одним существенным недостатком: она дана аналитику, так как производится формирующей контент приложения программой. Её разработчики публикуют самые свежие сведения пропорционально рейтингам популярности игр в пользовательской аудитории и их сюжетной новизны. Поэтому трудно вообразить идущий за явной частью выборки её невидимый шлейф, который, предположительно, может исчисляться сотнями и тысячами наименований. Так что для целостного представления об основных количе-

ственных показателях медийного игрового поля в выборке Play Маркет оснований нет. И всё же в качественном отношении полученные данные несут в себе немало полезной информации. Так, можно было понять, что в аудитории геймеров популярны игры с «исторической» и «космической» тематикой: на эти темы приходится 114 из 167 анонсируемых на сайте медийных игр. Тенденция подтвердилась и на следующем этапе – при изучении информации репрезентативного интернет-источника, определённого по материалам анализа *Play Маркет*.

Таким перспективным для разработки ресурсом стал сайт «Игротоп “ОпухGame”», на главной странице которого указывается, что в его реестрах 4 180 игр¹. Здесь же перечисление их видов. Выведя за скобки анализа предоставляемую сайтом классификацию – по режимам, графике, симуляторам, управлению и так далее, – сосредоточим внимание на кластерах «Мир», «Время», «Тематика». Правда, кластеры

лишены общего знаменателя, расположены на разных уровнях систематики, но при этом богаты эмпирикой – содержат перечни 46 видов игр. Перечни между собой неоднократно пересекаются, большинство не подлежит надёжной классификации: «готика», «комикс», «арена», «тайна», «супергерои» и т. д. Общая совокупность игр по их видам – 8 967 наименований, это более чем в два раза превышает заявленное число игр на главной странице сайта, но означает, что содержание большинства представляемых сайтом игр многоаспектно, обращено к разным источникам мифотворчества. Интерпретация сайта «Игротоп “ОпухGame”» проведена с учётом полученных результатов анализа приложения Play Маркет – методом совмещения и сопоставления сведений из этих источников, который позволил не столько уточнить в количественном отношении итоги предыдущего анализа, сколько углубить представления о содержании игр. Эти данные представлены в таблице.

Приложение Play Маркет и сайт «Игротоп “ОпухGame”»: маркёры содержания и распределение игр по категориям

Приложение Play Маркет		Сайт «Игротоп “ОпухGame”»		
Номинации игр (кластеры)	Число игр по номинациям	Номинации игр в кластерах	Число игр по номинациям	
			по номинациям в кластерах	итого в кластере
«Фэнтези»	20	«Фэнтези» в целом	836	2 090
		Фантастика	538	
		Научная фантастика	438	
		Космическая фантастика	173	
		Путешествие во времени	33	
		Альтернативная история	72	
«В духе современности»	4	«Наше время»	576	576
Исторические	54	Альтернативная история	72	506
		Доисторическое время	29	
		Средневековье	82	
		Вторая мировая война	132	
		Исторические в целом	191	
Космические	60	Космические	139	312
		Космическая фантастика	173	
Постапокалиптические	20	Спасение человечества	52	294
		Путешествие во времени	33	
		Футуристика	142	
		Зомби-апокалипсис	67	
Киберпанк	3	Киберпанк	65	65
Стимпанк	6	Стимпанк	58	58

¹ Игротоп “ОпухGame”. – URL: <https://onyxgame.com/> (дата обращения: 16.06.2020). – Текст: электронный.

Классификация медийных игр по разным их знаменателям – форме, содержанию, целевым установкам, культурному основанию, антуражу – только начало ответа на вопрос, что нового привносят медийные игры в общественное сознание и культуру социума в целом. Далее необходимо ставить вопрос об эффективности взаимодействия института медийной игры с общественным сознанием. Поэтому часть аналитиков рассматривает медийные игры как инструмент пропаганды и носителя идеологии его разработчиков. Например, в медийных играх отмечается большой сегмент игрового поля, на котором активно внедряется в сознание геймеров негативный, агрессивно окрашенный контент. Элементы изученного сегмента исследователь обозначает в образной символике: «Злой, тупой, мёртвый: расистская идеология», «Глупый араб», «Ни слова по-русски: идеология неполиткорректности», «Fat Princess против Лары Крофт: сексистская идеология», «Горе от ума: антиинтеллектуализм»¹.

В другом случае анонимный блогер разъясняет идеологию игры, сюжетно опирающейся на события Второй мировой войны. Трактовка истории соответствует позиции, занимаемой в настоящее время политиками западных держав. Но есть и несоответствия: так, утверждая, что «Германия – главная разжигательница войны», автор при этом проявляет «заботу» о благоприятном для агрессора исходе войны: «Главное вовремя оккупировать Францию, закрепиться в ней, ведь в любое время СССР готов ударить в спину»².

Нередко реклама игр строится в виде доброжелательных консультаций, которые от имени разработчиков игры дают авторы соответствующих сайтов. Например, сайт «Fandom» рекламирует политическую игру «Идеологии Smesh Civilization», где геймеру предлагается построить свою страну, для чего необходимо создать/выбрать какую-либо идеологию из перечисленных рекламодателем. В перечислении каждой идеологии даётся подчёркнуто ироничного характера разъяснение. Идеологии из реального поли-

¹ Шпильберг Софья. Тихая идеология: как видеоигры навязывают нам общественные стереотипы. – Текст: электронный // Социология. Антропология. – 2017. – Ноябрь. – URL: <https://www.nplus1.ru/material/2017/11/02/ideology-video-games> (дата обращения: 16.06.2020).

² Идеология в Hearts of Iron 4. – Текст: электронный // Журнал фактов. – URL: <https://www.zen.yandex.ru/media/historyevidence/ideologii-v-hearts-of-iron-4-5df79b80c49f2900b1eb6f68> (дата обращения: 16.06.2020).

тического мира обильно перемешаны с придуманными разработчиками игры, но сами идеологии не представлены, дан вектор обозначений для геймера. Например, пишет автор сайта, социализму соответствует идеология равенства, а демократии – свободы и равноправия. Идеологии представлены нарочито примитивно, а соответствующие им государственные образования номинированы в обывательской лексике. Плюс к тому придуманы несуществующие государства и их идейный фундамент – «ансапизм», «смишариковая джамахирия», «рогатизм, крылатизм и мягколанализм». Идейные основы такого рода «государственных» образований должны составлять сексистский нацизм, хунта ансапи, власть рогоносцев, птиц, млекопитающих. В последнем случае многое проясняет сделанное на сайте уточнение: мол, идеология млекопитающих понимается лучше, если её рассматривать на практике совхозов и колхозов³.

Так что не одно лишь отвержение идеологии вообще видится задачей создателей медийных игр, находится и сверхзадача – дискредитация политических идеологий левого толка. В сущности, это и есть ключ к пониманию феномена медийных игр в целом, не случайно в подавляющем большинстве такие игры созданы и продвигаются в аудитории разных стран западными фирмами.

Становлению и утверждению медийных игр как разновидности социальных практик соответствует формирование целой системы мифогенеза и представления в аудитории «цифровой» среды игрового пространства как мира свободы, независимости, отсутствия контроля извне, как территории, на которой созданы условия геймеру для реализации его творческих потенций; формируется миф о поле медийных игр как пространстве условностей, в которых любой желающий может найти себе забвение. Этот миф призван противостоять угнетающей обывателя действительности. Вероятно, описанный процесс «представляет нам последнюю главу в войне убеждений, которая давно ведётся вокруг проблемы влияния, оказываемого новыми технологиями на вкусы публики» [3, с. 81].

Заключение. Пространство интернета находится в стадии непрерывного активного формообразования. Так, в «цифровом»

³ Идеологии Smesh Civilization. – Текст: электронный // Fandom. – URL: <https://www.smesh-civilization.fandom.com/ru/wiki/Идеологии> (дата обращения: 16.06.2020).

пространстве идёт переформатирование социальных практик. Поэтому исследователями анализируются как новые, так и прежние «подлинности» политики и пропаганды, идеологии и культуры. В новейших условиях газеты отказываются от бумажного носителя в пользу «цифрового», формируются электронные собрания библиотек, а опыт, приобретённый во время пандемии 2020 года, привлёк всеобщее внимание к дистанционным методам работы в управлении, науке, образовании. Однако ни в одной из перечисленных областей жизни не видно радикального отрицания прежних форм бытия, наоборот, «новая подлинность» становится их органичным продолжением и дополнением.

Значение информационных технологий нового столетия оказалось революционным не только в техносфере (объёмы и скорости распространения сигналов), но и в социальной. Отдельные значимые для жизни людей перемены в медийной области носят качественный характер, дают начало явлениям, которых ещё не было в социальной практике. В числе таких трансформаций социума – возникновение медийных игр как института культуры «цифрового» пространства. За этим явлением не просто смена платформы, на которой ведётся игра, когда вместо коротко живущих условий и условностей, добровольно принимаемых игроками в окружении реальности, появляются условия и условности нового типа – в безграничном времени и пространстве. Человек может воспользоваться ими в любой момент, как и

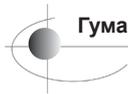
в любой момент прекратить своё участие в игре.

Новое качество игрового пространства определяет, во-первых, невероятно большое количество новейших игр, специально разработанных для «цифрового» мира. Во-вторых, процессу активного формообразования в интернете способствует перенос игр, известных истории культуры, из физического пространства в медийное. Это, в свою очередь, связано с их трансформацией в игры воображения. Свойства медийных игр – приёмы и методы их организации, сюжетные линии – заимствованы из фольклора, фантастики, фэнтези, страниц истории. В этом обнаруживается, так сказать, интеллектуальное начало игры в медиасфере, а в способах тренировки сообразительности и скорости физических реакций игрока, – психофизическое начало жизни человека. Однако сами по себе эти процессы ещё не являются решающим условием формирования нового института игры в «цифровом» пространстве, а только совершенствуют разновидности игры. Оплодотворяющим процесс становится фактор мифологизации всего, что связано с феноменом медийных игр, – это рост числа и разнообразия мифов, на базе которых формируется содержание игрового пространства, и утверждение мифа об исключительной свободе игрового поля и творческой одарённости геймера.

Результаты данного исследования могут быть использованы в учебном процессе, а также при изучении практик политической пропаганды в «цифровой среде».

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений: пер. с англ. М.: Эксмо, 2008. 349 с.
2. Волкова И. И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций: дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2015. 432 с.
3. Гриндстафф Лора. «Реальное телевидение» и политика социального контроля // Массовая культура: современные западные исследования: пер. с англ. М.: Фонд науч. иссл. «Прагматика культуры», 2005. С. 76–90.
4. Забияко А. П. Компьютерные технологии как фактор религиозных трансформаций // Ценностный дискурс в науках и теологии / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2009. С. 176–181.
5. Иглтон Т. Идея культуры: пер. с англ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 192 с.
6. Ильченко С. Н. Геймеризация как индустрия: опасности параллельной реальности // Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик / под ред. Л. П. Шестеркиной. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2017. С. 126–169.
7. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов: переводы. М.: Политиздат, 1990. С. 222–318.
8. Лотман Ю. М. Миф – имя – культура // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 525–543.
9. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека: пер. с англ. М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. 464 с.
10. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Полит. энц., 2015. 207 с.

11. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.
12. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества: пер. с англ. М.: REFL-book, 1994. 341 с.
13. Пухова Т. И. Классификация игр для взрослых, согласно Рожэ Каюа. URL: <http://www.anthropology.ru/ru/text/puhova-ti/klassifikaciya-igr-dlya-vzroslyh-soglasno-rozhe-kauya> (дата обращения: 16.06.2020). Текст: электронный.
14. Сидоров В. А. Подлинное или «цифровое мнимое»? Институты культуры в медийной среде // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. С. 68–76.
15. Степин В. С. Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // Этическая мысль: науч.-публ. чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 182–199.
16. Уиллок Д. Э. Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания // Массовая культура: современные западные исследования: пер. с англ. М.: Фонд науч. иссл. «Прагматика культуры», 2005. С. 20–41.
17. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. М.: АСТ, 2004. 539 с.
18. Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. М.: Акад. проект, 2014. 235 с.
19. Gillmor D. We the Media: grassroots Journalism by the People, for the People. Publisher: O'Reilly Media, 2004. 320 p. (In Engl.)
20. Iser W. The Fictive and the Imaginary. Charting Literary Anthropology. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1993. 382 p.
21. Morris M., Ogan C. The Internet as Mass Medium // Journal of Communication. 1996. Vol. 46, No 1, P. 39–50.
22. Namelink C. James Halloran Memorial Lecture. Conversations with my Robot // Nordicom Review. 2009. Vol. 30. June. Jubilee Issue. P. 218–223.
23. Sandvik K., Thorhange A. Professor Nukem. Communication Research in the Age of the Experience Economy // Nordicom Review. 2008. Vol. 29, No 2. P. 177–192.

Статья поступила в редакцию 24.06.2020; принята к публикации 10.08.2020

Сведения об авторе

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

Библиографическое описание статьи

Сидоров В. А. Игры как институт культуры «цифрового» пространства // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 176–185. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-176-185.

References

1. Bern E. Games that people play: the psychology of human relationships. Tr. from English. M: Eksmo, 2008. (In Rus.)
2. Volkova I. I. Game as a backbone phenomenon of screen communications. Dr. sci. diss. M., 2015. (In Rus.)
3. Grindstaff Laura. "Real television" and the policy of social control. Mass culture: modern Western studies. Tr. from English. M: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», 2005: 76–90. (In Rus.)
4. Zabiako, A. P. Computer technologies as a factor of religious transformations. Value discourse in sciences and theology. M: IFRAN, 2009: 176–181. (In Rus.)
5. Eagleton, T. The Idea of Culture. Tr. from English. M: Izd. dom VShE, 2019. (In Rus.)
6. Ilchenko, S. N. Geymerization as an Industry: Dangers of Parallel Reality. Social Media as a Resource of Integrated Communicative Practices. Chelyabinsk: Izd. tsentr IuUrGU, 2017: 126–169. (In Rus.)
7. Camus, A. The Myth of Sisyphus. Essays on the absurd // Twilight of the gods. Tr. from English. M: Politizdat, 1990: 222–318. (In Rus.)
8. Lotman, Yu. M. Myth – name – culture. Yu. M. Lotman. Semiosphere. SPb.: Iskusstvo–SPB, 2000: 525–543. (In Rus.)
9. McLuhan, G. M. Understanding Media: External Extensions of Man. Tr. from English. M: Giperborea, Kuchkovo pole, 2007. (In Rus.)
10. Malinova, O. Yu. Current past: The symbolic policy of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity. M: Politich. entsiklopediia, 2015. (In Rus.)
11. Manheim, K. Man and society in the era of transformation // Karl Manheim. The diagnosis of our time. Tr. from German and English. M: Jurist, 1994: 277–411. (In Rus.)

12. Marcuse, G. One-dimensional man. The study of the ideology of the Developed Industrial Society. Tr. from English. M: "REFL-book", 1994. (In Rus.)
13. Pukhova, T. I. Classification of games for adults according to Roger Kayua. Web.16.06.2020. <http://www.anthropology.ru/ru/text/puhova-ti/klassifikaciya-igr-dlya-vzroslyh-soglasno-rozhe-kayua>. (In Rus.)
14. Sidorov, V. A. Genuine or "digital imaginary"? Cultural institutions in the media. Humanitarian vector, no. 5, pp. 68–76, 2019. (In Rus.)
15. Stepin, V. S. The prospects of civilization: from the cult of power to dialogue and harmony. Ethical thought: Scientific journalist. reading. 1991. M: Respublika, 1992: 182–199. (In Rus.)
16. Willock, David Everett. Reality as a subject of negotiations: chaotic attractors of our understanding. Mass culture: modern Western studies / Tr. from English. M: Fond nauchnykh issledovaniy "Pragmatika kul'tury", 2005: 20–41. (In Rus.)
17. Heyzing, J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow / per. with the netherlands. M: OOO "Izd-vo AST", 2004. (In Rus.)
18. Eliade, M. Aspects of myth. Tr. from fr. M: Akademicheskii proekt, 2014. (In Rus.)
19. Gillmor, D. We the Media: grassroots Journalism by the People, for the People. Publisher: O'Reilly Media, 2004. (In Engl.)
20. Iser, W. The Fictive and the Imaginary. Charting Literary Anthropology. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1993. (In Engl.)
21. Morris, M. and Ogan C. The Internet as Mass Medium // Journal of Communication, no. 1, pp. 39–50, 1996. (In Engl.)
22. Namelinkm, C. James Halloran Memorial Lecture. Conversations with my Robot. Nordicom Review, vol. 30, June, jubilee issue, pp. 218–223, 1996. (In Engl.)
23. Sandvik, K., Thorhange, A. Professor Nukem. Communication Research in the Age of the Experience Economy. Nordicom Review, no. 2, pp. 177–192, 2008. (In Engl.)

Received: June 24, 2020; accepted for publication August 10, 2020

Information about author

Sidorov Viktor A., Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

Reference to the article

Sidorov V. A. Games as a Cultural Institute of the "Digital" Space // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 176–185. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-176-185.

УГОЛ ЗРЕНИЯ: РЕЦЕНЗИЯ

ANGLE OF VIEW: REVIEW

УДК 655.552

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-186-188

Сергей Николаевич Ильченко,

Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург, Россия),

e-mail: tv_and_radio@mail.ru

Жестокая реальность фантасмагории

Статья является рецензией на книгу известного российского писателя Захара Прилепина «Некоторые не попадут в ад». В основе её сюжета – личные впечатления, которые автор получил во время пребывания в рядах ополченцев Донецкой Народной Республики в течение нескольких лет. Жанровое своеобразие книги – в сочетании очевидного публицистического стиля изложения драматических событий и оригинальной попытки создания портрета лидера Донецкой Народной Республики Александра Захарченко. Захар Прилепин был близко с ним знаком, пользовался его доверием, часто встречался с ним и обсуждал не только военную ситуацию вокруг Донбасса, но и возможные перспективы существования региона в ближайшем будущем. В книге много неожиданных наблюдений, исключительных деталей и сведений, что превращает её в литературный документ времени. По сути дела, писатель раскрывает поистине фантасмагорическую картину полумирного-полувоенного бытия жителей самопровозглашённой республики.

Ключевые слова: Захар Прилепин, Александр Захарченко, Донбасс, война, мир, мирные жители, ополченцы

Sergey N. Il'chenko,

Saint Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russia),

e-mail: tv_and_radio@mail.ru

The Cruel Reality of Phantasmagoria

The article is a review of the book by the famous Russian writer Zakhar Prilepin *Some will not go to hell*. Its plot is based on personal impressions that the author received during his stay in the ranks of the DPR militia for several years. The genre originality of the book is a combination of an obvious journalistic style of presentation of dramatic events and an original attempt to create a portrait of the leader of the Donetsk people's Republic, Aleksandr Zakharchenko. Zakhar Prilepin was close to him, enjoyed his trust, often met with him and discussed not only the military situation around the Donbass region, but also the possible prospects for the region's existence in the near future. The book contains many unexpected observations, exceptional details and information that turns it into a literary document of the time. In fact, the writer reveals a truly phantasmagoric picture of the semi-peaceful-semi-military existence of the inhabitants of the self-proclaimed Republic.

Keywords: Zakhar Prilepin, Aleksandr Zakharchenko, Donbass, war, peace, civilians, militia

Знакомство с этим автором, одним из самых актуальных современных писателей, творящих на русском языке, происходило постепенно. «Виной» тому отечественные медиа, использовавшие публичность писателя Захара Прилепина как фактор возможной популярности тех телевизионных проектов, к участию которых его призывали в разных статусах. Однако визуальное впечатле-

ние, наложенное на содержание его речей в эфире, сформировало вполне устойчивое и определённое отношение к его взглядам и к тому месту, которое занимает Захар Прилепин в нынешнем публичном дискурсе, ориентированном на общественно-политическую проблематику. Понятно, что обстоятельства личной биографии предопределили его прямую коннотацию с «донбасским

© Ильченко С. Н., 2020

вопросом». Однако, как это часто бывает в реальной жизни, порою только личные обстоятельства подталкивают к тому, чтобы прочитать тот или иной текст того или иного автора. История, случившаяся с текстом Захара Прилепина, о которой здесь идёт речь, из этого ряда.

Автору этих строк понадобилось три поездки в ДНР в течение года, чтобы в его руках оказалась эта книга. Хотя где-то на полке ждут своего часа и «Обитель», и сборник прозы. Но всё сложилось так, как сложилось. И роман-фантазмагория был прочтён на одном дыхании после очередного донецкого вояжа. И ещё острее вдруг проступила та боль и недоумение, которыми буквально пронизана каждая страница прилепинского текста. Текст о человеке на войне, но он... против войны.

За спиной писателя встаёт мощный силуэт Льва Николаевича Толстого с его «Севастопольскими рассказами» и целая галерея советских писателей-фронтовиков, которые выплеснули на страницы прозы то, что видели и пережили сами. Драматиче-

ское узнавание войны, её трагических и неизбежных обстоятельств, происходили у авторов военной прозы в разные времена по-разному. У современного автора по фамилии Прилепин многое происходило почти также, как около 165 лет назад с гениальным будущим автором «Войны и мира». Увиденное и пережитое переплавилось в мощную экспрессивную стилистику текста с почти разговорной интонацией. Захар Прилепин стремительно ведёт рассказ, порою не дописывая фраз, обрывая их многоточиями. Он насыщает рассказ бытовыми подробностями, почти срываясь в журналистский репортаж в формате «с места события». Ритмическое ощущение странное, будто ты и впрямь находишься в окопе на линии разграничения и постоянно ожидаешь услышать свист летящего в твою сторону снаряда или звук токатной дробы пулемётной очереди. Но чтобы ТАК написать, надо ЭТО пережить.

Кто бы как к нему не относился, но Захар Прилепин имеет право именно на ТАКУЮ точку зрения на то, что происходит вот уже шесть лет на краю Русского мира. Он не просто прожил в нём несколько лет, но воевал до тех пор, пока был жив Александр Захарченко, с которым Захара (какое созвучие!) связывало нечто большее, чем мужская дружба и отношения «командир-подчинённый». В сущности, перед нами портрет главы ДНР во всём противоречивом блеске его человеческого обаяния. Книга не о том, как русский писатель приехал и защищал тех, чьи взгляды и убеждения он считал правыми. Этот текст – фактический развёрнутый очерк о другом «Захаре», том самом, чья жизнь трагически оборвалась 31 августа 2018 года в центре Донецка.

Не скрою: перед нами портрет, сотворённый словесным талантом человека, чей взор видел Александра Владимировича немного под иным углом зрения. И в этой субъективности взгляда и заключена львиная доля правды её жесткого и напористого характера, которой жили и живут ныне граждане ДНР. Писатель Прилепин никак не хочет становится политиком, прослыть идеологом донецкой вольницы. Он стоит на тех фундаментальных и базовых ценностях, без которых ДНР и ЛНР рухнут мгновенно. Эти ценности конвертации не подлежат. Они заключены в том, что народ хочет жить и трудиться, как делали это предки задолго до всяких майданов (= государственные перевороты).

При всей тяжести обстоятельств, в которых существует автор, у него находится для своего беспощадного врага в лице «укропов» и «украицистов» невероятная ирония, когда Прилепин неоднократно именуется украинцев и наёмников, смотрящих на него и его бойцов сквозь прорезь прицела, «наш несчастный противник». И за этим оборотом речи вдруг возникает щемящая тоска такой нечеловеческой силы, когда буквально каждой клеточкой кожи чувствуешь циничную правду тех, кто не сидит в окопах, но тех, кто посылает людей в эти окопы; на эти линии соприкосновения, которые было бы гораздо справедливее именовать «линиями разрыва» целой страны, целого народа, для которого мы по природе своей братья. Но не по своей воле оказались врагами.

К сожалению, даже сила таланта Прилепина, энергия его высказывания, мощный посыл в сторону тех, кто находится к востоку от ДНР, не всегда оказывается к месту в некоторых отечественных элитах, воспринимающих гражданскую войну на Донбассе, как большую геополитическую шахматную партию, где могут быть и острый миттельшпиль, и цугцванг, и жертвы каких угодно фигур. Аналогичный упрек стоит не по-академически адресовать и в адрес российских

медиа. Есть определённая категория наших соотечественников, которые искренне считают, что Донбасс – это гиблое место, обитателей которого стоит пожалеть. А отправляются туда из России исключительно те, кто не смог на родине найти себе место под солнцем.

Надо ли опровергать сию снобистскую чушь тех, кто никогда не бывал в Донецке и даже не собирается туда, чтобы – не дай бог – не занесли его куда-нибудь в какие-либо запрещающие списки на въезд на территорию «незалежной и самостийной», а то и вовсе аннулировали какую-нибудь шенгенскую визу. Подобные мысли невольно возникают в сознании при чтении книги Захара Прилепина, вымолвившего однажды: «Кто-то романы сочиняет, а я там живу». А по сему, читаем эту книгу, чтобы лучше понимать не только тех, кто бьётся за право жить по-русски и говорить на русском языке, но и нас самих. История вновь дала нам шанс ощутить себя нужными для других. Попробуем не упустить его. Во всяком случае Захар Прилепин нам об этом напомнил жестокими подробностями представленной в нынешнем тексте фантасмагории, которая, на самом деле, куда жёстче реальности, донбасской реальности.

Статья поступила в редакцию 17.06.2020; принята к публикации 24.07.2020

Сведения об авторе

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26; e-mail: tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

Библиографическое описание статьи

Ильченко С. Н. Жестокая реальность фантасмагории // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 186–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-186-188.

Received: June 17, 2020; accepted for publication July 24, 2020

Information about author

Ilchenko Sergey N., Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University; 26 V. O. 1st line, Saint Petersburg, 199004, Russia; e-mail: tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

Reference to the article

Ilchenko S. N. The Cruel Reality of Phantasmagoria // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 186–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-186-188.

УДК 82(049.32)

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-189-191

Алена Олеговна Задорина,
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск, Россия),
e-mail: amaltea-20x@yandex.ru

**И ели все, и насытились
(рецензия на книгу «Изобилие и аскеза в русской литературе»)**

В рецензии представлен обзор научных работ, включённых в сборник статей «Изобилие и аскеза в русской литературе». Отталкиваясь от предложенных авторами определений «аскезы» и «изобилия», проводится параллель с бинарной оппозицией «много – мало», показаны отличия от неё по принципу процессуальности. Значительное внимание уделено центральной статье сборника, написанной М. Эпштейном, оцениваются такие её параметры, как выбор жанра, новаторство (классификация видов аскезы), верифицируемость гипотезы. На основании этого анализа сделаны выводы о достоинствах и недостатках концепции Эпштейна. Также отмечены оригинальные работы К. Цендера, Д. Уффельманна, в которых авторы соотносят понятие канонической аскезы с литературными опытами XIX, XX веков, но не экстраполируют его на все явления, связанные с отказом от чего-либо. Кратко охарактеризованы статьи, посвящённые феномену аскезы в поэзии и в прозе XX–XXI веков. Анализ материалов сборника позволяет поспорить с идеей имманентности аскезы для русской культуры и, напротив, убедиться во внешнеациональном характере исследуемого феномена.

Ключевые слова: аскеза, изобилие, Эпштейн, национальный характер, русская литература

Alena O. Zadorina,
Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia),
e-mail: amaltea-20x@yandex.ru

**And they All Ate and Were Satisfied: Review of the Book
“Abundance and Asceticism in Russian Literature”**

The review provides an overview of scientific works included in the collection of articles “Abundance and Asceticism in Russian Literature.” Based on the definitions of “asceticism” and “abundance” proposed by the authors, a parallel is drawn with the binary opposition “a lot – little”, the differences from it are shown according to the principle of procedurality. Considerable attention is paid to the central article of the collection, written by M. Epstein; such parameters as the choice of genre, innovation (classification of types of asceticism), and the verifiability of the hypothesis are assessed. Based on this analysis, conclusions are drawn about the merits and demerits of Epstein’s concept. Also noted are the original works of K. Zehnder, D. Uffelmann, whose authors correlate the concept of canonical asceticism with the literary experiences of the 19th and 20th centuries, but do not extrapolate it to all phenomena associated with the rejection of something. The articles on the phenomenon of asceticism in poetry, in prose of the XX–XXI centuries are briefly characterized. An analysis of the collection’s materials allows one to argue with the idea of the immanence of asceticism for Russian culture and, on the contrary, to make sure of the non-national nature of the phenomenon under study.

Keywords: asceticism, abundance, M. Epstein, national character, Russian literature

Название сборника статей «Изобилие и аскеза в русской литературе»¹ изначально ставит читателя в непростое положение: на первый взгляд кажется, что это классическая бинарная оппозиция, исследование которой в рамках структурно-типологического анализа позволяет иначе взглянуть на картину мира писателей. Однако, как точно отмечают многие авторы-участники, это не так, поскольку «антоним “изобилия” – скудость, бедность, нищета, тогда как аскеза – стремление к

бедности, путь сознательного воздержания, самоограничения, самообуздания» (М. Эпштейн). Состояние и процесс. Статика и динамика. Соответственно, данные понятия не образные близнецы антонимичной пары «много – мало»; если они и противопоставлены, то в рамках категории процессуальности. С другой стороны, отсутствие жёсткой антитезы указывает и на возможное соединение в одном художественном элементе обоих компонентов, причём такое соединение будет не гротескным, а естественным. Логично, что отказ от многого может быть только при условии, что это многое изначально есть (вспомним

¹ Изобилие и аскеза в русской литературе: столкновения, переходы, совпадения: сб. ст. / ред. Й. Херльц, К. Цендер. – М.: Нов. лит. обоз., 2020. – 376 с.

того же Алексия, человека Божия, о житии которого в сборнике пишет Н. В. Ковтун).

Безусловно, центральной в книге видится статья М. Эпштейна, сам жанр которой (тезисы) представляется автору как нельзя более подходящим для общей темы издания. Учёный выделяет 40 типов аскезы, значительно расширяя содержание понятия, выводя его к любому варианту осознанного воздержания. Так, например, называется мировоззренческая аскеза, подразумевающая отказ от морализма; авангардистская аскеза, которой свойственны «минимализм и геометризм формы». Такое детальное классифицирование не может оставить равнодушным, и вот почему. Действительно ли мы можем любой целенаправленный отказ от чего-то называть аскезой? Человек всегда вынужден от чего-то отказываться, и нередко – сознательно. На наш взгляд, классификация, предложенная М. Эпштейном, весьма любопытна, но её уязвимое место в том, что тогда практически любого можно назвать аскетом по тому или иному критериальному признаку. При таком подходе ставится под вопрос телеологическая значимость этой классификации.

Кроме того, название статьи «О типах аскезы в русской литературе» предполагает, что диапазон исследования будет ограничен именно словесным творчеством, в то же время отдельные виды аскезы, предложенные ученым, явно выходят за рамки литературного мастерства. Так, авангардистская аскеза рассматривается только через визуальные искусства: «Минимализм и геометризм формы, истощение зрения. От реальности остаются только кости, торчащие рёбра кубических супрематических конструкций, визуальных абстракций. “Чёрный квадрат” К. С. Малевича – икона изобразительной аскезы». Возникает вопрос: «Почему внутри классификации аскезы в литературе оказываются объекты изобразительного искусства?».

Из приводимых М. Эпштейном примеров не всегда прочитывается собственно национальный (русский) характер аскезы. Тот же кубизм, аскетический морализм, жанровая аскеза – суть явления мировой культуры. На наш взгляд, это формирует в сознании читателя спорное представление о том, что все 40 выделенных типов аскезы свойственны именно отечественной литературе, в то время как при достаточном желании примеры к ним можно найти в искусстве и других народов.

Из очевидных достоинств статьи Эпштейна нужно отметить введение понятия «псевдоаскезы», которое определяет не осознанное стремление к самоограничению, а вынужденное, вызванное бедностью, болезнью, войной. В динамике различие между аскезой и псевдоаскезой хорошо вычленяется, но, если мы имеем дело с готовым результатом, определить этиологию становится непросто.

Интересное развитие идей о соотношении аскезы и псевдоаскезы представлено в замечательной статье Д. Уффельманна «Рабочая аскеза в исправительно-трудовом лагере? Мировой подвиг Ивана Денисовича». Вопросительная интонация, звучащая в заголовке статьи, неслучайна: автор вначале последовательно разбирает действия героя Солженицына, сопоставляет их с понятием аскезы, в том числе трудовой, но подчёркивает парадоксальность обнаруженного: если православная аскеза направлена на обретение Бога, то в рамках лагерной прозы писателя прочитывается иная цель героя – банальное выживание: «...“аскеза” Ивана Денисовича практикуется без установки на трансцендентное».

При исследовании аскезы, аскетических установок героя в литературе одним из ключевых вопросов становится конфликт героя-аскета с окружающей его действительностью. К. Цендер, анализируя литературу XIX–XX веков, отмечает, что несмотря на то, что высшей целью аскета является Благо (в том числе общественное), он не воспринимается социумом как положительный герой, вызывает отторжение – и сам сторонится общества, «даже тогда, когда он своим примером непосредственно влияет на социум». Любопытным представляется также наблюдение исследователя за соотношением понятий «аскеза – святость – героизм». Если изначально аскеза – путь к православной святости, то в XX веке она сопряжена с героическим подвигом, что подтверждается множеством произведений, в том числе и соцреалистических.

В поле зрения исследователей попадают и поэтические тексты, аскетический характер которых обусловлен отказом от классической манеры стихосложения. Так, И. Кукуй размышляет о «нищих мыслях» у А. Введенского, Э. Ландольт – о московском концептуализме, О. Ханзен-Лёве пишет о языковом посте у Д. Хармса. Контрастом к названным работам выступают статьи о сложном феномене избытка-аскезы, сами названия которых построены на приёме

окуморона: «Прекрасная нищета и безбожное изобилие: экономика Мандельштама» (Й. Херльт), «Аскеза на фоне изобилия: Борис Акунин и “Приключения Пелагии”» (Марша А. Моррис), «“Лошадиный суп” Владимира Сорокина: от изобилия к аскезе» (К. Ичин), «Жизненная аскеза и стилистическое изобилие: “Лавр” Евгения Водолазкина» (У. Шмид). В последней из перечисленных, помимо антитетичного заголовка, хотелось бы отметить и структурный эклектизм: статья разбита на части, но логика их сочетания не всегда понятна.

Мотивам аскетического поведения в произведениях русской классической литературы XIX века в той или иной мере посвящены статьи Оге А. Ханзен-Лёве (обзорная работа с широким контекстным полем), А. Корчинского (об экономике в романе Н. Г. Чернышевского), К. Анисимова. В статье К. Анисимова феномен аскезы как таковой практически не исследуется, на что указывает и низкая частотность употребления данного понятия и его синони-

мов в тексте, и название «Лёгкость и полёт: нарративный диалог И. Бунина с Л. Толстым о душе и теле». Репрезентативность аскетического подвига в его функциональных разновидностях (отшельничество, монашество, юродское странствие) в литературе традиционалистов с акцентом на творчестве В. Распутина показана в статье Н. Ковтун «“Этическая эстетика” аскетизма в модели мира современного русского традиционализма».

В заключение отметим: сборник предлагает несомненно новый, перспективный подход к исследованию таких краеугольных понятий, как «изобилие» и «аскеза», но они не являются сугубо характерными для русской литературы, как можно было бы предположить после прочтения книги, они вненациональны. Расширение семантического поля этих понятий даёт и выход на новый уровень анализа текста, и обнаружение бесчисленных метафизических лабиринтов, ведущих не только по кругу, но и к Истине.

Статья поступила в редакцию 05.09.2020; принята к публикации 12.10.2020

Сведения об авторе

Задорина Алена Олеговна, кандидат филологических наук, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79; e-mail: amaltea-20x@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6185-4750>

Библиографическое описание статьи

Задорина А. О. И ели все, и насытились: рецензия на книгу «Изобилие и аскеза в русской литературе» // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 189–191. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-189-191.

Received: September 5, 2020; accepted for publication October 12, 2020

Information about author

Zadorina Alena O., candidate of philology, Siberian Federal University; 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia; e-mail: amaltea-20x@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6185-4750>.

Reference to the article

Zadorina A. O. And they All Ate and Were Satisfied: Review of the book “Abundance and Asceticism in Russian Literature”// Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 189–191. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-189-191.

ЗВЕНЯЩАЯ СТРУНА: ДУША УЧЁНОГО

A RINGING STRING: THE SOUL OF A SCIENTIST

*Поэтическая рубрика памяти выпускающего редактора
Галии Дуфаровны Ахметовой (Нины Ганьшиной)*

Галия Дуфаровна АХМЕТОВА

*доктор филологических наук,
профессор*

Ах, как тихо, ясно и тревожно

Ах, как тихо, ясно и тревожно,
Позабыв про солнечное лето,
Осень красит листья осторожно
Царской кистью золотого цвета.

Отрыдает колокол усталый,
Возвестив о Спасе Божьим людям.
И довольствуясь на свете малым,
Мы о прошлом тихо позабудем.

Зелёным облаком с небес...

Зелёным облаком с небес
Глядит заспавшееся лето.
Рождественский вздыхает лес,
Забыв весёлые куплеты.

Спустилось облако с небес
Декабрьскую послушать вьюгу,
И призрачный струится лес
Под первозданным лунным кругом.

И рифм остатки растеряв,
Смотрю на мир светло и тихо.
И поднимается заря
Оранжевою облепихой.

Вячеслав Исаевич ТЕРКУЛОВ

*доктор филологических наук, профессор,
Донецкий национальный университет;
академик,
Международная славянская академия наук, искусств,
образования и культуры,
e-mail: terkulov@rambler.ru*

Космос

Перед выходом в открытый космос утренней свежести,
Держась за ручку подъездной двери межпланетного корабля
Дома,
Ты переполнен какой-то нелепой, бессмысленной нежностью,
Предвосхищение выхода в открытый космос боготворя...

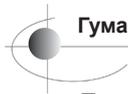
Ты открываешь дверь, впуская рассвета непрочность,
Птиц гомонящих, поющих на ветках какую-то ерунду,
Шарканье дворников, лепет детей, крик молочницы
В лёгкие,
И задыхаешься на ходу...

Ты сегодня почти Гагарин, вернее, Леонов,
Гагарин... Леонов... О чём ты думаешь? Какая разница?
Ты надеваешь на себя космос –
Утренний, терриконный
И путешествуешь по нему, шатаясь, как невыспавшийся пьяница.

Ты шатаешься, ты медведь-шатун, ты очнулся от спячки,
Ты вышел в космос из берлоги своей словарной работы.
Ты даже не помнишь, на что ещё вчерашний день был потрачен –
Ты даже не знаешь, что вчера была среда, а не суббота.

Но это неважно, день проживается, чтобы быть пережитым,
Чтобы где-то на клавиатуре осталась неосознанная рифма
О том, что ты в космосе, что ты уже вышел на орбиту
Наступившего утра, несущего в себе все признаки мифа.

Пятьсот шагов от подъезда к автобусной остановке
В метеоритном дожде, в астероидах машин, порождающих скорость....
Ты становишься персонажем в утренней акварельной зарисовке
Разноцветной художницы, рисующей космос.

Дмитрий Леонидович СТРОВСКИЙ

*доктор политических наук, профессор,
исследователь СМИ,
Ариэльский университет,
e-mail: strovsky@mail.ru*

Шалом, Тель-Авив!

Старые харчевни Тель-Авива,
Вкус жары с горчицей вперемешку,
Из кафе напротив пахнет рыбой,
Из кафе поодаль пахнет гречкой.

А вон там, под деревом лимонным,
Что растёт у старенькой кофейни,
Столики стеснительно и скромно,
Ждут с утра полуденной обедни.

Солнце, раскалённое в зените,
Плавится асфальт чуть-чуть устало,
Ноты томно-южной Рио-Риты
Долетают с бывшего причала.

А напротив, в здешней колокольне,
Звук небесный сверху раздаётся.
Будто ангел в образе фривольном
Ждёт, когда его Господь проснётся.

Чтобы не случилось нынче в мире,
Чтобы вслух провидцы не сказали,
Как и прежде, в знойном Тель-Авиве
Пахнут югом стены и подвалы.

Этот запах мне ни с чем не спутать,
Я сроднился с ним чуть больше года.
И готов его вдыхать и слушать
В солнечные дни и в непогоду.

Им уже пронизана природа
Моего родного ощущенья,
Тель-авивский запах к небосводу
Двигается легко, без прегрешений.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/ основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – **на русском языке** строчными буквами (не заглавными), **на английском языке** – с заглавной буквы пишутся все слова названия, кроме артиклей: a, an, the; союзов: and, but, nor, or, предлогов короче пяти букв, частицы to перед инфинитивом.

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы.

Название блоков выделяется полужирным шрифтом.

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить References согласно следующим требованиям:

- автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);
- название работы/ источника (перевод на английский язык);
- выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация);
- указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объем цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объема статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170 × 240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объема статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7(3022) 35-24-79

SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared should not exceed 40,000 characters with spaces.

Genre	Minimum length
Research article (theoretical or empirical articles that contain the main results obtained by the author)	0.5 printer's sheet (20,000 characters)
Scientific reports and papers	0.3 printer's sheet (12,000 characters)
Reviews	0.2 printer's sheet (8,000 characters)

SUBMISSION PACKAGE

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's surname and the title of the article.
2. Electronic version of publishing agreement.
3. Information about the author.

THE STRUCTURE OF THE PAPER SUBMITTED TO THE EDITORIAL BOARD

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Author's name, patronymic (middle name), surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (permanent place of work or place of a research project) in Russian and English.

Mail address (in Russian and English).

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, as, that, etc.* – when fewer than 5 letters are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of research and should include background, aims, methods, results, and conclusion but should not contain any references.

Keywords or **word combinations** (5–7) are separated by a comma (in Russian and English).

The body text of the paper should include the parts: Introduction, Methods, Results, Discussion, Conclusion. **The names of the parts should be in bold type.**

The paper should include in-text references to the works cited. References are given in square brackets, indicating the source number and the page number, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon [1; 3; 4].

References are arranged in alphabetical order and should include no less than 15 sources including no less than 5 foreign sources. References in foreign languages should follow references in Russian.

Textbooks, social and political essays, archives, reference, dictionary and legislative materials are mentioned after "References" in the section "**Sources**", they are continuously numbered or are given in the text of the paper as footnotes (in the bottom of the page). A footnote marker is the Arab figure, per page numbering.

The list of references is made out according to state standard specification (GOST) P. 7.0.5-2008. For each source the publishing house, total of pages are surely specified.

References in Russian should be translated into English and meet the following requirements:

- author (s) (transliteration in BSI, BGN formats);
- title of the work/source (English translation);
- imprint: city, publishing house, year of publishing, volume/issue, pages (transliteration);
- source language (in Rus.).

Selfcitations should not exceed 20 %.

Citations should not exceed 30 %.

ARTICLE FORMAT REQUIREMENTS

Languages of publications: Russian, English, China.

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom –2 cm, left and right –2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

If using additional languages in a manuscript, a PDF copy should be submitted.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s (authors’) names.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. **All captions in Russian and English** should be attached as a separate list to the article.

Figures must not exceed 1/4 length of the text.

Papers that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to zab-nauka@mail.ru

Address of the Editorial Board

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, The Editorial Board (Room 126)

Executive Secretaries

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7(3022) 35-24-79